4
М-34

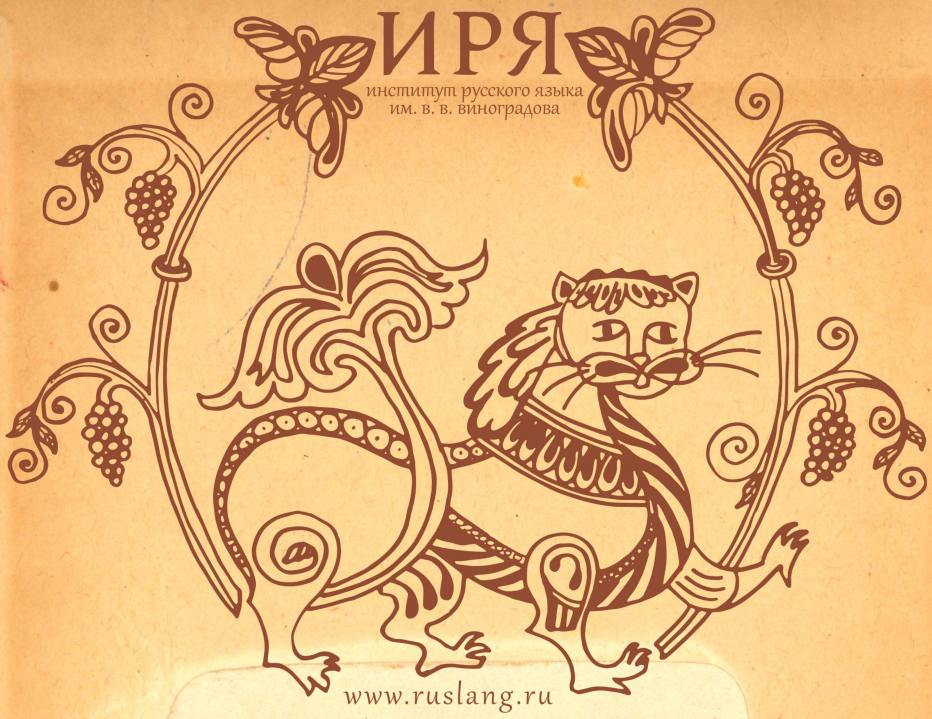
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ТОМ
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

ПРОВЕРЕНО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ТОМ
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1949

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
академик С. П. ОБНОРСКИЙ
профессор Р. И. АВАНЕСОВ
и профессор Ф. П. ФИЛИН

4
М-34
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
БИБЛИОТЕКА
МО. ЯЗ. И МЫШЛЕНИЯ АН. СССР
38902.

С. С. ВЫСОТСКИЙ

О ГОВОРЕ д. ЛЕКА

(*По материалам экспедиции 1945 г.*)

В декабре 1912 г. и в апреле 1915 г. д. Лéка Егорьевского уезда Рязанской губернии (теперь Коробовского района Московской области) посетил с целью диалектологического обследования академик А. А. Шахматов. Результатом этих поездок явилась известная его работа: „Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии“ („Известия Отделения русского языка и словесности“,[1] т. XVIII, кн. 4, 1913 г., то же отдельный оттиск,[2] изд. АН, СПб., 1914).

Летом 1945 г. в Леке работала одна из групп экспедиции Института русского языка, собиравшей сведения для Диалектологического атласа. Члены экспедиции задались целью, кроме собирания сведений по „Программе“, отыскать здесь следы пребывания Шахматова, сопоставить его наблюдения с современными данными диалекта, а также уяснить себе некоторые интерпретации Шахматова в области фонетики.

Новые исследователи оказались в более выгодных условиях: ориентации в местном говоре им содействовал материал, собранный самим Шахматовым, а в литературе, вышедшей после его работы в Леке („Опыт диалектологической карты“, статьи о соседних говорах Н. Н. Дурново, Д. В. Бубриха, М. Н. Петерсона и др.), обнаружились основания для ряда сопоставлений и объяснений лекинских диалектных фактов. Этому

[1] В дальнейшем шифр „Изв. ОРЯС“.

[2] Материал Шахматова цитирую здесь по этому оттиску, сокращенно обозначая его „Лека“.

же способствовали и новые наблюдения, сделанные самой экспедицией не только в Леке, но и в ее окрестностях.[1]

Особое место надо уделить воспоминаниям о работе Шахматова в Леке, а также сведениям о лицах, говор которых послужил ему для наблюдений. О пребывании Шахматова здесь помнят не только в родне Ивана Степановича Гришкина, первого его лекинского собеседника, а впоследствии и корреспондента (см. „Лека", стр. 3 и след.). Некоторые лекинские старожилы, например, председательница колхоза Татьяна Константиновна Карпова (ей сейчас около 60 лет) и другие, рассказывают, что Шахматова сперва приняли за охотника. (Крестьяне, выследив в „берлу́ге" медведя, обычно „запродавали зверя живьем", т. е. сообщали о нем в Московский охотничий клуб; поэтому в окрестностях Леки бывала „московская охота".) Шахматов в свои два приезда в Леку жил здесь недели по две. Утром к нему собирались на чаепитие старухи; они рассказывали про старинную жизнь и „не стеснялись прямо с утра петь песни", а Шахматов „все писал и писал, бумаги много изводил, дарил потом старух чаем и сахаром".

И. С. Гришкин, этот замечательный самородок с ярко выраженными филологическими способностями, умер перед Великой Отечественной войной в г. Сасове Рязанской области. В двадцатых годах он вступил в ВКП(б), в последние годы своей жизни работал судьей в соседнем с Лекой селе Пышелицах. В Леке сейчас живет его племянник Андрей Павлович Гришкин (член колхоза, часто наезжает в Москву плотничать) с женой Александрой Романовной, о свадьбе которых „книжка напечатана", как рассказывают в Леке и соседних деревнях; очевидно, имеется в виду описание этой „свадьбы в Ялмоти", сделанное самим И. С. Гришкиным (опубликовано в Сборнике ОРЯС АН, № 95, 1, стр. 76; перепечатано в „Хрестоматии по русской диалектологии" Еремина и Фалева, стр. 103). Там говорится

[1] Из практических соображений книгу Шахматова о Леке участники экспедиции прочли вновь здесь же на месте только после восьмидневной работы, когда накопились свои записи живой речи и создалось представление о характере данного говора.

о том, как „задумали нашива Андрюху женить", а невесту звали „Санькя". Когда участники экспедиции показывали в Леке книгу „Описание лекинского говора", некоторые из местных жителей сообщали, что „читали" ее, только давно.

Начиная с конца двадцатых годов, в Москву переселилось много лекинских крестьян, в их числе и дочь А. П. Гришкина — Мария (работает на заводе) и его брат Иван Павлович Гришкин (работает столяром на автобазе) со своей женой Анной Григорьевной, также лекинской уроженкой. Мы воспользовались возможностью продолжить наблюдения над процессом распадения лекинского говора и здесь в Москве, слушая речь этих членов семьи И. П. Гришкина и посещающих их земляков.

Восточная окраина Коробовского района Московской области (территория б. двух волостей Егорьевского уезда — Лекинской и Архангельской), в центре которой расположена д. Лека, носит неофициальное название Ялмоть (по р. Ялме, называемой теперь чаще Варнов) и представляет некоторое единство как в этнографическом, так и диалектологическом отношении. Лекинский колхоз, известный в районе своим зерновым и молочным хозяйством, относится к числу передовых во всей округе. Отходный промысел — плотничество — попрежнему вызывает значительный отлив мужской части населения в города (главным образом в Москву), так что к числу характерных местных этнографических признаков относится широкое применение женского труда во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Здесь широко распространена грамотность населения всех возрастов, включая стариков; в самой Леке свыше 60 лет существует начальная школа, а в 3 км отсюда, в с. Пышелицы, находится полная средняя школа, основанная в первые годы революции.

Современное состояние говора д. Леки можно представить лишь в связи с общей диалектологической характеристикой всей округи. На лингвистической карте д. Лека расположена на узкой полосе (от 30 до 40 км шириной) среднерусских говоров между сплошными массивами севернорусских и южнорусских наречий.

Показанные Шахматовым основные черты архаического слоя местного говора существуют до сих пор: мы находим здесь, по сравнению с литературным языком, кроме *а*, *е*, *и* (*ы*), *о*, *у*, еще две фонемы: *ô*, *ê*, аканье, еканье, результат стяжения гласных, взрывной *г* с его оглушением в *к*, ассимилятивное смягчение задненебных (н'к'а), сохранение среднего рода в формах склонения и согласования, отсутствие конечного *т* в формах 3-го лица глаголов в ед. ч. и наличие *т* твердого во мн. ч.; ударение и лексический состав, в основном, северного типа.

Наиболее выдержанный вид ялмотского говора, близкий к его архаической форме, зафиксированной около 40 лет назад Шахматовым, хорошо сохранился сейчас не в самой Леке, а в так называемых „лесных" деревнях (особенно в д. Коренéц), — в группе селений северной окраины Ялмоти, позади которой расположено обширное ненаселенное и почти бездорожное пространство (заболоченные леса, болота) в виде полосы до 25 км шириной. Эта пустыня образует резко выраженную диалектную границу; за нею лежит массив севернорусского наречия. В 35 км к северу от Леки находится с. Пустошá, севернорусский говор которого описан Д. В. Бубрихом („Фонетические особенности говора с. Пустошей", „Изв. ОРЯС", т. XVIII, кн. 4, 1913 [1]). В говоре Пустошей до сих пор сохраняются особые фонемы *ô*, *ê* и непалатализованные согласные перед некоторыми гласными переднего ряда. Западнее округи с. Пустошей расположены окающие говоры окрестностей Шатуры. Сведения об одном из них находим в статье М. Н. Петерсона („Говор с. Дорофеева Московской области, Орехово-Зуевского района", „Труды Московского института истории, философии и литературы" т. V, 1939). Вблизи, по материалам Московской диалектологической комиссии, около 40 лет тому назад было зафиксировано *ô*, теперь, видимо, исчезнувшее (д. Васютино 6. Петровской волости). За два года до обследования Ялмоти Шахматовым, по этой местности с запада на восток прошли в одной из своих

[1] В дальнейшем эта работа условно обозначается „Пустоша".

экспедиций Н. Н. Дурново вместе с И. Г. Голановым (они побывали в 2 км от Леки). Методом экстенсивного наблюдения ими обнаружено наличие *ô*, *ê*, свойственное говорам всей данной округи („Отчет экспедиции для определения границы оканья и аканья", Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 3, стр. 165[1]).

На запад от Ялмоти лежит болотистый лес шириной до 20 км. За ним, по наблюдению экспедиции 1945 г., находится акающий говор селений остальной части Коробовского района и далее — Егорьевского района, где в с. Починках (по материалам Московской диалектологической комиссии) было зафиксировано *ô*. Западнее Егорьевского района известны по работам Н. М. Каринского одни окающие, другие акающие говоры территории б. Бронницкого уезда, не обнаруживающие, повидимому, в своем вокализме особых фонем *ô*, *ê*.

Южные пределы Ялмоти соприкасаются с узкой полосой говоров с явной южнорусской основой (с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, с *г* взрывным, но при соответствующем ему в известных положениях глухим согласным *х*). При этом в данных говорах также сохраняются фонемы *ô*, *ê*, например, в д. Харлампееве Коробовского района. Еще южнее лежит заболоченный лес шириной в 30 км. В „залесных" деревнях уже начинается зона южнорусского наречия. В 50 км на юг от Леки находится д. Новоселки, в говоре которой, по описанию Тоньшина („Труды Московской диалектологической комиссии", вып. 3), отмечены *ô*, *ê*.

С востока Ялмоть отграничена от территории б. Касимовского уезда цепью озер с топкими берегами. К востоку от озер встречаются севернорязанские акающие говоры, известные по работам Будде, а также по неопубликованным материалам ряда экспедиций Московского городского педагогического института и Московского государственного университета (1939—1946 гг.). В ряде говоров за озерами также отмечены признаки, сходные с лекинскими, в том числе и фонемы *ô* и *ê*.

[1] В дальнейшем эта работа условно обозначается „Отчет".

Шахматов указывает („Лека", стр. 2), что по полученным им (с чужих слов) сведениям население Ялмоти, или по-старому Ялмата, противопоставляет себя по быту и языку северной залесной территории, восточной-заозерной и южной. „Совершенно ясно, что издревле Ялмат определялся с трех сторон, северной, восточной и южной, этнографическими границами, между тем как с запада население Ялмата сливалось с однородным населением других частей Егорьевского уезда. Теперь эта граница резко определяется особенностями живой речи" („Лека", стр. 8).

Однако теперь мы располагаем более полным материалом о всех говорах, окружающих Ялмоть, так что общее положение говоров Ялмоти среди соседних вырисовывается в ином, более сложном состоянии.

На примере Ялмоти обнаруживается известный многим на практике, но не освещенный достаточно в литературе факт, что обособленная этнографически и диалектно группа населения иногда охотно указывает на границы своей территории со всех сторон, но не со стороны центра культурного и бытового тяготения. В данном случае этот центр — Москва и на пути к ней — Егорьевск, расположенный к западу в 75 км. На этом же пути в 20 км лежит новый районный центр — Дмитриевский Погост, он же Коробово. Именно к Москве на запад тянутся радиусами местные основные магистрали: старый ямской тракт „Касимовка", вновь оживленный теперь автотранспортом, и Горьковская ж. д. (станция Черусти в 30 км к северу от Леки). В Москву же ездят преимущественно через Егорьевск. Большинство из местных жителей издавна не имело активных бытовых связей с севером, востоком и югом. Окраины Ялмоти с этих трех сторон представлялись когда-то как границы культурного мира: за лесом и озерами живут „мамáи", „курша́ки", „баля́ки" и т. д. („Лека", стр. 2), которые одеваются не так, как в Ялмоти (там дольше сохранялся южнорусский женский костюм — панева и „рога"), и говорят-то там по-другому, а здесь, в Ялмоти, наречие „чистое", „такое же или почти такое, как в Москве", как „в сторону Егорьевска". (Отмечено и такое крайнее высказывание: „за озером — там и люди не живут".)

Не повлиял ли характер таких „местных идей“ на заключение Шахматова о том, что с запада Ялмоть не отграничивается в бытовом и диалектном отношении?

На самом деле, в западной части Коробовского района зафиксированы существенные диалектные отличия. Население там не признает себя одинаковым со своими восточными соседями ни по быту, ни по языку, опять-таки указывая на свой более чистый говор, будто бы совсем „схожий с московским“. Это стремление всячески отгородиться от своих „серых“ восточных соседей мы встретили и еще далее на запад, уже в Егорьевском районе. Там прямо указали, что жителей некоторых деревень южной окраины Ялмоти называют „мещорой“, что равнозначно кличке „лапотник“, „житель серой стороны“. Этот термин в самой Ялмоти в настоящее время будто бы не известен.[1]

Надо думать, что при возрастании мощного центростремительного влияния Москвы, возможно, бывшие прежде активными бытовые связи и диалектные взаимоотношения Ялмоти с соседями, оказавшимися на другом „радиусе тяготения“, со временем затормозились или совсем прекратились. (Ср., например, полное отсутствие бытового контакта с живущими в 20 км от Ялмоти к северу „окальщиками“, благодаря чему здесь осуществилась такая абсолютная по четкости диалектная граница.) То же можно сказать об отношениях с местностью южнее тракта „Касимовки“, где сохраняется много основных южнорусских признаков речи и быта (в этой округе встречаются уже избы южнорусского типа, с четырехскатными крышами, с фасадом на улицу, не характерные для Ялмоти, где вообще обычны высокие избы в 20—22 венца на подклетах, обращенные на

[1] В некоторых деревнях так называемого Мещерского края, например, в Елатомском районе Рязанской области, Курловском районе Владимирской области, приходилось наблюдать, как местные жители крайне неохотно признаются, что им знакомо употребление этого слова, что *мещорой* их некогда называло население степной части Рязанской области, причем термин „мещора“, якобы, никогда не был названием определенной местности, а тем более самоназванием ее населения.

улицу фронтоном). Бездорожье с восточной стороны повлияло на слабость связи Ялмоти с заозерной территорией, что не могло не отразиться и на характере существующих ныне изоглосс.

Ниже приводятся данные о некоторых современных чертах архаического слоя лекинского говора, повторяющие или дополняющие наблюдения Шахматова. Расхождения с рядом параллельных пунктов его „Описания" вызваны отчасти изменением речи местного населения, а отчасти иной интерпретацией одних и тех же фактов.

О ФОНЕТИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ГОВОРА

Согласно своему методу, Шахматов не выделил фонематического состава лекинского говора, а взамен этого дал перечень акустически различаемых в нем звуков („Лека", стр. 7, 23, 24, 34 и след.).

Звуковая сторона живой речи не могла здесь абсолютно перестроиться в своих основах за такой сравнительно небольшой отрезок времени между двумя наблюдениями, а изменилась, главным образом, в степени и характере употребления заимствованных элементов.

Новые непосредственные впечатления от фонетики говора вынуждают сделать ряд замечаний, частью согласных, а частью не согласных с заключениями Шахматова.

Без противоречия фактическому материалу книги о Леке в архаическом слое лекинского говора и теперь обнаруживается наличие семи гласных фонем: всех, принадлежащих литературному языку, и еще двух — *ô* и *ê*.

Первая из этих двух фонем, как известно, восходит к *о* с акутовым ударением, вторая — к *ѣ*. Подробно о произношении *ô*, *ê* в ударном слоге будет сказано ниже. Судьба их в безударном положении совпадает с судьбой фонем *о*, *е* (незакрытых), в соответствующих условиях, т. е. в системе безударного вокализма при здешнем аканье и еканье.

В живой речи более или менее часто можно наблюдать вытеснение этих фонем акустически близкими к ним фонемами

о, *е* как результат влияния литературного языка с его составом гласных. Смешение двух систем вокализма — с 7 и 5 гласными — представлено во всех слоях современного лекинского говора, причем у носителей его новейшей формации абсолютно преобладает последняя система.

Сравнительно выдержанный тип вокализма с *ô*, *ê* мы имели возможность наблюдать лишь у отдельных лиц — уроженцев Ялмоти преимущественно престарелого возраста.

„*о* закрытое "(*ô*). Шахматов определяет качество основного вида этой фонемы (в его обозначении ω — см.„ Лека", стр. 12) как „звук, средний между *у* и *о*, или как сильно лабиализованное *о*". По новым наблюдениям мы находим лекинское *ô* по артикуляции в пределах гласных заднего ряда средневерхнего подъема (по международной транскрипции, как ее применял в своих известных работах Л. В. Щерба,[1] это надо изобразить буквой *о*).

Вторая половина определения Шахматова („или как сильно лабиализованное *о*") основано, вероятно, на акустическом впечатлении. Этот момент не должен затемнять того факта, что здесь характерно именно более высокое положение спинки языка по сравнению с артикуляцией обычного русского *о* среднего подъема (в международной транскрипции — *ɔ*). Но при этом правильно будет и указание („Лека", стр. 12) на постоянное присутствие здесь более сильной губной работы, чем при *о* (*ɔ*). Благодаря ей согласные в слоге перед *ô* обнаруживают довольно доступные для восприятия признаки усиленной лабиализации, что особенно заметно при губных, когда, например, противопоставляются слоги *бô* и *бо* в примерах *рабôта* и *бор*.[2] (Ср. замечание учителя Валовской школы В. И. Зайцева, сделанное

[1] Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Л. — М., 1937, стр. 23; изложение материала лекций Л. В. Щербы в книге М. И. Матусевич „Введение в общую фонетику", Л., 1941, стр. 63. В дальнейшем приводятся ссылки на эту работу, что фактически является обращением к материалу Л. В. Щербы.

[2] В следующих примерах лабиализация согласных в транскрипции не показывается.

в разговоре с участниками экспедиции: „Ученики в некоторых словах выворачивают губы перед *о: работа, гнездо*, а в некоторых не выворачивают: *бор, дом*. Это особенно заметно при тщательном выговоре слов".) Для акустической характеристики *ô* можно привести тип его звучания в более доступных примерах: оно сходно с *о* во французском *beau*, в немецком *Sohn* или даже несколько выше, т. е. ближе к *у* (момент долготы исключается), при учете того, что в упомянутых языках задний ряд лабиализованных гласных, в противоположность гласным этой категории в русском языке (в частности, в данном говоре), несколько продвинут вперед (ср. Матусевич, стр. 66).

Человеку, привыкшему к сфере русского литературного произношения, *ô* „акустически напоминает скорее *у*, чем его *о*" (Щерба. Фонетика французского языка, стр. 48). Этим и объясняются характерные „описки" в тетрадях членов нашей экспедиции: *му́й, ахýтн'ик'и, завýды, б'ерлýк* („берлога"), *валýга* (сборное название для молочных продуктов в значении „сдоба"; по конструкции — полногласная форма к „влага" [1]).

Не отражает ли иногда и запись Шахматова такое ошибочное восприятие? У него мы находим *сакýлик, нафс'ýj* („Лека", стр. 17). Ср. также у Будде: в соседнем касимовском говоре им отмечено *обýры* („К истории великорусских говоров", стр. 24), чему в диалектологических словарях соответствует *обóры*. В Леке есть слово *абóры*. В записях экспедиционной группы, работавшей в 1945 г. в близлежащей местности за

[1] Иногда при беседах с объектами происходили „недоразумения" такого рода: в соседней д. Перхурово мы переспросили старика, рассказывающего о медвежьей охоте, что такое упомянутый им „берлук". „Да не берлук, а берлук", таким показался нам ответ. В дальнейшем форма им. п. *б'ерлôк*, род. п. *б'ерлôга* стала ясной для восприятия. В д. Харлампеево мы записывали на-слух названия окрестных селений. В их перечне нашлась пристань „Луфцы", но по карте этому соответствовало „Ловцы". Какую же букву надо писать: *о* или *у*? Наша собеседница — местная крестьянка, мать учителя И. Крупинкина, ответила: „Я и говорю букву *о*: *Лóфцы*". Только после этого мы расслышали здесь и правильно воспроизвели *Лôфцы*.

озером, при наличии обильного там материала с *ô* находим примеры: *марýзъм* (твор. п.), *пудýф* (род. п.), *фс'ý* („все"). Возможно, сюда же относятся *заадну́* (заодно).

Во всех слоях изучаемого говора происходит процесс вытеснения *ô* посредством *о*. При этом может оказаться, что в ряде слов в силу каких-либо причин „отстоялось" звучание *ô*, настолько близкое к *у*, что этот звук уже осознается фонемой *у* и в дальнейшем еще ближе „подтягивается" к ней в своем образовании и тогда уже не подлежит замене гласным *о*. Это может осуществиться в формах, не представляющих легких путей для аналогии. Ср., например, *берлук*, *валуга* — с ясным *у*, записанные даже от лиц, не употребляющих в своей речи особой фонемы *ô*. Как раз эти слова в говоре одиноки, трудно или совсем не сравниваются с группами родственных слов и по лексикологическим причинам не могут легко соотнестись с литературным образцом, чтобы „восстановить" здесь произношение *о*.

Как и в других русских говорах, гласный *ô* известен здесь в факультативном варианте *у͡о*, обычно с равномерным распределением силы звучания на протяжении всего слога. Возможно, что начало этого полифтонга (или „истинного дифтонга" по Щербе — см. Матусевич, стр. 61) иногда артикулируется ниже, чем место образования *у*, а конец — выше положения *о*. Важно лишь постоянное присутствие здесь скользящего перехода от верхней к более низкой степени подъема языка и связанного с этим более или менее быстрого и постепенного изменения тембра звука в пределах от *у* до *о*. Иногда в этом образовании замечается некоторое акустическое преобладание первой, а иногда последней части. У Шахматова находим запись *ў͡о* — с *у* „кратким" („Лека", стр. 12), хотя он указывает на немногочисленность вообще случаев появления здесь неоднородного гласного. Но его современнику, И. С. Гришкину, образование такого типа гласного (Гришкин определяет его как *ў͡о*, *у͡о*), очевидно, не менее привычно, чем монофтонг *ô* („Лека", стр. 4). Мы смогли наблюдать эту разновидность фонемы *ô* довольно часто, особенно в тщательном произношении слов, а также при

замедленном темпе речи. Яркость переходной шкалы от *у* до *о* достигает своего предела при эмфатическом растяжении слога: *бывáлъ пр͡уос'иш, пр͡уос'иш; т'еплу͡о! гат͡уоф! ры́бы мн͡ога; к͡уошка, к͡уошка...* (повторено много раз под ряд: мальчик кого-то дразнил этим словом). У того же лица, от которого записан первый пример в том же тексте, отмечен случай такого же растяжения фонемы *о* (незакрытого), которая остается при этом монофтонгом: *дōма, дōма, пажáлт'ь.*

Какого-нибудь преимущественного употребления в составе определенных форм или слов *у͡о* по сравнению с *о̂* или закрепления в подобных случаях каких-либо вариаций силового распределения внутри полифтонга здесь не замечено. Такое разграничение наблюдалось в соседнем говоре Д. Бубрихом („Пустоша", стр. 314), где, например, он устанавливает характерность *у͡о* с более сильным *о* именно в полногласных формах.

Возможно, что в некоторых слоях говора *у͡о* является основным видом этой фонемы, а за *о̀* мы иногда принимаем не расслышанный, слишком быстро образованный на коротком отрезке верхней части шкалы *у͡о* полифтонг, когда в сознании отражается лишь наиболее резкий штрих отличия этого звука от *о* среднего подъема.

По вопросу о положении фонемы *о̀* в структуре слова можно добавить немного примеров к тем, что приведены Шахматовым. Известно, что в зависимости от истории явления *о̂* исконно наблюдалось лишь после твердых согласных и не начинало собой слога. Записано еще несколько слов с новым *о̂* в положении после мягких и бывших некогда мягкими согласных в известных морфологических категориях, где *о̀* перенесено „по аналогии из положения после твердой согласной" („Лека", стр. 16): *с'в'ежо̀, гър'еч'о̀* (по образцу *т'еплò* и т. д.); *л'ицо̀, кал'цо̀, jеццо̀* (как *акно̀*); в твор. п. существительных на *-а: афцо̂ц, душо̂ц* (как *с'естро̀ц*); то же после мягких согласных: *квашн'о̀й, бад'jо̂й, важ'о̂и*; в род., дат., предл. падежах прилагательных: *цужо̂и, м'ен'шо̀и.*

В речи тех же лиц отмечено: *с'в'ежо́, гър'еч'о́, л'ицо́, афцо́ц*, а также *пл'еч'о́, крыл'цо́, кл'ешн'о́ц* — примеры с открытым *о*.

Из-за указанного выше смешения в данном говоре двух типов вокализма нельзя расчленить, что́ является исконным сохранением *о* в подобных случаях, а что́ — новым проникновением *о* на место *ô*.

В новых для говора словах, заимствованных из городской речи, встречаем обычно *о*: *калхо́с*, *калхо́зы*, *калхо́знац*, *партко́м*, *парто́рк*, *парто́рга*, *мато́р*, *мато́рнъца*, *канто́ра*, *б'ето́н (бидон)*, *ваго́н*, *платфо́рма*, *бо́мбы*, *с'ило́с*, *с'ило́снъца*. Но в заимствованиях с *о* конечным нередко подставляется возможное для такого положения в данной фонетической системе *ô*: *пал'ту͡ô*, *к'ину͡ô*, *к'илу͡ô* (или *к'инô*, *к'илô*); отсюда и *к'илу͡омьтры*, *к'илу͡ом'ьтръф*. В порядке смешения встречаются и чуждые для архаической системы вокализма формы типа *к'ино́*, *пал'то́*. Можно указать на обычное теперь произношение *jегóр'цьфск* при собственном имени *jегôр*.

Несколько непонятные случаи начального *ô* в записях Шахматова (по его транскрипции ω) проверить на живом материале не удалось [см. „Лека“, стр. 12: „*ўо́л'хă* (хотя обыкновенно *вωл'хă*)“]. Нами это слово зафиксировано с ударением „не южного“ типа: *ал'ха́* (см. еще „Лека“, стр. 13: „ωтч'им“; в нашей записи: *вôтч'им*). В говоре вообще нет возникновения протетического *ω* как живого явления; поэтому трудно предположить, что Шахматов в своем написании передает фактически форму *ωо́тч'им* (ср., однако, его пример *ўо́л'хă*). К этой категории примеров принадлежит слово *вôстръц* и *о́стръц* — варианты, записанные нами от одного и того же человека.

Вопрос о существовании в настоящее время или в недалеком прошлом во всей округе различения *о* и *ô* удобно рассматривать в связи с сохранением в ряде местных говоров, как и в лекинском, архаического переноса ударения на предлог в исторически обусловленных положениях: даже при утрате *ô* (замене его посредством *о*) все же здесь остаются известные противопоставления: при словах с бывшим *о* под восходящим ударением *на во́лю*, *на ко́же*, *на моро́зе* предлог является проклитикой; ср. слова другого типа (с *о* иного происхождения): *по́д гору* (что значит „вверх в гору“), *на́ гору*, *на́ воду*, *на́*

поле, за́ поле, за́ озеро, на́ озеро, за́ возом, у́ бога (записано только в выражении: „у бога всего много"), *на́ ток, за́ ток, на́ стог, на́ мост, за́ мост, на́ воск, на́ гвоздь, на́ лоб, на́ горб, и́з гроба, ко́нь на́ золоте* (в сказке — в значении „в золотой сбруе"). Существительные в этих примерах оказываются энклитичными.

„*е* закрытое" *(ê)*. В произношении этой фонемы обнаруживается некоторый параллелизм с *о̂*, не вполне выявленный в „Описании" Шахматова, где на месте *ѣ̂* под ударением показывается только полифтонг *ие̂* („Лека", стр. 20).

Можно утверждать, что наряду с таким образованием в настоящее время в живой лекинской речи, может быть — несколько реже, слышится и монофтонгичный гласный *ê*. В ударном слоге, независимо от качества следующего согласного (твердого или мягкого), этот звук является в качестве гласного переднего ряда и средневерхнего подъема *(м'ếл, м'ếл')*.

Лекинский монофтонг *ê* нельзя приравнивать к звуку четвертой снизу ступени подъема (Матусевич, стр. 63), обозначаемому в международной транскрипции знаком *е*. К этой ступени Л. В. Щерба относит литературное произношение ударного гласного слова „дети", т. е. *е* между мягкими согласными. Несколько отодвинутый назад гласный такого же подъема представляет *е* в немецком *Meer* (без учета его долготы. Ср. Матусевич, стр. 64, где представлена таблица гласных с положением для звука *е* открытого — в международной транскрипции ɛ — на третьей снизу ступени подъема; сюда помещается гласный слова „дед" в литературном произношении, т. е. под ударением перед твердым согласным).

Монофтонг *ê* в некоторых русских говорах наблюдатели характеризуют по акустическому впечатлению как звук, средний между *е* и *и*. Действительно, лекинское *ê* также значительно выше по артикуляции и ближе акустически к *и*, чем *е* в слове *„дети"*. В таблице гласных по международной транскрипции такой тембр гласного не получил отдельного обозначения (оно

должно быть помещено между *е* и *і* таблицы, т. е. между четвертой и пятой ее ступенями подъема).

Как уже было показано выше, в лекинском говоре *ê* (по происхождению из *ѣ*) находим в слоге под ударением без значительных изменений как в положении перед твердым, так и перед мягким согласным: *п'ês, п'ês'и, м'êстъ, в'м'êс'т'ь, д'êлъ, д'êл'им*.

В противоположность этому *е* (по происхождению не из *ѣ*) под ударением несколько различается в положениях перед твердым и перед мягким согласным. Повидимому, характер данного изменения одинаков с соответствующим явлением в фонетике литературного языка (ср. в таблице гласных литературного языка: *д'ém'и, д'ém*), по крайней мере, сходен с одним из вариантов литературного произношения, не представляющим крайне-переднего типа *е* под ударением между мягкими согласными.

Представляется более точной характеристика *е* в ударном слоге перед мягким согласным, если в ней будет подчеркнут резкий отличительный момент — сильное продвижение здесь гласного вперед. Такое *е* как в литературном произношении, так и в лекинском диалектном все-таки ближе к средней зоне подъема, чем к промежуточной средневерхней (к месту образования *ê*, или $e^{и}$ в ином обозначении), хотя, безусловно, сдвиг артикуляции *е* между мягкими согласными направлен не только вперед, но и несколько вверх. (Ср. *е* под ударением после мягкого согласного перед твердым согласным в примерах „первый", „Елена" и *е* между мягкими согласными в „перья", „селение".) Лекинское *ê* заметно выше по подъему, чем *е* последнего типа, хотя и не достигает зоны образования звуков категории *и*.

Таким образом, *е* (не из *ѣ*) под ударением, находясь между мягкими согласными *(семь, день, мельник, Петя)*, звучит в лекинском говоре так же, как в литературном языке звучит *е* (всякого происхождения) в том же положении (т. е. как в словах: *семь, день, пень* и *семя, дети, петь*).

38902
Ин-та русского языка
Библиотека
МО. яз. и Мышления АН СССР

Иной гласный *-ê* (из *ѣ*) находим в лекинском говоре в ударном слоге между мягкими согласными в словах: *семя, делим, петь.*[1]

Этот же гласный *ê* является и перед твердым согласным: *м'êл, п'êл,* о чем сказано выше.

Надо обратить внимание, что факты различения в ударном слоге между мягкими согласными монофтонгов, соответствующих старым *ѣ* и *е* (разного происхождения) без перехода при этом *ѣ* в *и* в описаниях русских говоров встречаются, но в диалектологии этому не уделяется должного места.

В Леке отмечено как довольно редкое, факультативное произношение *ê*, настолько близкое к *и* (или совсем совпадающее с ним в единичных случаях), что в записях находятся примеры двоякого рода: *н'ев'êста* и *н'ев'ѝста, д'êв'ир'* и *д'ив'ир, п'êс'н'ъ* и *п'ѝс'н'ъ,* хотя в говоре систематически не проведено и вместо *ѣ* в положении перед мягкими согласными. Последнее встречается в соседних говорах на востоке за озером.

Из примеров такого рода надо выделить варианты *смотр'êт'* и *смотр'ѝт'* (также: *смотр'ѝл, смотр'ѝл'и* и т. д.). Последнее может быть морфологическим образованием с фонемой *и* (ср. древнерусское *смотрити*).

Необходимо упомянуть об отвердении согласных перед *е* (о нем подробнее в разделе о согласных). В архаическом слое лекинского говора наблюдается присутствие полусмягченных

---

[1] В ряде мест, например, в северной части Подмосковья (в окрестностях Истры, Клина, Дмитрова, Загорска, во Владимирской области около Мурома, Гуся Хрустального) известны говоры, в которых *е* всякого происхождения между мягкими согласными произносится как *и* или как *ê*, т. е. *е*^{и}, с факультативным приближением в отдельных примерах к *и*. Некоторые наблюдатели систематически показывают в таких случаях *и*: *сильский двирь, симь, дисять, дивять* и т. д. (см. работы В. И. Чернышева, материалы экспедиций московских институтов и др.).

Ширина такого противопоставления *ê* и *е* (например, *семь, семя* — с *è* и *серп, сел* — с *е*, где происхождение *е* не имеет значения, как и в литературном языке) более разительна, чем в соответствующем противопоставлении литературного языка, где *е* в словах типа *семь* не настолько высоко по подъему, чтобы приближаться к *и* и даже смешиваться с ним.

(а факультативно — намного реже, даже совсем несмягченных согласных) перед *е*, не восходящим к *ѣ*. Благодаря этому осуществляется акустически четкое противопоставление слогов типа *се* и *с'ê*, *пе* и *п'ê* и т. д.; *е* оказывается здесь не только ниже по подъему, чем *ê*, но и заметно отодвинутым назад, правда, все еще в пределах переднего ряда. Все это способствует дифференцированию звучания *е* с *ê*. В примерах *хмéл' м'ȅл'* разница четче, чем в *хм'éл'* и *м'ȅл'*. На месте *ѣ* в ударном слоге после отвердевших *ц, ж, ш* монофтонг *ȅ* не отмечен (т. е. имеются формы с полифтонгом, о чем ниже).

В слое говора, утрачивающем различие фонем *ê* и *е* (при вытеснении *ȅ* посредством *е*), находим такую же вариативность оттенков ударного *е*, зависящую от твердости или мягкости следующего согласного, как и в литературном языке.

В речи отдельных лиц можно наблюдать совпадение фонем *ȅ* и *е* в одной *е*, но несмягченность (или полусмягченность) согласных перед *е*, не восходящим к *ѣ*; у них еще сохраняется *печ'*, *дéв'ит'*, но *п'éл'и*, *д'éфка*.

Другой вид фонемы *ê* — это полифтонг *ие̂*, описанный Шахматовым, как обычное в Леке произношение ударного гласного, исторически восходящего к *ѣ* („Лека“, стр. 20).

В речи отдельных лиц можно наблюдать в настоящее время *ие̂* наряду с *ê*, а в иных случаях — преимущественное употребление *ие̂*. Распределение силы звука в этом образовании, повидимому, равномерно на всем его протяжении. Особенной ясности переходная шкала этого полифтонга достигает при замедленном, особенно, эмфатическом произношении: *дъ-н'ие̂д-жа* (да нет же); *мукá б'ие̂лъ-б'ие̂лъ*; *Л'ие̂ка*. Возможно, что артикуляция *ие̂* иногда начинается не с самой верхней ступени подъема (т. е. не в области образования *и*), а несколько ниже и, постепенно нисходя в пределах переднего ряда, прекращается не на среднем подъеме (в области образования *е*), а несколько выше.

Таким образом, может оказаться, что слуховая фиксация в известных примерах звука *ê* (или *и*) является только в результате неточного восприятия одной из факультативных разновидностей полифтонга *ие̂*, протекающего слишком быстро или

на коротком отрезке шкалы (например, *ёе*, *иё*). В этих случаях полным, основным видом этой фонемы является именно *ие*, а монофтонг *ё* выступает ее заместителем лишь в быстрой, небрежной речи. В других же случаях и монофтонг *ѐ*, особенно в медленном, тщательном выговоре, четко обнаруживает свое характерное качество, благодаря чему следует считать именно его за основной вид данной фонемы.

В „Описании" Шахматова не уделено места изменению тембра фонемы *ё* под ударением после твердого согласного, хотя примеры этого типа у него можно видеть (без объяснения) (см. „Лека", стр. 20—21 и др.: *цѣп*, *шѣст*, *зацѣм*). По новым наблюдениям в подобных случаях отмечается полифтонг, аналогичный *ие*, но отодвинутый назад: *ыэ*: *цыэп*, *цыэлъи*, *цыэну*, *афцыэ*, *атцыэ*, *в душыэ*, *нъ нажыэ*, *м'ежыэ*[1] [ср. монофтонг на месте *е* не из *ѣ*: *цэ́рква*, *прашэ́ницъ*, *шэ́ца*, *Шэ́цинъ* (название деревни), *бажэ́с'т'в'ьнъц*, *жэ́с'т'*, *жэн'ут*].

Особо надо отметить трудный момент — различение полифтонга *ие* и сочетания *це* (*је*). Шахматов зафиксировал такое различие („Лека", стр. 20, 25), известное по описаниям и других русских говоров. В новых лекинских записях, может быть не вполне тщательных, встречается только *је*: *је́хът'*, *је́дут*, *сјест*, *праје́ст*. От *је́с'т'* („кушать"; формы *јис'т'* здесь не найдено) не отличимо *је́с'т'* (имеется), *је́л'и* (глагол) от *је́л'и* (существительное). Обращает на себя внимание то, что в этих (количественно недостаточных) примерах нет записей с *ѐ*.

К лексическому составу, представляющему фонему *ѐ*, надо добавить отсутствующие в „Описании" Шахматова примеры хорошо сохранившейся в округе дославянской топонимики. Сюда относится название соседнего села *Т'ѐл'ма* — „Тельма", писавшееся раньше через *е*. Впрочем, и название Лека также писалось с *е* ошибочно, как говорит Шахматов. По „Списку населенных мест Российской Империи", вып. 35, Рязанская губ., СПб., 1862, находим форму *Телема*. Отмечено также название

[1] Сходные примеры встречаются у Бубриха в описании пустошенского говора.

лесного озерка в большом лесу южнее Ялмоти — *С'ӗел'ма*. Характерно, что на картах различных изданий попадаются написания Сельма и Сильма. Известно, что топографы иногда фиксируют местную фонетику — здесь могло оказаться „непонятое" *ê*.

Повторены записи слов с этимологическим *ê*, отмеченные в свое время Шахматовым: *м'ê̆лкъц*, *м'ê̆л'*, *в'ê̆дры* (мн. ч.), *з'в'ê̆зды* (мн. ч.).

„*о* открытое" и „*е* открытое". Казалось бы, что вопрос о различении фонем *о* с *ô* и *е* с *ê* в практике речи разрешается просто. Но на деле здесь присутствует ряд осложняющих явлений, о чем необходимо сказать подробнее.

Прежде всего надо назвать существенный признак обычного произношения в Ялмоти *о* и *е* под ударением: они не дифтонгоиды (т. е. не $\overset{у}{о}$, $\overset{и}{е}$; см. Матусевич, стр. 62), как, например, в московской речи, а неизменны на всем своем протяжении. Следовательно, в говоре нет предпосылок для смешения *уо* с *о*, *ие* с *е* на артикуляционной почве. (Показательно, что в речи нескольких лиц, активно перенимающих московский тип произношения, наряду с иными утрированными московскими чертами, вроде слишком явного дзеканья, отмечены и настолько энергичные дифтонгоиды, что они напоминают скорее лекинские *уо*, *ие*; почти *гуоды*, *п'иервый*.) Тем самым говор Ялмоти сближается с соседним севернорусским пустошенским говором, где *о*, *е* строго монофтонгичны при наличии там же отдельных фонем *уо*, *ие* („Пустоша", стр. 309—310).

С другой стороны, в этом отношении говор Ялмоти резко отличается от ряда соседних с востока — касимовских и соседних с запада — бронницких говоров, где гласные в факультативных разновидностях интонации в зависимости от ритмо-метрического построения фразы могут растягиваться (например, в конце речевых тактов в бронницких говорах) при одновременной деформации своего основного тембра.[1]

---

[1] В расшифровке фонографической записи (см. Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. М., 1936, стр. 97 и др.) показаны изменения гласных верхнего подъема (под ударением и без ударения): *у* → *уо* и

Как было сказано, *е* в ударном слоге перед мягким согласным приобретает несколько повышенное и главным образом более переднее образование, чем в положении перед твердым согласным. Наличие такого *е* не во всех фонетических положениях обусловлено живым процессом ассимиляции, как это происходит в литературном языке. Гласный *е* ударного слова перед отвердевшими согласными *ц*, *ш*, *ж* продолжает артикулироваться так, как будто он предшествует согласным смягченным.

В „Описании" Шахматова даны примеры соответствующего *е* (по его терминологии — „закрытого напряженного *е*", „Лека", стр. 19) перед *ц* в словах: „дворец", „отец" и др.

С использованием для данного гласного знака *ѐ* (как и для монофтонга, восходящего к *ѣ*),[1] сейчас сделаны записи такого типа: *ат'ѐц*, *вър'ен'ѐц*, *Кър'ен'ѐц* (название деревни). Найдены также примеры *ѐ* перед *ш* (в основном из *ч*) и *ж* — положения, не отмеченные Шахматовым: *ал'ѐшн'ик*, *кан'ѐшна*, *сквар'ѐшн'а*, *кап'ѐшн'ик*,[2] *вал'ѐжн'ик*. Слово *пр'ѐжн'ий* записано с *е*.

Гласный *ѐ* находим в словах: *д'ер'ѐвн'а* — с *в* полусмягчённым или смягчённым, *пълат'ѐн'цъ*, *д'ьр'ев'ѐн'скъца* и подобные, где суффиксальное *н* мягко. В индивидуальной речи лиц, произносящих в слове „деревня" *в* твердое, а также твердое *н* в вышеприведенном суффиксе (например, в слове „деревенский"), *е* может оставаться крайне-передним: *д'ер'ѐвн'а*, *пълат'ѐнцъ*,

и → *ие̂*. По моим впечатлениям, на этих валиках, прослушанных мною при содействии Е. А. Комшиловой, изменение *у* носит скорее характер *уа*^{0} (*а*^{0} — звук средний между *а* и *о*); кроме того, на месте *ы* здесь слышно еще *ыэ̂* после твердого согласного. Аналогичных изменений *о*, *е* при этом не замечается. На основании известных материалов Будде о касимовских говорах можно предполагать, что и там кое-где принцип такой расплывчатой артикуляции некоторых гласных в определенных положениях существует даже при наличии в говорах фонем *йо̂*, *ие̂*. Для уточнения вопроса необходимы новые наблюдения живой речи с точки зрения „стилистической фонетики".

[1] Это неудобство пока не преодолено. На данном материале оно ощутимо, так как здесь *ѐ* (из *ѣ*) не одинаково с *е* (не из *ѣ*) между мягкими согласными. Новое обозначение звуков не вводилось, чтобы не нарушить единства транскрипции, принятой работниками Диалектологического атласа.

[2] Маленький горшок, возможно, „копеечник". Аналогичная посуда в Пронском районе называется *грашóвник*, от слова „грош".

д'ьр'ев'ѐнскъца. Это вытесняется произношением без *è*: *д'ер'ёвн'а*, *д'ьр'ев'ёнскъца* и т. д.

В слое говора более новой формации (нижеследующие факты отмечены не только в Ялмоти, но и в Москве — у живущих здесь более 15 лет уроженцев Леки) наблюдается одинаковое звучание в ударном слоге фонемы *ê* (монофтонга) и фонемы *е* при положении последней перед мягким или отвердевшим согласным, так что знак *ê* в таких записях уже не оказывается двусмысленным: *м'ѐстъ*, *д'ѐлъ*, *вм'ѐс'т'ь*, *д'ѐл'им*, *с'п'ѐшнъ*, *кан'ешнъ*, *ат'ѐц*, *п'ѐциш* (от „петь"), *п'ѐн'*, *вд'ѐн'* (от „вдеть" *д'ѐн'* (примеров с *ê* после твердого согласного нет).

Гласный *ê* в этих случаях не повышается по направлению к *и* так заметно, как в архаическом слое говора, где дифференцируются *ê* и *е* в словах типа *вд'ѐн'*, и *д'ён'*, а сходен со звучанием ударного *е* между мягкими согласными в литературном произношении (в его варианте, допускающем крайне-переднюю передвижку *е*).

Этот оттенок привлекает внимание наблюдателя скорее всего перед твердыми согласными: *б'ѐлъц*, *кан'ѐц*, т. е. в моменте, не совпадающем с нормой литературного языка.

Данная черта, вероятно, в местных условиях является ступенью отхода от архаического различения фонем *ê* с *е*. Если при этом самостоятельность фонемы *ê* видна еще в положении ее перед твердым согласным — *м'ѐстъ*, но *п'ёрвъц*, *јел'ёна*, *н'ёбъ*, то вообще надо сказать, что последнее соотношение тут мало устойчиво, так как в этом слое говора, менее архаичном и по другим признакам (в нем больше элементов смешения с городской речью; в частности в фонетике совсем нет полусмягченных согласных перед *е*, слабы следы цоканья, *ô* почти вытеснено посредством *о*), особенно часто перед твердыми и отвердевшими согласными появляется звук *е* на месте ожидаемого *ê* (разного происхождения): *д'ёлъ*, *кан'ёц*, т. е. в данном случае начинает преобладать норма литературной фонетики.[1]

[1] Следует указать, что существуют севернорусские говоры, где всякое *е*, не перешедшее в *о* в ударном слоге перед твердыми согласными, пред-

Первые записи нашей экспедиции внушили беспокойство своим неумеренным употреблением буквы *о̂* (в слоге под ударением) в исторически невозможных для этого положениях. Возникли предположения о наличии в данном говоре смешения двух фонем *о̂* и *о* или совпадении их в *о̀*, что теоретически вполне возможно. (Такое смешение можно наблюдать, например, в говорах Курловского района Владимирской области, Михайловского района Рязанской области и других местностей.) В результате дальнейшего знакомства с говором вместо такого *о̂* появились самовольные обозначения (т. е. не предусмотренные „Программой“) *оу̂*, *о͡у* как после твердых, так и после мягких согласных (*моу̂ст*, *го͡ут л'оу̂н*, *ид'о͡ум*).

Анализ случаев со звучанием типа *оу̂*, *о͡у* вскоре показал их преимущественную связь с фонемой *о*, а не *о̀*, и это послужило ключом к общей ориентации в этом неожиданном для членов экспедиции явлении.

Параллельно обратило на себя внимание факультативное употребление в речи особого звучания фонемы *е* под ударением, отраженного в записях знаком *ê* и еще чаще *еи̂*, *е͡и* (*п'éирвъи̂*, *кан'éишна*, *д'ер'е͡ив'н'а*, *хм'е͡ил'*). В подавляющем большинстве случаев согласный перед таким гласным был не вполне смягчен, а в отдельных примерах достигал значительной твердости. В „Описании“ Шахматова сходного материала об изменении *о*, *е* не нашлось.

Спорадическое появление в речи звучаний типа *оу̂*, *еи̂* (в смешении с *о*, *е*) как будто всегда связано с добавочной артикуляцией гласного под ударением — его „напряженностью“. [Последний термин употребляется некоторыми авторами в ином значении — как синоним узости, закрытости звука. Так, например, см. у Шахматова — его фонетическое определение в „Очерке современного русского литературного языка“, М., 1925, стр. 53, в „Очерке древнейшего периода истории русского

ставляет также одно звучание, но типа *ê*. Это явление наблюдалось нашей экспедиционной группой в г. Владимире. Такое произношение можно отметить и в речи лиц, происходящих, например, из Горьковской и Кировской областей.

языка", П., 1915, стр. 2, 5 и след. Вслед за Щербой (см. Матусевич, стр. 55) под „напряженностью" я подразумеваю добавочную артикуляцию — напряжение, отвердение мускулатуры верхних частей речевого аппарата. Конфигурация напряженных и ненапряженных органов речи в известной мере различна. Акустический результат, достигаемый таким изменением артикуляторов, и есть качество напряженности того или иного звука, который обнаруживает при этом в своем основном тембре более четкий, как бы металлический оттенок. Обычно противопоставляют, например, украинский напряженный и русский ненапряженный вокализм, что относится к различиям артикуляционной базы этих языков. Эта напряженность здесь, очевидно, и послужила причиной не только для специфического изменения основного тембра гласных *о*, *е*, но и для значительного смещения их артикуляции. Последнее могло бы и не сопутствовать самому напряжению артикуляторов (ср., например, ровные и в то же время напряженные украинские гласные). Очевидно, к артикуляционной базе лекинского говора принадлежат навыки особого типа напряжения гласных, которое проявляется под ударением, вне прямой зависимости от качества соседних согласных и заметнее всего в гласных среднего подъема *о*, *е*, где напряжению сопутствует сдвиг артикуляции гласного вверх до области образования открытых *у*, *и* в форме скорее дифтонгоида, лишь иногда приближающегося к типу дифтонга, а при эмфазе и подлинного сложного гласного.

В нижеприводимых записях обозначения $\widehat{o^{y}}$, $\widehat{e^{и}}$ условно передают несколько разновидностей неоднородных звуков *о*, *е* различно ослабленной второй частью. Примеры на *о*: *е* $ро\widehat{^{y}ш}$, *гаршо*$\widehat{^{y}к}$, *со*$\widehat{^{y}н}$, *аго*$\widehat{^{y}н'}$, *кро*$\widehat{^{y}ф'}$, *ло*$\widehat{^{y}шът'}$, *калхо*$\widehat{^{y}с}$, *то*$\widehat{^{y}к}$, *фро*$\widehat{^{y}нт}$, *бро*$\widehat{^{y}с'ил}$, *ко*$\widehat{^{y}с'т'}$, *со*$\widehat{^{y}л'}$, *идо*$\widehat{^{y}м}$, *Дул'о*$\widehat{^{y}въ}$, *гус'о*$\widehat{^{y}нък}$, *л*$\widehat{о^{y}н}$, *с'ил'о*$\widehat{^{y}н}$, *Л'о*$\widehat{^{y}н'а}$.

В примерах последнего типа при обусловленном мягкостью соседних согласных более переднем образовании *о* соответствующая передвижка вперед элемента *у* мало ощутима. Перед *и* (например, *дурно́ц* — им. п. муж. р.) примеров на $\widehat{o^{y}}$ не

встретилось, но в таком положении попадаются записи с *о̂*, если это не смешение фонем *о* с *о̂* (*дурно̂ц* — им. п. муж. р.). Примеры на *е*: *се͡ʷм'*, *де͡ʷс'ьт'*, *де͡ʷн'г'и*, *пе͡ʷч'*; *фе͡ʷрма*; *две͡ʷр'*, *Кър'ене͡ʷц*, *каńе͡ʷшн'ик*, *кънапе͡ʷл'*; *не͡ʷбъ*, *тре͡ʷзвъ̆ц*, *пе͡ʷрвъ̆ц*, *се͡ʷрп*, *кр'е͡ʷст*, *кре͡ʷст*.

Замечательно, что перед неслоговым *и* встречается более открытый оттенок *е*, доходящий в иных случаях до типа *ä*: *рубл'äй*, *пал'äй*, *д'ет'äй*. Нечто похожее на это описано Бубрихом (см. „Пустоша", стр. 309).

Звучания *о͡ʸ*, *е͡ʷ*, особенно характерные при замедленном темпе речи, чрезвычайно напоминают неправильную передачу русскими напряженных закрытых гласных французского и немецкого языков в виде нисходящих (по силе) дифтонгов (см. Матусевич, стр. 62). В таблицах основных видов деформации звуков иностранного языка при его изучении русскими, в числе других отклонений, неизменно присутствует на месте *е*, *о* закрытых напряженных комплекс *е̂и*, *о̂у* („Ученые записки Московского государственного педагогического института иностранных языков", т. I, М., 1940, стр. 250 и др.; таблицы составлены по наблюдениям речи московской молодежи).

Очевидно, при более быстром темпе передвижки гласного или случайной акцентуации гласного во время его изменения где-то в более высоком, чем средний, подъеме, создается иногда впечатление о наличии здесь монофтонгов *о̂*, *ê*, т. е. о мнимом смешении фонем *о* с *о̂*, *е* с *ê*. Нельзя, однако, исключить всякую возможность внешнего их совпадения в живой речи, когда при небрежном или быстром произношении звуки *о̂*, *ê* выры-ваются из обоих рядов — восходящего — *оу*, *еи* и нисходящего *уо*, *ие* (имея в виду более полный вид шкалы: *о̂оу*, *уо̂о* и т. д.) как некоторая общая средняя ступень. Таким же способом *о̂оу* может быть принято за фонему *о̀* в ее монофтонгичном виде. Этим можно объяснить ряд записей: *го̀т*, *ро̀ш*, *о̀мут* и т. д. Но здесь не стирается еще один контрольный момент: согласные перед таким „новым" *о̀* остаются лабиализованными в слабой степени, как и перед *о*, тогда как перед историческим *о̂*

лабиализация их выражена с достаточной энергией. В частности, характерное различие, кроме губных, представляют еще задненебные: в слоге с напряженным *о* они, будучи нелабиализованы, приобретают значительную степень напряжения (по регрессивному влиянию гласного) и при этом артикулируются значительно глубже, чем лабиализованные задненебные перед *у͡о*. Это способствует осуществлению резкого контраста примеров: *ку͡от*, *Ко͡ʸръбъва*, *Jeг̊у͡ор-го͡ʸт*.

Отсутствие лабиализации согласного перед *о͡ʸ* вызывает и следующее явление: при замедленном, особенно эмфатическом, произношении *о͡ʸ* после мягкого согласного непосредственно за согласным возникает явно нелабиализованный слабый гласный элемент типа *е*. Без скачка, но быстро он изменяется по ряду и развитию лабиализации до *о*, являющегося силовым и акустическим центром данного сложного образования. Затем при некотором ослаблении слоговой силы артикуляция гласного уводится без скачка вверх до степени открытого *у*: *л'ᵉ о͡ʸн*, *ид'ᵉ о͡ʸм*, *он маг'ᵉ о͡ʸт*.

Таким образом, дифференциация фонем *ò* и *о*, *ê* и *е* при напряженности их артикуляции в слоге под ударением еще более облегчается резким акустическим контрастом смены звучаний типа *у͡о* и *о͡ʸ*, *и͡е* и *е͡ʲ*: *рабу͡ота*, *ку͡от*—*Ко͡ʸръбъва*, *го͡ʸт*; *м'и͡ел'*, *пал'и͡ена* — *хм'е͡ʲл'*, *jел'е͡ʲна*.

Надо уточнить, что положение таких пар гласных в вокализме говора не одинаково. Если *у͡о*, *и͡е* — явные полифтонги, то *о͡ʸ*, *е͡ʲ* скорее дифтонгоиды; *у͡о*, *и͡е* противопоставляются как фонемы-полифтонги фонемам-монофтонгам *о*, *е*, а ниспадающая шкала первых принадлежит к числу лингвистически осознанных навыков воспроизведения и восприятия звуков. В противоположность этому характер звучания *о͡у*, *е͡и* (или *о͡ʸ*, *е͡ʲ*) возникает при факультативном напряжении ударных гласных *о*, *е* как пассивный спутник этой артикуляции. Восходящее скольжение образований *о͡ʸ*, *е͡ʲ*, очевидно, не входит в категорию

лингвистически осознанных величин, оставаясь явлением в себе.[1] (Московский навык произношения *о*, *е* как дифтонгоидов часто мешает выделить в лекинской речи *ӱо*, *ӣе*, которые ошибочно отождествляются в этом случае с московскими *ʸо*, *ʷе*. Приходится сталкиваться с парадоксом, что на практике иногда легче фиксируются на-слух фонемы лекинского вокализма *о*, *е* в их напряженных видоизменениях как *о*^{ӱ}, *е*^{ӣ}. Они скорее попадают в сферу внимания, так как поражают своим обратным построением, непривычным для москвичей.)

В русской диалектологии сообщения о таком или сходном звучании гласных единичны. В статье Даля „О наречиях русского языка" есть указания на „вятское *о*^{ӱ}". Конкретно даются примеры на *оӱ* Н. М. Васнецовым („Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора", Вятка, 1908) и Н. М. Каринским („Язык ... г. Вятки", Ученые записки РАНИОН, т. III, 1928, стр. 47—48). Материала здесь недостаточно, чтобы определить условия появления этого звука, показанного к тому же без расчленения в случаях под ударением и без ударения, а также на месте *о* под бывшим восходящим ударением (у Васнецова: *хоуроушо*, *поулё*, *поуп*; у Каринского: *до*^{ӱ}*рога*, *сто*^{ӱ}*jm'e*). Е. Будде употребляет в транскрипции знак *оӱ* („К истории великорусских говоров" и др.), но из его примечаний следует, что так обозначается закрытое *о*. О „сильной лабиализации *о*" в словах *но*^{ӱ}*с*, *ло*^{ӱ}*н*, *го*^{ӱ}*т* говорит А. Гвоздев

[1] Следует помнить, что русский язык переживал некогда такую стадию развития вокализма, когда изменение по высоте долгих *о*, *ѣ* являлось таким же пассивным и сперва неосознанным в языке фактом. В следующую эпоху, когда долгие гласные сократились, их дополнительный, вторичный признак — повышенный подъем (или полифтонгизация известного типа) — удержался, так что гласные, отличавшиеся прежде своим признаком — долготой — от недолгих гласных того же подъема и ряда, в новом типе вокализма стали определяться следом утраченной долготы — измененным тембром. В славистике для подобного процесса существует термин „наклонение гласных" (именно — для польского языка). Русские фонемы *ȯ*, *ȅ*, сохраненные рядом севернорусских, среднерусских и южнорусских говоров, с большим основанием можно причислить к категории таких „наклоненных гласных".

в статье „Заметки о говоре с. Тихоново ... Судогодского уезда". (Эта местность прилегает к Ялмоти с северо-востока.) Обращает внимание то, что гласный *о*^{у}, если это и монофтонг, показан не на месте *о* под восходящим ударением, т. е. соответствует лекинским дифтонгоидам *но*^{у}*с* и т. п., факультативно приближающимся к *о̀*. Вполне сходный с лекинским материал доставила экспедиционная группа Московского городского педагогического института, работавшая в 1945 г. в местности к востоку от Леки — за озером, в Клепиковском районе Рязанской области. Здесь в среднерусском говоре зарегистрированы оба звука: *о*$^{\widehat{у}}$ и *е*$^{\widehat{и}}$; первый из них во многих примерах смешан с *о̀*. Некоторую близость обнаруживает материал экспедиционной группы Московского государственного университета, обследовавшей южнорусский говор Михайловского района Московской области, где есть случаи смешанного употребления *у̀о* и *о̀у*. Условия появления того или иного звучания выяснены здесь недостаточно. Прямое указание на произношение в ударном слоге неоднородного звука *о̀у* с его параллельным вариантом *о̀* находим в „Очерках по русской диалектологии" Н. П. Гринковой (о южнорусских говорах Воронежской области; см. „Изв. ОРЯС", т. III, кн. II, 1930, стр. 563 и др., „Изв. ОРЯС", т. II, кн. I, 1929, стр. 89): *го̀ут*, *пло̀уха*, *о̀сы*, *во̀рат*. Отношение данного явления к различению фонем *о* и *о̀* не уточнено.

Иного типа деформацию звука можно встретить в живой речи: это изменение гласного *е* после твердых *ж*, *ш*, *ц*. При спорадическом напряжении гласного ударного слога здесь образуется монофтонг *э*, сильно отодвинутый в переднесредний и даже в средний ряд, т. е. к месту образования редуцированного гласного, но без характерного для последнего мускульного ослабления и понижения звучности.

Подобное продвижение в сходных условиях вплоть до заднего ряда наблюдается и при артикуляции напряженного *ы* после всех согласных, с которыми этот гласный обычно образует слог. Предыдущие согласные перед такими *э̄*, *ы̄* также деформируются: они сильно веляризуются, т. е. задняя часть языка сильно отводится назад и напрягается, а при шипящих

кончик языка отодвигается от зубов так, что эти согласные становятся ближе к супрадентальным. Отодвинутое *ы* отмечено в нескольких случаях и без ударения.

Сходные образования *ы̄* известны и в соседнем пустошенском говоре („Пустоша", стр. 307).

Примеры: *го^{y}лъвы ръзакры̄ты, карыты, гусына, сыт, тын, вы̄ла, бл'из'енцы̄, кан'цы̄ душы̄, шы̄т, шы̄ла, жы̄р, нажы̄, жы̄л'и, кто̄ жы̄ф, а кто̄ н'е̄ — жы̄ф, шэ̄цина, шэ̄ца, шэ̄с'т', кажэ̄вн'ик, жэ̄с'т', стъражэ̄ц, нажэ̄ц, цэ̄рква.*

Остальные гласные при факультативной их напряженности не представляют значительных сдвигов в месте их образования.

Как было сказано выше, в материалах Шахматова нет сведений о деформации напряженных *о, е* в дифтонгоиды.[1] Вообще разделы о напряженных гласных в его описании говора Леки относятся к самым трудным и не вполне ясным. Известно, что Шахматов отожествляет напряженность с закрытостью гласного, а это вызывает столкновение ряда понятий и не вносит четкости в изложение фактов. В „Описании" на стр. 12 читаем: „звук *о̀*, т. е. закрытое, напряженное *о*, заменяет *о* ненапряженное при условиях, для меня не ясных. Особенно часто такое произношение у женщин: „...*о̀бă, бо̀к, но̀ц* ..." „рядом слышно произношение с *о* открытым. Возможно, что *о̀* вместо *о* зависит от эмфазы, ... растяжения ударяемого *о*". Примеры типа „оба", „бок" находятся и в материалах экспедиции 1945 г. Напряженность гласного видоизменяет его в $\widehat{o^{y}}$, а факультативно — в *о̀*, если это только правильно услышано.

---

[1] Один штрих может свидетельствовать, что Шахматов под „напряженным *о*" показывал и случаи с неоднородным гласным типа $\widehat{o^{y}}$. В „Описании" („Лека", стр. 12) дан пример эмфатического растяжения *о* в неударяемом положении в звательной форме *матшко̀*. („матушка"). Не скрывается ли под этим написанием один из вариантов произношения подобных форм с конечным гласным $\widehat{o^{y}}$? Ср. в новых материалах: *ма́мо̄, ма́мо̀у-ма́мо̄у, ма́мо̀у*; также *ма́мы̀, ма́ма̀у*; *л'о́л'а* („крестная мать"); *л'о́л'о̀, л'о́л'о̀у*. Может быть, в конечном слоге некоторых из этих примеров сливается междометие вида *оу, ау*. Ср. случай, где постановка междометия явна: *ма̄-ма̄-ӯ!*

Знаком *ω* Шахматов обозначает звук, средний между *у* и *о* („Лека", стр. 12). Различие в подъемах гласных *ô* (т. е., по Шахматову, *о* напряженного) и *ω* не определяется. На стр. 17 читаем: „Звук *ω̂*, т. е. закрытое напряженное *ω*, находим при условиях неясных на месте *ω* (ср. *ô* вместо *о*); возможно, что здесь сказывается эмфатическое произношение того или иного слова." ... „Вместо *ω̂*, в единичных случаях также *у*: *саку́лик*, *на фс'ýj*".

Спорадическое приближение закрытого *о* к типу звучания *у* отмечено и сейчас, но не определено, обязательно ли это сопутствует особой „напряженности" гласного.

По поводу напряжения гласного *е* (не *ѣ* по происхождению) находим в „Описании" на стр. 19: „Звук *ê*, т. е. закрытое напряженное *е*, известен только под ударением... только перед мягкой согласной: *чêт'в'ир'т'*, *тр'êт'* ... впрочем, оно сохраняется и перед отвердевшим *ц*: *м'êц*" ... „Кроме того, *ê* является в индивидуальном произношении (спорадически) еще ... перед твердой согласной ... *тр'êзвăj* ... *Ал'êна*".

Неясно, соответствует ли это в новых материалах звуку *е* под ударением между мягкими согласными, например, в *тр'ét'*. Сейчас тип *е* здесь близок или одинаков с соответствующим явлением в литературном произношении (т. е. *е* продвинуто вперед, но только незначительно повышено). Такое *е*, условно обозначаемое как *ê*, отмечено не только перед отвердевшим *ц (кан'êц)*, но еще и перед *ш* различного происхождения *(кан'êшна, ал'êшн'ик)*.

Примеры с *е* напряженным (в виде дифтонгоида) отмечены в таких же положениях, т. е. *кан'e̋ц*, *куп'e̋ц*, *кан'e̋шна*, а также и перед исконно твердым согласным: *не̋ба*, *кре̋ст*, *јел'e̋на*, *тр'e̋звъц* (примеров последнего типа не может быть много, так как употребляется мало слов с наличием *е*, не перешедшим в *о* под ударением перед твердым согласным; новые заимствования расширяют эту категорию; они также представляют случаи с *e̋*: *фе̋рма*).

Существование в лекинском говоре „напряженного *ѣ*" Шахматов ставит под сомнение, хотя и приводит несколько таких

примеров („Лека", стр. 20): с одной стороны, *с'ѣл, зацѣм, ѣду*, а с другой, — *ѣ* без напряжения в тех же условиях — *бѣс, цѣп* и т. п. Это различие сейчас осталось неотмеченным.

Замечание об изменении гласных под ударением. О результате перехода *е→о* в известных условиях упомянуто в разделе о фонеме *о*.

Изменение *а* в *е* между мягкими согласными в слоге под ударением как живого явления сейчас нет. Отмечены лишь отдельные слова — *ап'ét'*, *м'éч'ик* (наряду с более употребительным их видом *ап'ám'*, *м'áч'ик*), в корне которых теперь, можно полагать, присутствует фонема *е*. В „Описании" Шахматова („Лека", стр. 26) показан переход *а→ä* между мягкими согласными (*п'äт'*). Возможно, что буква *ä* в данном случае не обозначает крайне-передней артикуляции гласного. Сейчас можно наблюдать степень передвижения вперед *а* в таком положении, как *п'ám'*, *вз'ám'* не сильнее, чем в литературном произношении (в его разновидности, не допускающей употребления крайне-передних гласных).

Безударный вокализм. Взаимоотношение разных по силе слогов в составе одного слова представляет некоторые особенности. Оно сходно с соответствующим явлением соседних рязанских (акающих) и владимирских (окающих) говоров.

Во-первых, в Ялмоти наблюдается более слабое, чем в литературном языке, произношение второго предударного гласного (не начинающего слова) вплоть до его факультативного исчезновения, чему может способствовать наличие некоторых соседних согласных (например, сонорных); второй предударный слог оказывается слабее, если он не первый в слове.

зъ-г(ъ)-ра-д'ú́л, п'ъ-р'(ь)-да-вáл, съ-р(ъ)-фа-ны́; последнее чаще в виде *сърфаны́, сърфанáм* и т. п. при *сърафáн*. Отдельные слова могут закрепляться в подобной форме (при ослаблении или отсутствии аналогии с родственными формами): *прасу́к* (поросенок). Ср.: название соседней д. Дорофеево часто произносится с выпавшим первым гласным, чему соответствует в записях Гришкина *Драфѣива*, там же *Хлимакина* вм. Филимакино („Сборник ОРЯС", т. 95, № 1, стр. 91).

Во-вторых, в Ялмоти отмечается более сильное, чем в литературном языке, произношение конечного слога как открытого, так и закрытого, благодаря чему гласные этих слогов факультативно могут образовываться при минимальной степени редукции (почти приближаясь по качеству к гласным предударного слога). Если первый заударный слог не является конечным, то его гласный склонен к более сильной редукции: *го́-рат*, *на́-так* (на ток), *за̂ци̯ц*, *по́-ци̯ис*, *ко́-лъ-кал*, *мо́-лъ-д'и̯ц*.

Отсюда закрепление в разговорной речи некоторых слов, например, названий деревень в форме *Пы́шл'и̯цы*, *Ч'и́сма* вместо официального: *Пы́шелицы*, *Чи́сома*. Ср.: форма названия соседнего села „Тельма“ в наше время считается уже официальной, тогда как по „Списку населенных мест Российский Империи. Рязанская губ.“, СПб., 1862, оно значилсь, как „Телема“.

Наряду с этим в смешанном употреблении встречается иная схема, свойственная литературному произношению: *вы́пал* или *вы́пъл*, *вы́н'ис* или *вы́н'ьс*.

Известно, что вышеприведенные схемы как механический принцип произношения, выявляющий в потоке живой речи ее отдельные отрезки-слова, яснее всего обнаруживаются в произношении изолированных слов. В связной речи эти схемы более или менее изменяются под влиянием фразовой интонации с ее подчеркиванием отдельных морфем или целых слов.

Лекинский говор представляет также некоторые особенности и в изменении тембра гласных, оказывающихся в безударных слогах.

После исконно твердого согласного в предударном слоге наблюдается аканье, как в литературном языке. Никаких следов оканья в этом, пограничном с севернорусским наречием, говоре не обнаружено.

Второй и более отдаленные предударные слоги на месте фонем *а*, *о*, *ô* представляют редуцированный гласный среднего подъема, а факультативно и более высокого подъема, иногда близкого к образованию *ы*. Полного звучания *ы* в таком случае, какой был отмечен Шахматовым („Лека“, стр. 28), сейчас услышать не пришлось.

В неприкрытом начальном слоге на месте фонем *а*, *о* в предударном слоге произносится всегда *а* (*амба́р*, *ага́н'*), но во втором и более отдаленных предударных слогах, вопреки показанию Шахматова, нами записано не исключительно *а* („Лека", стр. 8, 28), но еще в смешанном употреблении *и*, что особенно характерно для архаического слоя говора: *агурцы́* или *игурцы́*, *а̄дала́* или *ӣдала́* (примеров с фонемой *а* не записано).

В соседней д. Перхурово встретились еще формы с начальным *у*: *агурцы́*, *игурцы́* или *угурцы́* (с преобладанием двух первых).

Случаи появления „редуцированного *о*", названного Шахматовым „звуком средним между *о* и *у*, притом кратким и неопределенным" („Лека", стр. 24), отмечены только в примере „хоть" (*хъ^{у}т' пама́лу*, *хъ^{у}ч' с на́м'и*). Остальные примеры Шахматова: *скр◇зь* — в новых записях не попались, а название *Ја́лмът'*, в варианте с „редуцированным *о*" в последнем слоге, не встретилось ни разу („Лека", стр. 24).

При заударном положении фонем *а*, *о*, *ȯ* после твердого согласного при сравнительно сильном произношении слога (см. выше) аканье проявляется также. Шахматов показывает в этих случаях несколько ослабленное *а* (*ă* в его обозначении — см. „Лека", стр. 23). Кроме подобного звучания, в отдельных случаях можно отметить в настоящее время еще образование *а*, почти или совсем сходное с гласным предударного слога: *до́ч'кам*, *го́рат*, *на́бак*, *из гъ́ръда*, *с ко́ръбам*. В конце речевых отрезков в этих слогах замечается нечто вроде побочного ударения, а отсюда — еще более полновесное произношение *а*: *събрал'и́с' в го́ра̀т*, *д'ён'ък нъ двайи́х мълава́та̀*.

После смягченного согласного в предударном слоге в Ялмоти представлено еканье с четко произносимым звуком *е* (черта, широко распространенная в говорах Коробовского и Егорьевского районов; однако в отдельных деревнях этих же районов встречается иканье; как во время обследования Ялмоти Шахматовым, так и теперь, местные жители указывают на одну ялмотскую деревню — Перхурово с этой диалектной чертой; перхуровских дразнят словом *т'илу́шка*).

По материалам Дурново и Шахматова, еканье считается основным признаком вокализма для всей данной округи.

Однако даже на основании своего экстенсивного наблюдения Дурново счел возможным указать на наличие в говорах б. Егорьевского уезда, а в их числе и в говорах Ялмоти, активного влияния (по его объяснению) южнорусского наречия, выражающегося в проникновении сюда яканья („Отчет", стр. 171).

Действительно, при более глубоком ознакомлении с местной языковой средой внимание начинает останавливаться на спорадическом употреблении здесь форм сильного яканья в смешении с еканьем при характерном колебании качеств предударного звука. Часто он представлен в виде гласного, лишь слегка пониженного по сравнению с *е*, но уже, безусловно, принадлежащего категории переднего *а*. Менее часто слышится совсем явно выраженное образование *а*, возможное при яканье, например, во многих говорах Рязанской, Московской, Смоленской и других областей: *в'ăснá*, реже *в'аснá*; *пр'ăмóй*, *пър'ăд'úс'*, *ул'ăт'ĕл*, *р'ăбы́х*, *с'ăды́х*, *фп'ăр'óт* и т. п.

Преимущественного употребления якающих форм в отдельных словах найти не пришлось. Наоборот, исключительно *е* отмечается в слове *Р'езáн'*, даже в речи лиц, более склонных к смешению еканья с яканьем.

Шахматовым элементы яканья в Леке не показаны совсем Можно предполагать, что во время своей работы в Ялмоти он лишь случайно их не зафиксировал. В то же время Дурново отметил следы яканья во всей округе, побывав здесь за два года до Шахматова (в 1910 г.).

Причины присутствия в Ялмоти элементов яканья остаются неясными. Какого-либо нового за последние 30—40 лет влияния южнорусского наречия со стороны некоторых говоров Рязанской или Московской областей предполагать нельзя, так как для этого не возникало никаких исторических предпосылок.

Ялмоть в экономическом и бытовом отношениях издавна тяготела к Москве, а не к Рязанской области и юго-восточной части Московской области, где существует сильное яканье.

Делать решительные заключения о возрастании или деградации элементов сильного яканья в говоре Леки на основании только записанного экспедицией 1945 г. материала нельзя.

Следует лишь иметь в виду общую тенденцию диалекта — развитие его в сторону литературного языка. Можно предполагать, что якающие формы, акустически более заметные на фоне речи, при изживании диалектизмов оставляются скорее, тогда как еканье сохраняется дольше, поскольку оно менее обращает на себя внимание при сравнении с литературным произношением (хотя бы с его вариантом, употребляющим предударное *е*"). Вероятно, перед нами все же давний по употреблению в местном говоре признак смешения двух систем вокализма (примеры с яканьем записаны от местных уроженок — женщин из отсталых в культурном отношении семей, преимущественно неграмотных старух, не выезжавших ни разу в своей жизни за пределы ближайшей округи).

Надо отметить, что за пределами Ялмоти на западе, в окрестности районного центра — с. Коробова, замечается тоже еканье при параллельном, но более редком проявлении сильного яканья. На юго-запад от Ялмоти (Харлампеево Коробовского района, Куплиям Егорьевского района) в качестве спутника общему еканью выступают уже признаки такой сложной системы, как ассимилятивно-диссимилятивного яканья, являющегося наследием южнорусской основы данных говоров (кроме того, в них заметны остатки и других южнорусских элементов: г фрикативного, оформления 3-го лица глаголов с *т'* и других черт, в том числе и лексических).

Во втором и более отдаленных предударных слогах на месте фонем *е, ê, а* говор Леки, как и всей Ялмоти, представляет редуцированный гласный среднего или несколько повышенного подъема, а в факультативном произношении сближающийся со звуком верхнего подъема — открытым *и*. Последовательного появления звука *и* в этом положении, что показано Шахматовым („Лека", стр. 28), нами не отмечено.

Остается неясным сообщение Шахматова о произношении „редуцированного *е*", являющегося „звуком средним между *и* и *е*, притом кратким и неопределенным" („Лека", стр. 24).

Этому может соответствовать в новых записях пример факультативного повышения подъема предударного гласного при еканье (типа *в'е"сна́*). Но Шахматов показывает наличие данного звука не только в „слабоударенном слове" (его пример *сафс'ɛвω горада́* может быть понят с *е"* в слове „всего"), но и в более ограниченных условиях — в предударном слоге, когда под ударением находится именно *ѣ*: *т'ɛл'ѣа́*... („Лека", стр. 24). Нашей экспедицией такой закономерности не обнаружено, так же как и других каких-либо следов принципа ассимилятивности в вокализме.

При заударном положении фонем *е*, *ê*, *а* после смягченного согласного в конечном закрытом слоге, сравнительно сильном по условиям местного вокализма (см. выше), встречается звук типа открытого *и*, а факультативно — более низкого образования — *ь*: *д'е́с'ит'*, *вы́н'ит* или *д'е́с'ьт'*, *вы́н'ьт*; *вы́л'ьт'ил* или *вы́л'ьт'ьл*.

Шахматов показывает в этом положении только звук *и* („Лека", стр. 29).

Заударный не конечный слог как более слабый значительно реже представляет в настоящее время звучание *и*, обычно же — *ь*: *о́з'ьра* (реже *о́з'ира*), *за́н'ьта* и т. п. Шахматов для этих случаев считал характерным наличие *и*.

В архаическом слое говора встречаются, хотя и несколько реже, в конечном закрытом слоге подобные формы с более или менее ослабленным *а* (в пределах от явственного *а* до *ъ*), перенесенным сюда, как указывает Шахматов („Лека", стр. 30), по аналогии с соответствующими морфемами, где гласный находился после твердого согласного: *вы́н'ис* или *вы́н'ас*, *д'е́с'ит* или *д'е́с'ат'*, *с'и́н'ицъ* или *с'и́н'ацъ*. В записях попадаются еще примеры типа *вы́н'ъс*, *де́с'ът'*, *с'и́н'ъцъ*, *рад'и́т'ъл'ъм* и т. п. Факультативных вариантов с *ъ* после смягченного согласного Шахматов не показывает.

Какой-либо связи в употреблении форм предударного яканья и форм с заударным звучанием *а* после смягченных согласных не обнаружено. Эти два явления не сопутствуют одно другому и могут совпадать лишь случайно.

В случае факультативного усиления конечного слога (см. выше) гласные в нем получают более полновесное образование: *по́цис* или *по́цас* — с четкими звучаниями *и*, *а*.

В конечном открытом слоге на месте фонем *е*, *ê* образуются гласные типа *ь* или *и*: *ид'и́т'ь* или *ид'и́т'и*, *ап сы́н'ь* или *ап сы́н'и*. В работе Шахматова в соответствующем изложении показано только *и*.

На месте конечного *а* в наших записях встречается звук *а*, более или менее редуцированный. В некоторых морфемах по известной аналогии на месте конечного *е* отмечено такое же звучание: им. п. *по́л'а* или *по́л'ъ*; род. п. *по́л'а* или *по́л'ъ*. У Шахматова сильная редукция подобных флексий не показана.

После отвердевших согласных *ж*, *ш*, *ц* здесь только в некоторых случаях представлены изменения гласных, как после смягченных согласных.

Только в архаическом слое говора сохраняются остатки произношения предударного *е* на месте *а* после *ц* в слове *цер'а́*, *цер'и́ца* (при *ца́р'*), что во время обследования Шахматова было для говора обычным („Лека", стр. 27).

Наряду с прежними *жера́*, *шелу́н* в настоящее время отмечены примеры *жара́*, *шалу́н*; наряду с *жена́*, *жени́х*, *шесто́к* („шесток"), *шелу́шк'и*, *ч'ево̂*, *ч'есы́* отмечено, с одной стороны: *жына́*, *жын'и́х*, с другой: *жан'и́х* (единично), *шашто́к*, *шашто́ц* (шестой), *шашна́цът'*, *ч'асы́*. Шахматов записал также некоторые сходные формы с *е* или *а*. Подобная смешанность явлений продолжается до сих пор; норма, принятая литературным языком, в Ялмоти пока не утверждается.

Редукция гласных верхнего подъема. В говоре Ялмоти (как и в соседних с ней говорах) наблюдается характерное распространение редукции на гласные верхнего подъема в наиболее слабых слогах.

Явление это не проводится последовательно; оно встречается чаще в архаическом слое говора.

В наиболее ограниченных условиях редуцируется, очевидно, *и*. Отмечено одно слово, где *и* ослабляется вплоть до выпадения: *на у́л'цу*, *у́л'ца*. В словах мужского рода с формативом *-ин*, *-ик*

редукция *и* обычна, причем *и* получает понижение в подъеме и ослабление звучания до типа гласного *ь*: *бáр'ьн, татáр'ьн, мáм'к'ьн, папáн'ьн* (так звучат и фамилии на *-ин*); *ч'áцн'ьк, мáл'ч'ьк, пáл'ч'ьк*. По указанию местных учителей, это служит источником характерных ошибок учащихся; в их тетрадях находятся написания: *Папанен, чайнек* и т. п.

Более определенна редукция *ы*, хотя и редко встречающаяся, на что указывает и Шахматов („Лека", стр. 25): *ръбак'ú, мълавáр*; в префиксе *вы-: въхад'ùл'и, въплывáцут*, может быть и в форме: *съзмал'ёцтва* („сызмалетства"); за ударением: *пúстан'* или *пúстън'* („монастырь"). На конце слова (во флексии) редукция *ы* не осуществляется.

Редукция *у* очень заметна, так как она сопровождается не только понижением гласного, но и его делабиализацией. Примеры на *у* в слогах до ударения — после твердого согласного: *съндук'ú, хъдаш'áвъц, кърапáтк'и, с кълач'óк;* после смягченного согласного: *л'ьбавáтцът'* (или *л'ибавáтцът'*), *кл'ьч'евáца вадá*. За ударением: после твердого согласного — *óмът* или *óмат*, постоянно в названии села *Б'ielмат* (Белоомут); после смягченного согласного: *кóн'ьх* или *кóн'их*.

Во флексиях в некоторых суффиксах заударное *у* не редуцируется в силу известной тенденции выделять в речи характеристику морфемы: *мáму, л'úб'ут; jéдут; jéдуш'ицы, в'ieрушúц, д'iедушка*.

Замечание о вставке *ц* (*j*). Следует отметить одну черту, не показанную Шахматовым: в новых записях обнаружено несколько случаев, когда между союзом *и* и следующим словом, начинающимся с *а* или *о* под ударением, присутствует *ц*, факультативно достигающий характера *j*: *анá и цóвъда бajúтцы, и jáд бúл напúсан* („и ад" — об иконе), *и jóфцы бúл'и* (ср. после *ы*: *у нас ы óфцы*), *и цóн сáм, хът' и jóн* (в говоре данное местоимение имеет вид „он"). Ср. один пример с *j* внутри слова: *ф'к'ujóтк'и* (т. е. в рамке — о фотографии). Заслуживают внимания два примера с *j* в предударном слоге: *и jадны́, и jадна́*.

Замечание о составе гласных лекинского говора. В своей статье Шахматов дает перечень гласных звуков, встречаемых в лекинском говоре: „гласные полного образования *а, о, ô, ѡ, ѡ̂, у, ы, ă, е, ê, ѣ, ѣ̂, и*“ („Лека“, стр. 7); „гласные неполного образования: *ă, ɑ, ɛ, ɔ*“ („Лека“, стр. 23—24).

Подходя к фонетике с позиций Шахматова, можно было бы сделать следующие добавления.

Прежде всего надо отметить, что в первом ряду смешанно представлены гласные основные (например, *а*, ѡ), а также их видоизменения, частью вызываемые характером соседних согласных (например, *а* между смягченными согласными), а частью появляющиеся „при условиях неясных“, что „возможно ... зависит от эмфазы“ („Лека“, стр. 12 и др.). Это — напряженные гласные, образуемые факультативно (например, ѡ̂).

Список гласных, составленный Шахматовым, можно еще расширить. В группу вариантов, обусловленных положением гласного в слове, надо добавить звучания гласных, изменяемых в связи с твердостью или смягченностью соседних согласных: *э* в параллель к *е* (ср.: по такому принципу в списке уже представлена пара *ы — и*); если показано характерное звучание *ă*, то на этом же основании надо добавить сюда *ў* (например, *л'ўд'и*, см. „Лека“, стр. 17), *ы̆* (например, *жы̆т'*, см. „Лека“, стр. 18) и не показанное Шахматовым *о̆* (например, *т'о̆т'а*; эта деталь в транскрипции не отмечалась). Здесь же следует упомянуть о напряженных гласных слога под ударением, например, *а* (перед *л*, см. „Лека“, стр. 7), о ненапряженных безударных гласных *ы, у* („Лека“, стр. 17), об открытом безударном *и* („Лека“, стр. 23). К факультативным вариантам гласных (например, *ô, ѡ̂, ѣ̂*) можно добавить спорадически появляющиеся напряженные *ы̄, э̄* (отодвинутые назад), а также $\widetilde{o^{y}}$, $\widetilde{e^{и}}$, как варианты к *о, е*. К гласным неполного образования можно было бы прибавить *ь* (если только этот звук не обозначен уже Шахматовым посредством *ɛ*, хотя и для предударного положения, см. „Лека“, стр. 24).

Если в общем перечне гласных учесть все разнообразные, *у*как бы „синонимичные“ звуки, то обнаружатся основные и

виды — фонемы. Группируя таким образом гласные, показанные Шахматовым на стр. 7 „Описания", получаем: *а* (или *ă*), *о* (или *ô*), *ѡ* (или *ѡ̂*), *у*, *е* (или *ê*), *ѣ* (или *ѣ̂*), *и* (или *ы*). По принятой для Диалектологического атласа транскрипции, те же семь гласных фонем, до сих пор употребляемые архаическим слоем лекинского говора, обозначаются буквами: *а*, *о*, *ô*, *у*, *е*, *ê*, *и*. Передовой слой говора, как было показано выше, в настоящее время уже характеризуется наличием только пяти фонем, поскольку фонемы *о* и *ô* совпали здесь в одной *о*, а *е* и *ê* в одной *е*.

Консонантизм. Говор Леки, как и всей Ялмоти, представлял во время обследования Шахматова тот же состав согласных, что и литературный язык, но при наличии только одной аффрикаты, соответствующей согласным *ц* и *ч'* литературного языка. Отход от цоканья тогда еще только намечался („Лека", стр. 36).

Можно установить, что в настоящее время передовой слой говора полностью перешел на литературный состав консонантизма, т. е. освоил различение двух аффрикат: *ц* и *ч'*. Архаический же слой говора до сих пор представляет процесс усвоения фонемы *ч'* (о чем подробнее — в разделе о цоканье).

Звучание согласных фонем передового слоя говора соответствует их литературному произношению.

Взрывной *г* (с его оглушением в *к*) распространен во всей Ялмоти. Южнее и юго-восточнее ее уже встречаются говоры со следами бывшего или современного употребления γ (например, в деревнях южнее Касимовки известны соотношения типа *кру́х-кру́га*, а также спорадическое употребление γ на месте *г*).

Долгие шипящие в говоре Леки и всей окрестности смягчены: *ш̄'у*, *ж̄'а́й*. Однако в речи мужчин зафиксированы единичные случаи произношения в слове *у̯це̄жа́т'* (с производными формами) *ж̄* твердого.

Смягченные согласные в передовом слое говора имеют степень смягчения, как в литературном языке. В архаическом слое говора перед некоторыми гласными переднего ряда спорадически встречаются согласные, менее смягченные, что было

очевидно, не шире по употреблению и во время пребывания в Леке Шахматова. Об отвердении согласных см. ниже.

т', *д'* не имеют следов последующей фрикации, хотя бы слабой (несколько заметной, например, в московской речи). За пределами Ялмоти встречаются говоры с более или менее ясным дзеканьем, например, некоторые касимовские (на востоке), бронницкие (на западе), также и окающий говор с. Туголиц, расположенного в 35 км к северо-западу от Ялмоти („Пустоша", стр. 306). Тем не менее и в Леке в индивидуальном произношении лиц, активно усваивающих городскую речь, заметна тенденция к развитию фрикативного элемента после *т'*, *д'*. Примеры такого происхождения с *т͡с'*, *д͡з'* и даже несколько аффектированным *ц'*, *д͡з'* записаны от молодых женщин, живших по нескольку лет в Москве или в Егорьевске. Члены их семей, остававшиеся в деревне, произносят *т'*, *д'*. Такого же рода факты наблюдались еще в нескольких селениях Коробовского и Егорьевского районов.

с', *з'* не имеют оттенка шепелявости, как в некоторых бронницких, егорьевских и касимовских говорах.

к', *г'* остаются без передвижения их в зону краепалатальных огласных, как и в говорах соседних с Ялмотью районов. Единичные примеры типа *мад͡з'ила* могут относиться к явлениям индивидуальной речи. Особо отмечены некоторые слова, отстоявшиеся в такой форме, может быть сложившейся не на местной почве: *архáн'д'ьл*, *áн'д'ьл*, *јевáн'д'ьл'с'къц*.

Цоканье. Совпадение двух аффрикат *ц* и *ч'* в одной, обычно свистящего типа, наблюдается сейчас, как было указано выше, лишь в самом архаическом слое говора и преимущественно в речи старых женщин.

Шахматов показывал систематическое в Леке для женской речи цоканье, причем единственная аффриката имела звучание *ц* твердого. (След исконной мягкости *ц* отразился на вокализме: *ат'êц*.) Только „в говоре лиц, подражающих произношению городскому, кроме *ц*, известно и *ц'* на месте *ч'*" („Лека", стр. 36).

В настоящее время в говоре одного и того же лица в системе цоканья можно наблюдать смешение форм с *ц*, *ц́*, *ц'* и *ц"*. Единично попадаются и примеры чоканья в виде *ч'* и *ч́*, редко *ч* твердого.

Всегда твердой является аффриката в сочетаниях *тц — атцá*, а также в возвратных формах глагола (из *-ться, -тся*) — *катáтца*.

Отмеченная Шахматовым группа *сц* из *сч'* как вариант, соответствующий *ш'* (*сцас'jă* — „Лека", стр. 36), вытеснен формой с *ш'* (*ш'итáт'*, *ш'ас'ць*).

Сплошная запись живой речи, произведенная в 1945 г., обнаруживает смешение в современном говоре Леки двух систем консонантизма: с одной и двумя аффрикатами. В более интимном „просторечном" стиле беседы, как и следовало ожидать, цоканье преобладает. В публичной речи, например, при выступлении на собрании, употребление цокающих форм сводится к минимуму при общей тенденции сгладить в этом случае и остальные яркие диалектные признаки. Правильный переход к консонантизму с двумя аффрикатами свидетельствует о двуязычии представителей местного говора (адаптивные формы с ошибочной постановкой *ч'* на место исконного *ц* единичны: *ч'áр'*, *ч'élъц*).

Цоканье иногда изживается таким путем, что этот процесс не сразу обнаруживается. Говор в своем приближении к литературному языку уже усваивает недостающую ему вторую аффрикату, но из-за не выработанного еще навыка ее артикулирования представляет звуки, сходные с ней по мягкости, — в виде свистящей аффрикаты. Звука *ч'* еще нет, так что внешне цоканье еще продолжает существовать, но в консонантизме говора уже налицо две аффрикаты: в соответствии с *ц* — здесь *ц* твердое, в соответствии с *ч'* — здесь приближающееся к нему по мягкости *ц'* или *ц"*, еще более близкое к характеру шипящей аффрикаты. Эти две аффрикаты являются непарными по твердости и мягкости; ср.: *кл'ýц'* — *кл'уц'é*; *ат'éц* — *атцé* (где *ц* остается твердым перед *е*).

Свидетельством того, что круг факультативных вариантов — *ц'* и *ц"* — при оформлении цоканья не является пережитком

глубокой древности — эпохи возникновения цоканья, когда существовал лишь тип смягченных аффрикат, представляет регистрация этого факта у лиц, изгоняющих из своей речи диалектизмы, в частности, цоканье. Об этом говорят и показания местных жителей, совпадающие с данными работы Шахматова о том, что лет 30—40 назад в Леке и ее округе было характерно цоканье с *ц* твердым. Это определяет направление развития данной диалектной черты.

Сходный процесс утраты цоканья наблюдался и Д. Бубрихом в соседнем пустошенском говоре.

Весь лексический материал говора, представлявший единую аффрикату *ц*, должен был распределиться по двум группам: одну — с сохранением *ц*, другую — с заменой *ц* посредством *ч'*. Это могло быть сделано лишь путем сравнивания с литературным языком (или каким-либо из нецокающих говоров). В местных говорах остались как реликты утраченного цоканья те редкие слова, которые не встретили в речи литературного типа соответствующий образец „для исправления" *къцедык* (инструмент для плетения лаптей), *цур-цура* (формула запрета в игре).

Примеры из местной топонимики также дольше других слов звучат в старом звуковом оформлении: *Кушов'иц"а*, *Кушев'ицы*, *Кушев'ица* (обычные варианты названия деревни „Якушевичи", находящейся в 3 км от Леки), где *ц* твердое уже закреплено. Возможно, что официальный вид названия соседнего села *„Пышелицы"* (или Пышлицы, находящейся в 3 км от Леки) обязан своим происхождением фиксации цоканья в старом патронимическом формативе *ичи* — в забытой форме *Пышеличи* (ср. соседнее Якушевичи. В округе есть еще *Радовицы*, южнее — *Любичи*).

Палатализованные согласные. Соотносительные по твердости и мягкости пары согласных здесь те же, что и в консонантизме литературного языка.

Звучание смягченных согласных в передовом слое говора Леки и всей округи сходно с литературным их произношением (при отсутствии следов фрикативного элемента после *т'*, *д'*).

Однако в архаическом слое говора в Леке и, особенно, на окраине Ялмоти — в д. Коренец, наблюдаются остатки смешанного употребления полусмягченных на месте смягченных согласных, а спорадически и вполне твердых согласных, главным образом перед *е*, не происходящим из *ѣ*.

По „Отчету" Дурново (стр. 170) известно, что в акающих говорах Егорьевского уезда встречаются твердые согласные перед *е*, хотя и непоследовательно.

Шахматов сообщает о полумягких согласных перед *е* в произношении многих лиц („Лека", стр. 11), а „в произношении некоторых женщин ... даже совершенное отсутствие мягкости согласной" в таком положении. В „Очерке древнейшего периода истории русского языка" (стр. 128) он упоминает, что для восточной части Егорьевского уезда (т. е. для Леки) это черта вымирающая, известная еще и в соседнем (на север) Судогодском уезде „по крайней мере под ударением".

Сходное явление отмечено Бубрихом в соседнем окающем говоре с. Пустошей, Гвоздевым — в акающем говоре с. Тихонова Судогодского уезда. Такое же спорадическое употребление в некоторых положениях несмягченных согласных встречается еще в ряде говоров Рязанской области, о чем упоминают в своих работах Н. Н. Дурново и А. М. Селищев. Это же подтверждают и материалы экспедиций для составления Диалектологического атласа, полученные, например, из Спас-Клепиковского, Михайловского и Елатомского районов Рязанской области, Коробовского и Егорьевского районов Московской области.

Современные наблюдения над архаическим слоем говора Ялмоти, до сих пор представляющим (но уже не в речи многих лиц, как во время работы здесь Шахматова) смешанное употребление смягченных и несмягченных согласных, позволяет сделать следующие обобщения о характере взаимоотношений парных (по мягкости и твердости) согласных.

Только факультативное употребление вполне твердых согласных, очень редкое в потоке живой речи и, очевидно, характерное для более слабых слогов (т. е. не в составе ударного

слога), создает подлинное совпадение твердых и мягких согласных в одних твердых (перед некоторыми гласными переднего ряда). Такие примеры найдены только перед фонемой *е*: *тэп'ёр'*, *дэв'ц̣áтъц̣*, *дэс'áтъи*, *вэс'óлъи*, *хмэлн'óц̣*, *дэр'ёв'н'а*, *двэр'áх*; *пóсьрцу* (по сердцу), *По͡ьсьрда* (название с. Посерда), *зáтьмна* (затемно); несколько чаще в отрицании: *нэ знáл*, *нэ нáда*; также в предлоге „без": *бэз вáс*, *бэз атцá*; единично — в ударном слоге: *пэ́рвъц̣*, *пэч'*, *канэ͡ъшна*, *нэ́ был*, *двэ́р'и*, *дэ́в'ьт'*, *сэ́м'*. Но хоть сколько-нибудь ощутимая степень неполной мягкости согласного позволяет сохраниться противопоставлению его соответствующему мягкому согласному; ср.: *дэ́н'* (день) и *над'ён'* (от надеть).

В основном несмягченные согласные произносятся перед фонемой *е*, тогда как перед фонемой *ê* согласные смягчены. Это содействует акустическому различению слогов с фонемами *е* и *ê*; ср.: *сéрцъ* и *с'ềрци*.

Произношение более переднего *е* перед отвердевшими согласными в виде сходном или совпадающем с *ê*, не вызывает смягчения предыдущего согласного, в чем и сохраняется след прежнего различия в таком положении фонем *е* и *ê*; ср.: *канềшна* и *с'п'ềшна*.

Неполное смягчение особенно заметно проявляется в образовании зубных и губных согласных; в меньшей степени — в образовании средненебных, т. е. согласные в слогах *с̀е*, *н̀е*, *б̀е*, могут оказываться значительно тверже, чем согласные в слогах *г̀е*, *к̀е*, (*х̀е* — не отмечено): *Г̀ен'к'а* (имя), *г̀ерáн'*, *пак̀ét*, *лак̀éц̣*, *к̀ел'ц̣а*. Записан лишь один пример факультативного приближения *г'* к задненебной артикуляции — в слабом слоге: *јевáнгъл'скъи*.

Особо отмечается изменение *л'*, приобретающего в этом случае оттенок *l* европейского, а в более редких вариантах произношения — и полное с ним сходство: *правлéн'ц̣ь*, *усплéнскъц̣*, *јеl͡eна*, *рублéй*, *l͡eкцыца*. Подобное образование *l* известно и в говоре с. Пустошей („Пустоша", стр. 332).

В индивидуальной речи лиц, переходящих на вокализм литературного типа, иногда сохраняется след прежнего различения

е и *ê* только в том, что согласные перед фонемой *е* (не восходящей к *ѣ*) спорадически оказываются полусмягченными; ср. *мéл'-н'ица* и *м'éл'*, *пéрвъц* и *п'éл*.

В дополнение к материалам Шахматова нами отмечены еще редкие случаи полусмягченного произношения согласных перед фонемой *и*. При этом образуются слоги, звучанием напоминающие украинские *си*, *ни*, *ти*...; примеры найдены преимущественно на зубные согласные: *пр'идú*, *с'идú*. Ср.: в говоре с. Пустошей („Пустоша", стр. 332) несмягченность согласных перед *и* обычна.

Отсутствие материала, показывающего направление развития отвердения согласных, не позволяет заключить, распространение ли это навыков артикуляции с положения *ce*, *те* на *си*, *ти* или след старшего отвердения согласных перед *е*, *и* (подобно украинскому). Во всяком случае в ударном слоге перед фонемой *ê* (как монофтонга, так и дифтонга), являющейся также образованием выше среднего подъема, отвердения согласных не отмечено.[1]

Вероятно, новое в истории говора представляют единичные, но принципиально важные случаи неполной смягченности согласных перед остальными гласными и даже в положении не перед гласными: *при нóм*, *идóть*, *дать* (inf.), *гость*, *дýмать надъ*, *брóс* (imper.; в конце фразы), *пать'* (пять), *глáдут*, *истаплý* (истоплю). Появление таких согласных на конце слова не связано с качеством начального согласного следующего слова.

В материалах Шахматова соответствующих заметок не имеется, однако он дает пример твердого *р* на конце: *т'еп'ер* („Лека", стр. 40). Нечеткость принципа употребления полусмягченных согласных выражается в их непоследовательном появлении даже в составе одного слова, а также в отсутствии их закреп-

[1] Ср. факультативное полусмягчение согласных перед фонемой, происходящей из *ѣ*, в говоре д. Щербатовки Елатомского района Рязанской области: *дêфка* и т. д. В записи Гвоздева (говор с. Тихонова Судогодского уезда) есть пример такого же рода: *сэмички*. В истории говора это может быть новшеством.

ления за определенными формами слов или лексемами, так что в речи одного человека в одной и той же фразе могут оказаться противоположные примеры: *сид'и́ ад'и́н т'и́ха! вниман'ица! аткры́т н'и праси́; дерэ́в'на, д'ерэ́в'н'а, дер'э́в'н'а* наряду с *д'ер'э́в'н'а*. Какой-либо зависимости здесь от интонации (например, в случаях эмфазы) или от окружающих фонетических условий не прослежено: *Бэз уч'о́та што́ гвар'а́т изба́ б'ез дв͡э́р'и;* счёт: *сэ́м'*, *в͡уосьм'*, *д'е́в'ьат'*, *дэ́с'ат'; п'е́рвъ̣* и *пэ́рвъ̣*, *тр'е́т'и̯ц* и *тре́т'и̯ц; ло͡у́н трепл'ут; селе́н'ца р'езанск'ицы; зва́т' jelé͡на; скэ́л'к'ь руб'ле̯ц та? руб'л'е́ц с'ем'.*

Наличие несмягченных (в различной степени) согласных не зависит от места ударения в слове,[1] только согласные перед фонемой *э* выявляют некоторую закономерность: в случае ее безударного положения перед ней встречаются несмягченные согласные. Однако найдены единичные примеры такого типа: *сьмена́, мен'а́л'и, дева́т'* наряду с *с'ьм'ена́, с'ьмена́, д'ева́т', ръз'д'ева́т* и др. Большинство таких случаев показывает сохранение смягченных согласных: *дв'ена́тцът', пъс'п'ева́т', м'ьнаво́ц, с'ьнако́с.*

В противоположность этому перед фонемой *е* в ее безударном положении, как бы она ни звучала, в этом типе речи характерны несмягченные согласные, т. е. *весна́, вп'эр'о́т, сево́д'н'ь*, но при этом *дв'ена́тцът'* и т. п., в остальных слогах перед ударением: *сьпара́т* (сепаратор), *сьмеры́х, сьм'еры́х, эьмл'ено́ц, пьрьдава́л'и*; в слогах за ударением: *в͡уосьм'*, *г'у́сьн'ицы*, *пацдо́ти*, *По͡у́сьрда*, *По͡у́сьрда* (название с. Посерда), *jева́нгьл'ско̯ц.*

Важно, что при системе еканья перед фонемой *а* в предударном положении не встретилось согласного без смягчения: *р'еды́* (ряды), *р'ебо́й, пр'емы́ць, п'ета́к, л'еги́шка, п'етна́шк'и* (игра в „пятнашки"). Найдено следующее сопоставление: от глагола „вязать" производятся формы со смягчением *в* (формы

[1] Ср. обратное в замечании Шахматова, что не смягченные согласные сохраняются в слоге перед *е* „по крайней мере под ударением" („Очерк древнейшего периода истории русского языка", стр. 128).

образуются по типу глагола „трясти“): *в'ес'т'и* (inf.), *в'езу́, в'ез'о́ш, в'ез'о́т, в'ез'о́м, в'ез'о́т'ь, в'езу́т;* прош. вр.: *в'ác, в'езла́.* Часть этих форм омонимична с формами глагола „везти“, но последний может представлять *в* несмягченное. В этом случае омонимичность устраняется: *вес'т'и́* и *в'ес'т'и́, везу́* и *в'езу́, везла́* и *в'езла́.*

В икающем говоре соседней д. Перхурово отмечены примеры типа *тилу́шка, висна́, ни та́к,* т. е. с сохранением несмягченных согласных перед измененным звучанием *е* в предударном слоге.

В систему предударного вокализма говора Леки, т. е. еканья, как было указано, вмешиваются элементы яканья. В примерах с предударным звуком *а* (любого происхождения) несмягченных согласных не обнаружено: *в'аснá, д'ар'ев'н'а* и т. п.[1]

Замечание о губных согласных. В архаическом слое говора находим результат смягчения губных согласных перед средненебными и смягченным *н: ла́ф'к'и, тр'а́п'к'и, т'ес'о́м'к'и, д'ер'е́в'н'а.* Шахматов отмечал данное явление для лекинского говора как обычное („Лека“, стр. 40). В настоящее время параллельно встречаются и формы с твердым согласным — *ла́фк'и, д'ер'е́вн'а,* преобладающие в передовом слое говора.

Только в архаическом слое говора сохранился особый тип сочетания смягченного губного согласного с последующим гласным непереднего ряда, что отмечено и Шахматовым „в особенности в женском говоре“ („Лека“, стр. 55). Здесь между согласным и слоговым гласным присутствует переходной неслоговой элемент типа более или менее энергичного звучания *и̯*, иногда едва заметного, но иногда факультативно достигающего качества *j*, особенно перед ударным гласным.[2] Параллельно

[1] Отсутствие конкретных сведений о предыдущих стадиях развития лекинского говора не дает возможности определить, что здесь старше: еканье или яканье. Наличие таких пар, как *перо̂ — п'етно̂*, свидетельствует лишь о том, что в истории говора раньше отвердения согласных перед *е* было различение предударных *е* и *а* после смягченных согласных — факт, не свойственный южнорусскому вокализму.

[2] Ср. сходный материал у Д. Бубриха („Пустоша“, стр. 315).

употребляются и сочетания без переходного элемента *ц̯* (*j*), как в литературном языке.

В „Описании“ Шахматова приведены примеры на ударные слоги с *а*, *о*. По новым наблюдениям, примеры этой категории попадаются чаще всего: *п'ц̯áтнъ*, *п'ц̯áт'* (или *п'jáтнъ*, *п'jáт'*), *м'ц̯áсъ*, *слам'иá гóлъву*, *д'ьр'ев'ц̯áннъц̯*, *гав'ц̯ад'ина*, *р'еб'ц̯áта*, *с'еб'ц̯á*; *п'ц̯óньшк'и* (производное от „пень“), *р'еб'ц̯óнак*, *с нам'ц̯óта*, *м'ц̯óт*, *жыв'ц̯óм* (живем), *зав'ц̯óм* (зовем). Если неслоговой элемент в двух последних примерах достигает большой явственности, то эти слова становятся вполне омонимичными с наречием „живьём“, „завьём“ (от глагола „завить“).

Следующие примеры расширяют материал, зафиксированный Шахматовым.

Нами отмечены такие образования слогов и в безударном положении. Переходный элемент *ц̯* здесь значительно ослабляется: *д'ев'ц̯ат'*, *д'ев'ц̯ът'*, *вр'ем'ц̯а*, *вр'ем'ц̯ъ* (ср. написание в тетради ученика Лекинской школы А. Дранцына: *ставьят самовар*).

Возможность появления в потоке живой речи таких примеров понижена по общим условиям здешнего безударного вокализма (ср. параллельную форму к *д'ев'ц̯ат'* — *д'éз'ьт*, а также *п'етнô* и т. п., где на месте безударных гласных заднего ряда образуются гласные незаднего ряда; неслоговой элемент еще слышен, если редуцированный гласный близок к *а*: *д'ев'ц̯ът'*).

Тенденция обратного характера проявляется в фактах устранения неслогового *ц̯* (*j*) после согласного (только в архаическом слое говора). Обычно это встречается в слабых слогах, но единичные примеры представлены и на слоги под ударением. В слогах без ударения: *звáн'а* (званье), *въскр'ес'éн'ь*, *сабрáн'а*, *с'н'ижéн'а*, *Успл'éн'ь* (Успенье), *губ'ér'н'а*, *с'ел'éн'ь*, *с'в'ин'и* (мн. ч.), *с'в'ин'и* (род. п. ед. ч.), *с'в'ин'ьм*, *брáт'ъ двайýрны*, *свáт'а* (мн. ч.), *плáт'ь* (платье), *л'ис'т'ъ*, *валô'ь*, *Ан'ис'а* (Анисья).

В слогах под ударением: *с'в'ин'á* (чаще *с в'ин'já*), *д'áкан* (дьякон), но: *мыт'jó*, *друз'já*, *нал'ьýт*, *пъпад'já*, *д'ад'já* (мн. ч.) (ср. написание в ученической тетради: *в дяконовой лодки*). Какого-либо оттенка долготы согласного при этом не замечается.

Ср. единичный пример Е. Будде из соседнего (касимовского) говора, где показан долгий согласный: *с'е'лення* („К истории великорусских говоров", стр. 161). У Шахматова („Лека", стр. 37) находим соответствующий материал только с недолгим согласным. К нему можно добавить, что после губных согласных исчезновения *и̯* (*j*) не встречается (ср. вышеприведенный раздел о развитии переходного звука в слогах типа *-в'и̯а*): *заб'ју́т, саб'ју́м, сълав'ја, зу́б'и̯а, атр'о́п'и̯а, ско́м'и̯и* (от „скамья"), *са с'в'екро́в'и̯у, вызгало́в'и̯и.*

О некоторых явлениях в области согласных. Отмечены примеры на факультативное выпадение согласного между гласными: *б — ба́ушка, в — зау́т* (зовут, но *завý, зав'о́т*), *быа́ла, буа́ла (быа́ла до́жд'у н'ёт, папа́ зва́л'и), д'ёушка (вôн д'ёушка у́так мо́н'ит).* Устойчива форма без *в — стьнаýшк'и* (становушки — сложенные в виде шалаша снопы в поле). Единично: *у Арôп'иных* (у Воропиных). Изредка встречается отсутствие *д* между гласными: *гл'ейт'ь, гл'е̯ит'ь* (*и̯* нечетко), *гл'а̯и́м; пайи́-ка* (пойди-ка). Рядом встречаются эти же слова с *д*. Появление форм с выпадением согласных не всегда связано с небрежной манерой произношения.

Случаи диссимиляции: в архаическом слое говора изредка встречается *мло́га* (много), но рядом *по́мн'у* (ср. в говорах Егорьевского района *по́мл'у*). Эта же группа согласных *мн* видоизменена иначе в слове *гувнô*. Формы *антýда, антэ́л'и* почти вытеснены формами с *тт : аттýда.*

Случаи выпадения согласных (упрощение групп): в формативе *вс'к* обычно отсутствует первый согласный: *такô-с'къ̯, ко́рьбъс'ка̯, в Л'и̯ек'ь кан'ц̯ы́ дубáсъс'ка̯, ш̄'ем'и́льфка, ржéс'ка̯, а э́нта ху́тар.* Ср. написание адреса (письмо от местного уроженца): *„Москоской обл. Корбоского р-на".* Произношение этого форматива с твердым *с*, а также в виде *фск* принадлежит передовому слою говора.

Группа *чн* произносится в словах известной категории (не заимствованных из книжного языка) в виде *шн — гр'е́шн'ъ̯ъ̯а, р'ешно́ц̯, п'ешн'и́к.* Об этом говорит и Шахматов („Лека", стр. 38). Но сейчас отмечены еще единичные случаи

шн→сн, естественные для цокающего говора: *малôснъца*, *пъшен'йснъц*.

Случаи ассимиляции: только в архаическом слое говора сохраняется произношение слов *дамнô*, реже *рамнô* (но *дáвн'ишнъц*, *равн'áт'*).

Особо выделяется редкое для русского языка явление — прогрессивная ассимиляция.

Отмечены случаи перехода *с→ш* под влиянием шипящего в слогах *шес'*, *шес*, *жес*, *жыз'*: *шештóк*, *на шешкé*, *шешнатцът'* (в этих словах постоянно); *шèс'-сóт*, но единично *шèш-сóт*; также: *шéш к'йл*, *шéш рáс* (рядом *шéс' рáс*); случай изменения смягченного *с*: *ч'есôф шéшт*; *ръжештвô*, *даржештвá*, *к аржаштвý* (устойчиво), *в жы́жн'и*, *в жы́ж'н'и*. Для передового слоя говора эта ассимиляция не характерна. Ср. единичный случай такой регрессивной ассимиляции: *на сóн'цу вы́шушу грыбы́*.

Ассимилятивное смягчение задненебных в настоящее время встречается непоследовательно и преимущественно в речи старых женщин, тогда как Шахматов показывал эту черту без примечания, т. е. в числе обычных („Лека“ стр. 40). Примеров на *г'* нами записано лишь несколько, но на *х'* — ни одного из-за редкой встречаемости слов подобной структуры (у Шахматова есть один пример: *вал'х'ах*; см. „Лека,“ стр. 40): *ч'ьт'в'ер'г'á* (но *ч'ьт'в'ер'гý*, *ч'ьт'в'ер'гóм*), *д'ен'г'ám'и*, *къч'ер'г'ý*, *къч'ер'г'á*, *пус'т'ел'г'á* (вид птицы); *л'ýл'к'а*, *л'éцк'а*, *кóцк'у*, *ч'ецк'ý*, *кан'к'óм*, *угал'к'óм*, *архán'г'ьл'с'к'у*, *ф'óдъръс'к'а*, *крáс'-н'ин'к'ац* (муж. р.) *в н'áн'к'ах*, *в бáн'к'ах*.

В примерах на *чк* смягчение *к* более редко (как и в цокающих формах со смягченной аффрикатой): *пáлъч'к'а*, *вáн'иц'к'а*, *кры́нъц'к'а*, *мълач'к'ó*.

Случай отвердения согласного по прогрессивной ассимиляции представляют слова *цвэт*, *цвэт'óт* (наряду с *цв'иет*, *цв'ет'óт*). Форма *тв'иет*, показанная Шахматовым („Лека,“ стр. 36), почти исчезла.

О замене ф→х. По указанию местных жителей, в старину здесь произносили *Хрôл*, *Хралôф*, *Хл'имáк'ина* (название

д. Филимакино), *хунт*. В настоящее время в этих словах обычно слышится *ф: Фрôл* (название села на Касимовке), *Ф'ил'имáк'ина, фунт*, однако единично: *Хрôл, Хралôф* (почти *Хралýф*) *дэн'*.

О замене *х* → *ф*. Особого замечания требует сообщение Шахматова, что „звук *х*.... последовательно переходит в *ф* в конце слога" („Лека," стр. 37). Здесь же даются примеры, главным образом, на флексию местн. п. мн. ч. существительных, *ф пастухаф* и т. п., и только три примера на *х* (из *г*) → *ф* внутри слова: *л'óфкăj, м'jафкăj, л'офкăjă*. Противоречие обнаруживают примеры на местоимение и прилагательное, во флексии которых *х* сохраняется. В составе одной фразы находим: *пр'и дωбрых-т'и л'уд'ăф, ва фс'ĕх д'в'ер'аф* („Лека", стр. 37).

Эту черту лекинского говора мы застаем в таком виде: здесь довольно последовательно (особенно в архаическом слое говора) употребляется флексия местн. п. мн. ч. существительных с конечным *ф* вместо *х: на быкáф, в лáфкъф* и т. п.; случаи озвончения согласного: *ф Цéрус'т'ав бывáли* (т. е. Черустях), *в ъз'ерáв в'éршы стáв'ил'и*. Смешанно употребляются и формы литературного типа с конечным *х*, что особенно заметно в передовом слое говора.

Флексия местоименного склонения с конечным *х* сохраняется (очевидно, такие примеры Шахматова не представляли собой исключения). В новых записях встречается в одном контексте: *ф к'ир'п'úцных ыэбъф; а пастухáф д'ьр'ев'éнск'их; на т'íех свáд'бъф; ф сарáцаф з'емл'á в'ĕтхъца, фс'ákъц насôр в н'úх; в нáшых амбáраф хл'íеп; нав'ины н'е дажд'ýс'а, как а б'íелых п'ираги́ф скуцáцу; бáцьт, jа вымус'* (вымоюсь) *в н'úх, в' в'ĕдръф-ты; ф свajих рукáф гусыну-ту даржáла, слышл'и аб ых'их бáзрхн'ицъф* (ср. *бáхар'* — любитель рассказывать), *выръп'к'и* (вырубки) *в дáл'н'их л'есáф*. Ср. написание в тетради ученика лекинской школы: *„на плодовых деревьев растут..."*

Примеров на переход *х* → *ф* внутри слова услышать не удалось. По сообщению местных учителей, это встречается в словах

л'о́фкъц, м'а́фкъц только в речи старух. Сейчас распространено произношение *х* на месте *г*, *к* (по диссимиляции) внутри слова: *л'о́ккьи, м'а́ккъц, нахт'е́и, кахт'а́м;* то же в заимствованиях: *трахт'и́р, г'ехта́р, тра́хтар, прады́хты, кънтрахта́цыць* (здесь же один пример с сохранением фонемы *х: в скап'и́нск'их ша́хтъх*). В начале слова — колебание: *кто* и *хто*, в предлоге — *к Ко́ръбъву* и *х Ко́ръбъву;* с озвончением *к: г до́му* и *γдо́му*.

О фонетическом происхождении замены *х→ф* говорит Шахматов („Лека," стр. 37) и Бубрих („Пустоша," стр. 328). Последний обобщает свои наблюдения над этой чертой в соседнем пустошенском говоре, утверждая, что „звук *ф* заменяет *х* в исходе слова после *а* и *i̯e*, если этому не мешает аналогия". Ср.: в лекинском говоре существительные *стра́х, м'и̯е́х, ар'и̯е́х* сохраняют конечный согласный корня, может быть под влиянием форм словоизменения.

В настоящее время в говоре Леки и всей Ялмоти переход *х→ф* не принадлежит к числу продуктивных фонетических явлений. Возможно, что прежде он преобладал здесь в окончаниях слов после гласного *а*; поэтому его результаты закреплялись во флексии существительных *ах→аф*, но не во флексии местоименного склонения *-ых (-их),-ех*. Слова *м'а́фкъц, л'о́фкъц* объединились по типу диссимиляции с более обширной группой слов, где возникало звучание *х: хто́, х каму́*, отсюда *м'а́ххъц*. Ср.: заимствованные слова представляют также *х: трахт'и́р, г'ехта́р*.

В соседнем Подмосковье (см. Дурново, Отчет, стр. 167) переход *х→ф* замечается и в окончаниях прилагательных. Несколько примеров типа *ф т'е́ф дама́ф, в адны́ф рука́ф* записано и нами западнее Ялмоти — в Коробовском и Егорьевском районах.

Однако надо указать на единичные случаи особого произношения *ф* и *х*, что может являться следом прежнего существования в здешнем говоре нечеткого (в некоторых положениях) разграничения этих звуков. При записи примеров с флексией в виде *-а́ф* иногда возникало сомнение, не ближе ли к действительности будет обозначение согласного буквой *х*, когда

здесь слышался *несколько ослабленный* фрикативный звук, напоминавший одновременно *х* и *ф*.

Нельзя сказать, что его воспроизведение хорошо удавалось сочетанием двух артикуляций: некоторого подъема задней части спинки языка к заднему нёбу и губно-зубного сближения, характерного для *ф*. Скорее этот не расчлененный по своему звучанию согласный образуется при более закрытом, чем при *х*, рте; ненапряженный язык с ровной или слабо выгнутой спинкой (его кончик касается сзади нижних зубов) на всем своем протяжении несколько приближен к нёбу движением всей нижней челюсти, благодаря чему передняя часть рта оказывается довольно мало открытой при пассивном состоянии губ. Относительное сближение верхних зубов и нижней губы создает оттенок звучания *ф*, к которому примешивается тембр слабого *х*, образуемый прямым током воздуха из глубины рта.[1]

Смягченной разновидности этого согласного не отмечено. Ей соответствует четкое образование *х'*. Может быть неслучайно этот „диффузный" согласный, возникающий независимо от постановки слова в фразе, отмечен после ударного гласного, например, на месте *х* во флексии *-ах: пр'ишóл дамóцу нъ къстыл'áх; нъ сталбáх шкурá* (кора) *н'е садрáта; нъ кр'уч'кáх в'ез'óм* (вяжем) *ил'и на с'п'úцъф; фс'ó утъш'илá в м'ешкáх аднá; рáдуга на ц'еп'áх в'ис'и*. Не во флексии этот звук отмечен только в словах; *сóху, сóхъм'и, сóхам* (но с ясным *х, х'* в примерах *сахôи, сóх'и*). Возможно, в порядке смешения согласных этот же средний между *ф* и *х* звук встретился и на месте *ф* (при оглушении *в*) в словах *óфцу, óфцы, д'ёфка*. Первое слово два раза отмечено с явным *х: д'ёхка* (в индивидуальном произношении). После безударного гласного — *афцá, д'ефч'óнка*, а также в случаях с *ф'* — *д'ёф'к'и* слышится четкое *ф, ф'*, как и в конце слов: *бóръф, крóф'*.

Можно сравнить, что произношение типа *лáхка, трáхка* встречается в некоторых говорах северной части Рязанской

[1] Ср. указание Бубриха („Пустоша", стр. 328): „пустошенское *f* тождественно по артикуляции с московским. Но когда *f* восходит к *х*, оно артикулируется как-то слабее".

области, где замена *ф* (из *в*) посредством *х* еще чаще встречается во флексии мн. ч. *-ов: быкóх.*

В западной части Коробовского района также отмечены редкие случаи: *хл'ебóх, п'ирагóх* при более обычном там *хл'ебóф.*

О МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ГОВОРА

В настоящее время морфологические черты местного говора в его архаическом пласте в основном остаются теми же, что и во время наблюдений Шахматова.

Некоторые найденные теперь расхождения в этой области зависят от сдвига говора в сторону приближения его к литературному языку, вследствие большого культурного роста социалистической деревни. Иные особенности, вероятно, не такого нового происхождения, могли в свое время только случайно не попасть в запись Шахматова, т. е. нет основания предполагать, что они возникли именно в период после 1913 г.

Тематика и условия проведения экспедиции 1945 г. обусловили известную недостаточность материала по разделу морфологии. Тем не менее, можно сказáть, что в противоположность описанию Шахматова парадигмы основных морфологических явлений собраны сейчас полнее. Но они, к сожалению, не представлены во многих лексических группах, что было бы необходимо для всестороннего изучения говора. Поэтому чередование звуков в различных основах при словоизменении, а также место ударения в слове остались без подробного наблюдения.

Ниже даются сведения о некоторых морфологических чертах, показанных Шахматовым в ином виде.

В склонении имен существительных с окончанием на *-а* отмечаем сейчас обычное употребление форм род. п. ед. ч., как и в литературном языке: *у с'естры́, с наг'и́, з'емл'и́*; то же при безударном окончании: *у бáбы.* Параллельно встречается употребление формы этого падежа с флексией *ê* (под ударением также *ие̂*, в разновидности говора, изживающей фонему *ê*, здесь встречается ее замена — *е*): *у жен'ие̂, с наг'ие̂;* без ударения: *у бáб'ъ* (с колебанием в конечном гласном оттенков от *ъ* до *и*).

Шахматов показывает только флексию последнего вида, т. е. *ê*. Можно думать, что равноправная теперь флексия первого вида (*ы // и*) является здесь новшеством — приближением к городской речи (именно литературного образца, так как в московском просторечии, как известно, смешанно употребляются формы род. п. типа *у жене́*, но еще чаще это наблюдается в случаях безударных окончаний: *у ма́ме*).

Не представленная Шахматовым целиком парадигма имен жен. р., оканчивающихся на согласный, встречается, как и во многих рязанских говорах (это же и в окающем пустошенском говоре), в частичной переработке под влиянием склонения имен на *-а: гр'ас'*, дат. местн. *гр'ез'и͡е;* также: *п'еч'и͡е*, *нач'и͡е* (но в примере с основой на отвердевший согласный: *ржы*). Вин. п.: *гр'а́с'*, *но́ч';* в твор. п., — колебание двух форм: *гр'а́з'ц͡у* и *гр'а́з'у͡ц*. Первая из них, вероятно, более новая по употреблению. Записан также вариант — переходное звено от первой формы, старшей по происхождению, к последней, производной: *гр'а́з'ууц*, где наращение конечного и могло произойти по уподоблению форме твор. п. имен на *-а* (как *з'емл'о́ц*). Твор. п. имен на *а* с безударной флексией *-уй* (*ба́буй*, *во́л'уй*), что характерно для соседних с запада и юга говоров, здесь нет, т. е. в Ялмоти известны исключительно формы типа *ба́бъц*.

Склонение имен ср. р. сейчас не обнаруживает употребления форм, присущих именам жен. р. (в говорах к югу от Ялмоти находим *ф ста́ду*, *ис ста́ды*). Но Шахматов все же дает несколько примеров на такой переход в категорию жен. р. слов „стадо“ и „чернила“ („Лека“, стр. 44). Записано много примеров род. п. мн. ч. имен различных склонений с когда-то распространившейся флексией *-ôв* (в звуковом виде *-ôф*; без ударения соответственно *-ъф*, после мягкой согласной *-ьф*). В разновидности говора, утрачивающей фонему *ô*, этой флексии соответствует *-ов*. По образцу *быкôф*, *забôръф* произведено: *съпагôф*, *к'рес'т'ја́нъф*, *аршы́нъф*, *салда́тъф*, *ба́р'инъф*, (с сохранением вида основы ед. ч.), *рад'и́т'ьл'оф*, *м'естôф*, *д'елôф*, *в'ьр'ет'о́нъф*, *р'ешо́тъф*, при сохранении вида основы им. п.: *п'ис'мъф*, *ја́ццъф*. Это же и в именах жен. р.: *ја́гъдъф*,

и́збъф, ја́блън'ıф, гармо́н'ıф; при сохранении вида основы им. п.: *ло́шкъф, ба́бушкъф, д'ếвьч'къф, сва́д'бъф, па́шн'ъф.* Вероятно, в истории данного говора, как и многих других русских говоров, флексия *-ов* (или *ôв*) никогда не закреплялась в качестве единственной и общей для перечисленных типов склонения, т. е. с момента возникновения форм *ја́ıъдъф, рад'и́т'ıл'ъф, р'ешо́тъф* равнозначные им формы *ја́ıът, рад'и́тьл'ıц, р'ешо́т* оставались в факультативном употреблении. Возможно, что в отдельные периоды развития говора первые формы превалировали над вторыми. Сейчас же наблюдается обратное, как проявление общего сдвига говора к литературному языку.

Флексия род. п. мн. ч. *-ей* обычна лишь под ударением (*гус'е́й, пал'е́й* и т. д.). Записано несколько примеров со сдвинутым с конца ударением, причем этому сопутствует всегда постановка той же распространенной флексии: ср. безразличное употребление форм *Ч'е́рус'т'ıф* и *Ч'ьрус'т'е́й* (от Че́русти — название железнодорожной станции), *к'ис'т'ьф* и *к'ис'т'е́й, с'в'и́н'ıьф* и *с'в'и́н'е́й, уч'и́т'ьл'ıф* и *уч'ит'ел'е́й.*

В местн. п. мн. ч. флексия представлена с конечным звуком *ф: на быка́ф, в гурта́ф, в рука́ф, в ач'ка́ф, ф Цьрус'т'а́ф, в З'им'енка́ф* (от названия д. Зименки); без ударения: *в ы́збъф, на сва́д'бъф, в о́кнаф, на ла́фкаф, в Пал'и́ш'аф, Пал'и́ш'ьф* (от названия д. Палищи).

Так как смена *х* на *ф* в данной флексии явилась в результате перемены артикуляции согласного *х* в известных условиях (в конце слога — см. „Лека", стр. 37), то у Шахматова эта черта описана только в разделе фонетики, а не в разделе морфологии. Этим как бы подчеркивается неправомочное положение новой флексии, вернее — фонетически-производного вида флексии в парадигме склонения.

Учитывая современное состояние лекинского говора, можно утверждать, что явление перехода *х* → *ф* принадлежит к пройденным этапам развития консонантизма (см. выше).

Следует признать, что наличие четкого произношения согласного *ф* на месте *х* только в определенной грамматической

категории — во флексиях мест. п. мн. ч. имен существительных — свидетельствует о морфологизации явления.

Ср.: *ф' к'ир'п'ӣцных ы́збъф, ва фс'ӣех д'ела́ф, на о́кньф тъ как'и́х.*

У Шахматова этот момент специально не оговорен, но в примерах на вид флексии с конечным *ф* у него присутствуют прилагательное и местоимение с *х* на конце: *пр'и дωбрых-ти л'у́дя́ф, ва фс'ѣх д'в'ер'а́ф* („Лека", стр. 37).

Надо представить себе возможность столкновения здесь звуковых омонимов, построенных на совпадении произношения безударных окончаний существительных во мн. ч. *-ов* (род. п.) и *-ах* (местн. п.), например, в формах: *у забо̂раф* и *на забо̂раф, ат ы́збъф* и *аб ы́збъф*, различение которых осуществляется лишь предлогами.

Литературные формы как более выразительные (отсутствие омонимики в этом случае) могут особенно успешно вытеснять данную диалектную черту, что и оказывается на деле. Шахматов показывал окончание местн. п. мн. ч. имен существительных *-аф* в качестве нормативного. Но в настоящее время формы с конечным *х* встречаются в порядке смешения в речи каждого носителя местного говора. Они преобладают в слое говора менее архаичного типа.

По поводу стяжения гласных — явления в основе фонетического, но особо существенного для раздела морфологии, надо отметить, что в говоре Леки и всей Ялмоти сейчас представлены формы прилагательных и глаголов лишь с конечным результатом этого процесса и преимущественно в слогах без ударения: *ста́ра ба́ба, да́л'н'и и́збы, харо̂шу даро̂гу, ты́ д'е̂лъш, мы́ д'е̂лъм, сва́л'ивъм, он раска́зывът, аны́ с'к'и́дывут.*

Единичны примеры на ударные слоги: *друга́, стару́ха, мълада́ афца́, зна́ш, к'ида́ш.* То же в формах прилагательных — названиях населенных пунктов и фамилиях: *Кълантáвъ* (Колонтаево), *Мал'е̂въ* (Малеево), *С'ер'г'е̂ф* (Сергеев).

Отсутствие в живой речи колебаний в известной шкале стяжения гласных (например: *ацэ-аэ-аа-а̄-а*), что богато представлено в соседних окающих говорах (например, в с. Пустошах),

означает нежизненность, непродуктивность данного фонетического принципа — стяжения гласных как процесса. Шахматов в своей работе о Леке не упоминает об этом, но в его записях переходных ступеней стяжения также не встречается. В настоящее время известны в смешанном употреблении вполне стянутые и нестянутые формы с возрастающим преобладанием последних, как сходных с литературными. Речь с более значительным присутствием стянутых форм считается здесь архаичной.

В новых материалах может быть только случайно не находим такого вида стяжения гласных на стыке предлога с существительным, как это записано Шахматовым („Лека", стр. 34: *на-з'ир'и* — на озере, *на-кн'ѣ́* — на окне). В аналогичных примерах теперь наблюдается лишний слог: *на́-аз'ьр'ь*, *на-акн'и̂е*, при факультативном слиянии гласных в одном долгом слоге: *за́-з'ьръм* — „за озером".

Замечания о местоимениях. В новых записях замечается значительное преобладание таких форм род. п. местоимений, как *м'ен'а́*, *т'еб'а́*, *с'еб'а́*, дат. п.: *т'еб'и̂е*, *с'еб'и̂е*, по сравнению с более редкими формами род. п.: *мн'а́*, *т'еjа́*, *с'еjа́*; дат. п.: *т'еjе́*, *с'еjе́*, тогда как последние определялись Шахматовым в качестве обычных. Но нами записаны единичные примеры дат. п.: *таб'и̂е* и *таjе́*, *саб'и̂е* и *саjе́*, известные во многих южнорусских говорах. Материала недостаточно, чтобы решить, почему в формах на *-j'е* не зарегистрировано *ê*.

Формы местоимения жен. р. в род. и вин. п. *jеjе́* вместо общеупотребительного теперь *jеjо́*, записанные в округе до Шахматова (Н. Дурново, Отчет, стр. 167, 169, 170), единичны. Но найдены, хотя и очень редко употребляемые, формы в значении род. п.: *у н'е̂цу*, *дл'а н'е̂цу*, отсутствующие в описании Шахматова. Они вытесняются формами: *у н'ево́*, *дл'а н'еjо́*.

Замечания о глаголе. В морфологии лекинского говора расхождения с литературной нормой представлены особенно полно в формах глагола. Это касается отчасти и структуры основ. Здесь еще встречаются обобщенные основы, преимуще-

ственно на задненебный согласный, типа: *маґ'о́ш, маґ'о́т, маґ'о́м, маґ'о́т'ъ, стр'иґ'о́м, п'ек'о́м, с'т'ьр'еґ'о́т'ъ.* Примеры с твердым задненебным согласным в исходе основы очень редки: *магóм, п'екóм.* Ср. — по Н. Дурново („Отчет", стр. 168) в округе было: *ис'п'екóш, б'егóм* и т. д. Более редко обобщение наблюдается в основах на зубной и губной согласный: *бро́с'у, пу́с'т'у, с'и́д'у, гл'ед'у́, л'у́б'у, пастáв'у, сп'у́, истап'у́.* Глагол „вязать" спрягается как глаголы 1-го класса: *á в'езу́ на сп'и́цъф, ана́ в'ез'о́т.*

Местные жители сами показывают, что последние формы (особенно обращающие внимание местом своего ударения: *с'и́д'у, пу́с'т'у, л'у́б'у*) заметно вытесняются равнозначными формами литературного образца (*бро́шу, с'ижу́, спл'у́*), но еще характерны для говоров „за озером", т. е. на восток от Леки, в соседних районах Рязанской области, где вообще „серо говорят". Эти диалектные черты свойственны и соседнему окающему говору с. Пустоши.

Окончания глаголов имеют следующий вид:

1. Глаголы 1-го спряжения в 3-м лице ед. ч. образуются без конечного *т*: *о́н н'ес'о́, ид'о́, б'ьр'еґ'о́.*

Последний гласный, восходящий к *е*, в формах с ударением не на последнем слоге нормально редуцируется в звук *ь*, а факультативно является в виде звука *а*, более или менее отчетливого (ср.: по Шахматову здесь было обычно *а*, „Лека", стр. 45): *о́н пр'и́д'ь* или *пр'и́д'а, п'и́шь* или *п'и́ша, зар'е͡жа.*

В менее архаичном слое говора теперь наблюдается значительное смешение этих форм с формами литературного типа на *т* твердое. Такие окончания зафиксированы и Шахматовым (*плацыт, пущаит*, „Лека", стр. 45), но с пояснением: „гораздо реже". Наоборот, Н. Дурново показывает для всей округи формы глагола 3-го лица ед. ч. без *т* на конце как „довольно редкие" („Отчет", стр. 170). По наблюдениям экспедиции 1945 г., данная черта в настоящее время мало употребительна в соседних с запада говорах, но во всей Ялмоти факультативное колебание в речи форм с *т* и без *т* еще очень распространено.

Обращает внимание, что в случае употребления глагола в стянутой форме в нем обычно присутствует окончание *т* твердое: *о́н д'е̂лат* (гораздо реже *д'е̂ла*, т. е. без *т*).

В окончании, еще более удаленном от ударного слога, *т* твердое, очевидно, уже постоянно: *о́н спра́шывът, ск'и́дывът* (*о́н ск'и́дыва* не встречается).

2. В 3-м лице мн. ч. глаголы 1-го спряжения отмечены лишь с окончанием на *т* твердое: *аны́ н'есу́т, иду́т, к'ида́ют, б'е̂гут* (бегают).

3. Больше разнообразия наблюдается в глаголах 2-го спряжения. В 3-м лице ед. ч. при ударении на конечном слоге здесь также отсутствует *т*: *о́н с'ид'и́, л'ежы́* (т. е. вполне омонимично с формами повелительного наклонения). Но это вытесняется формами, свойственными литературному языку, — с конечным *т* твердым: *с'ид'и́т* и т. п. Колебание в употреблении этих равнозначных форм обычно и в самом архаичном слое говора.

4. При ударении не на конечном слоге после более или менее четко выявляющегося звучания фонемы *и* находится *т* твердое: *о́н ку́р'ит, ста́в'ит, н'е̂жыт, слу́жыт*. Но в большем количестве случаев при безударном окончании глаголы 2-го спряжения в 3-м лице ед. ч. образуются без конечного *т*, а последний гласный звук восходит к *е*, очевидно, помещенному сюда по образцу глаголов 1-го спряжения: *о́н ку́р'ь* или *ку́р'а* (с *ь* или *а*, *ъ*), *о́н ап'е̂ша* (от „опешить"), *ту́жа* (от „тужить").

Шахматов в соответствующем месте своего описания, касаясь по-своему лишь звуковой стороны явления, говорит об обычной здесь замене „окончания *и*" посредством „окончания *а*" („Лека", стр. 45).

5. В 3-м лице мн. ч. глаголов 2-го спряжения при ударении на конечном слоге сейчас не так редко встречается (в отличие от показаний Шахматова) форма без *т*: *аны́ с'п'а́, зван'а́, хат'а́, кр'иц'а́, л'ежа́*. Параллельно те же слова употребляются и с *т* твердым: *аны́ с'п'а́т, хат'а́т, л'ежа́т* (здесь указывают, что „за озером" обычно говорят: *аны́ с'п'а́, хат'а́* и т. д.).

6. При отсутствии ударения на конечном слоге встречается равноправное употребление форм без *т* при сохранении исконного предыдущего гласного: *аны́ ку́р'а* (или в звуковом виде *ку́р'ъ*), *слу́жа* (или *слу́жъ*) и форм, построенных по образцу 1-го спряжения с твердым *т* и предыдущим *у*: *аны́ ку́р'ут, в'и́д'ут, слу́жут.*

Замечание о форме 2-го лица мн. ч. Показанное для всей округи прежнее распространение здесь смешения форм типа *несёте — несе́те* (без перехода *е* в *о* — ср. у Дурново, Огчет, стр. 171) ни в записях Шахматова, ни по нашим наблюдениям не обнаружено. Формы с *о* в данных случаях обязательны.

Замечание о возвратных формах глагола. Окончание *-с'и*, по описанию Шахматова прежде преобладавшее, теперь равноправно по употреблению с окончанием *-с'а*. Смешение форм типа *вз'елс'и́* и *вз'елс'а́*, *сад'и́с'с'и* и *сад'и́с'с'а* (с разной степенью редукции конечного *а*) обычно. Согласный *с'* здесь всегда мягок, как и в формах без гласного элемента: *б'еру́с'*, *баjúс'*. В речи лиц, усваивающих нормы литературного языка, твердое *с* (как вариант литературного произношения) прививается в данных случаях слабо (показание местного учителя).

В возвратных глаголах в инфинитиве и в 3-м лице ед. и мн. ч. известны две группы формативов, не имеющие между собой семантического различия и употребляемые всегда смешанно.

В I группе, первичной по происхождению, после формати́ва *т'* (в инфинитиве) и формати́ва *т* (в 3-м лице) находим возвратное окончание *-с'и* (или *-с'а*; об этом колебании сказано выше), причем в результате оказывается известное фонетическое видоизменение, например, в инфинитиве *-т'с'и → -тцы* (или *т'с'а → тца*), в 3-м лице *-тс'и → тцы* и т. п.: инфинитив *ката́тцы* (или *ката́тца, ката́тцъ*), 3-е лицо ед. ч. *б'ер'о́тцы*, 3-е лицо мн. ч. *н'есу́тцы* и т. п.

Как известно, в форме повелительного наклонения, где может оказаться такое же стечение согласных *т'с'*, подобная ассимиляция не осуществляется: *ат'м'ёт'с'и* (... как придешь на собрание), *ръскрыл'ёт'с'и* (... курицей над детьми).

II группа, производная от первой, является плеонастической. Здесь обнаруживается та же возвратная форма глагола, как и в I группе, но к ее концу прибавляется элемент, характеризующий соответственное окончание инфинитива или 3-го лица, например: инфинитива: *-т'с'и* + *т'*, отсюда *тцыт'*.

Возвратная форма, принятая за основу, может включить в себя элемент *с'и* или *с'а* (см. выше). В соответствии с этим, получается колебание в употреблении форм с „наращением": инфинитив *ката́тцыт'* или *ката́тцът'*. В таких случаях четкого произношения *а* в последнем слоге не наблюдается, так как гласный оказывается здесь особенно слабым — в заударном закрытом слоге после долгого согласного, благодаря которому предыдущий слог также закрыт.

Несмотря на наличие в говоре вообще только *т* твердого в глагольных окончаниях 3-го лица, в составе таких возвратных форм всегда находим мягкое *т'*: *ана́ н'ес'о́тцыт'*, *о́н б'ер'о́тцыт'* (или *н'ес'о́тцът'* и т. п.).

Образование 3-го лица мн. ч. стоит несколько особняком, так как в его структуру после элемента *тц* (из *тс*) включен целиком конечный форматив 3-го лица мн. ч. глаголов 2-го спряжения, т. е. *ут*: *аны́ н'есу́тцут*.

Эти последние формы отмечены Шахматовым как обычные („Лека", стр. 46). В дополнение к его материалам можно привести записанные нами, но, очевидно, существовавшие и раньше, окончания 3-го лица мн. ч. с *т'* мягким (т. е. с тем же согласным, что и в формативе ед. ч.): *аны́ н'есу́тцут'*, при более часто встречаемом *н'есу́тцут*.

Примеры Шахматова с одним *ц* на месте группы *тц* („Лека", стр. 46), очевидно, являются факультативным вариантом, возникающим только при быстрой или небрежной речи, а также в слогах, более слабых по отношению к ударению. В записях И. С. Гришкина („Свадьба в Ялмоти") встречается рядом: *мо́лцут и садяццут*.

Попутно можно отметить, что пример Шахматова *луцыт'* („лучше", „Лека", стр. 48), помещенный им под рубрикой dativus ethicus (речь идет об элементе *т'*), неоднократно

записанный и теперь в такой же и более „тщательной" форме — *лу́тцыт'* при родственных вариантах *лу́тцы*, *лу́ть*, может объясняться народной этимологией, привлекшей сюда форматив возвратного глагола (а не форму местоимения в dat. eth. — *т'и*) к звуковому сочетанию, привычному именно в глаголах.

В более редком употреблении зафиксированы и вполне синонимичные, мало известные диалектологам, формы 3-го лица мн. ч. без *т*, но с конечным *у*, возникновение которых в данном говоре легко вызывается сопоставлением таких живых вариантов возвратных форм, как *б'ер'о́тцыт'* и *б'ер'о́тцы* (3-е лицо ед. ч.), также и *б'еру́тцут'* и *б'еру́тцу* (3-е лицо мн. ч.). Также: *аны́ мо́йутцу*, *талку́тцу*, *д'еру́тцу*, *н'есу́тцу*, *ла́в'утцу* (глаголы 1-го спряжения): *аны́ кра́с'утцу*, *аб'и́д'утцу*, *про́с'утцу*, *пъзаба́в'утцу* (глаголы 2-го спряжения).

Этому не могут не способствовать и вообще существующие в говоре варианты глагольных окончаний — с *т* и без *т*: *о́н н'ес'о́* и *н'ес'о́т*, *аны́ л'ежа́* и *л'жа́т*, хотя именно глаголы 1-го спряжения в 3-м лице мн. ч. не допускают вариантов без *т* (только *аны́ н'есу́т*, а не *н'есу́*, что в русской диалектологии встречается).

Плеонастические формы возвратных глаголов, особенно характеризующие сейчас и во время наблюдений Шахматова архаический слой говора, вытесняются формами первой группы.[1]

---

[1] Время возникновения этих форм в русском народном языке пока не определяется с точностью. В памятниках они не присутствуют, вероятно, в силу своего просторечного характера. Замечательно, что такие плеонастические формы существуют в говорах при параллельном и равнозначном употреблении их с формами без наращения. Очевидно, перед нами сравнительно новая, не отстоявшаяся диалектная черта, нигде не успевшая приобрести прав основной нормы. Но под влиянием литературного языка она теперь уже всюду деградирует.

Может быть, упорное проведение *т'* в окончание глагола 3-го лица ед. ч. свидетельствует о южнорусском характере данного явления, хотя его основной ареал, как это можно установить до выхода в свет Диалектологического атласа, охватывает сейчас не только акающие говоры Подмосковья (на западе, юге и востоке от Москвы) и далее — говоры Рязан-

Усилительная частица. Постпозитивная усилительная частица сейчас употребляется, как и во время наблюдений Шахматова, довольно редко. Обычная форма этой энклизы *-то, -та* (в звуковом виде *-тъ, -та*), но известно и *-ты, -ту*, реже *-ти*. В ее структуре заметна некоторая тенденция к повторению последнего гласного предыдущего слова, если оно кончается открытым слогом: *ба́бы-ты ф по́л'ь, ад ба́бы-ты, о́кул'ь Резáн'и-ты, о́фцы-ты н'е д'о́шьвы, аб му́жь-ты н'е ска́жут, ф по́л'и-ты в'ӣет'ир* (вместо *-ты* здесь возможно *-т'и, -тъ, -та*, реже *-ту*): *во́ду-ту вы́л'ıй, ид'и́ г до́му -ту, к сы́ну-ту, к в'ен'цу́-ту* (вместо *-ту* возможно также *-тъ, -та*, реже *-ты*, еще реже *-т'и*); *г б'е́р'ıгу-т'и кана́вы вы́в'ьд'ıны*).

Т'о́тка-та в го́рьд'ь, маста́-та худы́ци (возможно *-тъ, -ты, -ти*; *-ту* — в последнем случае необычно).

После слова, оканчивающегося закрытым слогом, наблюдается форма усилительной частицы *-тъ, -та* (*до́м-та*); в исключительных случаях попадается „северная“ форма *-от* (в виде *-ът*; *-ат*): *сру́б-ът ста́рац, му́ж-ат ф по́л'ь*. Примеров этого вида частицы после слов на мягкий согласный не отмечено.

Согласно своему отношению к данному элементу как к местоимению, а не как к частице, Шахматов показывает примеры на *ти* под рубрикой dativus ethicus („Лека“, стр. 48): *пака сам'и т'и паздар'ову, пр'и до́брых т'и л'у́даф, пр'и т'о́мнăj т'и ноцы.*

Можно считать, что в современных русских диалектах это та же усилительная частица (т. е. часть речи не склоняемая); возможная не только при существительных, но и при других частях речи: *пр'и ма́лых-т'и р'еб'а́тъх н'е гад'и́тцы, ат но́вых-т'и дамо́ф и'т'ти́ вл'е́ва, к но́въму-ту мо́сту га́т' нага́т'ил'и, ат с'едо́ва-тъ стър'ика́ н'е жд'и́, тъ хару́ошьму-тъ н'е слу́шъцут, э'дак пр'и фс'о́м-т'и нару́од'и; з ду́ру-ту и гъвар'и́м; со́-с'л'ıпу -ту; са́м'и-ты н'е зна́цут вот ы спра́-*

ской и некоторых других областей южнорусского наречия, но и часть говоров севернорусских, например, владимирско-поволжского типа (см. Д. Бубрих, Пустоша).

шывъцут; *ана́ устáфшы-ты н'е стáн'ьт*; *забрáт'-тъ н'éкъму*; *бы́л'и-ты в го́ръд'ь бы́л'и*; *знáла дъ сказáлъ-тъ н'ьфпапáт*.

Особо надо упомянуть о присутствии в говоре наречных выражений временного значения, в структуре которых наблюдается после слова *вся* существительное не в именительном, а в винительном падеже: *сидит вся ночь* (т. е. „всю ночь"), *я вся зима проболела*, *вся весна жила*. Не единично: *всю весна голодовала* — может быть контаминация с формой „всю весну". У Шахматова находим лишь один пример: *всю зима* („Лека", стр. 44). Записан также единичный пример: им. п. на месте тв. п.: *мы зима соберёмся* (т. е. зимою).

ЛЕКСИКА

Промежуточное положение Ялмоти в узкой полосе между зонами южнорусского и севернорусского наречий обусловило характерное здесь наличие лексических элементов двух типов: северного и южного, хотя по сравнению с соседними (с запада и юга) говорами северные признаки здесь преобладают, как например, известные контрольные случаи: *избá*, *квашня́*, *кéрбь* и т. п.

Слов *дежа*, *виски* (в значении „волосы") здесь „даже не слыхали". Однако подобные утверждения могут основываться на неглубокой памяти о старине. У Шахматова записано, например, слово *кочит*, мн. ч. *кацад'ja* („Лека", стр. 43), а этого в настоящее время тоже не знают.

Как везде в округе, в Леке замечательно присутствие синонимичных пар, количество которых увеличивается еще более на южной окраине Ялмоти. Каждая из этих пар построена по принципу „двуязычия", представляя элементы, в основном, северного и южного лексического комплекса: *ко́вш* — *коре́ц*, *черда́к* — *потоло́к*, *ухва́т* — *ёмки* (или *емки́*, *емо́чки*, реже *рога́ч*), бороной *боронýют* и *скоро́дят* (или *во́лочат*), *о́зимь* — *зеленя́*, овца *объягни́лась* — *окоти́лась*, корова *мычи́т* — *рычи́т*, собака *ла́ет* — *бре́шет*, *качéли* — *ре́ли* (или *аре́ли*), *раздева́ться* — *разбира́ться*, *ба́ить* — *говори́ть*, *свекро́вь* — *свекры́* (им. и вин. падежи).

В южной части Ялмоти встречаются пары такого резкого противопоставления: *во́лосы — виски́*, *квашня́ — дежа́*, *пету́х — ко́чет*.[1] Здесь же в некоторых словах отмечена дифференциация значения, разрушающая синонимику: бороной *боронуют* (или *боро́нят*), а *воло́чат* — „это когда борону проводят по второму разу".

Иногда искомое (по „Программе") слово отсутствует, но его основа встречается в ином словообразовании: *лан* (южн.) и *кол* (сев.) — такое название участка земли не известно. Но не застроенный промежуток между двумя соседними домами (со стороны улицы), если его занимает проулок, пустырь или огород, называется *прожо́г* (без прямого отношения к пожарищу), а также безразлично — *лано́к* или *проко́лок*.

Можно отметить еще наличие в Ялмоти таких слов, как *со́чни* и *коку́рки* [название вида лепешек (сев.)], *погост* — кладбище (сев.), *ля́ля* — крестная мать (сев.), *гувно* — название усадьбы (западн.), а также отсутствующие в словарях примеры: *поключи́ться* и *попоу́шиться* — разные способы повязки головного платка (первый — концами платка назад, второй — с завязыванием узла под подбородком); *ба́рить* — няньчить детей (в южнорусских говорах есть *барить* в значении „мешкать"). Записан не ясный по происхождению вариант слова лось — *люсь*. (В словаре Даля нет; ср. *люсить* — хитрить, отмеченное Далем как „пензенское". О лосе всегда рассказывают как об особенно хитром животном.)

Местные жители утверждают, что приведенные выше синонимичные пары стабильны. Один вариант не вытесняется другим; равноправные по употреблению элементы одной пары не представляют различий семантического или стилистического характера.

Однако окончательного суждения по этому вопросу вынести пока нельзя. Не известны старшие стадии развития лекси-

[1] Слово *кочет* употребляется в примыкающих к Ялмоти с юга южнорусских говорах. Между прочим, *кочет* вместо *петух* известен в ряде северновеликорусских говоров, например, во Владимирской, Костромской и Горьковской областях.

ческой системы данного говора, нет глубокой перспективы, позволяющей установить прежнее направление развития всего говора в целом. Фактически мы сейчас застаем разрушение синонимичности некоторых пар. Это более заметно, когда один из вариантов совпадает со словом литературного языка. Тогда его аналог представляется несколько архаичным, свойственным речи более отсталой части населения. Ср. замечания экспонентов: „кочет — больше так старухи говорят"; „баить — очень редко встречается такое слово", „потолок — это вроде как по-деревенски", „свекры́ — это зазорно, лучше — свекровь. В глаза говорят — матушка".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем очерке показаны основные черты современного состояния говора Леки, главным образом его архаического слоя — той базы, на которой формируется передовой слой лекинского говора.

Для выяснения связей между материалом Шахматова и новыми наблюдениями изложение фактов здесь часто следует параллельно его „Описанию лекинского говора".

Облик говора, зафиксированный в Леке около 40 лет назад, узнается в наше время в комплексе признаков, а иногда в разрозненных их остатках, представляемых архаическим слоем современного говора. Его носители — главным образом женщины старшего возраста и из семей, отсталых в культурном отношении.

Передовой слой лекинского говора уже характеризуется вокализмом и консонантизмом литературного типа (но при устойчивом еканье и некоторых следах старого типа редукции гласных), такими же формами склонения и спряжения (но при смешанном употреблении форм род. п. *у жене́*, местн. п. *на быка́ф*, некоторых стянутых форм прилагательных и глаголов, форм 3-го лица глагола без *т*), недиалектным типом ударения и лексики.

Но даже в архаическом слое говора далеко не все признаки так же абсолютны, как, например, наличие аканья и г взрывного.

Параллельно с некоторыми из них в порядке смешанного употребления проступают иные, вполне синонимичные формы как в области фонетики, так и в области морфологии и лексики. Часть этих факультативных форм заимствована из городской речи, причем иногда мы застаем их еще в процессе приспособления (например, постепенное изживание цоканья); другая часть может быть понята в качестве результата старого или нового смешения элементов разных крестьянских говоров (например, следы яканья при еканье, может быть и отсутствие *т* в 3-м лице глаголов). В отдельных случаях надо предположить, что тот или иной параллельный элемент, наблюдаемый в типичной местной речи, представляет собой реликт прежней стадии развития этого же диалекта (например, несмягченность согласных перед *е*) или новый факт, самостоятельно зародившийся на данной диалектной почве, но не вытеснивший в своем развитии параллельной основной формы (возможно, что таково происхождение будет возвратной формы глаголов с наращением *-тцут* и т. п.).

Вскрыть непосредственные причины такой смешанности, очень характерной для живой лекинской речи можно будет лишь после тщательного изучения диалектных связей данного говора в историческом плане, что сейчас невозможно из-за отсутствия необходимого для этого материала. Следует лишь указать, что целым комплексом общих элементов (наличие фонем *ô*, *ê*, следы отвердения согласных перед некоторыми гласными переднего ряда, цоканье, тип редукции гласных, некоторые формы склонения и спряжения, лексика) эти связи ведут по направлению на север и северо-восток к окающим говорам Владимирской области и на восток и юго-восток — к акающим говорам северной части Рязанской области. Таким образом, оказывается, что лекинский говор (и говор всей Ялмоти) в своих архаических чертах обнаруживает старую общность с говорами тех зон, с которыми в настоящее время, как и во время работы здесь Шахматова, местное население не имеет тесных бытовых и культурных отношений и даже подчеркнуто отказывается от каких-либо связей с этой заозерной и залесной стороной.

Может быть, так проявляются следы более старых территориальных и этнографических объединений, позже распавшихся и забытых. (Ялмоть находится в пределах бывшей рязанской мещеры; в XVII в. она входила во Владимирский уезд в составе волости „Муромское сельцо", уже своим названием показывающей отношение к Владимирскому краю.)

Очевидно, прежнее развитие говора здесь не шло по прямой линии к языку города; на своих отдельных этапах оно представляло новые качественные образования, включавшие в себя активные элементы воздействия не городской речи, а соседних крестьянских диалектов.

Общее направление современного развития местной речи, как и вообще речи советской деревни нашей эпохи, выражается в более или менее прямом и органическом ее приближении к литературному языку, т. е. в структурном изменении системы говора, а не только в смешанном употреблении старых и новых форм. В этом отражается значительно возросший культурный и материальный уровень населения, обусловленный построением социализма в нашей стране.

П. С. КУЗНЕЦОВ

ОЧЕРК МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПИЛЬМАСОЗЕРСКОГО ГОВОРА

Летом 1937 г. я принял участие в диалектологической экспедиции Московского городского педагогического института. Целью экспедиции было систематическое описание одного северного русского говора. Выбор наш остановился на говоре д. Пильмасозеро Пудожского района Карельской АССР.

Д. Пильмасозеро расположена на берегу озера того же названия, находящегося в 9 км к западу от северной оконечности Водлозера. Материалы, собранные в Пильмасозере, были дополнены результатами наблюдений над говором д. Келкозера, расположенной на берегу озера того же названия, находящегося в 2 км от Пильмасозера. Пильмасозерский и келкозерский говоры тождественны. Оба озера окружены лесами, и других населенных пунктов ближе 9 км нет.

В морфологическом отношении пильмасозерский говор почти совершенно не изучен. Некоторое отношение к нему имеет лишь работа Мансикки „О говоре северо-восточной части Пудожского уезда“,[1] но морфологии в ней посвящено всего шесть с небольшим страниц.[2] Но Мансикка был лишь в Водлозере, так что приводимые им примеры не относятся непосредственно к Пильмасозеру (хотя говор, по существу, тот же).

Изучая морфологическую систему говора, я стремился в первую очередь установить, что принадлежит более древнему слою говора и не объясняется позднейшими воздействиями и что, наоборот, идет из литературного языка. Относительно

[1] „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 143—173.

[2] Там же, стр. 157—163.

же явлений древнего слоя я стремился определить, какова их связь с явлениями древненовгородских наречий, поскольку изученный нами район принадлежит к областям древней новгородской колонизации, следовательно, русские говоры этих областей должны представлять собой дальнейшее развитие древненовгородских наречий.

В этой статье я ограничиваюсь рассмотрением лишь грамматических категорий, т. е. выражения различных отношений средствами структуры отдельного слова. Вопросы словообразования как неразрывно связанные с лексикологическими проблемами я оставил в стороне.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Единственное число

Во множественном числе большинство падежей имеют одинаковые формы для всех склонений, а различие форм некоторых падежей не связано с различием склонений единственного числа. Поэтому я рассматриваю сначала единственное число с подразделением на склонения, а затем множественное число в целом с указанием лишь некоторых особенностей по отдельным падежам. В единственном числе как живые для современного языка категории различаются три склонения:

1-е склонение — слова главным образом жен. р., оканчивающиеся в им. п. на *-а*.

2-е склонение — слова муж. р., оканчивающиеся в им. п. на согласный (твердый или мягкий), и среднего рода, оканчивающиеся в им. п. на *-о*.

3-е склонение — слова главным образом жен. р., оканчивающиеся в им. п. на мягкий согласный или шипящий.

Слова муж. и жен. р., принадлежащие к старым основам на согласный звук, имея некоторые особенности, в основном примыкают к последнему склонению.

1-е склонение (им. п. ед. ч. на *-а*). Это склонение включает в себя, как уже было сказано, слова в основном жен. р. (*вода́, р'ека́, пого́да, д'евоц'ка, с'в'екро́ва* // *с'в'екрова́*,

мудр'еци́ха, зада́ц'а), изредка же и муж. р. (*мужычи́на*). Поскольку подавляющее большинство слов этого склонения принадлежит к жен. р., немногочисленные слова муж. р., относящиеся к нему (обозначающие исключительно лиц мужского пола), имеют тенденцию менять свой грамматический род и согласовываться по жен. р., например: *бол'ша́ мужычи́на*.[1] Приведенные примеры показывают, что к этому склонению относятся и слова жен. р., в древности оканчивавшиеся в им. п. на *-ы* и принадлежавшие к склонению с основой на согласный звук. В некоторых говорах они и теперь сохранили особые формы. Согласный перед окончанием, как видно из приведенных примеров, может быть как твердым, так и мягким.

Слова, имеющие перед окончанием мягкий согласный или шипящий, отличаются от слов на твердые согласные лишь фонетически, причем основным фонетическим различием является наличие *-и* после мягкого согласного вместо *-ы* после твердого согласного (ср. предл. п.: *на соло́мы — на у́л'ц'и* и т. п.).

Наиболее характерной чертой этого склонения является совпадение в одной форме род., дат. и предл. п., причем формой, обслуживающей все три названные падежа, является форма, соответствующая род. п. литературного языка. Это явление известно древним новгородским памятникам, начиная с XIV в., что дает основание предполагать принадлежность его тому древнему новгородскому говору, на основе которого сложился изученный нами пильмасозерский говор.

Рассматриваемое явление держится еще достаточно прочно в современном языке. Примеры: *на́до оджа́т' коро́фк'и, говор'и́ жоны́, к р'ек'и́, к т'о́тк'и, головы́, по головы́, по коро́вы р'ев'и́т, по К"ены, к н'ев'е́сты, по д'ер'е́вн'и, к сыро́ц з'емл'и́; на по́ч'ты, ф т'емноты́, воды́, на машы́ны, на соло́мы, в' л'у́л'к'и, в избы́, на по́жн'и, на ме́л'н'ц'и, ф кон'у́шн'и* и т. д. Также в словах, сравнительно недавно проникших из ли-

[1] Это явление известно в говорах и в древнерусском языке (см. Б у с л а е в, Историческая грамматика русского языка. Синтаксис, изд. 4, М., 1875, стр. 189—190).

тературного языка, например: *к па́пы, по саф'е́тки* (в сказке); *ф па́рт'ии*, имеет такую же форму и в литературном языке, а потому не показательно.

Но под влиянием литературного языка наряду со старой формой неразличения мы встречаем (правда, в меньшем количестве) и особые формы для дат. и предл. падежей, например: *Над'е́шк'е* (собственное имя), *ф'ет'к'е, по ц'а́шке, на ло́тк'е, на сп'ин'е́, ф то́ц д'ер'евн'е* и др. Подобные формы встречаются не только в речи младшего поколения, недавно вышедшего из школы, или у мужчин, уходивших на заработки в другие районы или в Ленинград, но и у старух, не покидавших никогда своего района, что свидетельствует о достаточно глубоком проникновении новых форм.

Об остальных падежах нужно сделать лишь несколько мелких замечаний.

Примеры род. п. в собственном употреблении: *с воды́, по́сл'е сва́д'бы, од ба́пки, с по́жн'и* и т. д. *З'им'и́* в сочетании *по дв'е з'им'и́* (по две зимы), вероятно, является не род. п. ед. ч., а старой формой им.-вин. п. двойственного числа (*и* < *ѣ*), которое, как известно, держалось дольше в сочетании с числительными, так как нормально слово „зима" имеет твердый согласный перед окончанием (ср.: *г зимы́*).

Дважды отмеченное употребление в сочетании с предлогом *с* формы, тождественной с им. п. (*ло́шат' ид'о́ с кон'у́шн'а́, с конопл'а́ в' ут*), требует особого синтаксического рассмотрения. Скорее оно объясняется смешением склонений, хотя вообще оба слова и принадлежат в основном к рассматриваемому склонению на *а*; ср. вин. п. *ф кон'у́шн'у* (у того же лица), им. п. *у на́с с Н'а́с'т'ец̯ поро́шена была́ конопл'а́-та.*[1]

Вин. п. не требует особых замечаний. Примеры: *угон'а м'ен'а́ б'е́днушку, вы́копат ја́м'ину, прин'о́с ету бу́лку, на м'ед'в'ешку, в ба́н'у, ф то́н'у* и т. д.

---

[1] Нам не встретилось, но Мансикка отмечает форму им. п. ед. ч. *конопле́* („О говоре северо-восточной части Пудожского уезда", „Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 159).

Твор. п. в обычной речи имеет более позднее окончание *-оу̯*: *во́ткоу̯ занима́лиса*, с *хоз'а́у̯коу̯*, *хо́ч'ет з доро́шкоу̯*, *фс'е́у̯ душо́у̯* и т. д. Лишь в песнях возможна и старая форма, например: *с ма́т'ер'ју он жено́у̯у и со род'и́моу̯у сторonóу̯у*. Впрочем, этого и следовало ожидать, так как отпадение *-у* в этой форме наблюдается уже в XIII в.

2-е склонение (муж. и ср. р. на согласный и на *-о*). К этому склонению принадлежат слова исключительно муж. и ср. р. Слова муж. р. оканчиваются в им. п. на твердый согласный (*сплаф*, *гот*, *мос*, *погóс* и т. д.), на мягкий согласный (*кон'*, *кон'е́ц'* и т. д.), а также на *-о*, если окончанию предшествует уменьшительный или ласкательный суффикс, содержащий согласный *к* (*-ушк*, *-ишк*, *-к*), например: *д'е́душко*, *Ива́нушко*, *П'о́трушко*, *ба́т'ушко*, *парн'и́шко*, *д'е́тко*, *ја́кор'ко*, *Буд'им'и́рко*, *Бу́рко* (имя лошади). Слова ср. р. оканчиваются в им. п. на *-о*, которому может предшествовать как твердый согласный (*с'оло́*), так и мягкий (*ружjо́*, *оружjо́*, *лез'jо́* — лезвие). В ср. р. этого склонения могут вступать и слова с уменьшительным суффиксом, без него относящиеся к жен. р., например: *ко́фтушко*. Это явление известно говорам и древнерусскому языку.[1]

Рассматриваемое склонение в общем не отличается от соответствующего склонения в литературном языке, за исключением предл. п., имеющего окончание *-и* (*на двор'и́*, *на стол'и́*). Слова типа *д'е́душко*, *парн'и́шко*, *д'е́тко* склоняются: им. п. — *д'е́душко*; род. п. — *д'е́душка*; дат. п. — *д'е́душку*; вин. п. — *д'е́душка*; твор. п. — *д'е́душком*; пред. п. — *о д'е́душки*.

Слова муж. и ср. р. с мягким согласным в конце основы склоняются точно так же. Некоторые слова муж. р., оканчивающиеся в им. п. на твердый согласный, перед окончанием косвенных падежей имеют мягкий согласный в результате фонетических причин, например: *л'н'ом*, *л'д'ом* (твор. п. от *л'он*, *л'от*). Впрочем, это явление определяется, повидимому, не только фонетическими условиями, так как на мн. ч. оно, повидимому, не распространяется (ср.: род. п. мн. ч. *л'ноф*).

[1] Буслаев. Историческая грамматика рус. языка. Синтаксис, стр. 190.

В род. п. наряду с формой на *-а* широко распространена также форма на *-у* (как безударное, так и ударяемое). Примеры: *нас'ек̀ýт л'ёсу, жарн'ак̀ý* (видел много), *л'ётного плáну, мóсту ја н'е мóцу, до мóс'т'ику, тр'и рáзу, с пожáру, бы́ло с'м'ёху, н'ёт л'ну, до мáцу* (до мая). Интересно отметить такие случаи, как: *ц'еты́р'е дóму, ц'етыр'е д'ен'кý, б'ёдово д'ен'óч'ку* (но никогда не *дн'ý*, а *дн'á* или *д'ни́*; ср. в варианте к приведенному примеру: *б'ёла дн'á*). Эта же форма выступает в окаменелом наречном выражении *с'óгоду* (в этом году), вероятно, развившемся в результате гаплологии из *с'ого году*. Формы на *-а* и на *-у* употребляются без синтаксического разграничения, элементы которого мы находим, например, в литературном языке. Выражение *нас'ик'ó л'ёсу* могло бы свидетельствовать о партитивном значении, но наряду с *-у* мы находим и *-а* также с явно партитивным значением, например: *хл'ёба вз'ém', прив'езýт л'и хл'ибишка* и т. д. В некоторых случаях мы встречаем близкие по значению слова, вступающие в подобные синтаксические связи, причем одно имеет род. п. на *-а*, а другое — на *-у*, например: *от востóку гóрушки до зáпада* („Стих о Егории"). И даже одно и то же слово может обнаруживать колебание, например: *ц'етыр'е дóму, оддóму-то*, но: *нá тр'и дóма; полгóда*, или: *товó гóду; мóсту ја не мóцу, у jётого мóста* и т. д. Все примеры род. п. на *-у* падают на слова муж. р. В словах ср. р. всегда *-а*: с *одногó гн'оздá, штòбы н'е узнáл'и жыт'já* („жилья"), *от ýс'ја до ýс'ја* и т. д. Все случаи формы на *-у* падают на слова, выражающие неодушевленные предметы (или абстрактные понятия). Закрепление форм на *-у* в русском языке и даже в украинском, где эта категория распространена шире, чем в русском, лишь за словами, выражающими неодушевленные предметы, отмечено Meillet.[1] Формы на *-у*, отступающие от литературного языка, держатся в говоре довольно прочно, на что, например, указывает форма *до мáцу* в устах девушки, окончившей школу и специальные курсы.

[1] A. Meillet. Le génitif-accusatif en vieux slave, Paris, 1897, p. 168—169.

Впрочем, достаточно широко распространена и форма на *-а*. Примеры: *по́сл'е об'е́да, до пого́ста, пр'етс'еда́т'ел' с'ел'сов'е́та, пр'етс'еда́т'ел' колхо́за* и т. д.

В предл. п. основная форма имеет окончание *-и*, как под ударением (*на ско́тном двор'и́, во котл'и́ вар'и́т, ф то́м конц'и́* и т. д.), так и без ударения (*ф сла́вном го́род'и, на jеропла́н'и, на э́том л'ока́л'и, в о́з'ер'и* и т. д.), но встречается также форма, оканчивающаяся на *-е*, чаще безударное (*ф' К'и́эв'е, ф П'и́т'ер'е, ф тр'е́т'jем го́д'е, ф про́шлом го́д'е, ф тако́м до́м'е, пр'и спла́в'е, в одно́м магаз'и́н'е* и т. д.), но иногда и ударное (*на конце́, в жыт'jе́*). Эти формы являются, повидимому, более поздними, проникающими в говор под влиянием литературного языка. Более древняя форма на *-и*, объясняющаяся, вероятно, влиянием мягкой разновидности старых основ на *-о*, была известна, повидимому, части древних новгородских говоров. Она встречается в двинских грамотах XV в., например, *на лукини береги, в сосъники* и т. п.[1] В рассматриваемом говоре эта особенность распространяется и на 2-е склонение.

Кроме того, шире, чем в литературном языке, распространена форма предл. п. на *-у* (ударяемое) со специальным пространственно-временным значением нахождения внутри (только для слов муж. р.). Примеры: *в д'е́цком сатку́, ф ч'ердаку́, на носку́, ф то́м дому́, на острову́, в̄'ич'еру́, ф шкапу́, ф кол'ко́м году́-то, ф сухо́м уголку́, ф п'е́рвом ном'еру́, на сплаву́, в маjу́* (в мае), *в э́том мис'ацу́, на л'ду́, на гр'еб'ен'у́, на э́том пн'у́*. Приводимые примеры показывают употребление формы на *-у* лишь в сочетании с предлогами *в, на* (как, впрочем, и в литературном языке): ср. *на сплаву́*, но: *пр'и спла́в'е*. В отличие от литературного языка,[2] эту форму имеют и многие двухсложные слова, а также и слова иностранного происхождения, как, например, *в ном'еру́*. Встречается она и в словах односложных, не имеющих ее в литературном языке. Слова

[1] См. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1908, стр. 104 — 105.

[2] См. R. Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I, Heidelberg, 1922, S. 178.

многосложные не имеют этой формы как в рассматриваемом нами говоре, так и в литературном языке.[1]

В употреблении рассматриваемых форм наблюдается колебание. Иногда одно и то же слово (с одним и тем же предлогом) имеет окончание то *-у*, то *-е* (безударное), не всегда под влиянием литературного языка. Если, например, форма *на сплáв'е*, записанная у девушки, заведовавшей яслями (при обычном для говора, *на сплаву́*), может объясняться воздействием литературного языка, то не могут быть объяснены таким же образом формы *ф прóшлом гóд'е*, *ф тр'ёт'ем гóде* наряду с *ф кол'кóм году́-то* и т. п., записанные у женщин старшего поколения.

Считаю, что для нашего говора вряд ли целесообразно разграничивать „изъяснительный" и „местный" падежи, так как во многих словах с одним и тем же грамматическим значением употребляются формы на *-и* (или *-е*) и на *-у*. Да и вообще предл. п. в целом (а не только формы на *-у*) здесь в бóльшей степени, чем в литературном языке, используется в первую очередь для выражения именно пространственно-временных отношений (в значении, соответствующем литературному предлогу *о* с предл. п., пожалуй, чаще употребляется *про* с вин. п.).

В вин. п. слова, обозначающие одушевленные предметы, имеют форму, тождественную с род. п., а прочие — форму, тождественную с им. п. Примеры: *ф садóк гул'áт'*, *дáш п'ер'ерыф*, *нá б'ир'ок* (на берег), *фс'ó дуб'jó колод'jó развороч'ало*; *родилá онá сы́на Острадáмушка*, *посылáла Ивáнушка мáт'и*; *запр'агáц бу́рка* и т. д. Следует заметить, что этому правилу, в противоположность литературному языку, подчиняются и слова ср. р., обозначающие одушевленные предметы, например: *„уцм'и́ ко свojегó да кр'óсна д'ит'атка"* („Василий Буслаевич"). В качестве род.-вин. п. выступает, судя по зависящим от него членам предложения, и „дитя" во фразе: *„уцм'и́ свojегó да д'ит'á мáлогo"* („Василий Буслаевич"). Слово „дитя", не-

[1] См. Nachtigall (трехсложное „уголок" имеет эту форму. Ср. Op. cit., p. 177, а также вышеприведенные примеры).

обычное для живого разговорного языка, имеет такую же форму (*дит'а*) и в им. п., ср. *остава́лос' ц'а́до м'и́лоцо, ц'а́до м'и́лоцо, д'ит'а́ л'уб'и́моцо* (стих о Егории), но вследствие аналогических процессов потеряло старую основу косвенных падежей и получило форму род. п., тождественную с формой им. п.[1]

Дат. и твор. падежи не требуют особых замечаний. Примеры: *по шосто́му д'ес'а́тку, но́вому ба́т'ушку, за́т'ушку го́лову отс'екл'и́, по же́р'еб'ју́, по оружју́ да́л* (дат. п.); *одны́м н'е́водом, с пл'е́мн'иком, Ива́нушком зову́т, ка́к л'д'о́м н'е ун'есло́, с одны́м кошел'о́м* (твор. п).

3-е с к л о н е н и е (главным образом слова жен. р. на мягкий согласный и шипящий). К этому склонению относятся в подавляющем большинстве слова жен. р., оканчивающиеся в им. п. на мягкий согласный и шипящий (*ло́шат'*, *шчил'*, *по́в'ит'эр'*, *ско́рос'*, *во́лос'*, *ноц'*, *вош* и т. д.). Из слов муж. р. сюда входит прочно только слово *пут'*, которое, впрочем, ввиду того, что большинство слов этого склонения принадлежит к жен. р., также имеет тенденцию переходить в жен. р., ср.: *пут'-то моја́ да́л'на* (в сказке). Некоторые падежные формы слова *д'ен'* показывают, что некогда и это слово входило в 3-е склонение. Сюда же, в основном, относятся и слова ср. р. на *-м'а* (*вр'е́м'а*), характеризующиеся наличием основы на *-н* перед окончанием косвенных падежей, но по самим окончаниям примыкающие к этому склонению с отличием лишь (как и *пут'*) в твор. п., в котором их форма сходится с твор. п. 2-го склонения. Сюда же относятся и слова жен. р., имеющие в конце основы косвенных падежей *р* (*мат'*, *доц'*) — о них подробнее ниже. Вследствие грамматической аналогии по этому склонению могут склоняться слова обычно муж. р. на мягкий согласный или шипящий (с переменой, повидимому, в этих случаях рода), например: *за Пу́дожју*. Склонение в общем не отличается от соответствующего склонения литературного языка.

---

[1] Аналогичные примеры род.-вин. п. от им. п. ср. р. см. у А. И. Т о м с о н а „Родительно-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках", „Изв. ОРЯС", т. XIII, кн. 2, 1903, стр. 264.

Широкое распространение конечного ударения в предл. п. (не только, например, *на лошад'и́, ф кров'и́*, как и в литературном языке, а также *на зем'и́* — наречное выражение, — но и: *в волос'т'и́*, на *повит'ер'и́*, при им. п. *по́в'ит'ер'*) по крайней мере в части случаев отражает исторически более старое ударение, в литературном языке выравнявшееся по другим падежам. Древний местн. п. от слова „волость" был, вероятно, *волости́*, на что указывает сербское *вла́ст — власти*.[1]

Остальные падежи не требуют особых замечаний. Примеры: *порабо́тано до́сыт'и* (наречие по происхождению род. п. ед. ч. от существительного *сыт'*), *по ло́шад'и* (дат. п.), *на́ ос'ен'* (вин. п.), *до́броц ло́шад'jу* (твор. п.) и т. п.

К этому же типу склонения примыкают слова жен. и ср. р., в древности принадлежавшие к склонению с основой на согласный, обнаруживающие в косвенных падежах отсутствующее в им. п. *-р* или *-н* перед падежными окончаниями. Форма им. п. слов с основой косвенных падежей на *-р* (*мат'*, *доц'*) в живом разговорном языке не отличается от формы, обычной для данного склонения (ср. *ско́рос'*, *во́лос'*, *шчи́л'*, *ло́шат'*, *по́в'ит'ер'*), но в записях песен отмечена, по крайней мере для одного из этих слов, и более старая форма *ма́т'и* (с очень кратким *и* на конце; впрочем, очень краткое конечное *и* — явление фонетическое, поскольку безударные гласные в этом говоре имеют тенденцию сильно редуцироваться в количественном отношении): *посыла́ла Ива́нушка ма́т'й*. Слова, основа которых оканчивается в косвенных падежах на *-н*, в им. п. оканчивается на *-м'а* (*вр'е́м'а*, *с'и́м'а* — семя). Косвенные падежи обычно не отличаются от регулярных форм этого склонения, например: *нимно́го вр'ем'-ен'и*, *од доц'е́р'и* (вопроса о передвижении ударения я сейчас не касаюсь) (род. п.), *ма́т'ер'и д'и́н'ох н'е дал'и* (дат п.)., *с э̀тоц доц'е́р'jу*, *с о̄цо́м-ма́т'ер'jу* (твор. п.) и т. д. Некоторые из старых основ на согласные в результате действия аналогии переходят во 2-е склонение, к которому принадлежит

[1] См. Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I, S. 61.

подавляющее большинство слов муж. и ср. р. Так объясняются формы: *со стр'ем'ана́* (род. п.), *ко стрем'ану́ пр'ив'аза́л* (дат. п.). Также отмеченная один раз форма дат. п. *ма́т'ер'е* объясняется, вероятно, влиянием 1-го склонения, где формы на *-е* (вместо старой формы, совпадающей с род. п.) начинают появляться в более новом слое говора.

К этому склонению принадлежало некогда и слово *д'ен'*. В род. п. это слово в основном слое говора постоянно принимает окончание *-и* (как и следует по рассматриваемому склонению). Примеры: *с ыл'jина́ дн'и, с п'етрова́ дн'и́, и́дного дн'и́, изо дн'и́ в д'ён'*, также в наречии *с'ого́дни* (род. п.). Наличие *-и* в предл. п. (*о Ива́н'и дн'и́*) не показательно, так как и предл. п. 2-го склонения в основном слое говора имеет окончание *-и*. Правда, в большинстве из приведенных выше примеров *д'ён'* имеет тенденцию стать вторым элементом именного сложения и в части случаев теряет даже самостоятельное ударение (ср. ниже, в разделе о прилагательных), что, естественно, должно предохранить старую форму от вытеснения, но частью *д'ён'* выступает в качестве вполне самостоятельного слова (например, *и́дного дн'и́*). В более новом слое говора это слово имеет тенденцию целиком перейти во 2-е склонение, например, *тр'и дн'а, на рос̄'в'ётках б'ёла дн'а* (последний пример даже в песне).

Множественное число

Наибольшие различия в формах слов, принадлежащих к различным категориям, падают на им. и род. падежи. Известное разнообразие форм представляет также твор. п., но здесь различия форм не связаны, повидимому, с разными категориями слов. Вин. п., как известно, в основном не имеет своей формы и сходен или с им. или с род. падежом. Дат. и предл. падежи выглядят одинаково у всех категорий.

В им. п. возможны следующие окончания: 1) *-ы* (*-и* после мягких согласных); 2) *-а, -ja* (*j* следует отнести к окончанию, когда он отсутствует в ед. ч., например: *ка́м'ен'* — *кам'ен'ja*). Особых замечаний требуют главным образом окончания *-а, -ja*.

Окончание *-а* встречается как в ударной, так и в безударной форме. Формы с ударяемым *а* могут образовываться у существительных муж. р. на согласный (твердый или мягкий); *корбасá, л'есá, курсá, руч'já* (например, *ручjá прот'екýт*; эту форму следует отнести к формам на *-а*, так как *j* относится к основе), *жер'еб'já* (ед. ч. *жéр'еб'ец*); также ср. р.: *оз'ерá, м'jстá, маслá, пол'á*. Формы с безударным *-а* образуются у существительных муж. р., имеющих в ед. ч. суффикс *-ин*: *хр'ес'jáна, бojápa* и т. п.; у существительных ср. р.: *пл'éч'а* (в этом примере передвижение ударения указывает на то, что мы имеем здесь дело именно с формой старого мн. ч. ср. р., а не со старой формой двойственного числа, подвергавшейся аналогическому воздействию со стороны муж. р., — в последнем случае форма непременно оканчивалась бы на ударяемое *-а*); у существительных с уменьшительным суффиксом *-ишк-*, *-к-* и увеличительным *-ищ-*: *д'ет'úшка, плат'úшка, роб'áтка, пал'ц'úща*; у существительных с суффиксом *-ат*: *р'еб'áта*. Один раз в пении встретилась эта форма и у существительного, не принадлежащего к этим категориям: *он кидáл jегóр'jа в éты пóгр'обà* („Стих о Егории"), где мы скорее в зависимости от ударения ожидали *пóгр'обы*.[1]

Формы на ударное *-а*, известные для имен. муж. р. всем русским говорам и литературному языку с достаточно раннего времени,[2] захватывают, как видно из приведенных примеров, и слова недавнего заимствования (*курсá*). Но вообще данная категория распространена в рассматриваемом говоре меньше, чем в литературном языке. Ср., например: *дóмы, с'н'ёг'и, л'ёсы*. Последняя форма отмечена только при пении *л'ёсы т'óмныи*; форма же *дóмы* и *с'н'ёг'и* встречалась и в разговорной речи. Такая форма, как *курсá*, может объясняться заимствованием из нелитературной речи наших крупных центров, где формы на *-á*, по крайней мере в известный период, получили очень широ-

[1] Акад. Обнорский („Именное склонение", т. II, стр. 31) отмечает для олонецких говоров лишь *погребá* и *пóгребы*.

[2] По Соболевскому („Лекции", стр. 218) уже в памятниках XVI—XVII вв.

кое распространение и образовывались также у заимствованных слов. Установить, какие именно категории слов (с точки зрения общего характера их морфологической структуры) в современном языке образуют им п. мн. ч. на *-а*, трудно, как, впрочем, трудно сделать это и для литературного языка.

Формы им. п. мн. ч. на *-а* неударяемое от слов, имеющих в ед. ч. суффикс *-ин*, свойственны вообще северным (и притом исключительно северным) говорам.[1]

Формы на *-а* в словах с уменьшительным суффиксом *-ишк-*, *-к-* во всех записанных примерах образованы от имен ср. р. и являются старыми формами им п. мн. ч. ср. р., которые в основах на заднеязычный согласный подверглись изменению в говорах, легших в основу литературного языка.

Мансикка,[2] признавая наличной в говоре и форму на *-ата*, приводимую мною выше, указывает на широкое распространение у слов на *-ёнок* им. п. мн. ч. на *-ёнки*. Нам такой формы встречать не приходилось. Впрочем, сам Мансикка говорит, что „когда нет числительных, и в косвенных падежах предпочитают формы на *-ят-*“.

Широко распространены в рассматриваемом говоре формы мн. ч. на *ја* неударяемое (*муш'ч'ин'ја*, *жен'ш'ч'ин'ја*, *кучја*, *јам'ја*, *кус'ја* — „кусты“, *п'ён'ја*, *ш'ч'ил'ја*, *кам'ён'ја*), но иногда и ударяемое (*мол'ја́*, *кос'ја́* — „кости“). Наличие этих форм в рассматриваемом говоре отмечает и Мансикка.[3] Он их квалифицирует как „собирательные“ и ставит в один ряд с такими формами, как *пи́льё*, *косьё*, каковые, по его мнению, употребляются шире, чем формы мн. ч.[4] Собственно собирательные формы на *-јо* в говоре, действительно, существуют, хотя, пожалуй, и не так широко распространены, как указывает Мансикка. Но они образуют совершенно иную категорию, чем приведен-

[1] См. Обнорский, Именное склонение, т. II, стр. 130. В качестве постоянного окончания для данного говора в этой категории существительных отмечает *-а* и Мансикка („Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 152).

[2] „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 157.

[3] Там же, стр. 159.

[4] Там же, стр. 157.

ные выше формы на *-ја*. Формы на *-јо* представляют собой особое словообразование и являются формами 2-го склонения ед. ч., о чем свидетельствует согласование. Ср., например: *у пилы́ зуб'јо́ фс'о откроши́лос'е* („Стих о Егории"). Формы же на *-ја* являются не собирательными, а настоящими формами мн. ч., закономерно образуемыми для некоторых категорий слов. Ср. согласование: *д'ев'и́ц'и да муш'ч'и́нја молоды́це, во́ткоц зан'има́л'иса муш'ч'и́н'ја.* С точки зрения семантической в большинстве случаев формы на *-ја* выражают собрания предметов, (встречающихся в большом количестве: *ку́с'ја* (кусты), *кам'е́н'ја* (камни), *п'е́н'ја* (пни — бывают в большом количестве на порубке), *мол'ја́* (маленькие рыбки — обычно появляются в большом количестве), *кос'ја́* (о рыбьих костях), *у́гол'ја, дров'ја́* (последнее без ед. ч.). и т. д. Но такие формы употребляются и в некоторых других случаях: *муш'ч'и́н'ја, же́нш'ч'ин'ја.* В литературном языке аналогичная форма встречается, но гораздо реже (ср., например, *каменья* — больше в старом литературном языке, теперь редко, — но *коренья* есть и теперь со смысловой дифференциацией по отношению к „корни", — „поленья", „сучья" и т. п.; ср. также формы, одинаковые для литературного языка и для рассматриваемого говора: *бра́т'ја, сынов'ја́*). В говорах, главным образом в северных (но не исключительно), эта форма широко распространена.[1] Исторически источником развития этих форм послужили собирательные имена на *-ија, -ије.*[2] Если это так, то, вероятно, первоначальным значением этих форм было именно выражение совокупности многих предметов. И, может быть, первоначальное отношение между этими формами на *-ја* и другими образованиями множественного числа было приблизительно таково же, как в латинском языке между мн. ч. loca (собирательная масса) и loci (перечислимое множество).[3] Только нужно иметь в виду, что категория мн. числа

[1] Примеры см. у Обнорского „Именное склонение", т. II, стр. 62—67, 71—86, 90—92, 94—98. См. также Селищев, Диалектологический очерк Сибири, стр. 83.

[2] Обнорский, Именное склонение, т. II, стр. 98—99.

[3] См. Brugmann, Grundriss, B. II, H. 2, S. 102.

выражает первоначально именно собирательную массу, а не перечислимое множество. В рассматриваемом говоре отношения не достигли той степени разграничения, какую мы находим в латинском языке, и здесь скорее речь (и то первоначально) шла не о разграничении различных форм одного слова, но о различных формах разных слов. В дальнейшем, как видно из приведенных выше примеров, категория, несомненно, расширялась, возможно, не без влияния морфологической структуры входивших в нее слов. Так, например, возможно, что такие формы, как *же́ниш'ч'ин'ја*, *муш'ч'и́н'ја*, явились следствием наличия в этих словах суффикса единичности (выделяемой из нерасчлененного множества) *-ин*. Нужно, впрочем, иметь в виду, что первоначальные отношения в говоре затемнены. Встречаются, например, слова, выражающие явно нерасчлененную массу предметов и тем не менее не имеющие этой формы на *-ја* (*во́лосы* и др.).

Формы им. п. мн. ч. на *-ы* (*-и*), как ударное, так и безударное, как было уже сказано выше, особых замечаний не требуют. Примеры: *б'ез'м'е́ны*, *јоропла́ны*, *кр'е́жы*, *за́ц'и*, *л'ошчы́*, *батоі'и́* и т. д.

В род. п. мн. ч., как видно из приведенных образцов, возможны формы трех категорий: на *-оф*, -на *ец* и без окончания, (т. е. формы, оканчивающиеся на конечный согласный основы).

Формы на *-оф* широко распространены. Они обычно образуются у слов муж. р., оканчивающихся на согласный, например: *мно́го годо́ф*, *н'ету ч'асо́ф*, *мно́го мешко́ф*, *фс'а́к'их л'есо́ф*, *ма́ло ро́с'т'ил л'но́ф*, *д'ла сплаво́ф*, *с волосо́ф*, *л'еш'чо́ф*, *для бурла́коф*, *д'в'ена́ц̂э̄т' бора́ноф* и т. д. Эту же форму принимают обычно и слова, обозначающие малолетних живых существ, оканчивающиеся в ед. ч. на *онок*, например: *т'ил'о́нкоф* (хотя встречается и *т'е́л'а́т*). Эту же форму всегда имеют слова, с им. п. мн. ч. на *-ја*, причем ударение падает или не падает на окончание в зависимости от того, падает оно или не падает на окончание в им. п., например: *ку́с'јоф*, *камэ́н'јоф*, *муш'ч'и́н'јоф*, *сынов'јо́ф*, *з'в'ир'јо́ф*, *с'м'ит'јо́ф* (им. п. мн. ч. *с'м'ит'ја́* — слово ед. ч. не имеет). Форму на *-оф* могут принимать и слова ср. р., например: *пла́т'јицоф*.

Формы на *-ец̂* свойственны именам муж. и жен. р., оканчивающимся на мягкий согласный (а для жен. р. также и на шипящий), за исключением имеющих в им. п. мн. ч. окончание на *-а*: *кон'е́ц̂* (*и ко́н'ец̂*), *м'ед'в'е́д'ец̂*, *лошад'е́ц̂*, *фше́ц̂*, *доц̂'ер'е́ц̂*.[1] Форма *кн'а́з'е́ц̂* объясняется, возможно, наличием в языке формы *кн'а́з'ц̂* (наряду с *кн'а́з'ја́*), хотя нам такая форма и не встретилась. Широко распространена эта форма у слов не ср. р., имеющих в конце основы *ц̂*, например: *м'ис'ец̂'е́ц̂*, *заиц̂'е́ц̂*.[2]

Формы без окончания обычны для существительных, оканчивающихся в ед. ч. на *-а*, например: *стару́х*, *п'и́с'онок*, *ја́гот*, *н'ев'е́с*, *коро́ф* (если такие слова не имеют формы им. п. мн. ч. на *-ја*). Также у слов, оканчивающихся в им. п. мн. ч. на *-ата* (при ед. ч. на *-онок*) и на *-а* (при наличии в ед. ч. суффикса *-ин-*), например: *патц̂'ч'ер'а́т*, также у слов ср. р., оканчивающихся в ед. ч. на *-м'а*, например, *с'им'а́н*. Изредка эти формы встречаются у слов муж. р., оканчивающихся на согласный и не принадлежащих к указанным выше категориям, например: *н'е́ту ра́к* (нет раков). Эту форму всегда имеет слово *д'ен'*, причем конечное *н* здесь твердо, так что слово принимает форму *д'о́н* (с переходом *е* > *о*). Особо следует отметить отвердение *н* в этой форме от слов на *-н'а*, например, *д'ер'ев'о́н* (деревень). К этой же категории относится форма род. п. мн. ч. от заимствованного слова: *губ'е́р'он* (губерний), примкнувшее в этой форме к словам на *-н'а*.[3]

Сравнивая наблюдаемые в рассматриваемом говоре формы род. п. мн. ч. с соответствующими формами литературного языка, необходимо отметить более широкое распространение формы на *-оф*, которая захватывает и такие слова, которые в литературном языке оканчиваются в род. п. мн. ч. на конечный согласный основы, а также наличие формы на *ец̂* у слов с *ц̂* в конце основы. Более широкое развитие в говорах, сравнительно

[1] Приводимых Мансиккой (Op. cit., стр. 158) форм „мидвидёф" и т. п. нам не встретилось.

[2] Это отмечает и Мансикка (там же).

[3] Аналогичный случай отмечает Мансикка: „фамиль" вместо „фамилий" (там же, стр. 159).

с литературным языком, форм на *-оф* отмечает Обнорский.[1] Формы на *-е̯ц* от слов с основой на *-ц̯*, по Обнорскому, распространены в тех говорах, где отвердение *ц̯* произошло в позднейшую эпоху или же где *ц̯* сохранило мягкость и до настоящего времени. Изученный нами говор действительно характеризуется мягким *ц̯*, но объяснить сохранение *-е̯ц* в этой категории и появление новых форм на *-оф* (в тех говорах, где такие формы возникли) исключительно фонетическим путем нельзя, так как и в тех говорах, где *ц̯* отвердело уже давно, оно отвердело, несомненно, позднее, чем *ж* и *ш*. Между тем есть говоры (и в частности, московский, который лег в основу литературного языка), где слова с основой на *ш*, *ж* имеют форму на *е̯ц*, тогда как слова с основой на *ц̯* имеют форму *-оф*. В рассматриваемом же говоре, наоборот, от слов с основой на мягкий шипящий звук встречается форма на *-оф* (*лешчо́ф*). Дело, очевидно, заключается в каких-то морфологических отношениях.

Формы на твердое *-н* от слов на *-н'а* в категории форм без окончания являются типично севернорусскими.[2]

Ввиду сравнительной близости им. и род. падежей формам литературного языка (формы те же, но только иначе распределены), трудно сказать, насколько система говора подвергается воздействию литературного языка в отношении этих форм.

Твор. п. мн. ч. в основном слое говора оканчивается, повидимому, на *-мы*, например: *ска́скамы*, *молоду́хамы*, *р'у́хамы*, *м'ер'о́жамы*, *нау́камы*, *ја́годамы*, *д'е́фкамы*, *д'ит'а́мы*, *д'ела́мы*, *м'е̂ста́мы*, *года́мы*, *ко́н'амы*, *нап'и́тоц'камы*. Наряду с этой формой возможны также формы на *-м'и*, на *-м* (т. е. совпадающие с формой дат. п.) и на *-ма*.

Из этих параллельных форм, пожалуй, наиболее часто употребляются формы на *-м*: *с е́тыма робо́там*, *с н'ев'е̂стам*, *со сл'оза́м*, *с молоды́м жена́м*, *па́лкам*, *р'ешо́ткам*, *з' д'ит'а́м*,

---

[1] Обнорский, Именное склонение, т. II, стр. 242—243.

[2] Там же, стр. 214.

фунтáм в'úс'ат, кам'ĕн'јам закат'úл'и, с мужов'јáм. Довольно часто встречаются также формы на *-м'и*: *з бáбам'и, в'úц'ам'и, с ры́бам'и, бр'óвнами.* Формы на *-ма* шире распространены в прилагательных, о чем ниже. Часть из отмеченных форм на *-ма* у существительных, возможно, обязана своим появлением влиянию прилагательных, так как является в сочетаниях с прилагательными, имеющими эту форму: *кол'к'úма-та н'ĕд'úл'ама, цĕ́лыма д'ĕс'áткама, скóрыма т'ĕмпама.* Но эти формы возможны и без влияния соседнего прилагательного, например: *конáвама, мотóркама, нóшама, за бр'ýкама.* Нужно заметить, что часто и сочетание с прилагательным, имеющим форму на *-ма*, не влечет за собой появления этой формы у существительного, например: *с такúма бр'óвнам'и, за ĕ́тыма д'елáмы, молоды́ма-то годáмы, вóз'ат кошел'áм так'úма* (в последнем случае это объясняется, возможно, ритмически — пример из стихов местного жителя-колхозника Юткина, который для сохранения ритма мог воспользоваться обеими существующими в говоре формами).

Данные, полученные нами для форм твор. п. мн. ч., расходятся с данными Мансикки. Мансикка приводит в качестве обычных для говора формы *-ами, -еми*, отмечает крайне редкое смешение твор. и дат. падежей и утверждает, что окончание *-амы* (которое на основании наших материалов выступает как основное) встречается лишь в юго-западной части пудожского говора.[1]

Формы на *-мы* вообще характерны для части севернорусских говоров, в том числе именно для олонецких, к которым принадлежит рассматриваемый говор.[2] Формы на *-ма* унаследованы, как известно, от старых форм двойственного числа. Формы на *-мы*, как бы ни объяснять их происхождение (как результат унификации во мн. ч. склонений с основой на *-а* и основой на *-о* или как результат влияния, с одной стороны, форм дат. -твор. падежей мн. ч. на *-м* < *мъ*, с другой, — наличия форм дат.-твор. падежей

---

[1] Op. cit., „Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 158.

[2] Обнорский, Именное склонение, т. II, стр. 346.

двойственного числа на *-ма*),[1] являются новообразованием (хотя, возможно, и сравнительно старым). Формы на *-ми*, распространенные в рассматриваемом говоре, соответствуют формам литературного языка, но объясняются не проникновением их из литературного языка, а сохранением древних форм.[2]

В говоре наблюдается колебание между различными приведенными выше формами. Даже одно и то же слово может принимать различные формы, например: *з д'ит'ám — з д'ит'ámы.*

Насколько влияние литературного языка наблюдается в отношении рассматриваемой категории, сказать трудно, так как одна из конкурирующих форм соответствует форме литературного языка. Во всяком случае нужно заметить, что пока наиболее часто встречаемой является форма на *-мы.*

Вин. п. мн. ч., как и вообще в русском языке, не имеет своей особой формы. Для выражения его используется форма, тождественная им. п. (для слов, обозначающих неодушевленные предметы) и род. п. (для слов, обозначающих одушевленные предметы), например: *конáвама т'енýл'и гóнк'и, ф кýч'ja жiáньщ-от л'éс, п'ил'ja нар'éзал дл'а сплавóф, заготовл'ál'и дров'já,ýгол'ja колóт', плáт'jишка вы́вал'ил,* но *муш'ч'ин'joф б'ерýт, заберáщут своúх н'ев'éс, на коróф, стр'етáт сынов'jóф, н'émцеф в'идáл, м'ид'в'éд'éщ* и т. д.

Но наряду с этими, более обычными случаями, отмечено и несколько примеров, которые, возможно, отражают иные отношения (если только не объясняются иначе), а именно: употребление в значении вин. п. слова, выражающего одушевленный предмет, формы, не соответствующей род. п. Все три примера, записанные мною лично, падают на одно слово „конь“: *с'ил'и на кóн'и, пошóл кóн'и искат', да нáдо с'úщат и на кóн'ä и на коróф.* Один из участников экспедиции указывал мне также, что он слышал в этой же форме этого же слова на конце *ê* закрытое (в моих примерах в двух случаях *и*, в одном или

[1] См. Соболевский, Лекции, стр. 178; Обнорский, Именное склонение, т. II, стр. 347.

[2] Форма на *-ми* широко распространена и в поморских говорах, где, повидимому, господствует над формой *-мы.*

открытое *е* или *ӓ* переднего образования). Возможно, что в этих примерах отражается старая форма собственно вин. (а не род.-вин.) п., употреблявшаяся некогда и для слов, обозначавших одушевленные предметы. Категория одушевленности, выражающаяся в употреблении форм так называемого род.-вин. п. для слов, обозначающих одушевленные предметы, как известно, не сразу устанавливается в славянских языках в том виде, как она известна теперь.[1] В древних памятниках она, как известно, наблюдается лишь в ед. ч., что объясняется тем, что во мн. ч. того склонения, где эта форма употреблялась (именно, склонения основ на *-о*), им. и вин. падежи имели особые формы. Лишь после того, как начинается смешение форм им. и вин. падежей во мн. ч., употребление формы род.-вин. п. проникает и во мн. ч. Древнейший случай такого употребления для русского языка относится к XIV в. Проникновение этой формы во мн. ч. имен животных имело место еще позднее. В украинском и белорусском языках, например, имена животных во мн. ч. и в настоящее время имеют форму, тождественную с им. п. Это явление известно и другим славянским языкам.[2] Возможно поэтому, что записанные нами примеры свидетельствуют о сохранении старой формы собственно вин. п. мн. ч. Эти формы интересны еще в одном отношении. Как известно, старая форма вин. п. мн. ч. мягкой разновидности склонения основ на *-о*, к которым относится „конь“, оканчивалась на *ѣ*, но впоследствии эта форма была вытеснена формой им. п. (для тех слов, которые не имеют формы род.-вин. п.), подобно тому как в твердой разновидности того же склонения, наоборот, старая форма им. п. была вытеснена старой формой вин. п. Между тем как раз один из приведенных примеров (*ко́н'ӓ*), возможно, свидетельствует о сохранении старого окончания *-ѣ*.[3] Форм, подобных

[1] См. Meillet, Génitif-accusativ.

[2] Op. cit., p. 169.

[3] Возможно, что такое развитие *ѣ* стоит в связи с развитием *е* > *ӓ* в конечном положении (см Шахматов, Очерк древнейшего периода, стр. 136—137). Самое же *ѣ* в рассматриваемом говоре не перед мягким согласным иногда звучит, как открытое *е*.

приведенным выше и в таком же значении, мне не приходилось встречать в лингвистической литературе.

Приведенные примеры, как уже было сказано, допускают и иное толкование, а именно фонетическое. Возможно, что они являются формами род. п. с редукцией до нуля конечного *ц̑*. Такая редукция в говоре возможна, тем более что в двух из приведенных случаев непосредственно за рассматриваемым словом следует слово с начальным *и*, а в третьем примере — слово перед паузой, где редукция тоже возможна. Но такое объяснение может относиться лишь к двум примерам с *ко́н'и*, но никоим образом не к случаю *ко́н'ӓ*, так как после исчезновения *ц̑* на конце должно было бы остаться *е* или *и*, но не *ӓ*. Решить вопрос окончательно очень трудно.

Формы дат. и предл. падежей не требуют особых замечаний. Примеры: *по р'ёка́м, по уйе́здам, по ноц̑а́м, сынов'йа́м, д'ит'а́м, рака́м* (дат. п.), *на ло́тках, на поко́сах, на ко́н'ах, в города́х, на сплава́х, на сада́х, на д'в'ёна́ц̑'ёт'и бл'уд'а́х* (предл. п.). Нужно указать лишь на формы *во с'н'а́х* и *в л'и́с'ах*, отступающие от обычных норм склонения. Мансикка объясняет мягкость согласных в этих формах сохранением „древней мягкости согласных“,[1] имея в виду мягкость согласного в этих формах в ту эпоху, когда они оканчивались не на *-ах*, а на *-ъх*. Так же объясняет эти формы и Обнорский.[2] Действительно, местн. п. в древнем склонении с основой на *-о* был единственной формой мн. ч., где (после вытеснения винительным падежом именительного) могла быть мягкость согласного перед окончанием. Архаизм приведенных форм объясняется, возможно, их наречным характером — *во с'н'а́х* безусловно (как и *в м'ис'т'а́х*, которого я и не рассматривал в силу его совершенно бесспорного наречного характера), а *в л'и́с'ах* — весьма вероятно. Примеры употребления вполне ясно на это не указывают: *пасту́х-от по́зно д'е́ржыт в л'и́с'ах коро́ф*; *на́ б'иро'к-то а́'ли в л'и́с'ах -то*? Но за наречный характер этого выражения говорит постоянно множественная форма, тогда как единствен-

[1] „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, стр. 159.

[2] Обнорский, Именное склонение, т. II, стр. 365 и 368—369.

ное число от „лес“ вообще употребляется, например: *вы́стали в л'ёс за д'ёр'ево, обноч'ева́т'*. Вероятно, новой формой, проникающей под влиянием литературного языка, является: *в л'ёс'ах быва́ла* (в устах старухи). Наречное выражение *в л'и́с'ах*, т. е. специальное обозначение „леса, как места, внутри которого нечто происходит“, легко могло возникнуть в говоре населения, вся жизнь которого тесно связана с лесом.

В заключение ко всему сказанному о склонении существительных необходимо отметить, что особые звательные формы от слов на *-а*, отмечаемые для рассматриваемого говора Мансиккой,[1] нам не встретились. В обращении обычно для всех слов употребляется им. п., например: *л'ётушка* (ласкательное обращение); *Матр'о́нушка, ште́-то пожн'и́ с на́м'и.*

МЕСТОИМЕНИЕ

Выделяю особо формы личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного (в силу полного параллелизма форм последнего и косвенных падежей личного местоимения 2-го лица ед. ч.). Так называемые местоимения 3-го лица (ед. и мн. ч.) объединяю с различными другими местоимениями (указательными и пр.) в силу подобия форм всех этих местоимений.

Склонение местоимения 1-го лица ед. ч. представляется в следующем виде.

Именительный падеж: *со^{у}шы́л ја ју́ вм'е́сто, а ја и та́к во с'н'е́-то спрос'и́л...*

Родительный падеж: *фс'о́ от м'ен'а́ кра́л хл'ѐп-от, у м'ен'а́ фс'о́ зду́мано, у м'ен'а́ ло́шат' т'ер'а́лас; развошл'и́с'а у мн'а́* (сыновья); *што́ ты об'и́жена у мн'а́; у м'е'на́ || у мн'а́* (у одного и того же лица); *у мн'а́ сы́н б'ива́л* (медведей); *Ва́с'и-то у м'на́ дано́; у мн'а́ ма́т'-то была́ отс'у́л'.*

Дательный падеж: *ја ч'елов'е́к заје̄жей, ка́г же мн'ѐ жы́т'-то? пришло́с' мн'е ју́ хлы́снут'* (сказка); *ты п'е́й, да мн'е́ оста́ф* (старуха из Келкозера); *а ја́ и та́к во с'н'е́-то*

[1] „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 158.

спроси́л: ско́ро л'и мне́-ка с'м'е́рт' (старуха из Келкозера); *у м'ен'а́ ло́шат' т'ер'а́лас,' так о́н мн'е́-ка нашо́л ло́шат'* (сказка); *похва́стат' л'и мн'е-ка свое́й ма́тушкой* (Дюк Степанович); *от пл'е́м'а-то је́с' мн'е́-ка, ак мн'е́-ка на́до с п'е́рышкам* (барышень); *он говор'и́т мн'е́-ка... ну́, говорит стару́ха, је́годы о́браны; ка́жетца, што д'е́н'ек до с'м'е́рт'и мн'е́-ка хва́т'ит; ма́ма, мн'е́-ка хле́ба-то клала?* (сказка); *а пода́й-ко но́жык с ворону́ а́ мн'е́-ка п'ер'ес'и́ц' в'ер'о́фку* (сказка); *вот мн'е́ка ф того́ јого́ бы узна́т', а два́ жет' л'е́т мн'е́-ка бы́ло* (в ответе на вопрос); *ты што́, а мн'е́-ка н'е оста́в'ил* (старуха из Келкозера); *мн'е́-ка* (спокою не было) (она же); *то́т хоз'а́ин мн'е́-ка брата́н двоју́родный; прика́зывала м'ин'е́ ишэ́ в д'ев'ет' ч'есо́ф утра́.*

Винительный падеж: *приход'и́ла м'ен'а́ зва́т', обогр'е́ло-то м'и'на́* (старуха из Келкозера).

Творительный падеж: *ид'и́ за мно́й (за мно́ју).*

Род. и вин. падежи, как показывают приведенные примеры, оканчиваются на обычное для северных говоров *-а* после мягкого согласного. Для род. п. следует указать наличие параллельных форм *м'ен'а́* и *мн'а́*, которые могут чередоваться у одного и того же лица. Форма *мн'а́* могла возникнуть под влиянием дат. п. *мн'е́*, быть может, контаминацией этих двух форм объясняется форма *м'ᵊн'а́* с очень кратким редуцированным гласным между *м* и *н*. Но возможно, что эта форма может быть объяснена и фонетически (развитие редуцированного гласного в соседстве с сонорными). Для вин. п. ни разу не отмечена форма без гласного в основе (*мн'а́*), но всегда *м'ен'а́* или *м'ин'а́*. Быть может, это объясняется просто недостаточностью примеров.

Для дат. п. следует обратить внимание на частое употребление частицы *-ка*. Являясь, вероятно, первоначально частицей усиления, факультативно присоединяемой к этой форме, это *-ка* все тесней примыкает к форме дат. п., и в настоящее время форма дат. п., осложненная этой частицей, наблюдается значительно чаще, чем без частицы, так что имеется даже некоторое основание считать формой дат. п. не просто *мне*, а *мне,*

осложненное этой частицей, тем более что последняя примкнула так плотно именно к данной местоименной форме; в других падежных формах местоимения, а также в дат. п. других местоимений частица эта не употребляется. Один раз отмеченная форма дат. п. *мине́*, возможно, объясняется распространением основы род. п.

Склонение местоимений 2-го лица ед. ч. и возвратного имеет такой вид:

Именительный падеж: *ты што́, а мн'е́-ка не́ оста́вил; што ты́ об'и́жона у мн'а́.*

Родительный падеж: *бы́л л'и у т'еб'а́ хто́* (сказка); *бы́л у т'иб'а́ хто́; у т'еја́* (старуха из Келкозера).

Дательный падеж: *н'ел'з'а́ л'и бы э́того нам зайт'и́ к т'еб'е́* (сказка); *во с'н'а́х показа́лос' т'иб'е́; да́м т'иб'е́ јайцко о христо́в'и дн'и* („Василий Буслаев"); *д'ен'г'и пр'ибра́л с'еб'е* (сказка); *с'е̲"б'е́* (старуха из Келкозера).

Винительный падеж: *што́ т'еб'а́ мо́жет уд'ержа́т'* (сказка); *са́м про с'еб'а́* (сказка); *про с'иб'а́; а н'и с'ева́ла сама́ про с'иб'а́.*

Творительный падеж: *са́мы собо́й.*

Предложный падеж: *и пла́тја так на соб'е́ мета́јут; о соб'е́ воз'му́ поло́ску да и жну́.*

Характерным для рассматриваемого говора является обычное на севере *-а* в род. и вин. падежах (как и в 1-м лице). Возможна утрата *б* в интервокальном положении. Насколько она распространена, сказать трудно (отмечен один пример для род. п. 2-го лица).

Для предл. п. возвратного местоимения дважды отмечена форма *соб'е́*. Опираясь на памятники, мы ожидали бы найти эту форму также в дат. п., притом не только для возвратного местоимения, но и для личного местоимения „ты" в соответствующих падежах в силу обычно полного параллелизма всех упомянутых форм. С другой стороны, наличие для дат. п. форм *тебе, себе* заставляет предполагать эти формы и для предл. п. Но для подтверждения такого предположения примеров недостаточно: для предл. п. имеется лишь два

примера, оба дают форму *собе*, ни одного примера на *тобе*. Примеры на дат. п. сравнительно многочисленны, но все они дают формы *тебе, себе*. Остается предположить, что формы *тобе, собе*, если и возможны в дат. п., то все же очень редки.

1-е и 2-е лицо мн. ч.:

Именительный падеж: *мы пойи́д'ом; вы с на́мы н'е гр'ешы́т'е.*

Родительный падеж: *у на́с н'ев'ѐсты гр'ит с'м'е́кнуты; у на́с стары́х бо́л'ше фс'е́х д'ер'ев'о́н; у ва́с это мно́го ес'; а гд'е́ у ва́с гр'ит н'ев'ѐсты.*

Дательный падеж: *н'ел'з'а́ л'и бы э̀того нам зайт'и́ к т'еб'е́* (сказка); *па́па, на́м бы гр'ит жэн'и́тс'а.*

Творительный падеж: *Матр'о́нушка, ишэ̀-то пожн'и́ с на̀м'и; вы с на́мы не гр'ешы́те.*

Случайно не были записаны примеры на вин. и предл. падежи, но, судя по всему, вин. п. одинаков с род. п., а предл. п. — с дат. п., как и во всех русских говорах.

Приведенные выше примеры показывают, что склонение личных местоимений мн. ч. в пильмасозерском говоре почти полностью совпадает со склонением их в литературном языке, а также и в древнерусском. Единственным отступлением от древнерусских (и в то же время литературных) форм является форма твор. п. *намы*, отмеченная наряду с *нами*. Она возникла, вероятно, под влиянием соответствующей формы у существительных (см. выше). Принимая во внимание параллелизм форм 1-го и 2-го лица, можно думать, что наряду с этой формой в говоре существует такая же форма и для 2-го лица (*вамы*), но в записях она не отмечена. Да и *намы* отмечено мною лишь один раз, что указывает на сравнительную редкость этой формы. Существует ли для местоимения возможность (как для существительного) употребления в твор. п. также формы на *-м*, т. е. совпадающей с дат. п., сказать трудно. Записи не дают указаний на эту форму, да и у существительного, как сказано выше, она является редко.

Для местоимений неличных следует, во-первых, определить падежные окончания и, во-вторых, остановиться на некоторых

явлениях в основе. Явления чисто словообразовательного порядка оставляю в стороне как подлежащие рассмотрению в словаре.

Неличные местоимения в ед. ч. склоняются следующим образом.

Мужской и средний род, именительный (и винительный-именительный) падеж: *так о̀'н мне́-ка нашо́л ло́шат', о́н говори́т мн'е́-ка; то́т хоз'а́ин мн'е́-ка брата́н двоју́родный; вос'мо́й го́т тот у м'ин'а́ здоро́вой, бо́йкой тако́й, тако́й-с`ако́й ба́т'ушко* (в обращении) (сказка); *кото́рой пас'е́т-то коро́ф; а с'е́й гот н'е быва́л'и; а пото́м разгово́р ко̀је-како́й в'ел'и́* (сказка); *то́је в'есло́ нав'е́шено на корму́; п'иса́л тојо́?; то́је же?* (на просьбу повторить) (Келкозеро); *писа́л'и тојо̀ фс'о́; ишэ̀ фс'о л'е́тушко жа́ла; а оста́лос'е так фс'о́ ху́до дак...*

Родительный (и родительный-винительный) падеж: *пр'ин'ес'и́, жона́, ог̂н'а́, е́того с'в'е́т зна́ч'ит; и́дного го́ду з'б'и́ло на́ бок; плоха́ја э̀того по́ч'ва, и спус'т'и́л ѐтого гу́с'а* (сказка); *никогѐ н'е́ту; хто јого́ зна́ет; ниц'ого́; ход'и́ла ко̀јего д'на́; вот мн'е́-ка ф того́ јогѐ бы узна́т'; у ино́го с'ем'ја́* (=у некоторых семья); *у н'егѐ, так л'е́шого ц'огѐ и сог̂н'о́ш; бог̂а́утва и н'е́ было ни у како́го* (=ни у кого); *фс'ого́ попр'иц'и́тывала; н'икако́го н'е́ту; што́ тут из ѐтого бу́д'ет; фспо́мн'ила и́дного дн'и́; ф сунду́к заложы́л ѐтого му́жа; ну он'и́ скор'и́је јего́ в мешо́к зап'их̂а́л'и; н'ико́ н'е́ту; нас'е́јано фс'ево́; јево́ и́м'ен'ем колхо́с; у нево́ ује́хано уд'и́т'; н'ика-ко́ва н'е́т молод'о́жы* (=никого нет из молодежи); *за свово́ ба́т'ушка.*

Дательный падеж: *по-и́хному; фс'и́ п'ријѐдут к јому́; пол'ожы́, пол'ожы́, говор'и́т јему́* (сказка).

Творительный падеж: *а оны́ как в окно́, од'и́н за одны́м, один за одны́м; с э̀тым вну́ком; а за та́мным бы́ло дво́је; до́ма жыт' н'е́зац'им; одн'е́м е́тым-то не в'и́жу* (=не вижу одним глазом); *одн'е́м в'ит' сло́вом н'е лофцы́.*

Предложный падеж: *ды на то́м побо́иши в'ел'и́кojом.*

Женский род. Именительный падеж: *а сама́ п'оку́; и́дна уйи́д'еп лов'и́т; ишэ́ таjа поговор'и́т; jес' та́jа?* (песня); *та́jа-то шко́ла* (ответ на вопрос: „В Пильмасозере школа?“) (старуха из Келкозера) *таjа рабо́тат уже́; кото́ра ба́ба и та́jа на о́з'ер'е* (Колгостров); *кака́..., кака́..., а ина́ по д'ер'е́вн'и похо́д'ит; хот' кака́ ры́ба ску́снаjа.*

Родительный падеж: *а рабо́ты то́й уш н'е м'ин'о́ш; и́хной б'е́днос'т'и то́жо жал'е́jот; сы́рос'т'и никако́й н'е́т; а Гр'и́ша н'е́ звал jо́й; вы́шел от н'е́й* (сказка про двух товарищей).

Дательный падеж: *той?* (— указывая на сидящую перед ней); *говор'и́т н'е́й* (сказка); *к н'е́й зашо́л* (сказка); *пришло́ к н'е́й д'е́в'ет' розбо́йникоф; а о́н jей н'и сказа́л* (сказка); *пото́м к jе́й розбо́йн'ик'и и пр'ишл'и́; а н'ев'е́ска вы́стала, да хл'е́бушка jе́й; фс'о́ от м'ен'а́ кра́л х'лэ́п-от, да jей посы́лывал; своjе́й Над'е́шке* || *своjо́й он ба́бы-то сказа́л.*

Винительный падеж: *пришло́с' мн'е́ jу хлы́снут'; сошы́л jа jу́ вм'е́сто; пото́м jу за го́ру... за го́ру-то ув'ел'и́, так jу́ с ка́жной избы́ таша́т; jу́ туды́ направл'а́л'и; гон'и́ jу, гон'и́; так он ка́к jу гна́л; вот ы запр'а́к jу́; а он пор'е́шы́л jу́, п'е́рву-ту жену́; когда пр'ишло́с' нан'ес'т'и́ на jу́ уда́р (на н'у́ уда́р); да jе́й пр'ивезл'и́* (= ее привезли); *jе́й с'н'има́л'и в гробу́, jе́й-то, м'о́ртвой-ту* (на вопрос: „Что снимали“) (старуха из Келкозера); *ста́в'ат jей* (рожь); *кр'уч'о́к с'н'а́л да пус'т'и́л jо́й; так о́н jejо́ н'е́ звал на подво́р'jо; гра́д был кру́пной в'е́с', фс'у ро́ш околот'и́ло; ц'ерес ту́jу...; ту́jу с'н'а́л'и; ту́jу пр'исуша́т; фс'у́ в'ит' н'е́jу роспласта́л'и; таку́ п'и́с'н'у; а вар'а́ ка́шку jе́ку.*

Творительный падеж: *пош'ли́ в го́рот-то с jе́й; уха́жыват за jе́й; фс'е́й душо́й; похва́стат' л'и мн'е́-ка своjе́й ма́тушкой* („Дюк Степанович“).

Предложный падеж: *и фс'о по jе́й; в мojо́й держа́вы.*

Показателем муж. р. ед. ч. является или нулевая морфема, как, например, в „тот“, „он“, или окончание *-ой* (после твердых согласных), *-ей* (исключительно после мягких согласных). Для им. п. ср. р. характерны окончания *-о, -ојо, -оје*. Гласный *е* в окончании, наблюдающийся после *ј*, отражает древнее состояние языка. Чаще он является в безударном окончании. Но возможен наряду с *е* (под ударением, а также и без ударения) гласный *о*, обусловленный воздействием на эту форму окончания *-о* после твердого согласного. Нормальным окончанием для род. п. муж. и жен. р. является *-о'о* с *г* взрывным (после мягкого согласного возможно наряду с первым *о* также и *е*). Очень редки формы без согласного (т. е. с окончанием *-оо*). Формы с *в*, несколько более частые (сравнительно с формами без согласного), могут объясняться и влиянием литературного языка. Впрочем, наличие стянутой формы (*своово*), которой нет в литературном языке, возможно, указывает на то, что формы с *в* могли развиваться в говоре независимо от литературного языка. Форма *никакјва* с *а* на конце может быть объяснена влиянием склонения существительных. Форма дат. п. особых замечаний не требует. Колебание *о/е* после мягких согласных объяснено выше. Форма вин. п. для муж. р. совпадает с им. или род. пад., а для ср. р. всегда с им. п. В твор. п. возможны окончания *-ем, -им* (*-ым* после твердых согласных). Окончание *-ем* унаследовано от старого *-ѣмъ*. Окончание *-им* представляет результат фонетического развития древнего *-имь* (после смягченного согласного). Окончание *-ым* представляет результат влияния форм с мягким согласным в основе на формы с твердым согласным в основе с изменением *и* > *ы* в положении после твердого согласного. Предл. п. особых замечаний не требует.

Для им. и вин. падежей жен. р. следует отметить новые окончания *-а* и *-у* в тех местоимениях, которые в древности его не имели и не имеют в литературном языке (*та́ја, ту́ју*). Эти окончания, вероятно, возникли в результате влияния членных прилагательных, а также местоимений, оканчивающихся в соответствующих формах на *-а, -у* (например, *моя́, мою́*).

Для всех косвенных падежей (род., дат., вин., твор., предл.) следует отметить тенденцию объединения в одной форме (*-ой, -ей*). В вин. п. частично сохраняется старая форма местоимения *ја*, утраченная литературным языком и многими говорами, *ју, н'у*, но вместо нее употребляется также новая форма, тождественная с формой род. п., *јей, н'ей*. Результатом контаминации обеих этих форм (*ју, јей*) является такая форма, как *јéју, н'éју*. В окончании всех косвенных падежей в положении после мягкого согласного наряду со старым *е* (*своéй, јéй*) наблюдается также *о*, объясняемое, как и для муж. и ср. рода, влиянием окончаний после твердого согласного (*своóй, јóй*). Колебания, как показывают примеры, наблюдаются часто у одного и того же лица. Формы с *е* могут объясняться и влиянием литературного языка.

Во множ. ч. эти местоимения склоняются следующим образом.

Именительный падеж: *фс'и́ пр'иjéдут к јому́ || т'éи у́м'ерл'и* (о девушках); *мáмушка, тáја л'еж'ála, а ты́и фскóч'ат да поб'ежáт, стáнут оны́... ф'сú прийéдут к јому́, оны́ бы с'jи́л'и; а јоны́ и говор'áт* (сказка); *а оны́ говор'á; оны́ || јоны́; а оны́ как в окнó, од'и́н за одны́м, од'и́н за одны́м; сáмы собóй; самы ушл'и́ ф сов'е̄ш̄áт'ел'н'у; ч'етыр'е м'ис'аца эны робóтајут, и оны́ там тóп'а; забу́дут л'и оны́, ал'и тáк јоны́* (старуха из Келкозера); *оны́ || он'е пом'е̄ш̄áјутс'а; оне́ суд'и́л'и и накáзывал'и* (земские начальники); *дак н'е одн'é сл'и́фки; фс'е ф кров'и́; јéс' говор'áт оне́* (сказка); *он'é по стакáну вып'ил'и* (ib).

Родительный падеж: *самы́х двóје;; да у ји́х вз'áто тр'ét'јиво дн'á.*

Дательный падеж: *захот'éлос' ји́м матóрк'и; јим дајýт н'емно́жэцко хл'ѣ́ба* (старуха из Келкозера); *напу́тала тут јӯм; по э́тома п'éстун'јам* (старуха из Келкозера).

Винительный падеж: *э́тот стар'и́к накатáл катý-шэч'ек и э́т'и катýшеч'к'и закидáл по́ полу* (сказка).

Творительный падеж: *с э́тыма робóтам; за э́тыма д'елáм; сутк'и фс'о с ымá и хóд'им; вот со своjé-*

ма родны́ма прос'т'и́лса; пријѐжд̀жа́ло к'ино́ с ји́ма; с н'и́ма.

Предложный падеж: *кабы в одны́х* (яслях); *ф свои́х рука́х.*

Им. п., как видно из примеров, характеризуется окончаниями *-и* (*-ы*), *-е*. Окончание *-и* является наследником старой формы муж. р., окончание же *-ы* — наследником старой формы жен. р. Колебание *-и* (после мягких согласных), *-ы* (после твердых) объясняется борьбой двух тенденций: сохранения старого чередования „твердый || мягкий согласный", развившегося из позиционных условий (древнерусское смягчение согласных перед *и*), и обобщения твердого согласного в основе для всех форм (в результате чего *-и* должно обязательно замещаться через *-ы*). На тенденцию такого обобщения указывают и такие формы, как *одни́м, одни́х*. Окончание же *-е* (древнее *ѣ*) является наследником старой формы им. п. жен. р. тех местоимений, где в основе был мягкий согласный (а также вин. п. муж. и жен. р.).

В современном говоре, как показывают приведенные выше примеры, все названные формы употребляются без какого-либо семантического разграничения, и колебания в их употреблении могут наблюдаться у одного и того же лица. Для им. п. следует указать на явление, подобное тому, с каким мы встречаемся и в ед. ч., — присоединение к старой форме нового окончания, перенесенного из другого местоимения. Так объясняются формы *те́и, ты́и*. Для твор. п. следует отметить широкое распространение окончания *-ма* (ударного и безударного — ударение может колебаться для одного и того же местоимения), унаследованного от старой формы двойственного числа. Это же окончание возможно и в дат. п., но гораздо реже. Остальные падежные формы особых замечаний не требуют. Следует только обратить внимание на наблюдающееся в некоторых случаях влияние падежных форм местоимений с твердым согласным в основе на соответствующие формы местоимений с мягким согласным в основе. Этим влиянием объясняются такие, например, формы, как *со свое́ма.*

В заключение нужно остановиться на некоторых интересных явлениях, имеющих место в основе местоимения „он". В рассматриваемом говоре (как и во многих других говорах) под влиянием косвенных падежей появляется *j* в начале формы им. п. как ед., так и мн. ч. Примеры: *а jо́н д'е́лал комý́ну; jон ушо́л; jо́н тако́й пр'исушы́т н'едо́лго; забудут л'и оны́, ал'и та́к jоны́.* Впрочем, наряду с формами с *j*, возможны в том же падеже и формы без *j*, например: *н'е по́н'ели, што о́н у н'езо́ уб'и́т; и оны́ там то́п'а.* Один раз в слабоударяемом положении отмечена форма *еныы: ч'етыр'е м'е́с'аца еныы робо́тают.*

В косвенных падежах этого же местоимения наблюдаются колебания между формами с начальным *н*, унаследованным в результате переразложения от предлогов *вън, кън, сън*, и старыми формами с начальным *j*, принадлежащим местоименной основе. Форма с начальным *j*, широко распространенная в говорах, употребляется (в противоположность литературному языку) также в сочетании с предлогами, т. е. наблюдаются не только такие примеры, как: *а Гр'и́ша н'е́ звал jо̲й; а он jе́й н'и сказа́л;* но и такие, как: *пото́м к jе́й розбо́йники и пришл'и́; пошл'и́ в го́рот с jе́й; уха́живают за jе́й; и фс'о по jе́й.* С другой стороны, формы с начальным *н* наблюдаются не только в сочетании с предлогами (как это имеет место в литературном языке), но и без предлогов, т. е. наблюдаются не только такие примеры, как: *н'е по́н'ел'и што он у н'ево́ уб'и́т; пр'ишло́ к н'ей д'е́в'ет' розбо́йн'икоф; к н'ей зашо́л; вы́шел от н'е́й; с н'и́ма;* но и такие, как: *говор'и́т н'ѐй; фс'у́ в'ет' н'е́ju роспласта́л'и.* Колебание может наблюдаться в говоре одного и того же лица. Так, например, колхозник Юткин в сказке собственного сочинения сначала сказал: *когда пр'ишло́с' нан'ес'т'и́ на jу́ уда́р,* при повторении же: *на н'у́ уда́р.* Для косвенных падежей этого же местоимения следует указать на наличие *j* и в тех формах, которые имеют далее *и*, например: *напу́тала тут jи́м; jим дају́т н'емно́жецко хл'е́ба; захот'е́лос' jи́м мато̀роки; пр'ижджа́ло к'ино́ с jи́ма.* Впрочем, в подобных формах возможна и утрата *j* с переходом

в таких случаях в положении после твердого согласного предлога *и* в *ы*, например: *сýтк'и фс'о с ъмá и хóд'им.*

В области словообразования отмечу лишь широко распространенные в говорах, а в настоящее время частью проникающие и в литературный язык, формы притяжательных местоимений 3-го лица, образованные от род. п. указательных местоимений, выполняющие функцию местоимения 3-го лица, по образцу полных прилагательных, например: *мýш-от jéйный; былá jéйна дóц' там; úхной б'éднос'т'и тóжо жал'éjот.* Последняя форма в настоящее время стала почти литературной (точнее, она принадлежит просторечному стилю литературного языка). В отличие от литературного языка, форма получила твердый, а не мягкий согласный в конце основы.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Склонение прилагательных

Вместе с прилагательными я рассматриваю одинаково с ними склоняющиеся порядковые числительные. Склонение прилагательных, в общем, не отличается от их склонения в литературном языке.

В им. п. муж. р., если ударение падает на окончание, последнее всегда *-óц*: *бол'шóц, молодóц, бóцкоц.* Также в случае мягкого согласного перед окончанием: *с'ил'н'óц* (*н'* здесь мягкое в результате прогрессивной ассимиляции после *л'*). Безударное окончание той же формы после твердых согласных является также иногда в виде *-оц*, например: *пáкосноц, в'ес'óлоц, х'итр'óноц, бéлоц, колгострóф'с'коц* || *колгóстроф'с'кой*, иногда же в виде *-ыц* (в отдельных случаях с редукцией до нуля конечного *ц*), например, *крáсныц, з'вл'óныц, úмны (ц) фáстат...*, *кáжны д'éн'*. Безударное окончание после мягких согласных обычно является (возможно, в силу фонетических причин) в форме *-ец* (также иногда с редукцией до нуля конечного *ц*), например: *грáмотн'ец, н'егрáмотн'ец, заjéжец, фс'эх д'éл знáцуш'ч'ец дóхтур.*

В северновеликорусских говорах господствующими окончаниями в прилагательных являются *-оу̯*, *-еу̯* и в безударном положении, но есть, по Шахматову, говоры, допускающие редуцированное произношение гласных, где слышатся окончания *-ъу̯*, *-ьу̯*, т. е. почти *-ыу̯*, *-иу̯*.[1] В нашем говоре безударные гласные подвергаются довольно сильной количественной редукции (в определенных случаях даже до нуля), которая могла в известных случаях повлечь за собой и качественное изменение звука. Можно считать безударные окончания *-оу̯* и *ыу̯* фонетическими вариантами одного и того же окончания. Мне приходилось встречать форму на *-ыу̯* (но наряду с более частым и обычным *-оу̯*) и в других северных говорах. Поскольку различия между окончаниями объясняются фонетически, мы должны принять в качестве основной формы *-оу̯*, так как это окончание, единственное возможно под ударением, т. е. в том положении, где все фонемы отчетливо различаются.

Большой интерес представляет форма род. п. ед. ч. муж. и ср. р. Основному слою говора принадлежит окончание *-ого* с *г* взрывным.[2] Это окончание, несомненно, преобладает. Примеры: *л'ётного, з'ймного, самод'йл'ного, л'ёшого, сырóго, вар'óного.* Но наряду с этим, хотя и в меньшем количестве, наблюдаются формы с *в*, например: *д'ер'ев'ён'с'ково* и т. п.[3] Совсем редко встречаются формы с пропуском согласного (притом отмечены только указанные выше местоименные): *ниу̯'чéо, ч'еó.* Картину, близкую к этой, но не совсем такую, мне приходилось наблюдать несколько лет тому назад в говорах верхней Пинеги,[4] где, в отличие от пильмасозерского говора, окончание *-оо* (т. е. без согласного) является весьма нередким, а сверх того (хотя и редко) встречается совершенно не отмеченное

---

[1] См. Шахматов, Очерк древнейшего периода, стр. 351.

[2] Это сходится с показаниями Мансикки („Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, 1914).

[3] Такие же формы (как с *г*, так и с *в*) мы находим и в местоимениях (см. выше).

[4] См. мою статью „О говорах верхней Пинеги и Верхней Тоймы" (Материалы и исследования, т. I).

нами в пильмасозерском говоре окончание *оγо* (т. е. с γ фрикативным).

Как объяснить исторически эти различные формы?

Шахматов вслед за Фортунатовым предполагает в окончании род. п. древнее *h*, развившееся во избежание зияния между гласными.[1] В дальнейшем это *h* изменяется в γ, откуда далее *в*.[2] В некоторых же говорах (олонецких и поморских) это γ фрикативное заменилось *г* взрывным, вследствие чего и получилось обычное для нашего говора окончание *-ого* с *г* взрывным.[3] Но это предположение встречает возражения как с точки зрения исторического развития языка, так и с точки зрения показаний современных говоров. С исторической точки зрения всегда сомнительны фонетические объяснения таких фактов, которые в основном ограничены одной морфологической категорией. Правда, называют обычно еще несколько слов, в которых также наблюдается *в* на месте *г*, что заставляет предполагать в них наличие γ фрикативного. Но такое слово, как, например, *коровод* <*корогод*, легко может быть разъяснено как результат ложной (народной) этимологии, а слово „погост", которое уже в Лаврентьевской летописи встречается в форме *повостъ* (*и оустави на мѣстѣ повосты*, л. 17), в рассматриваемом нами говоре является всегда в форме *погóс*, тогда как в описанных мною говорах Пинеги *повóс*; окончание же род. п., принадлежащее основному слою говора, и там и здесь имеет *г* взрывное. Иное объяснение происхождения этого окончания имеется и в литературе. Meillet в свое время выдвинул гипотезу, что *-го* в окончании род. падежа является не окончанием (désinence), а особой частицей, соответствующей санскритскому *gha*.[4] В гипотезе Meillet следует обратить внимание на сопоставление этой частицы *-го* с частицей *-же*, которая также примыкает к местоимению (и-же), и на аналогичный процесс в санскрите, где эта частица *gha* в известных случаях также сочетается

[1] См. Шахматов, Очерк древнейшего периода, стр. 33—34.

[2] Там же, стр. 178.

[3] Там же, стр. 295—296.

[4] Meillet, Génitif-accusatif, p. 101.

с указательным местоимением. Если *г* не развилось фонетически, а принадлежало особой частице, т. е. особому морфологическому элементу, оно скорее должно было быть взрывным, а не фрикативным (ср. *ж* < *г* в частице *-же*). Морфологическое объяснение, несомненно, более правдоподобно, когда речь идет преимущественно об одной морфологической категории.

Формы на *-ово*, наблюдаемые в пильмасозерском говоре, повидимому, не проникают из литературного языка. Они встречаются и у лиц, в наименьшей степени затронутых влиянием литературного языка, наряду с формами на *-ого*. Против литературного влияния говорит, пожалуй, и такая форма, как *свово́* (со стяжением).

Гипотеза развития *-ово* < *-ого* (с *г* взрывным) содержит некоторые трудности. Общий ход процесса с фонетической точки зрения должен представляться в таком виде: *-ого* > *-оγо* > > *-оо* > *-ово*. Но при такой последовательности не вполне ясно, почему в рассматриваемом говоре совершенно не встречается ступень *-оо*. Отмеченные выше местоименные формы на *-оо* указывают, возможно, на различную хронологию развития этого окончания для местоимений и прилагательных, что отмечалось и для некоторых других говоров, в частности южнорусских.[1]

В род. п. ед. ч. жен. р. наряду с обычным окончанием в пении возможно архаическое окончание *-оцо* < *-оѣ*. Например: *была ба́т'ушка ты у́много и ма́тушк'и розу́мноцо* („Василий Буслаевич"). В окончании *-оѣ*, повидимому, древнее *ѣ* изменилось в *е*. Этот случай аналогичен сохраненному также в пении твор. п. на *-оцу* вместо *-оц*, о чем сказано выше. Утрата древнего *ѣ* в той форме, которая слышна в обычной речи, так же как и форма твор. п. на *-оц* (вместо *-оцу*), является результатом редукции неударяемых конечных гласных. В твор. п. ед. ч. жен. р., так же как и в существительных на *-а*, возможна в пении форма на *-оцу* (при обычном разговорном *-оц*), напри-

[1] См. N. Van.-Wijk, Die grossrussische pronominale Genitivbildung -vo, Streitberg Festgabe, 1924.

мер: *род'и́моцу стороно́цу*, но: *волос'ано́ц в'ер'о́фкоц*. В твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. в пении возможна форма на *-ыим* (*-иим*) при обычном разговорном (а частью и в пении) *-ым*, *-им*, например: *з дружы́ноч'коц со хоро́брыим* („Василий Буслаевич"), но: *за с'и́н'им мо́р'ом* („Дюк Степанович"). В предл. п. ед. ч. муж. и ср. р. возможна в пении форма на *-оцом* при обычном разговорном (частью и в пении) *-ом*, например: *да на то́м побо́иш'ч'и в'ел'и́коцом* („Василий Буслаевич"), но: *ф про́шлом го́д'е, на ско́тном двор'и́* и т. п. В пении, вероятно, и для жен. р. возможна форма на *-оцоц*, но она нами не зарегистрирована, а записана лишь (даже в пении) только форма на *-оц* (например, *на кра́сноц на д'е́вушк'и*).

Форма предл. п. ед. ч. муж. и ср. р. на *-ым* (*-им*), т. е. совпадающая с формой твор. п., отмечена лишь для местоимений неличных, например, *в одны́м магаз'и́н'е*.

Единичный случай, отмеченный в пении, употребления в значении дат. п. ед. ч. жен. р. формы, совпадающей с твор. п. (*по фс'о́й Рас'е́и с'в'атору́с'коцу* — „Стих о Егории"), объясняется или возможным совпадением форм дат. и твор. падежей во мн. ч. или, скорее, влиянием формы дат. п. ед. ч. муж. и ср. р., оканчивающейся на *-у*. Вообще появление этой формы относится к области ритмического растяжения, так как вызвано потребностями ритма. В фольклорной поэзии грамматические формы могут порой принимать, в зависимости от требований ритма, очень необычный вид. Ср., например, у Ончукова: *Кабы был тут Садок купець богатыя*.[1] Но интересно выяснить, почему ритмическое растяжение вылилось в форму с окончанием *-оцу*, а не в более обычное „святорусскоей". Впрочем, окончательно это решить трудно, так как пример этот, как уже сказано, единичный. Единичный же пример, и притом не в пении, а в разговорной речи, — употребление формы на *-оцо* в значении вин. (или им.) п. ед. ч. жен. р.: *зав'о́л постоя́лку, никто́ н'е обл'убу́цо, фшы́воцо, да лено́цо*. Можно было бы объяснить эту форму влиянием местоимения жен. р. („она"), но в данном

[1] Ончуков, Печорские былины, стр. 50.

говоре форма *jejó*, под влиянием которой могла бы возникнуть эта форма, употребляется лишь в значении род. падежа (например: *он jejó н'é звал*), в значении же вин. п. употребляется или форма *jy*, или же форма, тождественная с формой дат. п. (*jéц, jóц, н'éц*), например: *jéц с'н'има́ли в гробу́, нат'а́н'еш jэ̀ц, он jóц б'и́л* и т. д., иногда же форма, явившаяся, вероятно, в результате контаминации этих двух, — *н'éцу*, например: *фс'у́ в'ет' н'éцу роспласта́л'и* (стихи Юткина). Поэтому более вероятно, что здесь просто ср. р. вместо жен. р., выполняющий особую стилистическую функцию (уничижение).

Множественное число прилагательных различий по родам не имеет.

Им. п. мн. ч. оканчивается на *-ыце* (или *-ые*), *-ице* (*-ие*) или же на *-ыи, -ии*, например: *т'о́плыце, бол'шы́е, толсты́це, дорог'и́и, кал'о́ныи, цэн'о́ныи* и т. д. Колебания между формами на *-е* и на *-и* наблюдаются для одних и тех же прилагательных, и притом употребляющихся в качестве определений к одним и тем же определяемым, например: *стр'е́лоц'к'и цен'о́ныи* || *цен'о́ныце*. По происхождению формы на *-е* являются старыми формами им. пад. мн. ч. жен. р., формы же на *-и* — старыми формами им. п. мн. ч. муж. р., но сейчас та и другая форма употребляются независимо от рода определяемых, ср.: *сапог'и́ грузны́це* (муж. р.), *вы́дры дорог'и́и* (жен. р.), *с'и́н'ии мор'а́, высо́к'ии пол'а́* (ср. р.). Ср. также приведенный выше пример колебания — *цен'о́ныце*.

Твор. п. мн. ч. в основном слое говора имеет форму на *-ма*, которая держится прочно, например: *под б'е́лыма, це́лыма д'ес'а́ткама, с е́тыма робо́там'и, за е́тыма д'ела́м'и, с нау́камы з бол'шы́ма, нап'и́тоцкамы п'ја́ныма, молоды́ма-то года́мы, со своjема́ родны́ма* и т. п. Эта форма унаследована от старых форм двойственного числа, и ее развитие рассмотрено в разделе, посвященном склонению существительных.

Формы им. и вин. падежей ед. ч. жен. и ср. р. и им. (вин.) п. мн. ч. могут выступать и в фонетически стянутой форме (с утратой интервокального неслогового *ц* и со стяжением

двух оказавшихся соседними гласных в одну), например: *бол'ша́иа и ма́л'ен'ка, по пра́ву ру́ку, по л'е́ву ру́жу, в л'убо́ м'е́сто, сугр'э́вы мои т'о́плы || сугр'е́вы мои т'о́плыце.* Фонетически промежуточной формой является форма с утратой интервокального *ц*, но с сохранением двух соседних гласных без стяжения, например: *бол'ши́е.* На вопросах стяжения как относящихся к области фонетики подробнее не останавливаюсь.

Следует заметить, что по образцу прилагательных в рассматриваемом говоре склоняются и женские отчества, например: *ко вдовы́ Мам'е́л'фы Т'имоф'и́цовноц, ч'есно́ц вдово́ц Ан'е́л'фоц Тимоф'е́цевноц* („Дюк Степанович") и т. п.

Краткие прилагательные

В живой речи краткие прилагательные в рассматриваемом говоре, как и в русском языке в целом, сохранили лишь несклоняемую форму в предикативном употреблении, например: *то́л'ко пло́х тот л'е́с.* Любопытна древняя форма притяжательного прилагательного: *Ива́н' д'ен'.* В им. п. это слово образует по существу именное compositum, так как оба члена объединены ударением. Но возможны от этого сочетания косвенные падежи с сохранением старой склоняемой формы краткого прилагательного, например: *о Ива́н'и дн'и́* (и здесь, кстати сказать, оба члена несут самостоятельное ударение). Подобные же формы могут иметь и другие притяжательные прилагательные (не имеющие в им. п. такой архаической формы) в сочетании со словом *д'ен'*, например: *о Петро́в'и дн'и́, о христо́в'и дн'и́.*[1]

В фольклоре, конечно, возможны и другие случаи склонения кратких прилагательных, например: *как к jему́ да кр'о́сну ба́т'ушку, уцм'и́ ка сзojего́ кр'о́сна д'и́т'атка* („Василий Буслаевич") и т. п.

[1] Ср. аналогичные формы у Мансикки („Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, стр. 159).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

Сравнительная степень в рассматриваемом говоре чаще имеет формы на *-аце* с предшествующим мягким согласным, например: *скор'áц, умн'áце, попарн'áце jóлку гн'ит'е* и т. п. Встречаются также формы на *-ице*, например: *скор'ице, скор'ие* (впрочем, других примеров нет). Наконец, возможны формы на *-ше*, например: *плóше, стáрше, м'ён'ше.*

ПОСТПОЗИТИВНЫЙ ЧЛЕН

В рассматриваемом нами говоре так называемый постпозитивный член выступает не особенно ярко. Чаще в функциях, выполняемых обычно членом, выступает несогласуемое *то*, хотя и происходящее исторически из того же указательного местоимения, откуда развился член, но по своей неизменяемости соответствующее частице „то" литературного языка. Но вместе с тем довольно часто выступает в тех же самых функциях и согласуемый постпозитивный член. Оставляя в настоящее время в стороне особенности употребления этого постпозитивного члена как относящиеся к области синтаксиса, я рассмотрю его здесь лишь с точки зрения его форм.

В им. (вин.) п. ед. ч. муж. р. член нормально является в форме *от* и примыкает к тому существительному, прилагательному или иному слову, к которому он непосредственно относится. Примеры: *стар'ик-от каравúл'ил, мúш-от jéцыц, ч'ác-от прошóл, л'ис-от роспúс'т'итс'е, жáныц-от л'ес* и т. д. Значительно реже выступает он в форме *тот*, например: *мúш-тот* (в ответе на повторный вопрос: Муж?), *за м'ес'ац за ийн'-тот, вот тáм дóм-тот, тóл'ко плóх-тот л'ёс.*[1]

В им. п. ед. ч. жен. р. *-та*, например: *конопл'á-та; подóл'шо што ч'ерн'ица-та; эта д'ёфка дóлга-та? хтó — старúха-та? так онá-та, мáтка-та остáлас'; с'острá, дóц'-та* и т. д.

[1] Эти формы отмечены Мансиккой („Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, стр. 160).

В им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *то*, например: *ф'со́-то покол'ин'jо тако́; на вр'ём'а-то; воск'рес'ин'jо-то, то́цо приду́; п'ец молоко́-то с куско́м.*

В им.-вин. п. ед. ч. жен. р. в форме *-ту*, например: *шу́бу-ту н'е пошл'у́; в о́с'ен'-ту; б'ез'м'ены-то зало́жены ф кладову́-ту; контракта́цыцу-ту пла́т'ат; а о́н пор'эшы́л jу, п'е́рву-ту жену́.*

В им. (и вин.) мн. ч. наблюдаются формы *т'и, ты, т'е, та.* Примеры: *мошн'ик'и́, по на́шему глухар'и́-т'и; но́г'и-то бо́л'к'и, подо́швы-ты; как ба́с'ен'к'и, да хорошы́-ты* (старуха о внучатах); *стару́х'и-ты уц'ил'и; што до́ш, а jа дрова́-ты... бра́т'jа бы́л'и у на́с, э́того мужjа́-ты; с'т'о́кла да ра́мы-т'е фс'е вы́б'ило; дошла́ до пол'ец, пол'а́-та дал'око́ м'еста́-та высо́к'ице.* Один раз отмечено сверх того *ту: коро́вы-ту?* (в ответе на вопрос: „Много ли доят?“).

Из случаев употребления члена при других падежах нужно отметить следующие: *ту* при твор. п. ед. ч. муж. р. (*с э́тым вну́ком-ту*) и дат. п. (или твор. п.?) ед. ч. жен. р.: *jец-то м'о́ртвои-ту* (в ответе на вопрос: „Что снимали?“ Речь шла о фотографии, снятой с умершей, причем форма „мертвой“ может быть истолкована или как дат. п. вместо вин. под влиянием местоимения, у которого в значении вин. может употребляться форма дат. п., или же как предикативный твор. п.); *та* — при род. п. ед. ч. муж. р. *спра́шиваицут м'ен'а́-та*, также при наречии: *до́ма-та*), при твор. п. мн. ч. (*жила́ ско́л'ко-та в н'ан'ках-та*); *т'е* при твор. п. мн. ч. (*э́т'и м'еста́ глу́пушкам-т'е зову́т*). Единичный случай *т'ех* в значении, повидимому, члена при род. (собственно, вин. одушевл.) п. мн. ч.: *н'е́мцеф в'идал, да афстр'и́цеф в'ида́л-т'ех* (*т'ех* примыкает в отношении ударения к предшествующему слову, образуя энклитику).

Следует обратить внимание на степень фонетического примыкания члена к предшествующему слову (т. е. к тому слову, к которому член относится). В этом отношении интересна собственно одна из форм члена, а именно *от* (им. п. ед. ч. муж. р.). В одних случаях она выступает обособленно в фонетическом отношении от предшествующего слова (не считая,

конечно, того, что не несет самостоятельного ударения) и в предшествующем слове осуществляются все фонетические явления, свойственные концу слова, например: *хл'ёп-от, мӯш-от, л'ӣс-от роспӯс'т'итс'е, на погӧс-от* (оглушение конечных согласных, переход *-ст* > -с). В других случаях член фонетически объединяется с предшествующим словом и конечные звуки последнего ведут себя так, как если бы они были в середине слова, например: *л'ӧд-от, погӧст-от, мӧст-от*. Колебания наблюдаются иногда прямо в соседних фразах, например: *л'ӧд-от н'ес'ӧт, л'ӧт-от н'ес'ӧт* (в эмфатическом повторении). Сюда же относятся такие случаи, как: *п'ервот рӓс* (исчезновение *и* между гласными с последующим стяжением — как будто одно слово). В соответствующем сочетании с прилагательным возможна и необъединенная форма: *жӣаныц-от л'ёс*. Особого объяснения требует случай: *вӓш-ет бӓт'ушко*. Здесь появление *е* объясняется, вероятно, какой-то аналогией. Случаи фонетического объединения члена с предшествующим словом, как будто, наблюдается реже, чем его фонетическая обособленность. Из форм им. п. ед. ч. муж. р. *тот* было, вероятно, прежде шире распространено, чем в настоящее время. В наших записях эта форма является редкой (значительно чаще „от"). Мансикка же приводит ее лишь в одном примере.[1] Но не следует думать, что форма *тот* более древняя и что раньше формы *-от* совсем не было. Для члена в силу его неударяемости естественно было усвоить простую (неудвоенную) форму указательного местоимения, тем более что в результате переразложения она получила форму, не совпадающую с формой среднего рода. Форма же *тот* явилась, вероятно, вторично на основе не утратившейся еще связи члена с указательным местоимением, но не вытеснила форму *от*, а стала употребляться параллельно ей.

Из форм им. п. мн. ч. *та* выступает и в современном языке при словах среднего рода (*пол'ӓ-та, м'естӓ-та*), но основания для такого употребления, вероятно, чисто фонети-

[1] „Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, стр. 161.

ческие. Для форм же *ти* и *ты* уже нельзя говорить об их строгой закрепленности за определенным родом. Так, например, *ты* в большинстве случаев стоит при существительном жен. р. (*подóшвы-ты, старýх'и-ты*), но также и при словах муж. р., например: *мужj̆á-ты*. Единичный случай *коровы-ту* следует, вероятно, объяснить влиянием формы члена в косвенных падежах.

В косвенных падежах (кроме вин. п. ед. ч. жен. р.) член утратил свои первоначальные формы, соответствовавшие формам косвенных падежей местоимения, из которого он развился, и получил более краткие односложные формы, как это больше подходит ему по его функциям, причем эти формы являются в значительной мере результатом фонетического выравнивания по окончаниям предшествующих слов, т. е. тех слов, к которым член относится. Так, вероятно, объясняется *та* при род. п. муж. р. на *-а* (*голосá-та*), при твор. п. мн. ч. на *-ма* (*как'и-ма-та н'ед'ил'ама*), при род. п. местоимения (*м'ен'á-та*) и даже при наречии, оканчивающемся на *-а* (*дóма-та*). Также, возможно, объясняется и *та* после предл. п. мн. ч. (*жылá скóл'ко-та в н'ăн'ках-та*; *та* после *сколько* объясняется, возможно, влиянием *та* при слове „в няньках"). Также, возможно, встречающаяся при род. п. ед. ч. муж. р. прилагательных и неличных местоимений форма *то* (*у мojогó-то бáт'ушка, д'ер'ев'ён'с'ково-то мужыкá*) является результатом фонетической ассимиляции к предшествующему слову. Таким фонетическим выравниванием объясняются, отчасти, и формы мн. ч. (*та* в ср. р., *ти* в сочетании „глухари-ти" и т. п.). Встречающаяся в косвенных падежах (и один раз даже в им. п. мн. ч.) форма *ту* объясняется, возможно, влиянием вин. п. ед. ч. жен. р.

ГЛАГОЛ

Вид

Наибольшее, пожалуй, своеобразие системы глагола рассматриваемого говора представляют видовые образования глагола. Как и вообще в русском языке, здесь имеются два

основных вида: несовершенный и совершенный, которые отличаются друг от друга с внешней стороны по морфологической структуре глагольной основы, а именно: приставками, суффиксами или чередованием. Основные формы представляют при этом несовершенный вид, а формы совершенного вида образуются от него (чаще всего прибавлением приставок, а иногда заменой суффикса).

Примеры несовершенного вида: *По́тс'ик'и с'и́кл'и; ну, ту́т ја ноц'ева́ла, бо́ч'ка уж г з'имы́ пас'е́уса.* Также с приставками, слившимися с глагольным корнем в результате опрощения: *здыма́ла сама́, во́ду здыма́ла;* с приставкой, живой для современного состояния языка, но зато с суффиксом, характерным для несовершенного вида (*-а-* против совершенного вида *-и-*): *в Лу́зу и попада́шшу, с'ёно об'ера́л'и.*

Примеры совершенного вида: *фс'у ро́ш околот'и́ло, зав'о́л постоја́лку, изма́л'и тил'о́нка, н'ев'ёска вы́стала, роб'а́та вы́борол'и, о́брал о Ива́н'и дн'и́; здыма́ла сама́, а н'е фс'о́ ишо вы́здымала; вы́моцом п'ёп'олом; воды́ наволо́ц'ат, дро́ф нано́с'ат; удумал'и пото́м.*

Примеры с приставкой, слившейся с корнем в результате опрощения: *уб'и́л то́же ф со́снах.* С суффиксом *-и-*, противостоящим суффиксу *-а-*, например: стр'ел'и́л (ср. стр'ел'ёт); *сид'и́т обвал'и́лас', ру́ку ложы́ла,* — несмотря на отсутствие приставки, здесь, несомненно, совершенный вид, выражающий ограниченность действия (в данном случае не просто законченность, но законченность — результативность), на что указывает также первый глагол, поскольку оба глагола выражают действия, одинаково распределенные во времени.

Примеры глаголов совершенного вида с приставками, но с суффиксом *-и-*, отличающим их от тех же глаголов с приставками, но с суффиксом *-а-*, выражающих несовершенный вид: *засад'и́т' н'е пособ'и́л, вы́пахат' н'и пособ'и́л* (ср. *фс'о пособл'а́ют*).

Видовое значение некоторых глаголов, которое мы находим в говоре, на первый взгляд кажется непривычным и идет вразрез с тем значением, которое эти глаголы имеют в лите-

ратурном языке, но оно отражает в то же время древние отношения.

Сюда прежде всего относится глагол „класть“ со значением совершенного вида (в литературном языке он представляется несовершенным). При этом примеры встречаются не в пении, а в сказках, где язык ближе к живой речи: *а куды́ мы попа́ клад'о́м? а куды́ јого́ кла́л? ну, јон пр'ин'о́с там муку́, кла́л на сто́л* — значение законченности действия (особенно во втором случае, где действие несомненно закончено). Впрочем, Ульянов на основании анализа языка фольклора предполагает, что этот глагол был первоначально глаголом совершенного вида.[1] Напротив, глагол „сказать“, как видно из контекста, может являться в значении несовершенного вида: *„скоку́шка сама́ и раствор'и́ла и ска́же Ива́ну“*. Этот глагол в литературном языке всегда выступает в значении совершенного вида. По значению он соответствует древнему „речи“, старославянскому *рещи*, и интересно заметить, что этот последний глагол, долго живший в русском языке, употреблялся в значении совершенного вида, так же, как и в польском, но в чешском обнаруживает колебание вида.[2] Интересно также заметить, что глагол *сѣказати* в древнерусском языке употреблялся в значении несовершенного вида.[3]

Предпочтительное употребление несовершенного вида в отрицательных предложениях выражается в том, что несовершенный вид употребляется и в случае действия единичного и такого, которое было бы законченным, если бы оно было выполнено, например: *уб'и́л то́же ф со́снах, тово́ н'е јёл*. Совершенный же вид в отрицательных предложениях всегда выражает действие единичное и, в силу этого, строго ограниченное, например: *засад'и́т' н'и пособ'и́л, вы́пахат' н'и пособ'и́л*. Особый

[1] Ульянов, Значение глагольных основ, т. II, стр. 171.

[2] См. Mazon. Morph. des aspects du verbe russe, Paris, 1908, p. 11—12 (со ссылкой на Gebauer'a, Hist. mluv., B. III, H. 2, S. 167). Ср. Чернышев. Заметки о языке „Печорских былин“, Сборник Ончукова, стр. XLIII.

[3] Примеры см. у Срезневского, „Материалы для словаря древнерусского языка“, т. III, стр. 713—715.

случай: *она́ го́д жыла́, н'е стосну́лас'е,... а на тр'ет'ец го́д'ик стосковáлас'е* (песня о девяти разбойниках). Здесь, возможно, совершенный вид при отрицании вызван ограниченностью действия и в то же время его единичностью (неповторяемостью). Это предпочтение несовершенного вида совершенному в отрицательных предложениях вообще характерно для русского языка.[1]

В категории несовершенного вида в рассматриваемом говоре чрезвычайно распространены образования с суффиксом *-ыва-, -ива-*, которые обычно принято рассматривать как формы так называемого многократного подвида. Это образование часто сопровождается приставкой (сверх этого суффикса), а также чередованием гласных (сравнительно с глагольной формой несовершенного же вида, но без этого суффикса).

Примеры: *ja ц'áц п'ивáла с л'имóном; ц'аицý-то давнó н'е п'ивáл'и; и стр'éл'ивал, но гд'é же попад'óш; у м'ьн'á сын б'ивáл* (медведей); *сáм'и уб'и́вывали; подáжывало; а на гóрк'е н'е пос'и́жывали; кан'óшк'и покáтывал; а он нагáр'ивает* (на вопрос: „Горяч ли песок?"); *ты ц'ого́ дар'и́ш, удáр'иваш; п'ер'ед'в'и́г'ивацут* (повторяя переспрошенное одним из членов экспедиции: „Передвигают?"); *он н'и бáл'ивал ишé у м'ин'á; пос'ивáл'и рáн'ше* (но в то же время и без приставки: *н'е с'евáла самá про с'иб'á*); *ja и н'е одáивала* (не отдавала); *м'ён'á никтó уш н'е удáр'ивал, ja н'е б'и́ван, н'е хлáпован; и живóц погýливацу.*

Интересный случай разъяснения самим говорящим этой формы: *она много роздáивает, давáт, гъвър'ит, мног'и́м.* Интересен также случай употребления глагола, близкого по значению этим образованиям, но без суффикса *-ива-, -ыва-* (или *-ова-*): *ja тудá jежáла, ф к'éноз'еро* (глагол „ездить" с суффиксом *-и-* также является глаголом несовершенного вида, но обычно образование с суффиксом *-а-* употребляется от этого глагола для выражения повторяемости действия, подобно

[1] См. Mazon. Emplois des aspects du verbe russe, Paris, 1914, p. 10, 79, 203, 224.

тому как у большинства глаголов суффикс *-а-* выражает лишь неограниченность при суффиксе *-и-*, выражающем ограниченность).

Глаголы рассмотренной категории лишь в большинстве случаев (но не всегда) выражают повторяемость действия, в некоторых же случаях просто длительность (например, *нагáр'ивает*). Правда, в последнем примере выражена „обычность" (категория habitualis), которая также может быть сведена к повторяемости (речь идет о песке, который делается обычно горячим на солнце). Повторяемость же действия может быть выражена и формой обычного несовершенного вида (например, *вóду здымáм* — речь идет об обычном повторяемом действии). В нашем говоре, как и во многих других, эти образования распространены значительно шире, чем в современном литературном языке, где они в значительной мере редуцировались, главным образом на протяжении XIX в.[1]

Интересно, что при образовании совершенного вида от несовершенного часто используются именно эти формы (так называемого „многократного вида") в качестве исходного пункта образования, например: *опшы́вано* (=обшито), *фс'ого́ поприц'и́тывала, наздымываеца вода́, фс'о́ забы́вано, вы́забывал фс'е́ стар'и́ны.*

Следует также отметить своеобразное употребление относящегося к этим же образованиям глагола „бывать" (суффикс *-ва-*). Он употребляется для обозначения давнопрошедшего состояния даже в том случае, если это состояние (или действие) носит единичный характер, например: *што́ бы он н'е́ было сказа́л, говор'и́т'е, што быва́ло; он'и́ фс'е́ кл'и́кнул'и вдру́к: быва́ло, быва́ло е́то* (сказка Юткина). Пожалуй, близко к этому значению употребление этого глагола в древнерусском языке для обозначения давнопрошедшего времени.[2] Распространено также употребление этого глагола при отрицании (в то время как

---

[1] См. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка. М., 1934, стр. 275—276.

[2] Примеры см. у Буслаева „Синтаксис", изд. 4, стр. 133.

при утверждении употребляется глагол „быть", т. е. образование без этого суффикса), например: *бы́л у т'иб'а́ хто́? — н'е́т, гър'ит, н'ихто́ н'е быва́л: у т'еб'а́ хто н'е был л'и? — н'е́т, гъвър'ит, н'ехто́ н'е быва́л* (сказка). Этот факт следует поставить в параллель к отмеченному выше предпочтительному употреблению несовершенного вида при отрицании (даже в тех случаях, когда речь идет об единичном действии). Образования на *-ва-* выражают порой, если можно так определить, как бы еще бо́льшую неограниченность действия во времени. В данном случае говор, повидимому, также отражает более древнее состояние языка сравнительно с литературным языком. Широкое употребление образований на *-(ы)ва-*, *-(и)ва-* при отрицании мы наблюдаем в древнерусском языке. Многочисленные примеры см. у Буслаева.[1]

Из образований совершенного вида следует отметить широкое употребление форм однократного подвида, образующего частный случай совершенного вида и выражающего единичность и в то же время мгновенность действия. Эти образования имеют, как и в литературном языке, суффикс *-ну-* в инфинитиве, *-н-* — в настоящем времени и формах, от него образованных. Примеры: *л'ен'и́ воды́-то; д'е́р'гат, отпу́с'т'ит, а пото́м ка́г д'ергон'о́т; кото́рого за́ ногу подобн'о́, за́ руку таскан'о́* (сказка); *го́ры сто́лнутс'е, го́ры расто́лнутс'е* („Стих о Егории"); *она го́д жыла́ н'е стосну́лас'е* (песня). Интересно сочетание образования с этим суффиксом с приставкой в том случае, когда образование с *-ну-*, первоначально мгновенного значения, теряет уже в современном языке это свое мгновенное значение, например: *н'и дотро́ну п'ерсто́м.*

Формы совершенного вида отличаются от форм несовершенного вида в большинстве случаев, как и вообще в русском языке, о чем было уже сказано, наличием приставок. Перечислю важнейшие приставки чисто грамматического значения, т. е. такие, присоединение которых к глаголу несовершенного вида не придает ему никакого нового значения, кроме значения

[1] Буслаев, Синтаксис, изд. 4, стр. 134.

законченности действия. Располагаю эти приставки в алфавитном порядке. ***Вы-:*** *н'е вы́помн'ит'* (= не вспомнить; впрочем, здесь, возможно, и новое лексическое значение по сравнению с „вспомнить" — значение вызова из памяти наружу), *вы́фал'ил скоку́шку* (возможно, тоже новое лексическое значение сравнительно с „фали$т'$"); *здыма́ла сама́, а н'е фс'о́ ишо́ вы́здымала.* ***За-*** (по большей части выражает начинательность): *запоjе̄жа́л в го́рот жы́т'; ет'и кату́шецк'и зак'ида́л по́ полу; мужы́к до́м зажга́л; он ы зас̄'а́л ф кот'о́л; на рука́х за́спала* (= заснула). ***На-:*** *наздымываеца̄ вода́* (правда, здесь, может быть, и с лексическим значением движения вверх). ***О-:*** *да и о́брал о Ива́н'и дн'и́* (в данном случае речь идет о том, что взял жену — значение чисто грамматическое, но эта приставка может иметь и лексическое значение, например, в несовершенном виде: *с'е́но об'ера́л'и,* — здесь она придает значение повторяющегося действия собирания из более обширного пространства в более узкое; первоначальное значение этой приставки было „около", т. е. „вокруг"). ***По-*** (эта приставка имеет, собственно, два значения, оба чисто грамматические, видовые; во-первых, она выражает просто ограниченность действия, во-вторых, повторяемость действия, не ограниченную во времени, — в последнем случае глагол с этой приставкой является глаголом несовершенного вида): *поход'и́л'и сп'ер'ва́ вм'ис'т'а́х; поугош̄а́лс'е; д'е́тко по́м'ер, по̂то̂ну́л; ба́ба-та спаха́ла, ja поп'е́стовала; у jе́ц поноч'ева́л'и; гд'е пораво́тат, гд'е́ поп'jо́т.* ***При-:*** *фс'о́ пр'игор'е́ло* (в значении „все сгорело"; впрочем, эта приставка имеет скорее лексическое значение, так как показывает не только ограниченность действия во времени, но также то, что объект действия подвергается этому действию в совершенно полном объеме). ***С- (со-):*** *у jо́ц на с'п'ины́ сросла́ б'е́р'озы; ты́, гъвър'ит, ка́к сошы́ла* (интересно в данной форме *со-*, получившееся аналогическим путем из старого ъ в слабом положении); *у м'е́н'а́ фс'о́ зду́мано; и п'ерс'т'е́н' та́м скл'у́нут.* ***У-:*** *уjе́хал в магаз'ин; уду́мал'и пото́м.*

Приставка, присоединение которой к глаголу несовершенного вида переводит этот глагол в совершенный вид, будучи

присоединена к глаголу с значением многократным, может и не делать его глаголом совершенного вида. Так, например, приставка *по-*, присоединенная к глаголу многократного значения *jeжáт'* (пример на многократное значение этого глагола см. выше), сообщает ему не значение законченности, ограниченности во времени, но лишь значение единичности (хотя и неограниченности), т. е. делает его все же более ограниченным, например: *вóт ja и пojиж'áцу; у м'ен'á мýш в бóр пojеж'áт* (впрочем, в последнем случае сохраняется значение многократности). Также в глаголе *походʼúтʼ*: *нóц'ку прóспал, на ýтро похожý в л'ёс* (глагол „ходить" по своему морфологическому образованию не принадлежит к категории, имеющей обычно многократное значение, но по значению он является глаголом, выражающим многократное действие, и образует супплетивную форму к „итти"). Но этот же глагол *походʼúтʼ* употребляется и в значении совершенного вида (как сказано выше, приставка *по-* имеет два значения): *походʼúл'и с'п'ервá вм'ис'т'áх*. Аналогичные случаи видовых омонимов с одной и той же приставкой мы находим и в литературном языке (например, глагол „сходить").

От образования с приставкой *по-*, имеющего значение несовершенного вида, в свою очередь, может быть получен совершенный вид путем присоединения новой приставки чисто видового значения, например, *запojежáл в гóрот жы́тʼ*. Но в некоторых случаях даже присоединение такой приставки не переводит глагол в совершенный вид, а придает ему лишь значение большей определенности, например: *напохóдʼит домóц н'ев'ёста*.

Повидимому, довольно большое значение в образовании видовых категорий имеет чередование гласных в основах (особенно, в основах глаголов многократных, с ясно выраженным многократным образованием), например: *ja н'е бʼúван, н'е хлáпован*. Эти чередования отражают старые количественные отношения гласных. В русском литературном языке, как известно, следы таких чередований сохранились лишь в единичных случаях.[1]

[1] Mazon. Morph. des aspects du verbe russe. Paris, 1903, p. 37.

В заключение нужно остановиться на одном своеобразном использовании видовых форм для выражения одной категории, отчасти видового, отчасти временного значения. Стоящие подряд две формы одного и того же глагола в прошедшем времени, первая несовершенного вида без приставки, вторая совершенного вида с приставкой *по-*, частью с союзом между ними, частью без союза, выражают длительное действие, в прошлом закончившееся. Примеры: *шо́л ды пошо́л н'идал'о́ко, а по́п стр'е́ту ид'о́т*; *а он б'и́лса да поб'и́лса, вы́шел с м'ешка́*; *шо́л да пошо́л, а иду́т тр'и розбо́ин'ика*; *вар'и́ли, повар'и́л'и, а кот'о́л уш к'ип'и́т; ну бы́ло, жы́л'и, по́жыл'и, говор'а́: па́па, на́м бы гъвър'ит жен'и́тс'а; спа́л'и, по́спал'и, вы́стал'и, по́ч'ел'и бу́лк'и справл'е́т'*; *ну, шы́л'и, пошы́л'и, она́ и бу́д'ит Ива́на цар'о́в'иц'а; он ро́с ы поро́с и вы́рос и пото́м говор'и́т*. Большинство примеров относится, правда, к языку сказок, но и в разговорной речи: *ну жыла́ да пожыла́ в'ел'и́ко гов'и́н'jо*.

Время

Наш говор, как и русский язык в целом, располагает тремя временами: настоящим, прошедшим и будущим. Об образованиях настоящего времени будет сказано ниже, в разделе о личных формах глагола. Прошедшее время образуется от основы инфинитива посредством суффикса *-л*, как и вообще в русском языке, и изменяется по родам и числам, а не по лицам. Примеры: *зав'о́л постоjа́лку; нав'аза́ла; по́тс'ик'и с'и́кл'и*. После согласных на конце слова это *л* отсутствует, например: *дро́ва с'е́к*. Будущее время не имеет особой формы, а имеет или форму, тождественную с обычными формами настоящего времени (для глаголов совершенного вида), или же сложную форму, состоящую из будущего времени вспомогательного глагола и инфинитива (для глаголов несовершенного вида). В качестве исключительно вспомогательного глагола выступает будущее время глагола „быть", например: *каг бу́д'еш фат'е́ру паха́т'*, *с'м'е́т'jо́ф на р'е́ку́ н'э нос'и́*. Такие глаголы, как „стать", „почать", употребляются для выражения начала действия

не только в будущем, но и в прошлом. Пример для будущего времени: *она́ ста́н'о крошы́тца.*

Из употреблений прошедшего времени следует отметить употребление его в значении состояния, являющегося результатом законченного действия, соответствующем старому значению перфекта, из которого в русском языке, как известно, развилось современное прошедшее время, например: *д'в'е́ р'ек'и́ пошло́ с Во́дло'зера.*

Изредка употребляется сложное прошедшее время, состоящее из прошедшего времени вспомогательного глагола „быть" и деепричастия на *-фшы.* Значение его — законченно-результативное по отношению к тому прошедшему времени, которое выражено другой глагольной формой того же предложения, так что по значению это образование близко к старому давнопрошедшему времени: *ја на пр'и́зыф пошо́л, а о́н был оста́фшы.* Иногда оно употребляется и в самостоятельном предложении. *а то́же бы́л он вы́п'ифшы.* Но подобные примеры встречаются в говоре редко.

Для выражения действия, которое могло совершиться при известных условиях, но не совершилось, и действия, прерванного другим действием, употребляется, как и в литературном языке, сочетание прошедшего времени с формой среднего рода единственного числа прошедшего времени вспомогательного глагола, например: *да хл'е́б было с'је́ла.*

Личные формы настоящего (простого будущего) времени

Принимая во внимание личные формы глагола (этими формами, как известно, располагает настоящее время глаголов несовершенного вида, и простое будущее глаголов совершенного вида, причем по окончаниям обе категории тождественны), в говоре, как и в литературном языке, устанавливается два спряжения.

1-е лицо ед. ч. особых замечаний не требует.

Формы 2-го и 3-го лица ед. ч., 1-го лица мн. ч. глаголов 1-го спряжения часто являются без *ц* (но в этом случае глас-

ным окончанием является *е*, а не *о*: *зна́еш* и т. д.), а также с последующим стяжением (*знаш* и т. д.). Не останавливаюсь на этом вопросе как относящемся к фонетике.

Единично отмеченное в составе окончания глаголов 1-го спряжения ударяемое *е* вместо обычного *о* (*пас'ёт*, но обычно: *прид'о́, прид'о́т* и т. д.), возможно, объясняется влиянием какого-нибудь другого говора (такая форма чаще встречалась нам в Семеновском на Водле, куда мы заезжали к сказителю Ф. А. Конышкову).

Особенно же следует обратить внимание на частое отсутствие *-т* в 3-м лице глаголов ед. и мн. ч. Примеры: *обл'убу́цо, ус'п'е́це, крад'о́, пр'и́д'о, пр'и́цо* (= придет), *ска́жо, мо́жо, п'и́шо, подобн'о́, таскан'о́, в'и́т'ор зав'и́цо, торгу́це, ид'о́, махн'о́, рос'т'о́*, но в то же время: *гн'ит'о́т, уха́жыват, пас'ёт, н'емо́жот, проважа́т, д'ер'гон'о́т, воз'м'о́т, бjот, отмахн'о́т* и т. д.; *н'епоса́д'а, говор'а́, по́в'ер'ху хо́д'а, угон'а, суша́, вар'а́, подно́с'а, пр'ихо́д'а, захо́д'а, там нако́рмл'а уш, погл'ед'а́, привоз'а*, но: *пу́с'т'ат, та̄ша́т, ви́с'ат* (= весят), *спл'а́т, наволо́ц'ат, нано́с'ат, насуша́т, фско́ч'ат, поб'ежа́т* и т. д. Иногда встречаются подряд две одинаковые глагольные формы, из которых одна — с *-т*, другая — без *-т*, например: *крад'о́д да крад'о́; он ф сто́рону махн'о́, дак л'у́д'и у́л'ица, а в другу́цу отмахн'о́т, дык п'ер'еу́лоц'ок* („Василий Буслаевич"). Интересно отметить, что эти формы без *-т* охватывают не все категории глаголов. В 3-м лице ед. ч. они наблюдаются лишь в глаголах 1-го спряжения, т. е. в глаголах, которые имеют *о* (*е*) в составе окончания, а в 3-м лице мн. ч. — лишь в глаголах 2-го спряжения, т. е. имеющих *а* в составе окончания. Глаголы 2-го спряжения в ед. ч. и глаголы 1-го спряжения во мн. ч. всегда имеют на конце в 3-м лице *-т*, например: *л'ёт'ит, хо́д'ит, ро́су рос'и́т, хва́т'ит; дава́цут, пр'и́ут* (= придут), *пла́вацут, с'п'оку́т, отвор'ёцут, с'а́дут, пojёдут* и т. д.

Для северных говоров характерно как раз такое распределение форм без *-т* (там, где они вообще наблюдаются), как в нашем говоре.

Для 2-го лица мн. ч. надо отметить обычное для многих северных говоров ударение на окончании *-т'е́*.

Глагольных форм, характерных для старого нетематического спряжения, вообще не отмечено,[1] но однажды мной была записана форма *пойе́ж* во фразе: *хл'е́п-то ис'п'ек'о́ш, а с мал'и́ны-то пойе́ж* (*ж* полумягкое и полузвонкое).

Повелительное наклонение

2-е лицо ед. ч. повелительного наклонения оканчивается на ударяемое *-и* или же на конечный согласный глагольной основы, например: *л'ен'и́, пожн'и́, мол'и́с', ложы́с', поло́ш* (= положи), *н'е п'еч'е́л'с'е*. Во 2-м лице мн. ч. прибавляется окончание *-т'е*, например: *воз'м'и́т'е, поку́р'т'е, похоло́н'т'ес*. В одном случае отмечено ударение на *-т'е*, а именно: *прит'е́* (= придите).

По сравнению с литературным языком, шире распространены формы на согласный, что видно из приведенных примеров. Эти формы, как известно, более позднего (аналогического) происхождения сравнительно с формами на *-и*.

Условное наклонение

Условное наклонение обычно, как и вообще в русском языке, выражается неизменяемой частицей „бы", сочетающейся с формой прошедшего времени глаголов или инфинитива, например: *у на́с н'е сто́л'ко тва́р'и быва́ло, они́ бы с'ил'и́*. Это „бы" сохраняется и при наличии условного союза „чтобы": *што́бы соба́к'и н'е ростаска́л'и бы*. Иногда вместо „бы" употребляется средний род прошедшего времени вспомогательного глагола „было": *прие́д'от он, што́бы он н'е́ было сказа́л, говор'и́т'е, што быва́ло* (сказка Юткина).

Форма условного наклонения употребляется и в значении пожелания: *п'ис'енку бы с'п'и́л'и; н'ел'з'а́ л'и бы, э́того, зайти́ к т'еб'е́; на́м бы, гъвър'ит, жени́тс'а*.

---

[1] Мансикка их приводит (см. „Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, стр. 161).

О выражении вопроса

Один раз отмечено употребление для выражения вопроса сочетания настоящего времени с употребленным, повидимому, безлично 3-м лицом ед. ч. настоящего времени вспомогательного глагола „быть": *што́ роб'а́та н'е вру́т л'и је́с'*?

Чернышев в своей заметке о языке печорских былин Ончукова отмечает сложные формы прошедшего времени тоже с единственным числом вспомогательного глагола, но в сочетании не с прошедшим, а настоящим временем, и не в вопросительном, а в утвердительном значении.[1]

Возвратная форма

Форма, образующаяся присоединением к спрягаемой глагольной форме возвратного суффикса *-с'е*, выражает обычно непереходность действия, но не пассивность. Возвратный суффикс может принимать различные формы, но наиболее обычной для основного слоя говора является, повидимому, форма на *-с'е*, обычно неударяемое. Примеры: *подн'има́л'ис'е с воды́; а оста́лос'е так фс'о худо́; боjу́с'е; бojе́л'ис'е; што́ род'ило́с'е; што́бы са́нк'и н'е кат'и́л'ис'е, што́бы ко́н'и н'е б'ес'и́л'ис'е; пото́м прохват'и́лс'е сыно́к; розошл'и́с'е; поугош'а́лс'е; одва́ за ц'ᵛеса́ми спа́с'е; оны́ спус'т'и́л'ис'е* и т. д. Возможна, но реже также форма на *-с'а* (или *-са*): *розошл'и́с'а, нацму́с'а с христо́ва дн'и́, розб'ера́тса*. Один раз отмечена форма на *-сы: што н'е прожо́н'илсы Иван-цар'е́в'иц' на боло́т'е*. Встречается, наконец, усеченная форма на *-с'* (т. е. без гласного), например: *ты подвал'и́с' к кому́; н'ев'е́сты е́ты спра́в'ил'ис'; пу́д'доро́шка скорота́лас', па́ра ко́нец устоjа́лас' вз'ало́с'*.

Степень фонетического слияния возвратного суффикса с предшествующим ему *-т* 3-го лица или инфинитива может быть различна. Иногда согласные обоих значимых элементов сливаются в одно долгое мягкое (или твердое в результате

[1] Ончуков, Печорские былины, стр. XIII.

последующего отвердения) *ц*, иногда же затвор и фрикация выступают достаточно отчетливо. Примеры: *она́ ста́н'о кроши́ца; роз'в'ива́ецца; цара́паиц'е; напје́ц'а; кото́ро оста́н'ецца, пото́м чл'е́нам дава́ицут; забо́т'ицца; дават' н'е полага́иц'е* и т. д., но *расхо̂д'и́т'с'е; сад'а́тс'е* и т. д.

Сравнивая возвратные формы говора с формами литературного языка, мы прежде всего должны заметить гораздо более широкое распространение неусеченной формы не только в пении, но и в разговоре, что, несомненно, отражает более древнее состояние языка. Затем интересно наличие гласного *е*. Форма *с'е*, возможно, возникла в результате контаминации старой краткой формы *-ся* и наличных в говоре полных форм *с'еб'а́, с'иб'а́*.

Страдательные формы

Страдательные формы являются лишь в причастиях, которые образуются от основы инфинитива присоединением суффикса *-н* или *-т*, например: *опши́вано, поробо́тано, у м'ен'а́ фс'о́ зду́мано; а п'е́р'с'т'ён' там у гу́с'а скл'у́нут; у нас н'ев'е́сты, гъвър'ит, см'е́кнуты* и т. д. Ввиду широкого распространения безличного страдательного оборота даже в случае явно имеющегося налицо действователя возможна и страдательная форма с возвратным суффиксом (сверх обычного суффикса страдательного залога), например: *жо́нкоц бы́ло розо́ц-д'енос'е; розо́ид'енос' то было.*

Инфинитив

Инфинитив нормально оканчивается на *-т'* или *-ч(-ц)* — последнее при наличии (но не во всех случаях) основы на заднеязычный согласный в 1-м лице настоящего времени, например: *б'ит', пал'и́т', жэ́ч', п'ер'ес'и́ц'*. Формы на *-ти, -чи* (*-ци*) возможны лишь в тех случаях, когда на них падает ударение: *п'еку́'и́* и т. д. В случае заднеязычного согласного в конце основы 1-го лица ед. ч. настоящего времени возможна форма инфинитива на *-чи* (*ци*) с сохранением перед инфинитивным

суффиксом заднеязычного согласного: *п'екч'и́, п'екц'и́*, но: *жеч', сич', п'ер'ес'и́ц'*. Эти образования позднее аналогического порядка.

Аналогические явления в области глагольных основ

Глаголы, имеющие в конце основы 1-го лица ед. ч. настоящего времени заднеязычный согласный *-к*, распространяют его обычно на все формы личные, а также на инфинитив, например: *ис'п'оку́ — ис'п'ек'о́ш — ис'п'ек'о́т — ис'п'екц'и́, вы́с'ек'ош* и т. д. Подобные же явления в области глаголов с основой на *-г* наблюдаются крайне редко [отмечены только такие формы, как *л'е́г'ем* (ляжем)]. Обычно же в этих случаях наблюдается распространение на все формы чередующегося согласного *ж*: не только *мо́жом*, но и: *б'егу́т* *б'ежу́, поб'ежу́*. Глаголы с суффиксом *-ва-* в инфинитиве имеют такую же основу и в настоящем времени, например: *продава́ют, роздава́ют, остава́ю̄'е, доста́ва́ю̄'е*.[1] Но, вероятно, под влиянием литературного языка также: *одаю́т*.

Глаголы, имеющие сочетание „губной согласный + мягкое *л*“ в конце основы 1-го лица ед. ч. настоящего времени, имеют это сочетание в 3-м лице мн. ч., например: *спл'ат, нако́рмл'а*.

Глагольные корни, заключающие в себе *е*, сохраняют это *е* и в образованиях производных с приставками и длительным или многократным значением, например: *об'ера́л'и, розб'ера́тса, соб'ера́ют, ум'ера́ют* и т. п.

Подводя итог тому, что сказано о глаголе, следует отметить, что система глагола, наблюдающаяся в рассматриваемом говоре, сохраняет много архаических черт. Однако наряду с явлениями древности она заключает в себе и некоторые новообразования, главным образом не в основных глагольных категориях, а в отношении аналогических явлений в основах.

[1] Ср. у Мансикки, „Изв. ОРЯС“, т. XIX, кн. 4, стр. 161.

В. И. ЛЫТКИН

ФОНЕТИКА СЕВЕРНОВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ И ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОМИЙСКИЙ

Посвящаю памяти моего учителя Афанасия Матвеевича Селищева

1. ИЗ ИСТОРИИ ВСТРЕЧ КОМИЙЦЕВ С РУССКИМИ[1]

Народ коми,[2] живущий, в основном, в Коми АССР и в Коми-Пермяцком округе Молотовской области, не является автохтоном этих территорий. Комийские племена пришли сюда с юга.

Бассейн Вычегды до прихода туда комийцев[3] в основном был заселен карело-вепскими племенами (весь и др.), лишь восточная часть его — югрой, т. е. манси и ханты, которых комийцы и теперь называют *йӧгра*.[4] В топонимике остались явные следы пребывания этих народов: Вис'ер, Вес'л'ана,

---

[1] Этот раздел настоящей работы в более полном изложении обработан в виде отдельной статьи и будет опубликован в другом издании.

[2] Пермяки и зыряне (за исключением ижемцев) сами себя называют словом *коми* (*ком-и*, „и" — уменьшительный суффикс), которое когда-то в древности, повидимому, обозначало „человек" (ср. мансийское *ком* — „мужчина", хантыйское *хум* — „человек"; ср. также латинское *homo* — „человек" и т. д).

[3] Вслед за акад. Н. Я. Марром (см., например, Избр. раб., т. I, стр. 283) мы употребляем термин *комийский*.

[4] Впрочем, Каннисто топонимику вогульского происхождения находит на широкой территории Вычегодского края („Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamen forschung", FUF, XVIII, 1927).

Йемва, Йемвал' и т. д.[1] Комийцы вогульское название р. Вычегды перевели на свой язык *Эж-ва*, т. е. зеленая вода (река).

Новгородцы в XI в. уже знают югру и пермь. Если даже в это время пермь и не являлась этнографическим понятием, то все же где-то на территории этой летописной перми жили предки комийцев, от которых новгородцы узнали народ югру. Но заселение Вычегодского и даже Северодвинского бассейна комийцами началось значительно раньше, еще до встречи с новгородцами. Сравнительно редкое охотничье население аборигенов[2] Вычегды было быстро ассимилировано комийцами.

Движение на север[3] предков коми происходило, повидимому, по р. Вятке, далее по р. Юг и его притоку Луза, затем

---

[1] Нерусское население Устюжского края XIV в., повидимому, нужно считать карело-вепским. „Среди русского населения здесь продолжало еще жить инородческое финское население под управлением своих князей, о которых упоминает русская летопись (Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 320). Устюжане, вычегжане и южане перечисляются среди находящихся около Перми земель и стран иноязычных под 1346 г. (? — *В. Л.*) в рассказах летописца о просветительной деятельности Пермского Стефана (Полное Собр. Русских летописей, XI, 165)" (М. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 103).

[2] В богатые пушниной леса Вычегодского бассейна охотники, повидимому, проникали с разных сторон: с запада — весь (висур у арабских писателей), с севера — ненцы, с востока — югра. Скорее всего охотничьи группы этих национальностей все время передвигались с места на место, сменяя друг друга; поэтому трудно сказать, кто является автохтонами этого края. Топонимика указывает, по крайней мере, на эти три языка. Комийский язык, содержащий в себе заимствования из этих языков, подтверждает это, например, следующие комийские слова считаются карело-вепскими заимствованиями: *кас'* ЛЛ, уд., С. (кошка), *пач'* З. (печка), *вирб* уд. (дратва) и др.; ненецк.: *л'ампа* В., С., иж., П. (лыжи), *кӧр* В., С., Л., уд., иж., П. (олень), *ком.* З. (харьюз); вог.: *войт* скр. (кустарник, луг, сырое глухое место) и др. В удмуртском языке этих слов нет; стало быть, комийцы заимствовали эти слова уже в период обособленной жизни.

[3] На то, что коми раньше (во времена Геродота) жили южнее, указывает и акад. Н. Я. Марр (см. Избр. раб., т. V, стр. 211).

по рр. Сысоле, Вычегде, Выми. Так дошли комийцы до устья Вычегды, до Северной Двины и до верхнего течения Мезени и Вашки. В бассейне Северной Двины (с притоками) они натолкнулись на встречную колонизацию со стороны новгородцев, как собирателей дани и торговцев, так и охотничьих групп, промышляющих за пушниной. Встречи комийцев с русскими с XI в. нужно считать уже более или менее постоянными.[1]

Отсутствие карело-вепских заимствований в коми-пермяцком языке при наличии их в коми-зырянском указывает на то, что предки пермяков не имели непосредственных соприкосновений с карело-вепсами, что они подались к северу из прежней родины позже, чем предки зырян.

Предположение А. Ф. Теплоухова[2] о том, что коми-пермяки пришли на Среднюю и Верхнюю Каму (т. е. туда, где застает их история) с запада, что до них там жили вогулы, вполне вероятно. Но во всяком случае заселение этой территории предками пермяков началось не позже XIII—XIV вв., и выработку основных особенностей пермяцкого наречия языка коми, противостоящих особенностям зырянского наречия, нужно приурочить к XIV—XV вв., к периоду существования княжества Перми Великой, покоренного Москвой в 1472 г.

---

[1] См. у А. А. Шахматова „Исследование Двинских грамот", стр. 39—41: „Несомненно, что древнейшие русские поселения на Двине относятся к XIII в., а может быть и к XII в. Так, в Паремейнике 1271 г., хранящемся в Публичной библиотеке, имеется запись, из которой видно, что книга эта написана Матигорцам за Волок, причем из более поздней приписки видно, что она принадлежала церкви Бориса и Глеба (современная Борисоглебская церковь в Нижнематигорском приходе, в 4 верстах от Холмогор). В XIV в., как видно из целого ряда исторических данных (летописей, уставной грамоты Василия Дмитриевича и др.), Двинская земля была населена почти в тех же пределах, в которых и теперь сидит население по Двине, ее притокам и по морскому берегу".

[2] А. Ф. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами, „Записки Уральского об-ва", Свердловск, 1924.

Комийцы Вычегодского бассейна в первое время занимали промежуточное положение между территориями, тяготевшими к прибалтийской и беломорской культурам, с одной стороны, и территориями, примыкающими к камской Булгарии — с другой. С нашествием татар, разрушивших в XIII в. Булгарское царство, связь с востоком была прервана, и с этого времени комийцы в основном тяготеют уже только к западу и северо-западу.

С нашествием татар должно было усилиться колонизационное движение комийцев в Вычегодский бассейн с юга и в пределы нынешней Молотовской области с юго-запада.[1] С этого времени усиливается связь комийцев с новгородцами, интенсивно заселявшими двинские земли.

Основная масса заимствований из русского языка проникла в зырянский язык уже в послестефановское время (с XIV—XV вв.), когда началась перекрестная (русская и комийская) колонизация севера (низовьев Вычегды, Лузы, Мезени и т. д.), а в пермяцкий язык массовое проникновение русских слов началось еще позже, в период интенсивной русской колонизации Прикамья (с XVI—XVII вв.). Не исключена возможность, что выработка современных зырянского

[1] Согласно Н. Н. Чебоксарову („Этногенез коми по данным антропологии", „Советская этнография", № 2, 1946), в населении Вычегодской Перми преобладает тот же антропологический тип, что и в низовьях Двины. Это свидетельствует о том, что предки удорско-вымско-нижневычегодских комийцев имели много общего (и в течение продолжительного времени) с предками низовьев Северной Двины. Карело-вепские заимствования должны были проникнуть в первую очередь именно в этот комийский диалект. Оттуда они распространились уже в другие зырянские диалекты. Но антропологические данные, конечно, вовсе не говорят о том, что комийцы Северодвинско-Мезенского бассейна являются автохтонами (в лингвистическом понимании) этих территорий, — наукой давно установлено, что племенные диалекты, из которых впоследствии выработался комийский язык, испытали весьма заметное влияние такого тюркского языка, который ближе всего стоит к чувашскому, что это влияние очень древнее и что оно было общим для предков удмуртов и комийцев. Предполагать же, что предки чувашей и удмуртов когда-то жили на Вычегде, нет никаких оснований.

и пермяцкого наречий (а равно и некоторых севернорусских диалектов) происходила в тесном взаимодействии древних комийских диалектов и диалектов русского языка, что отразилось не только на словарном фонде, но и на фонетике, морфологии и синтаксисе.

Из сказанного следует, что в бассейне Северной Двины с русскими встретились северные и северо-западные комийцы раньше, чем прочие комийские племена, что эти встречи должны были происходить не только на Вычегде, но и на Северной Двине и что соприкосновения коми-зырян с русскими начались не позже XI в. Не исключена возможность, что предки коми-пермяков встретились с новгородцами еще на прежней родине, т. е. в пределах б. Вятской губернии, откуда они, начиная с XIII—XIV вв., стали интенсивно переселяться в Верхнюю и Среднюю Каму, заселенную в основном манси (вогулами) и лишь отчасти — разрозненными комийскими охотничьими группами. Это движение комийцев в восточном направлении, повидимому, было вызвано усилившейся колонизацией новгородцев.

В нижеследующих частях настоящей работы мы ставим перед собой задачу проследить, как отражаются звуковые изменения севернорусских говоров в заимствованиях из русского языка в комийский. Мы берем поэтому фонетику севернорусских говоров не в целом, а рассматриваем лишь отдельные звуки, изменение которых нашло то или иное отражение в заимствованиях.

Данные о комийских диалектах[1] взяты как из личных наблюдений, так и из рукописного „Диалектологического словаря языка коми", составленного группой лиц (В. И. Лыткин, А. С. Сидоров, Г. А. Нечаев, С. А. Попов и Н. А. Шахов) под нашей и А. С. Сидорова редакцией) в 1928—1931 гг.

---

[1] При транскрибировании комийских слов мы ориентируемся на русскую транскрипцию, принятую в „Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка", АН СССР, 1945.

В скобках после сокращенного наименования диалекта языка коми (см. стр. 199) иногда приводится название населенного пункта, к которому относится данная разновидность слова, как то: по нижневычегодскому говору (НВ) — с. Гам, д. Ерваськдор, д. Ероздино, с. Айкино, с. От (Коквицы), с. Час, с. Паль (Палевицы); по верхневычегодскому (ВВ) — с. Пожег, по вымскому (вым.) — с. Княжпогост и д. Комииб; по удрскому (уд.) — д. Лоптюга; по среднесысольскому (СС) — с. Иб, с. Межадор; по верхнесысольскому (ВС) — с. Ужга и с. Грива; по лузскому (Л.) — д. Лобаново, д. Яг, д. Плесо, д. Шпалорд, д. Мишаково, д. Екшор, с. Черныш, с. Ношуль; по летскому (лет.) — д. Черемково и д. Заимка; по пермяцкому наречию (П) — с. Юсьва, с. Коса., с. Юксеево, с. Верх-Иньва.

Данные о севернорусских говорах взяты из литературы, и из личных наблюдений, произведенных мною в пограничных комийцам русских местностях: 1) д. Рай Лоемского сельсовета Коми АССР, по р. Лузе (приток р. Юга); 2) с. Лойма Лоемского сельсовета Коми АССР, по р. Лузе; 3) д. Вадья, Ленского сельсовета Яренск. р-на Архангельск. обл. по р. Вычегде; 4) д. Варжа, б. Никольского уезда Северодвинской губ. (теперь Архангельск. обл.).

2. СЕВЕРНОРУССКОЕ *ж, ш* И КОМИЙСКОЕ *ж, ш* И *з', с'*

Существуют два вида севернорусских говоров в отношении *ж, ш*: 1) с очень твердым произношением этих звуков, как в литературном языке, — после них слышится *ы* (а не *и*) и *э* несмягчающее (передне-среднерядное, среднего подъема), а не переднерядное *е* (верхне-среднего подъема): *шыл, жыл, шэст, жэст*; 2) с менее твердым *ж, ш* (но все же не мягким): после них слышится *и* вместо *ы*, *е* вместо *э*: *шил, жил, шест, жест*. Модификации этих последних *ж, ш* аналогичны модификациям задненебных (твердых) *г, к, х (рука — руке — руки, п'ишу — п'ишет'е — п'иши)*.

Первая разновидность широко распространена на севере: в ответах на вопросник по Архангельской, Вологодской, Киров-

ской и Молотовской областям везде *шыть, жыть* (см. „Труды Московской диалект. комиссии", вып. XI, 1930, ответы: 2, 6, 8, 9а, 31—33, 37—41, 43—45, 47—49а, 56—58). Исключением является ответ 55 по Вятской губернии Орловского уезда, Шараповской волости, деревни Пышанского и Новинского приходов, где *жить, шить*, но: *душа, шуба*. Вторая разновидность, например, отмечена Е. Н. Каринской в д. Толстовской Молосниковской волости Котельнического уезда Вятской губернии (см. „Труды Постоянной комиссии", вып. 9), которая, между прочим, пишет: „Совершенно не упомянутую Д. К. Зелениным особенность — мягкое *ж* и *ш* — я склонна считать широко распространенной чертой в Вятской губернии по уездам Вятскому, Котельническому, Слободскому, Глазовскому и др., по крайней мере, перед узкими гласными". В другом месте она добавляет: „Широко распространенные в вятских говорах и даже в языке местного образованного общества мягкие *ж* и *ш* обычны здесь (т. е. в говоре д. Толстовской. — *В. Л.*) не только перед узкими гласными, но и перед *а* и *о*".

Нам кажется, что эти относительно мягкие *ж, ш* нужно рассматривать как известную разновидность твердых *ж, ш*, и отнюдь нельзя считать их за пережиток древнерусских мягких *ж, ш*. Соотношение между литературным *ж, ш* и вятским *ж, ш* такое же, как и между древнерусскими задненебными и современными *г, к, х*. Последние же являются, безусловно, твердыми фонемами, хотя в известных фонетических условиях могут звучать и мягко. Этим и объясняется то, что Зеленин, так серьезно изучавший диалекты Кировской области, не отмечает „мягкость" *ж, ш*.

Территориальная близость севернорусских диалектов с относительно мягкими *ж, ш* к комийскому и удмуртскому языкам и одинаковое варьирование[1] этих фонем в упомянутых северно-

[1] Т. е. появление позиционно обусловленных разновидностей звучаний, вариаций (по терминологии Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, „Очерк грамматики русского литературного языка", М., 1945, стр. 42—43).

русских диалектах, с одной стороны, и в комийском и удмуртском языках, с другой (ком. *воша — воши, кужа — кужи* и т. д.), скорее всего говорят о том, что в кировских диалектах эта разновидность твердых *ж, ш* появилась под воздействием комийско-удмуртской фонетики.

Как бы то ни было, а обе разновидности севернорусских *ж, ш* в русских заимствованиях комийского языка находят отражение и притом они передаются через твердые *ж, ш*.

В комийском языке как *е* и *ӧ* (акустически очень близкий русскому литературному *э* в слове „шэст"), так и *и* и *ы* являются самостоятельными фонемами (ком. *шер* — „град", ком. *шӧр* — „середина"; ком. *вежис* — „переменил", *вежыс* — „его зависть", ком. *кис'* — „бердо", *кыс'* — „откуда" и т. д.). В заимствованиях, попавших в комийский язык из таких севернорусских диалектов, где были твердые *ш, ж*, после этих звуков мы видим *ӧ* и *ы*, а в заимствованиях, оригиналом которых являются севернорусские говоры с относительно мягким *ш, ж*, после них наблюдаются *е* и *и*.

Примеры на заимствования с твердыми *ж, ш*:

шыш скр., НВ, уд., Л. — „бродяга, беглец", *шыш* кч. — „вредный, лукавый человек" < рус. *шыш*;

жыр ЛЛ, сев., СС, ок. — „комната, отделение"; „пристройка для чулана, чулан" ок. < с.-р. *жыр-*; ср. *жира* — „жилье, домохозяйство" и т. д. (Подвысоцкий);

жыт'н'ик НВ., *жыт'н'ич'а* Л. кч. — „амбар" < с.-р. *жыт'н'ик, жыт'н'ич'а* (Даль);

шыбӧл' скр., *шыбел'* НВ, *шыбыл'* ок. „раскат на дороге (зимой)" < с.-р. *шыб'ел'*, ср. *шибли* „выбоины в дороге" (Казанская губерния, ответ 63, „Труды Моск. диалект. комиссии", вып. XI);

шыбит скр., НВ, Л, кч., *шыбыт* скр., СС, иж. — „брось, кинь" < с.-р. *шыб-*, ср. *сшибати*;

жӧч' скр. — „жесть" < с.-р. *жэс'т'*. А также *жывот* скр. „жизнь"; *жыла* ок., зд. — „жила"; *шын* Л., И. — „шина"; *шыла* скр., НВ, ок. — „шило"; *шыпич'а* И. — „шиповник"; *жыло* лет. — „жилье, деревня"; *жым* ок. — „скрепка двух срубов — зажим"; *шыл'л'ӧ-мыл'л'ӧ* скр., НВ, уд., *шыл'л'о-*

мыл'л'о ок. — „мелкий инвентарь, скарб"; ср. рус. *шыльё-мыльё*; *павжын* уд., *пажын* скр., ок., *пажун* НВ, — „обед"; *ужын* скр., уд., ок., *ужун* НВ. — „ужин"; *шыт'*! скр., НВ, ок. — „шит!" (собаке) и др.

Примеры на заимствования с относительно мягкими *ж*, *ш*:

жит'ей уд. — „ярушник" (*-ей* суффикс; ср. *л'агей* уд. — „лягушка") < с.-р. *жит-*, ср. *жито*;

гужи скр. НВ, Л.; *гужи́* ок. < с.-р. *гужи*;

жигало лет., ок. — „длинный нож особого устройства для сдирания бересты" < с.-р.;

живӧт кч.- — „клад" < с.-р.;

ужин иж., *паужин* иж. < с.-р. *ужин*, *паужин*;

шит' уд., *шет'* (Шх.) < с.-р. *шит'*! *шет'*! (собаке);

шес, *шеш* (шешт-) Л., *шес* И. — „шест";

жеребей скр., Л. — „жребий" < с.-р. *жеребей*;

шин лет. — „шина";

мужик скр. — „мужчина, муж", *служитны* скр. — „служить".

Таким образом, обе разновидности севернорусских твердых *ж*, *ш* передаются в языке коми через твердые *ж*, *ш*. Вообще в современных заимствованиях из русского языка в комийский и, наоборот, — из комийского в русский мы всегда наблюдаем следующие звуковые соответствия: 1) рус. *ш*, *ж* (как твердые, так и относительно мягкие) — ком. *ш*, *ж*; 2) рус. *с'*, *з'* — ком. *с'*, *з'*, например: рус. *буржуй* > ком. *буржуй*, рус. *шын'ел'*, > ком. *шын'ел'*, рус. *с'емйа* > ком. *с'емйа*, рус. *с'иротá* > ком. *с'ирöта*; рус. *з'в'ер'* > ком. *з'вер*; ком. *Виз'абöж* > рус. *Виз'абож*, ком. *С'öрт* > рус. *С'ерт* (названия маленьких деревень в Коми АССР, которых в 1608 г., судя по писцовой книге, еще не существовало). Среди русских заимствований в комийском языке можно найти сотни примеров этих соответствий, что дает возможность Калиме[1] считать это обычным соответствием. Есть, однако, случаи, в которых наблюдается и такое соответствие: рус. *ш*, *ж* — ком. *с'*, *з'*. Случаи эти следующие.

[1] J. Kalima. Die Russische Lehnwörter im Syrjänischen. Гельсингфорс. 1911.

В ряде географических названий Коми АССР в комийском произношении *с'* и *з'*, а в русском произношении *ш* и *ж*:

В местном комийском произношении	В писцовой книге 1608 г.	В военно-дорожной и стратегической карте [1]	В живом русском произношении	В какой местности данное название
д. *К'ос'* (*кос'к-*), т. е. „водопад", „порог"	Кошки	Кошецкая	Кошецкая	По р. Выми
д. *С'ос'ка*	Шошки	Шешецкое	Шешецкое	Там же
р. и с. *Вис'ер*	Вишера	Вишера	Вишера	Приток Вычегды
р. *Н'ыс'ер*; скр., НВ *н'ывс'ер*	Нишера	Нившера	Нившера	Приток Вишеры
д. *Мöс'ерпон*, т. е. „конец водораздела"	—	Мишаковская	Мишаково	На р. Лузе
с. *С'ос'ка*	Шошьки	Шошка	Шошка	На р. Сысоле
с. *С'уз'еб* <**суза -ыб* [2]	Сужаиб	Сужаибская	Сужаибское (Сужаиб)	На р. Вишере
с. и р. *Из'ва*	—	Ижма	Ижма	Приток Печоры

Далее, в некоторых комийских заимствованиях в русском языке мы находим *ш* и *ж* при ком. *с'* и *з'*.

---

[1] Изд. Литогр.-картогр. отд. Корпуса военной топографии (25 верст в 1 дм).

[2] *Суз'а-ыб* (*ыб* — „поле") > *с'уз'еб* в силу стяжения рядом стоящих гласных (ср. *керкаыс'* С, НВ, *керкас'* ВВ, *ывлаын* С, НВ, *ывлан* ВВ — „из дому, на улице"); начальное *с* смягчилось под влиянием *з'*, этой ассимиляции могла содействовать ассоциация с *с'уз'* — „дятел".

Ком. *с'орӧм* скр., печ., *с'ором* Л., кч., *шором* И. — „скирда". Производное от *с'ор* — „длинный шест, брус, на который что-нибудь (белье, веники) вешают для сушки" > рус. *шоро́мы* прм., сиб. „составленные в козлы жерди для просушки в поле гороха в китинах, шиши" (Даль); *шоромы* — „козлы для просушки гороха" (Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию); *шором* — „скирда" (русское с. Лойма на р. Лузе Коми АССР, с. Варжа б. Никольского уезда Северодвинской губернии). Пермяцкое *шором* и нужно считать обратным заимствованием из русского языка.

Ком. *кос'* (кос'к-) вым., уд., иж., сыс., лет. — „речной порог" >рус. *кошка* арх., сиб. „песчаная или каменистая отмель в море, которая только во время отлива выступает", а на Новой Земле „низменный каменистый берег". Калима[1] пытается произвести это слово из русского „коса". Для него, как и для нас, остается, однако, непонятным, почему не „коска", а „кошка" (ср. „миса" — „миска" и т. п.).

Ком. *мӧс'ер* — „низменность между двумя возвышенностями" (Шахов, Коми-русский словарь), ср. *мӧс'трас'ны* скр. — „перетаскивать лодку (для сокращения пути) через местность, вокруг которой образуется изгиб реки" > рус. *мышерина* — „смешанный лес, растущий на заливной почве". Объяснение русского слова из комийского выставлено Калимой.[2]

Ком. *амыс'* скр., *амӧс'* НВ, *амеч'* ВВ, *амес'* вым., иж., *амыз'* (Вихман), удм. *амез'*, *омез'* — „лемех, сошник"; слово считают арийским заимствованием[3] > рус. *о́межа, о́межь* новг., олон. или *о́мешь* (?) (Даль). Фонетические разновидности комийского слова отразились и в русском языке; ком. *амыз'* (?амыз') > рус. *омежь*, ком. *амыс'* > рус. *омешь*. Начальное *о* из *а* могло появиться на севернорусской почве; ср.: с.-р. *онбар* < *амбар*, *оптека* < *аптека*. Можно объяснить появление этого *о* и народ-

[1] J. Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, S. 133.
[2] J. Kalima, Syrjänisches Lehngut im Russischen, FUF, XVIII.
[3] См., например, Jacobson, Arier und ugrofinnen, S. 131.

ной этимологией: ср.: *зима — о́зимь, межа — о́межь*. Впрочем, могло стоять это *о* и в пермском (комийско-удмуртском) оригинале (ср. удм. омез').[1]

Наконец, в некоторых русских заимствованиях в комийском языке мы находим *с'*, *з'* при русском *ш*, *ж*.

Рус. *чашка*, др.-р. *ч'аш'а* > ком. *ч'ас'* НЛ, кч., крч., СС — „миска" НЛ; „винный стаканчик" крч.; „поваренка" СС; „разливательная ложка (при печении блинов)" кч.; *ч'ас'-пан'* ЛЛ — „посуда" (*пан'* — „ложка"); древнепермское (XIV в.) *ч'ас'* — „чаша".

Рус. *лыжи* ∽ ком. *лыз'* — „обитые снизу шкурой лыжи". Направление заимствования неясно. Обычно ком. *лыз'* рассматривают как русское заимствование.

Русск. диалект. *аже, аж, ажно* и др. (Смоленск, Даль), ср. др.-р. *аж бы* (Смоленская грамота, 1229 г.), с.-р. **аш'* > ком. *ас'* П. — „пусть, чтобы".

Как же объяснить подобные случаи?

Известно, что древнерусские *ш* и *ж* были мягки и отвердели только к XIV в., а на севере, повидимому, еще позже. В Двинских грамотах (XV в.) смягченные написания этих шипящих еще обычны, но есть и написания *шутов, межу* и т. д. Всего вероятнее допустить, что писавшие эти грамоты произносили *ш*, *ж* уже не палатально.[2]

Акустически древнерусские *ж'* и *ш'*, повидимому, были близки к комийским шепелявым *з'* и *с'*. Что древнерусские *ш*, *ж* ассоциировались с комийскими *с'*, *з'*, показывает следующий факт. Несомненно, что составитель древнепермской (древне-

---

[1] Может быть, также рус. *щерба*, арх. (Подв.) — „уха" комийского происхождения. Первоначально слово должно было звучать **ш'ерива* (ср. ком., кч. *шерва* < с.-р. **шерва*) > *щерба* под влиянием аналогии с „резьба", „верба" и др.; < ком. **с'ерива*, совр. ком. *ч'ерива* НВ, вым., уд., ок. — „уха" (*ч'ери* — „рыба", *ва* — „вода"); ср. удм. *ч'орыг, с'орӧг* — „рыба"; удм. *ч'уп, с'уп*, ком. *ч'уп* — „поцелуй"; удм. *с'урло*, ком. *ч'арла* < чув. *с'урла, с'орла*. Может быть, существовала комийская диалектальная форма **с'ери* вместо современной *ч'ери*.

[2] А. А. Шахматов, Исследования о Двинских грамотах, стр. 94.

комийской) азбуки мыслил комийские *с'*, *з'* как мягкую разновидность *ш*, *ж* (а не *с*, *з*) и обозначал эти звуки буквами *ш*, *ж* с апострофом сверху; *сеи̑* (надпись на иконе „Сошествие св. духа", 2-я строка) = современному комийскому *сес'а* — „затем", *ваши̑кос* (Приписка на Номоканоне 1510 г.) — „Васюка" и т. д.

При акустической близости древнерусских *ш*, *ж* и комийских *с'*, *з'* нет ничего удивительного в том, что эти звуки в заимствованиях замещали друг друга.

Таким образом, случаи соответствия русских *ш*, *ж* комийским *с'*, *з'* можно объяснить тем, что они отражают соприкосновение русских с зырянами до отвердения в русском языке *ш*, *ж*, т. е. не позже XV в. В хронологическом отношении нет ничего невероятного в этом, ибо новгородцы с вычегодскими комийцами встретились очень рано (см. выше) и топонимику Вычегодско-Печорского края должны были освоить еще до отвердения *ж*, *ш*. Наличие в стефановских переводах (XIV в.) русского заимствования *ч'аш'* — „чаша" также свидетельствует о ранних связях пермян (одного из древнекомийских племен) с севернорусами.

До отвердения севернорусских *ж*, *ш* комийские твердые *ж*, *ш* акустически, повидимому, стояли ближе к русским *з*, *с*, чем к мягким *ж*, *ш;* поэтому не исключена возможность, что комийские *ж*, *ш* передавались через русские *з*, *с*. Если это так, то с.-р. *пуз* — „мера сыпучих тел" (*семянъ·к̄·пузовъ жита*, „Двинские грамоты") нужно считать древним заимствованием из языка коми: ср. ком. *по̑ж* кб., puž ВК, *пож* скр., удм. *пуж* — „сито, решето" (ср. морд. punžav-toms, вепс. pohtta — „веять"). Может быть, также с.-р. *-сор*, *-сора*, *-сура*, встречающиеся в топонимике севера (конечная часть названий рек) происходят от ком. *шор* — „ручей" (удм. шур — „река, речка").[1]

---

[1] Передачу комийского *ж*, *ш* через русские *з*, *с* вряд ли можно объяснить смешением шипящих со свистящими, наблюдаемым главным образом в западной (вернее, юго-западной) части севернорусских говоров. Во всяком случае Двинские грамоты не знают этого смешения.

3. АФФРИКАТЫ

Севернорусское *ч'* (*ц'*) ∽ комийское *ч'*, *ч*.

В севернорусских говорах,[1] пограничных с территорией комийского языка, *ч* и *ц* совпали в одном звуке *ч'* или *ц'* или среднем между ними (*ч'*$^{ц'}$, *ц'*$^{ч'}$). В русских заимствованиях комийского языка эти аффрикаты передаются всегда через мягкое *ч (ч')*.[2] Примеры:

ком. *вил'ч'и* НВ, *давал'н'ич'а* — „шест с разветвлением в конце для подачи снопов на скирду“;[3]

ком. *вир'ич'* скр., НВ, *виреч'* ЛЛ, *вирöч'* кч., СС — „рассадник“ < с.-р.* *в'ир'еч'*; ср. *вырец* „blumenbeet“;[4]

ком. *гач'* зыр., зд. — „штаны“ < с.-р.* *гач'и*; ср. *гачи* id.;[5]

ком. *гöс'н'еч'* скр., НВ, *гöс'т'ин'еч'* ЛЛ, ок., *гöс'т'ин'ч'и* НВ, вым., иж., *гöс'т'ин'ч'а* уд. — „гостинец, гостинцы“;

ком. *гырн'ич'* скр., НВ, иж., Л., ок. (*ы из о* под влиянием *и* следующего слога?), *гöрн'ич'* кч., зд. — „глиняный горшок“ < с.-р. * *горнеч'*; ср. др.-р. *гърньць*;

ком. *д'ийит'ч'-* скр., НВ, Л. — „делаться, происходить“; ср. с.-р. *д'ийит'ч'а* — „делается“;

ком. *йалавич'* скр., иж., уд., крч., *йалавеч'* НВ, *йалавич'а* ок. — „нетель“, у Калимы „яловица“;[6]

ком. *кил'ч'ö* скр., *кыл'ч'е* НВ, *кил'ч'и* СС, *крыл'еч'* зд., *крыл'ч'ö* уд., Л. (с. Черныш) — „крыльцо“;

---

[1] См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты, § 18 (Поморская группа) и § 24 (Восточная группа), а также: „Свод материалов, собранных комиссией по диалектологии русского языка“ („Труды Московской диалект. комиссии“, вып. XI, 1930). В дальнейшем называется „Опыт . . .“.

[2] В комийском языке нет звука *ц*; поэтому, если бы даже и был в русском оригинале *ц*, на комийской почве получился бы *ч'*.

[3] В тех случаях, когда этимология слова ясна, русский оригинал не приводим.

[4] Kalima, Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen.

[5] Там же.

[6] Там же.

ком. *кл'уч'* ком. — „ключ“ (для замка);

ком. *кол'ч'а* скр., Л., зд., *кол'ич'а* НВ, *кол'ч'ъ* ок. — „кольцо (не украшение)“;

ком. *кöс'ич'а* скр., НВ, ок. — „висок“; у Калимы „косица“ (id.);

ком. *куз'н'еч'а* скр., ок., иж., Л., *куз'н'ич'а* НВ — „кузница“;

ком. *купеч'* ком. — „купец“;

ком. *лабич'* скр., *лавич'* иж., уд., НВ, вым., *вабич'*, *лабич'* П. (Рогов) — „лавка вдоль стены“;

ком. *л'еч'итны* скр., НВ, *л'еч'и̇тны* ок. — „лечить“;

ком. *л'уч'ки* скр., НВ — „ладно, счастливо, по-людски“;

ком. *тöрич'а* скр. — „торица (трава)“;

ком. *ч'ад'ейтны* лет. — „чадить“;

ком. *ч'ап* скр., СС, вым., *ч'ап дубеч'* НВ — „молотило (часть цепа)“, *ч'ап* НВ — „цеп“ < ? с.-р.;

ком. *ч'апавич'* уд. — „веревка из витых прутьев в передней части саней“ < с.-р.* *ч'апавеч'*;

ком. *ч'апас'-* скр., иж., вым. — „царапаться, цапать“;

ком. *ч'арки* ок., зд., крч., СС — „низкая обувь из сырой кожи“ крч., „сапожки, ботинки“ СС; „ботинки“ ок., зд. < рус. *ч'аркú;*

ком. *ч'ас'с'ö* скр., *ч'ес'с'о* ок. — „счастье“;

ком. *ч'ашка* — „чайная чашка“ скр., „чайное блюдце“ кч.;

ком. *ч'вет* скр., НВ, Л., ок., *с'вет* скр., ок. — „цветок“;

ком. *ч'евич'а* СС, *ч'евеч'а* кб., *ч'евч'а*, Л. — „цевка, катушка ниток (при тканье)“;

ком. *ч'ел'ад'* скр., НВ, иж., ок., Л. — „дети“ < с.-р. *ч'ел'ед'* (id.);

ком. *ч'епн'а* НВ, скр. — „черпалка, бадья у колодца (обычно привязана цепью)“;

ком. *ч'ерпушка* скр., *ч'ерпука* кч. — „черпалка у колодца“;

ком. *ч'ес'т'* скр., *ч'ес'* ок. — „честь“;

ком. *ч'ет'верк* скр., НВ, Л., ок., *ч'ет'верг* ок., *четвер* уд. — „четверг“;

ком. *ч'иган* скр., ок. — „цыган, цыганин“;

ком. *ч'ирей* скр., НВ, Л., ок. — „нарыв, чирей“;

ком. *ч'окан* кч. — „клеймо“, ср. „чеканить“;

ком. *ч'ӧлнӧк* скр., СС, *ч'ӧвнӧк-ч'евнӧк* Л. — „челнок (ткацкий)“;

ком. *ч'ӧлӧм* уд., *ч'олӧм* ВВ — „привет“, ср. „бью челом“;

ком. *ч'увки* скр., Л., И., *ч'улки* иж., кч., СС — „чулки“; „носки“ СС и т. д.

Слово *сар* ком. — „царь“ проникло в комийский язык из такого севернорусского диалекта, где вместо *ц* произносится *с*.[1]

В комийском языке имеются следующие четыре аффрикаты: глухие *ч* и *ч'*, соответствующие им звонкие *ǯ* и *ǯ'*. По артикуляции твердые *ч* и *ǯ* — это альвеолярные корональные звуки, а мягкие *ч'* и *ǯ'* — палатально дорсальные. В ижемском диалекте (а может быть и в удорском?) все эти аффрикаты произносятся несколько „мягче“, чем в остальных комийских диалектах. Ижемские палатальные аффрикаты *ч'* и *ǯ'* как по месту образования, так и акустически очень близки к комийским дорсальным *т'* и *д'* — фрикативный момент этих аффрикат очень краток (*т'*$^{с'}$, *д'*$^{з'}$), а твердые *ч* и *ǯ'* акустически представляют среднее между соответствующими мягкими и твердыми аффрикатами остальных комийских диалектов. Поэтому современные ижемцы (даже хорошо владеющие русским языком) при произношении русского литературного *ч* употребляют свое твердое *ч (человек, часы)*, тогда как остальные комийцы русское литературное *ч* передают своим палатально-дорсальным *ч'* (собственно *ч'*): *ч'еловек, ч'асы*.

---

[1] Такое произношение, например, зафиксировано у Васнецова („Материалы для объяснительного словаря вятского говора“), в ответах по южной части б. Пермской губернии („Труды Московской диалект. комиссии“, вып. XI) и т. д. Впрочем, не произносилось ли это слово в официальных кругах XVI—XVII вв. через *с*? Иначе трудно объяснить, почему оно на всей территории комийского языка бытует в виде *сар, сарство, сарскӧй* и т. д., в то время как в настоящем территория языка коми со всех сторон окружена севернорусскими диалектами с *ч'ар'* — *ц'ар'*. Трудно допустить, что в XVI—XVII вв. (до этого времени в языке коми, повидимому, еще не было этого слова — в стефановских памятниках употребляется в этом значении *кан*) комийскую территорию окружали совсем иные севернорусские диалекты. Или здесь мы видим передачу московского твердого *ц* через комийское *с* (ср. также *стансийа* < русское литературное „станция“)?

Между севернорусским *ч'* и комийским *ч'* (кроме ижемского, а может быть и удорского, территориально близкого к первому в прошлом[1]) акустической разницы нет; поэтому севернорусские *ч' (ц')* в заимствованиях комийцами передается через мягкое *ч'*, а не твердое *ч;* лишь ижемцы в новых севернорусских заимствованиях это *ч'* передают через свое (относительно мягкое) *ч: час* < с.-р. *ч'ас'; чулки* < с.-р. *ч'улки* и т. д. Но и у них в старых заимствованиях мы видим передачу через мягкое ч': иж. *гач'* < с.-р. *гачи* — „штаны"; иж. *пач'* — „печка" < зап.-фин. и т. д.

Появление твердого *ч* в следующих двух словах удорского диалекта нужно объяснить особенностями произношения аффрикат (если только они не попали удорцам через ижемский диалект), но ни в коем случае нельзя допускать существование твердого *ч* в севернорусском оригинале: ком. *чис'т'ит* уд. < с.-р. *ч'ис'т'ит';* ком. *четвер* уд. < с.-р. *ч'ет'в'ерк* — „четверг".

В севернорусских диалектах при заимствовании комийское твердое *ч* и мягкое *ч'* передаются через мягкое *ч':*

рус. *ч'арым* — „наст" прм., сиб. (Даль) < ком. *ч'арӧм* (id.);

рус. *ч'емкос* (может быть, *чёмкос*) арх., Мезень (Подв.); *ч'ункас* прм. (Даль) — „расстояние около 5 км" < ком. *ч'омкос, ч'ом-кост* — „расстояние между охотничьими избушками, шалашами" (*ч'ом* < **чôм* — „шалаш"; *кост, кос* — „промежуток");

рус. *ч'ир* — „тонкий ледок на снегу" сиб., арх. (Даль) < ком. *ч'ир* иж., уд. (id.);

рус. *ч'ира́т'* — „портиться (о пище)" влгд. (Даль) < ком. *ч'ирны* уд., С. (id.), скр. — „сгорчать";

рус. *ч'у́бл'ик* — „берестяный ковшик" олон. (Куликовский) < ком. *ч'ибл'ӧг* скр., С.; *ч'ипл'ӧг* Л.;

рус. *кыч'а́н* прм., *ку́ч'ка, кич'ко́* — „собака, пес" арх. (Даль) < ком. *кыч'и* скр., *кыч'ан* скр., иж., уд., С., Л., *кыч'а́н* П. — „щенок";

---

[1] Комийцы переселились на р. Ижму при Иване Грозном с Выми, а р. Вымь находится недалеко от верховьев Мезени и Вашки — территории распространения удорского диалекта.

рус. *кач'* арх. (Подв., Даль), прм., влгд. (Даль) — „каша из муки и осиновой коры"; *га́чки* сиб., оренб. (Даль) — „сосновое лыко" и т. д. < ком. *кач'* уд. В., С., Л., П., лет. — „кора деревьев, употребляемая в пищу в голодные годы";

рус. *керч'* арх. (Подв.) — „вид тундрового растения" < ком. *керч'* иж., уд., Л., С. — „вид болотного растения (болотный багульник?)";[1]

рус. *ц'о́мор* (цёмор) арх. б. Пинежского уезда („Труды Московской диалект. комиссии", вып. XI, 1930; см. также Подв.) — „чорт, леший" < ком. *ч'омор* И. — бранное слово: *мун те ч'еморӧ* — „иди ты к чорту"; *ч'омӧр* Л., скр., НВ, крч., *ч'омор* лет. — „обрядовое кушанье"; „скупец" Л;

рус. *ч'ака*, *ч'ага* олон. (Куликовский), влгд., сиб. (Даль) — „березовая губка, трут, гриб на березе" < ком. *чак* „гриб";

рус. *ч'ем'йа́* прм., Чердынь (Даль) < ком. *чамйа* ВВ — „охотничий амбар".[2]

4. СЕВЕРНОРУССКОЕ *шш (шч)* И КОМИЙСКОЕ *шш (шч)*

В Архангельской, Вологодской, Кировской и Пермской областях долгие *жж* и *шш* тверды;[3] после них обычно стоит *ы (клешшы, вожжы)*, но в некоторых говорах[4] может стоять и *и (клешши, вожжи*, но: *ежжу, тёшъша*, а не *ежжю, тёшьшя)*. По говорам встречается аффрикатизированное произношение этих долгих согласных: *„тештша, вождзы, ештшо, ямшчшык, пушъчу"* и т. д.[5]

В заимствованиях, проникших в комийский язык из северно-

[1] Приведенные выше комийские заимствования в русском языке взяты нами из статьи Jalo Kalima „Syrjänisches Lehngut im Russischen" (FNF. XVIII). Нами изменена транскрипция.

[2] Последние два слова взяты у Калимы.

[3] См. „Опыт...", § 18, п. 7 и § 25, п. 8.

[4] См. ответы 9а, 36, 55, 152, 8, 40а („Труды Московской диалект. комиссии", вып. X).

[5] См. ответы 2а, 3, 7, 8, 31а, 33—37 („Труды Московской диалект. комиссии", вып. XI); см. „Опыт...", стр. 89, прим. 52.

русских диалектов, мы находим отражение всех этих разновидностей. Эти звукофонемы русского языка (*шч, шш, жž, жж*) передаются обычно в комийском двумя фонемами (русская фонема *шч* > ком. *ш* + *ч* и т. д.). Акустически сочетание двух фонем языка коми ничем не отличается от соответствующей „долгой" севернорусской фонемы. Примеры:

ком. *т'ӧшча* скр., НВ, уд., *т'ошша* ок., *т'ешча* иж. — „теща" < с.-р. *тёшъша* 1а, 4, 5, 6, 9а, 39а, 40б, 42, 43, 44, 46—48, 50а, 51—53, 56—58, 149—152, 154, 155а, 157 (и *тёшча*), 158; *тёшча* 33, 34, 36; *тёштша* 35, 37; *тёшча* 2а, 3, 7, 8;[1]

ком. *йешчӧ* скр., НВ, *йешче* ВВ, *ешшӧ* ЛЛ, ок., *ошшӧ* ЛЛ, ок., *ешӧ-шӧ* ок., *ӧшшӧ* ЛЛ, ок., *йешшӧ* Л. — „еще" < с.-р.: *ешчо́* 2а, 3, 7, 8; *ешшо* 31а; *ештшо* 35, 37; *ешъшо* арх. (г. Пинега), *ошшо́* (Вятск. губ., Котельн. уезд.);[2] *eš'š'ó* (Тот.[3]) и т. д.

ком. *йамшик* скр., НВ, иж., Л., *йамшчик* уд., *йамши́к* ок. (везде с твердыми *ш* и *ч*) < с.-р. *ямщик* (но: *тёшша* 8, 9а, 40а); *ямшчшык* 34; *ямшык* 1а, 2а, 3, 4, 5, 6, 32, 37, 39а, 40б, 42—50а, 51, 56—58, 150, 152 (но *клеши*), 155а; *ямщик* (Арх. губ., Шенкурск. уезд) и т. д.;

ком. *кл'ешчи* скр., *кл'ӧшши* ЛЛ (везде твердые *ш* и *ч*), *кл'ошшы́* ок. — „клещи";

ком. *йашчик* скр., иж., НВ, уд., *йашшик* Л., ок. (с твердыми *ч* и *ш*) — „ящик":

ком. *тӧшчӧ* скр., НВ — „пустой", ср. „тощий";

ком. *йашшӧр* СС — „ящерица";

ком. *вӧжž и* скр., сев., *вӧжжи* скр., кч., *вожжи* ок., *вожи* ВС[4] „вожжи" < с.-р. *вожжы* 1а, 2а, 3—8, 31а (также *возжы*), 32, 39а, 40а, б, 42—48, 50а, 51—53, 56—58, 150—152, 155а, 157—158 и т. д., *вожджы* 33—35, 37; *вожжи*, но: *ежжу*, а не *ежжю* (там же *житъ, шитъ*, см. выше стр. 134) 9а, 36, 55.

---

[1] Цифры показывают номер ответа по „Программе" Московской диалект. комиссии (см. „Труды Московской диалект. комиссии", вып. XI).

[2] „Труды Московской диалект. комиссии", вып. IX, стр. 110.

[3] Материалы по Тотемскому уезду Вологодской губ. Далее обозначается Тот.

[4] Единственный пример на *жж*.

В начале слова мы имеем в комийском языке несколько иное замещение севернорусского *щ*.

ком. *чел'* скр., уд., иж., *шчел'* НВ, *шел'* ЛЛ, ок. — „щель" < с.-р. *шчел'*, *шшел'*;

ком. *чӧт'* скр., *шчӧт'* крч., НВ, *шӧт'* Л., *шет'ина́* И. — „щетина" < с.-р. *шчэт'*, *шшэт'*, *шшет'ина;*

ком. *чӧка* скр., *шчӧка* НВ, „щека" ок., зд. — „подбородок" < с.-р. *шчока́*, *шшека* (литературное „щека");

ком. *чан* скр., *шчан* крч., НВ, *ч'ан* ок. — „чан" < с.-р. *шчан*, *ч'ан;*

ком. *чем* иж., *шчем* НВ — „очень плотно" < с.-р.* *шчем* (ср. „щемить");

ком. *черб* вым. — „зарубина на лезвии косы" < с.-р.* *шчерб-* (ср. „щербатый");

ком. *чемилӧ* уд., *шчемилӧ* НВ — „зажим, щемило" < с.-р. *щчеми́ло;*

ком. *чӧтайт*-СС, *чӧтуйт*-Л., *шчӧтайт*-НВ — „считать, сосчитать, высчитать", *шчот* ок. — „счет" < с.-р. *шчот*. Сюда же нужно отнести ком. *чӧт* в выражении *чӧт ал'и л'иш* — „четное или нечетное (число)" < с.-р. *шчот*, а не из *ч'от;*

ком. *чап* скр., иж., уд., *шчап* НВ — „гордый, важный, модный; скупой" уд. < с.-р. **шчап;* слово, встречающееся только в зырянских диалектах, по своему звуковому виду *шчап* НВ должно быть отнесено к русским заимствованиям;

ком. *чай* скр., уд., иж., вым., *шчай* НВ, крч., *ч'ай* скр., ок. — „чай" < с.-р. *шчай*, *ч'ай*. Это культурное слово могло быть заимствовано севернорусами из такого диалекта, где имеется твердое *ч*, которое в большей части севернорусских говоров перешло в *ч'* — *ц'* (*ч'ай* — *ц'ай*) и в некоторых диалектах сохранилось в виде твердого *щ* или *тш*.[1]

---

[1] В ответе по „Программе" (Вологодская губерния Сольвычегодский уезд, деревни Гавриловской волости: Романов Остров, Тужиково, Подол, Кудрина Гора и др.) мы читаем: *дочь*, *бочька*, *чистый*, *черьви*, *молчи*, но *тшай*. Все же в остальных ответах по Архангельской, Вологодской, Кировской и Пермской областям (просмотрено до 50 ответов) везде *чяй* или *цяй*.

Пример на конечное *щ:* ком. *тӧварыш* < с.-р. *товарыш* 1а, б и др.

Комийскому языку не свойственно стечение согласных в начале слова (в частности, *шч*, *шш*); поэтому севернорусские *шч*, *шш* в большинстве диалектов перешли в *ч*, *ш* (с.-р. шчел' > ком. *чел'*, *шел'*). Лишь более обруселые комийские говоры (например, НВ) сохранили это звукосочетание (*шчел'* НВ, *шчӧка* НВ, *шчан* НВ и др.).[1]

Характерно, что и здесь (*жж*, *шш* и т. д.) на комийской почве отражаются фонемные вариации: более твердые и менее твердые; после первых стоит *ы*, *ӧ*, а после вторых — *и*, *е* (см. главу о *ж*, *ш*): а) *кл'ошшы*, *шчӧт*, *шчӧка;* б) *йамшчик*, *кл'ешши*, *йашчик*, *вӧжжи*, *шчел'*, *шшека*.

Знаменательно также, что среди заимствований, рассматриваемых в данной главе, мы не находим примеров на отражение древнерусского мягкого *щ' (ш'ч')*.

Приведенные заимствования дают некоторое основание сделать следующие выводы:

1. Комийцы не встречались с такими русскими диалектами, где было твердое *ч* (краткое).

2. В тех севернорусских диалектах, с которыми комийцы имели соприкосновение, долгие шипящие *шч (шш)* и *жж̌ (жж)* отвердели раньше (до встречи с комийцами), чем краткие *ж*, *ш;* комийцы севернорусские *ж*, *ш* застали еще мягкими.

3. В севернорусских диалектах было, повидимому, первоначально *шч*, *жж̌*. Это можно заключить из того факта, что в заимствованиях, бытующих в более северных и северо-западных диалектах языка коми, которые соприкоснулись с русскими говорами раньше других комийских диалектов, мы видим обычно *-жж̌-*, *-шч- (шч-, ч- < шч-)*, а не *-жж-*, *-шш- (ш- < шш-)*.

---

[1] В исконно комийских словах в начале слова между НВ и остальными диалектами языка коми мы не видим звукового соответствия в виде *шч-* НВ ∽ *ч-* ост. д., например *чӧч* НВ, *чӧч* ост. д. „вместе", *чӧкты-* НВ, *чӧкты-* ост. д. „приказать"; *чӧчыд* НВ, *чӧчыд* ост. д. — „ровный, плоский" и др.

4. В ижемском диалекте относительное смягчение аффрикат (*ч* > *тш'*, *ч'* > *т'с'* и т. д.) произошло сравнительно недавно (не под влиянием ли ненецкого языка?), поскольку старые русские заимствования, распространенные по всем зырянским диалектам, передаются и в ижемском говоре через исконно мягкое *ч'* (иж. *гач'*, *ч'ел'ад'*), а не твердое *ч*, как это мы видим в новых русских заимствованиях (иж. *значит*, *час* < рус. *значит*, *час*). Следовательно, было время, когда русское *ч'* акустически стояло ближе к ижемскому *ч'*, чем *ч*.

5. ЗВУК *а* МЕЖДУ МЯГКИМИ СОГЛАСНЫМИ В РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Известно, что русское *а* как под ударением, так и в безударном положении между мягкими согласными в значительной части севернорусских говоров перешло в *е*. Так появилось произношение *грезь*, *петь*, *ейца*, в *шлепе* и т. п. („грязь, пять, яйца, в шляпе"; см. Дурново, История русского языка, § 243). Это явление распространено на широкой территории севернорусского наречия, окружающей со всех сторон комийский край: в Поморской группе „*а* после мягких согласных перешло в *е* под ударением только перед мягкими, а в 1-м предударном слоге — всегда" („Опыт...", стр. 19); в Вологодско-Кировской группе — везде, за исключением некоторых местностей Малмыжского уезда Вятской губернии (там же, стр. 87).

„Гласный *е* или *е*ы, *и* вместо *а* имеют сибирские диалекты между мягкими согласными под ударением и в безударном положении" (А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, стр. 151).

Таким образом, во всех русских диалектах, окружающих территорию с комийским населением, в настоящее время мы имеем *е* вместо *а* между мягкими согласными (в особенности под ударением).

Теперь посмотрим, как отражается это звуковое явление в заимствованиях типа: с.-р. *t'et'* → ком. *t'et'*, *t'at'*. Примеры:

с'вет'т'ö ВС, ЛЛ, *с'ат'т'ö* лет. (д. Черемково), *свет'т'о* И., *ч'вет'т'ö* НЛ (д. Лобаново) — „святки“ < с.-р. *сѣтьѣ*, ср. *святьё* шенк. (Подв.);

с'вез' скр., НВ, СС (с. Иб), ВС (с. Ужга) — „связывающее бревно в постройке“ < с.-р. *свезь;*

пет'ит'ч'ыны скр., НВ (с. Гам), Вым (с. Княжпогост), *пет'с'а* НВ (с. Гам., д. Ероздино), П. (с. Юсьва) — „пятиться, пяться“ < с.-р. *петиться, петься;*

памет' скр., Л., ок., НВ, СС (с. Иб), ВС (с. Ужга) — „память“ < с.-р. *память* (д. Рай, д. Вадья);

тыс'еч'а скр., ВВ (с. Пожег), ВС (с. Ужга), П. (д. Коса), НВ (с. Гам) — „тысяча“ < с.-р. *тысеча* (с. Лойма);

трес'итны скр., ВС (с. Ужга), НВ (с. Гам), П. (с. Юська) — „трясти“ < с.-р. *трести;*

мес'еч' Л., *мис'еч'* ок., зд. — „месяц“ с.-р. *мисеч, месеч;*

пестред' НВ (с. Гам) — „самотканный пестрый холст“ < с.-р. *пестредь*, ср. *пестре(я)дь, пестредина* (Даль);

пекн'ич'а скр., НВ, СС (с. Иб), ВС (с. Ужга), ВВ (с. Пожег), *пет'н'ич'а* ок., НЛ (д. Лобаново), *пйат'н'ич'а* П. (с. Коса), НЛ (д. Екшор), *пиат'н'ич'* уд. (д. Лоптюга) — „пятница“ < с.-р. *пет(к)нича* или *пятнича*, ср. *петнича* (д. Рай, д. Вадья); чередование *к* ∽ *т* возможно на русской и комийской почве, ср. ком. *т'епыс'*∽*кепыс'* — „рукавицы“, *т'и*∽*ки* — „рука“ и т. д.;

прен'ик скр., НВ, вым., СС (с. Иб), ВС (с. Ужга), НЛ, П. (с. Юсьва), уд. (д. Лоптюга) — „пряник“ < с.-р. *преник*, ср. *пренник* (д. Вадья);

öпет' скр., НВ (с. Гам), СС (с. Иб), ВВ (с. Пожег), *опет* П. (с. Юсьва) — „опять“ < с.-р. *опеть* (д. Рай);

кач'ей НВ (д. Ерваськдор Палевской волости), ВВ (с. Пожег), *кач'ай* скр., НВ (с. Гам), СС (с. Иб), вым. (с. Княжпогост), *кач'айла* уд. (д. Лоптюга) — „качели“; *кач'ейт'ч'ины* НВ (с. Час) — „качаться“; *кач'ейтны* П. (с. Юсьва) — „качать“ < с.-р. *качей;*

йес'л'и П. (с. Юсьва), *л'ес'н'и* ВС (с. Ужга), *л'ас'н'и* скр. НВ (д. Ероздино), вым. (с. Княжпогост), ВВ (с. Пожег), СС (с. Иб), *йас'л'и* НВ (с. Гам), П. (с. Коса), уд. (д. Лоптюга) —

„ясли“ < с.-р. *если, лесни, лясни;* ср. *лесни* (Ончуков, „Печорские былины“), *если* (д. Рай, д. Вадья);

меч' ВС (с. Ужга), П. (с. Юсьва), *н'еч'* (Шахов), *мач'* НВ, скр., вым. (с. Княжпогост), ВВ (с. Пожег), уд. (д. Лоптюга), СС (с. Иб), П. (с. Коса) — „мяч“ < с.-р. *меч, мяч;*

тэес'с'а П. (с. Юсьва) — „лихорадка“, *трас'ич'а* скр., ВВ (с. Пожег), НВ (с. Гам) — ругательное слово < с.-р. *тресся, трясица;*

прет' НВ, ВС (с. Ужга), *прат'* скр., НВ (д. Ероздино), ВВ (с. Пожег), СС (с. Иб), *прад'* уд. (д. Лоптюга), вым. (с. Княжпогост), *прйат'* П. (с. Коса) — „прядь“ < с.-р. *преть, *прят(д)ь;*

пл'емен'н'ик НВ (с. Гам), ВС (с. Ужга), П. (с. Коса, с. Юсьва) < с.-р. *племенник,* племянник,* ср. *племенник* (Тот., стр. 145);

ч'ес'с'о П., *ч'ас'сӧ* скр., СС (с. Иб), уд. (д. Лоптюга), вым. (с. Княжпогост), *ч'ас'с'е* НВ, ВВ — „счастье“ < с.-р. *счесьё, *счасьё;*

кл'ен'ич'а НВ (д. Ероздино, с. Гам), *кл'ан'ич'а* скр., вым. (с. Княжпогост), СС (с. Иб), уд. (д. Лоптюга), ВВ (с. Пожег) — „осколок стеклянной посуды, скленица“ < с.-р. **скленица, *склянича;*

ребина. НВ (с. Гам, с. Час), П. (с. Коса, с. Юсьва), ВС (с. Ужга) — „рябина“ < с.-р. *ребина;*

мес'н'ик П. (с. Юсьва). *мас'н'ик* скр. — „мясник“ < с.-р *месник, *мясник;*

йейес'н'ич'а НЛ (д. Лобаново, д. Яг, д. Плесо), *йейис'н'ич'а* П. (с. Юсьва), *йес'н'ич'а* ВС (с. Грива, с. Ужга), *йейис'н'ич'а* НЛ (д. Шпалорд), *йайес'н'ич'а* НВ, ВВ (с. Пожег), Л. (д. Мишаково, д. Екшор), *йайӧс'н'ич'а* скр., СС (с. Иб), вым. (с. Княжпогост) — „яичница“, „омлет“ < с.-р. **еишнича, *яишнича* и т. д.; ср. *йишнича* (д. Вадья), *йеишнича* (д. Варжа), *ейиснича* (д. Рай);

прокл'ен'итны НЛ (д. Лобаново), уд. (д. Лоптюга), *прокл'ан'итны* скр. — „проклянуть“ < с.-р. **проклени! *прокляни!*

д'ес'ет'ина НВ (с. Гам, с. Паль), НЛ, П. (с. Коса, с. Юсьва), ВС (с. Ужга), *д'ес'ат'ин* скр., СС (с. Иб) — „десятина“ < с.-р. **десетина, *десятин;*

ӧбыч'ей И., *обыч'ай* лет., *ӧбыч'а* ВВ — „характер, обычай" < с.-р. **обычей*, **обычай*;

з'ет' ВС (с. Ужга), П. (с. Юксеево), *з'ат'* скр., НВ (с. Гам), ВВ, вым., уд., Л., П. (с. Коса, с. Юсьва) — „зять" < с.-р. **зеть*, *зять*; ср. *зеть* (д. Рай, д. Вадья);

мед'ен'н'ик кымӧс НВ (с. Гам) — „лоб, как медный котел" < с.-р. **меденник*; ср. *медяница* „чаша, умывальник" (Срезневский);

нарад'итны или *нарад'итны* НВ (с. Гам, в разных семьях говорят по-разному), *нарад'итны* скр., НЛ (д. Лобаново), *нарад'итны* П. (с. Юсьва) — послать за ч.-н." < с.-р. **наряжать*, **наредить*;

крес'с'ен'ин ВС (с. Грива, с. Ужга), *крес'т'ан'ин* скр., НВ (с. Гам, д. Ерваськдор), вым. (с. Княжпогост), ВВ (с. Пожег), уд. (д. Лоптюга), *крес'с'ан'ин* СС (с. Иб, с. Межадор), Л. (д. Лобаново), П. (с. Коса, с. Юсьва) — „крестьянин" < с.-р. **кресьенин*, **крестьянин*, **кресьянин*; ср. у Васнецова — *хресьянин*, в Тот. — *хресьенин*, д. Вадья — *хресьенин*;

кӧз'еин ВС (с. Ужга), *кӧз'аин* НВ, скр., вым., ВВ, П. (с. Коса, с. Юсьва), СС (с. Иб, с. Межадор), уд. (д. Лоптюга) — „хозяин" < с.-р. **хозяин*, **хозеин*;

д'ед', *д'ед'ӧ*, *д'ед'и* ВС (с. Ужга), *д'ад'ӧ* скр., вым. (с. Княжпогост), уд. (д. Лоптюга), НВ, *д'ад'а* П. (с. Коса, с. Юсьва) — „дядя" < с.-р. **дядя*, **дедя*; ср. *дедя* (с. Лойма); впрочем, в ВС диалекте *а* могло перейти в *е* на месте, ср. *н'ен'*, *ч'ел'* ВС, *н'ан'*, *ч'ал'* в остальных комийских диалектах;

ч'еч'а, *ч'еч'и* ВС (с. Ужга), *ч'ач'а* скр., НВ., вым., ВВ, СС, П. (с. Коса, с. Юсьва), уд. (д. Лоптюга) — „игрушка", уд. „цветок" < с.-р. **чача*, ср. *чеча*, *чечя*, *чечка* влгд., прм., сиб., *цаца*, *цацка* южн. (Даль); о звуке *е* ВС диалекта см. предыдущее слово;

печ'ел' ВС (с. Ужга), *печ'ал'* скр., НВ (с. Гам), СС (с. Иб), уд. (д. Лоптюга) — „печаль" < с.-р. *печаль*; о звуке *е* ВС диалекта см. предыдущие примеры;

суффикс *-ай(-ей)* после мягкого согласного: *гул'ейтны* ВС (с. Ужга), *гул'айтны* скр., НВ, уд. (д. Лоптюга), П. (с. Коса,

с. Юсьва), ВВ — „гулять"; *спойайтны* скр., П. (с. Коса) — „спаять"; *гӧн'айтны* скр., НВ, ВВ, П. (с. Коса, с. Юсьва) — „гонять, рыскать" < с.-р. *гуляй, спояй, гоняй;*

ч'ел'ед' ВС, *ч'ел'ад'* скр., НВ, вым., СС (с. Иб), НЛ (д. Лобаново), П. (с. Коса, с. Юсьва) — „дети" (собирательное) < с.-р. **челядь;* ср. у Васнецова *челедь* — „дети" (бранное слово); *челедь* — „дети" (Тотьма, Вятка, ответ 3).

В последних шести примерах *е* встречаем только в одном диалекте (ВС), где это *е* между мягкими согласными встречается и в исконных комийских словах вместо *а* других комийских диалектов (*йей* ВС, *йай* ост. д.; *н'ен'* ВС, *н'ан'* ост. д. и т. д.), так что весьма возможно, что в этих русских заимствованиях *а* перешло в *е* на зырянской почве: с.-р. *чача* → ком. *ч'ач'а* → ВС *ч'еч'а;*

л'ад'вей скр., НВ (с. Гам), П. (с. Юсьва), *л'ад'вый* уд. (д. Лоптюга) — „ляшка, верхняя часть ноги" < с.-р. **л'ад'-*; ср. *лядвея* (Даль), др.-р. *лядьвья* (Срезневский); ст.-сл. лѧдвь, мн. ч. лѧдвиѧ (Преображенский, Этимологический словарь).

ч'ас' НЛ, уд. (д. Лоптюга) — „миска, чашка", с.-р. **ч'аш'-*, ср. *чаша*, др.-р. *ч'аш'а;* о передаче др.-р. *ш* через ком. *с'* (см. стр. 134.);

урад'н'ик скр., НВ (с. Гам), вым. (с. Княжпогост), уд. (д. Лоптюга), *ур'ад'н'ик* П. (с. Юсьва), *урйад'н'ик* П. (с. В.-Иньва) — „урядник";

пйат' (пйат' копейек) — „5 копеек" скр., НВ. СС, уд. ВС, П. (с. Коса) < рус. *пять;*

пйан'н'ик скр., вым., П. (с. Юсьва), НВ (с. Гам) — „пьяница" < рус. *пьянник;*

дран' СС (с. Иб), ВВ (с. Пожег), *др'ан'* П. (с. Юсьва) — „дрань" < рус. *дрянь;*

шл'ач'а НВ (с. Гам), уд. (д. Лоптюга) — „мокрый снег" < с.-р. *шляча;*

прийат'ел' НВ (с. Гам), СС (с. Иб), П. (с. Юсьва) — „товарищ, приятель" < рус. *приятель;*

печ'ат скр., НВ (с. Гам), вым. (с. Княжпогост), уд. (с. Лоптюга), ВС (с. Ужга), СС (с. Иб), *печ'ат'* П. (с. Юсьва) < рус. *печать;*

кн'аз' скр., НВ, уд., СС, НЛ (д. Лобаново), П. (с. Коса) < рус. *князь;* ср. *кнес'* (д. Рай);

н'ан'ка П. Юсьва) < рус. *нянька;*

ч'арки СС (с. Межадор), ВС (с. Грива) — „башмаки" < с.-р. **чарки, черки* (д. Рай, д. Вадья);

ӧшл'ад' скр., *ӧс'л'ед'* зд. — „толстая жердь" < с.-р. **ошл'ед'*, ср. *ӧслед* — „длинное бревно"; *ослядь* — „толстая жердь, бревно" (Новгородская вторая летопись, Срезневский);

пийавич'а НВ (д. Ероздино), уд. (д. Лоптюга), *бийавич'а* вым. (с. Княжпогост) — „пиявка" < рус. *пиявица;*

ч'ад итны скр., НВ (с. Гам), вым. (с. Княжпогост) < рус. *чадить;*

йавитны скр., НВ (с. Гам), ВС (с. Ужга) — „сделать известным, объявить" < рус. *явить;*

ч'ерл'ад' скр., ВВ (с. Пожег), *ст'ерл'ад'* НВ (с. Гам) < рус. *стерлядь;*

прад'илӧ скр., *предила* СС, *пред'ийа* НВ — „принадлежность для витья веревки, прядило" < с.-р. **пр'ад'-*, **пр'ед'-;*

йеринскӧй кар скр. < рус. *Яренск* (город).

В приведенных заимствованиях тем или иным образом отражается судьба севернорусского *а* между мягкими согласными. Часть примеров восходит к типу *t'et'*, другая часть имела в оригинале обе разновидности: *t'et'* и *t'at'*, и, наконец, для третьей части заимствований мы должны искать оригинал типа *t'at'*. Для нас несомненно то, что слова типа *t'et'* представляют заимствования из современных севернорусских говоров, за исключением верхнесысольских слов, в отношении которых выше была сделана соответствующая оговорка.

Для объяснения заимствований типа *t'at'* мы должны предположить, что они попали в комийский язык или из каких-то других русских диалектов, или же они были заимствованы из тех же севернорусских говоров, но в то время, когда *а* не перешло еще в *е*. Первое предположение нужно считать неве-

роятным по следующим соображениям. Во-первых, территория комийского края со всех сторон окружена севернорусскими диалектами типа *t'et'*.[1] Вообще пограничная комийцам территория заселялась относительно однородным русским населением. Одна колонизационная волна шла, повидимому, вдоль русско-зырянской границы с севера на юг и дальше на восток, как об этом говорит исследователь вятских говоров Зеленин: „Колонизация территории Вятской губернии продолжалась вплоть до XIX в., и эта колонизация шла не с юга, а с севера" („Вятские сказки", стр. 376). „Можно предположить, что в Вятском уезде преобладала колонизация с севера — с окрестностей Сольвычегодска, восточной части Устюжского уезда, вообще, с территории Двины, вдоль рек Летка, Лекма и Вятка, в Котельническом же уезде — с западной части Устюжского и вообще с территорий по Сухоне" (там же, стр. 390). Таким образом, в соседстве с комийцами не могло быть никаких других диалектальных групп, кроме современных северорусов. Во-вторых, наличие большого количества (44 случая) русских заимствований типа *t'at'* и широкое распространение их в комийских диалектах указывают на то, что они не могли попасть в комийский язык случайно из какого-то другого русского диалекта. Часть слов типа *t'at'* могла, конечно, проникнуть в комийский язык из языка местной интеллигенции, например, слова *ч'ерл'ад'*, *прийат'ел'* — „стерлядь, приятель". Но среди заимствований мы не находим много таких слов, которых нет в русском литературном языке (стало быть, и в языке местной интеллигенции), например: *ч'ач'а*, *ч'арки*, *ӧшл'ад'*, *ч'ел'ад* (дети), *л'адвей*, *л'ас'н'и* и др. Следовательно, эти слова не могли проникнуть в комийский язык из русского литературного языка.

Таким образом, первое предположение не подходит для объяснения происхождения заимствований типа *t'at'*.

Остается предположить, что комийский народ соприкасался с севернорусскими диалектами еще тогда, когда там *tat'* не

[1] Мною лично в 1928 г. рассмотрено 30 ответов диалектологического вопросника по Вологодской и северной части Вятской губерний. Кроме того, изучены русские говоры д. Рай и д. Вадья. Там везде *t'et'*.

перешло в *t'et'*, и этот переход *а* в *е* между мягкими согласными произошел в севернорусских диалектах.

Для более точного датирования перехода *а* в *е* у нас нет почти никаких данных. Соболевский, приводя единичные примеры на *е* из *а* из новгородских памятников XI—XII вв., оговаривается: они „могли бы указывать на глубокую древность новгородского *е* из *а*, если бы их можно было считать достоверными, т. е. не ошибками и не описками" (Лекции, 4-е изд., стр. 89). Только единичные примеры новгородских памятников XIII—XIV вв. *(притяжения* вместо *притяжания, освещеить* вместо *освещаеть)* „могут передавать особенности живого языка и указывать на существование в нем *е* из *а*" (там же). Более определенные „древнейшие указания на этот переход — написания *е* вместо *а* или *я* — находим мы в памятниках XVI в." (Дурново, История русского языка, § 243). В Двинских грамотах (XV в.) встречаются единичные случаи написания *t'et'* и то только в безударном слоге (Шахматов). Звук *е* вместо *а* между мягкими согласными характерен также и для сибирских говоров, в основе которых „лежат диалекты Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний". „Оттуда шла старая основная колонизационная волна в Сибирь" (Селищев, Диалектологический очерк Сибири, стр. 6). Колонизация же Сибири, вероятно, началась около XVI в.

Большое количество русских заимствований типа *t'at'*, указывающее на то, что комийцы продолжительное время соприкасались с севернорусскими диалектами типа *t'at'*, говорит о том, что в пограничных с коми севернорусских говорах переход *t'at'* в *t'et'* произошел сравнительно поздно (вероятно, около XV—XVI вв.).

Между прочим, это явление перехода *а* в *е* отражается в более древних комийских заимствованиях русского языка. Например: рус. *Виледь* (приток Вычегды) < ком. *Вил'ад';* рус. *Объечево* (с. на Лузе, Коми АССР) < ком. *Абйач'ой;* рус. *Серегово* (с. в Коми АССР) < ком. *С'арӧбыг* НВ (д. Ероздино), *С'аребыг* НВ (д. Комииб); рус. *пельмени, пельняни* (Даль) < ком. *пел'-н'ан'* (ухо-хлеб); рус. *чемья* перм. (Даль) < ком.

чамйа (амбарчик у охотников в лесу). В слове *чарем* (Яренск.) < ком. *ч'арӧм, ч'арем* — „наст", представляющем, вероятно, сравнительно новое заимствование из языка коми, переход *а* в *е* уже не наблюдается.

6. О СЕВЕРНОРУССКОМ ЗАКРЫТОМ *о*

Общие замечания

В словах, заимствованных из русского языка, звук *о* передается в языке коми двояко: то через *о*, то через *ӧ* (рус. *гость* > ком. *гӧс'т*, рус. *поп* > ком. *поп*). Это обстоятельство навело нас на мысль специально заняться выяснением причины такой двоякой передачи.

Современное комийское *о* акустически (повидимому, и артикуляционно) ничем не отличается от русского *о*. Об этом говорят не только мои личные наблюдения, но и современные русско-комийские заимствования, например: ком. *колхоз* < рус. *колхоз*, ком. *комсомол* < рус. *комсомол*, рус. *коми* < ком. *коми*.

Современное комийское *ӧ* акустически является звуком, средним между русским *о* и *ы*, и напоминает русское литературное безударное *о* или *а* во второй позиции (*гӧрът, зъдавáть*) с той лишь разницей, что в русском литературном произношении этот звук является редуцированным, а в языке коми — гласным полного образования. Акустически этот звук языка коми очень близок также к английскому *ə*, например, в слове *girl* (*gə: l*), хотя комийское *ӧ* менее долгое, чем английское долгое *ə:* приведенного слова. По артикуляции комийское *ӧ* — нелабилизованный гласный звук среднего ряда среднего подъема.

На то, что комийское *ӧ* занимает промежуточное место между *о* и *ы*, указывают и русские заимствования из языка коми, в которых этот звук языка коми передается то через *о*, то через *ы*, например: ком. *Пӧйӧл* > рус. *Пыелдино* (с. в Сысольском районе Коми АССР), ком. *бӧрд* — „плакать" > рус. *бырдать* (арх., мез., Подв.), ком. *вӧн'* — „пояс" > рус. *вынь* влгд. (Даль), ком. *мӧс'ӧр* — „водораздел" > рус. *мышерина*, ком. *тупӧс'* — „коврига" > рус. *тупысь* влгд. (Даль), ком. *ч'арӧм* —

„наст“ > рус. *чарым* прм., сиб. (Даль) и т. д., ком. *Кулӧмдин* > рус. *Устькулом* (название села в Коми АССР), ком. *Лӧзым* > рус. *Лозым* (название села в Коми АССР), ком. *кӧртым* — „аренда, откуп“ > рус. *кӧртом, кортӧм, кортӧма, кортомá* арх. сиб. (Даль, Подв.), ком. *сӧз* — „мозг“ > рус. *соз* прм. (Даль) и т. д.

Передачу комийского *ӧ* непервого слога через русское *е*, наблюдаемую иногда в русских заимствованиях, можно объяснить тем, что оригиналом их служили те комийские диалекты, где в этом положении всегда стоит *е*, а не *ӧ* (ВВ, иж., НВ — после мягких согласных), например: ком. *Вис'ӧр* (*Вис'ер* ВВ) > рус. *Вишера* (приток р. Вычегды), ком. *Пожӧг* (Пожег ВВ) > рус. *Пожег* (приток р. Вычегды и название села), ком. *амӧс'*, *амыс'*, *амес'*, *амыз'* и т. д. — „лемех“ > рус. *омежа, омежь, омешь* олон., новг. (Даль и Кулик.) и др.

Ввиду чрезвычайной сложности вопроса о передаче севернорусского *о* в языке коми, необходимо русские заимствования[1] со звуком *о* и *ӧ* разобрать по следующим категориям:

1. Безударное севернорусское *о*: а) первого слога; б) непервого слога; в) конца слов; г) в формативе *-ой, -овой*.

2. Ударяемое *о*: а) непервого слога; б) первого слога.

3. Звук *о* в словах с полногласием: а) с ударением на втором слоге (*морóз*); б) с ударением на первом слоге (*мóлот*).

А. Севернорусское безударное *о*

а) Первый слог

Севернорусское безударное *о* первого слога обычно передается в языке коми через *ӧ*:

бӧжатка скр. — „крестная мать“ < *божатка*;[2]

[1] В данной главе не говорится о тех севернорусских заимствованиях, в которых звук *о* произошел из древнерусского *е* (*жоних* < *жених*), так как отражению перехода *е* в *ё* (*'о*) в заимствованиях будет посвящена особая глава.

[2] Значение заимствованного слова указывается в том случае, если оно не вполне совпадает со значением этого слова в русском литературном языке.

бӧлван скр. < *болван*;

вӧд'итны скр. < *водить*;

вӧлтар С. < *воўтарь* (Манс., Гряз.) „алтарь“;

гӧл'ен скр., ок., НВ — „голенище“ < *голень*;

гӧн'айтны скр. — „рыскать, скакать“ гонять, гоняет;

гӧра скр., Л., *гора* ок. < *гора*;

гӧрбыл' скр. < *горбыль* (при пилке теса);

гӧс'н'еч' скр., *гӧс'т'ин'ʒ'и* НВ < *гостинец, гостинцы*;

дӧва ком. < *вдова, udová* (Тот.);

дӧсадно скр. < *досадно*;

дӧска ЛЛ — „деревянное корыто для теста и хранения муки“ < *доска*;

зӧла ок., *зол'ит-* скр., НВ — „саднить от боли“ < *зола, золить*;

кӧбыла скр., ок., Л. < *кобыла*;

кӧза ком. < *коза*; *kozá* (Тот.);

кӧз'айцн ком. < *хозяин*;

кӧз'айка скр. < *хозяйка, хоz'éi̯ka* (Тот.);

кӧкӧра скр. — „коряга“ < *кокóра* — „коряга на дне реки“ (Даль);

кӧлач' скр., *калач'* НВ — „баранки“ < *kolác'* (Тот.);

кӧпейка скр. < *копейка*;

кӧпыл кб., зд. — „копыл саней“ кб., „сидение прялки“ зд., *копыл* лет. „мотыга“, *копыл* ок. „копыл“ < *копыл*;

кӧрч'ага скр., НВ, ок., *кӧрч'ч'а* СС < *корчага*;

кӧса З. < *коса* (волосы, песчаный полуостров); но ком. *коса* З., П. — с.-х. орудие; ср.: словенск. *kósa* с восходящим ударением;

кӧсарь Л., ок., *косар* НВ < с.-р. *косарь, косырь* („нож для щепания лучины“);

кӧсӧй ком. < *косой kosói̯* (Тот.);

кӧс'ак скр., лет., *кос'ак* кб. < *косяк*;

кӧс'ич'а скр. — „висок“ < *косúца* (Подв.);

кӧс'т'ӧр скр. < *костёр*;

кӧти З., *коти* ок. < *коты* (вид обуви);

кӧч'а'н ком. < *кочан* (капусты);

кӧшел' скр., сев., ок. — „кисет“, „кошель“ < *кошель*;

кӧшӧва скр., *кӧшовка* НВ, *кошӧвка* СС, *кошова* ок. < *кошовка* (сани);

крӧват' скр., *крӧвайт* НВ (с. Айкино) < *кровать*;

лӧкан' скр., *локан'* ок., СС, *лохан'* кб. — „лоханка“ < *лохань*;

Мӧскуа ком. < *Москва*;

мӧритны скр. < *морить*;

ӧбидно скр. < *обидно*;

ӧбл'ез'ана скр. < *обезьяна*;

ӧбӧд скр. НВ, *ӧбед* СС, иж., уд., ок. < *обед*;

ӧбӧд'н'а скр. < *обедня*;

ӧбӧд'итны скр. — „мучить, оскорблять“ < *обидеть*;

ӧбыч'ай лет., *ӧбыч'ей* И. — „обычай, характер, нрав“ < *обычай*;

ӧграда скр. < *ограда*;

Ӧгрӧпена, *Ӧгрӧ* < *Аграфена*, с.-р. *Огрофена*;

ӧгурч'и скр., И., *угурч'и* кч. — „огурец“ < *огурцы*, *угурчи*;

ӧдва скр. — „едва“ < *ødva* (Тот.);

ӧднакӧ скр. < *однако*;

ӧдӧл'итны скр. < *одо́лить* (одолеть, осилить) арх. (Подв.);

Ӧдӧт'т'а — „Евдокия“ < с.-р. *Овдотья*;

ӧд'ейалӧ НВ, *од'ейало* кб. < *одеяло*, odiją́ło (Тот.);

ӧжыгайтны скр. < *обжигать* (кирпич, горшки);

ӧкайаннӧй скр. (ругат.) < *окаянный*;

ӧклупен' скр., Л., НВ, *оклупен'* ок., < с.-р. *охлу́пень* — „бревна на вершине крыши“ (Подв.);

ӧкл'уч'ина скр., иж., *укл'уч'ина* НВ < с.-р. *оключина* — упоры для весел на „судне“ (Подв.) — „уключина“;

ӧкӧн'ч'а скр. — „окно“, *оконце*;

Ӧкс'ин' — „Аксинья“ < с.-р. *Оксинья*, *oks'ini'a* (Тот.);

Ӧкул', *Ӧкул'ина* — „Акулина“ < с.-р. *окул'ína* (Тот.);

ӧкуратнӧй скр. — „аккуратный“ < *акуратно* (Манс., Гряз.);

Ӧл'оксан, *Ӧл'ӧ* — „Александр“ < *Олёксан* (Манс., Гряз.);

Ӧл'ӧксандра — „Александра“ — *oľoksánda* (Тот.);

Ӧл'ӧкс'ей — „Алексей“ < *Олёксий* (Манс., Гряз.);

Ӧл'ӧш — „Алеша“ < с.-р. *Олёша*;

Ӧндрей — „Андрей“ < с.-р. *Ондрий* (Манс., Гряз.);

Ӧндрейан — „Адриян“ < с.-р. *Ондриян*;

ӧпасно́й скр., *опасней* скр., НВ, уд., *опашн'а* кч. < *опашня* (весло);

ӧприч' скр. — „кроме“ < *опри́ш* Шенкс. (По д в.), др.-р. *опричь*;

Ӧпро́сь, *Ӧпро́с'с'а* — „Ефросинья“ < с.-р. *Офросья*;

ӧпет' скр. — „опять“ < с.-р. *опеть*;

ӧружйӧ скр., НВ, уд. < *оружье*;

ӧстатки скр. — „последний“ < *остатки*;

ӧтава скр., НВ, *отава* И. < *отава*;

ӧткажитны скр. < *отказать*;

ӧч'ки ком., *оч'ки* кб. < *очки*;

ӧшурки скр. — „мыло из кишок животных“ < *ошурки* (остатки кушанья) арх., онеж., холм. (По д в.);

ӧшчепек скр., НВ, иж., Л., *ӧшшӧпек* ок. < *ощепок*;

ӧшшӧ Л., ок., *йешчӧ* скр. — „еще“ < *ошшо* поморское, *ошо* шенк. (По д в.), *ештё* (Ма н с., Гряз.), *ešče* (Тот.);

ӧшибка скр., *ошыпка* ок. < *ошибка*;

пӧварн'а скр. — „предбанник, где раньше варили пиво“ < *поварня*;

пӧгиб скр.: *пӧгиб сыкӧт* — „беда с ним“ < *погиб*;

пӧдметки скр., НВ, Л., *подмйотки* И. < *подмётки*;

пӧдӧн'ч'а скр., Л., *подон'ч'а* НВ, *по̂дӧн'ч'а* кб. < *подойница* (посуда);

пӧдпилӧк Л. < *подпилок*;

пӧдпушка скр., Л., И. — „сиденье у штанов“ < *подпушка*, *подпу́шка* — „меховая опушка“ (Да л ь);

пӧдрад скр. < *подряд*;

пӧдрадчик скр., сев., *пӧдр'ашчык* ок. < *подрядчик*;

пӧдруга скр. < *подруга*;

пӧдсад СС, лет., И. — „невысокая трава, не попадающая под косу“ < *подсад*;

пӧдушка СС, Л., *подушка* СС, Л., ок., *по̂душка* кб. < *подушка*;

пӧжар скр. < *пожар*;

пӧката скр. — „покатый, наклонный“ < *покат*;

пӧкмӧл'л'а скр., *пӧкмел'л'а* НВ, *покмел'л'а* уд., ок. < *похмелье*;

пӧла скр., *по̂ла* кб. < *пола* (фалды);

пӧлат' скр., НВ, иж., *пӧлайт* НВ (с. Айкино), *полат'* ок. < *полати*;

пӧнар скр. < *фонарь*;

пӧн'итӧк СС, *пон'тӧк* кб., *пон'ток* И. < *пониток* (крестьянское полусукно) (Даль);

пӧра скр., сев., ок. < *пора* (время);

пӧрука скр. < *порука*;

пӧсад скр., Л., *посад* ок. — „ряды снопов при молотьбе" < **посад*;

пӧскӧт'ина скр., НВ, *поскӧт'ина* Л., *поско́т'ина* В. < *поскотина* (пастбище);

пӧшт'и скр. — „*почти* (наречие)" < с.-р. **пошти*;

пр̈öскур скр. — „просфора"; ср. др.-р. *проскура* (Соболевский, Лекции, изд. 4, стр. 129);

пр̈öстӧй скр. < *простой* (несложный);

пр̈öсуж скр. — „умный, толковый" < *просужий*;

пр̈öс'ек скр. < *просека*;

пр̈öс'т'итны скр. < *простить*;

пр̈öч'ент скр., сев., *проч'ент* ок. < *процент*;

рӧгӧза скр. — „рогожа" < с.-р. *рогоза*;

рӧд'н'а скр., Л., ок. < *родня*;

рӧд'ит'ел' скр. — „покойный, которого поминают"; „дух предков" < *родитель, родителёв* (Манс., Гряз.);

рӧжен' СС (с. Межадор), лет., И., *режен'* кч. — „жердь для ношения соломы" < *рожень*, — „заостренный кол, шест" и т. д. (Даль);

рӧзбон'н'ик скр. — „разбойник" < с.-р. *розбойник*;

рӧсол скр., НВ, уд., *росол* лет., ок., *ро̂со̂л* кб. — „рассол" < с.-р. *россол*;

рӧспута скр. — „распута", сев. (Даль) < с.-р. *роспута*;

рӧштво скр., НВ, *рошво* Л., *рӧжество* ок. — „рождество" < с.-р. *rožestvo* (Тот.), а также *роштво*;

свӧйак скр. < *свояк*;

сӧгласӧн овны скр. — „в согласье жить“ < *соглас-*;
сӧвс'ем скр. < *совсем* (Манс., Гряз.);
сӧвет скр. < *совет*;
сӧтана скр. (ругат.) — „сатана“ < *сотана* (Манс., Гряз.);
спӧрыш зд. — „маленькое куриное яйцо“ < *спорыш* — „уродливое яичко, выносок“ (Даль);
стӧкан скр., НВ, Л., *стокан* кб., ок. — „стакан“ < *стокан* (Манс., Гряз.);
тӧварыш ком. — „товарищ“ < *továr'iš* (Тот.);
тӧрелка скр., *торелка* кб. — „тарелка“ < *tor'élka* (Тот.);
тӧрич'а ком. < *торица* (трава);
тӧч'ила скр., Л., ок. < *точило*;
тӧч'итны скр. < *точить*;
тӧпа скр. < *тропа* (тропинка).

Наряду с этим мы имеем немало и таких заимствований, в которых севернорусское безударное *о* первого слога в языке коми передается через *о*. Появление *о* (вместо ожидаемого *ӧ*) в этих словах в большинстве случаев объясняется влиянием ударяемого *о* следующего слова (*подков* вместо *пӧдков* < с.-р. *подкóва*, см. стр. 174).

Однако имеются слова, где звук *о* иного происхождения: *бол'н'ича* ком. („больница“), *бот'инки* скр., *война* скр., *горч'итса* скр. („горчица“), *кон'ки* скр., *коса* ком. (с.-х. орудие), *мол'итва* скр., *мошн'а* скр., НВ, ок. („мошна“), *носки* скр., кб., *прошен'н'ӧ* скр.

В кобринском диалекте безударное *о* первого слога обычно передается через *о*, а не через *ӧ* (как это мы видим в других зырянских диалектах): *вол'ха* („ольха“), *лохан'* („лоханка“, *лӧкан'* скр.), *смола*, *стокан* (*стӧкан* скр.), *зора* („заря“), *торелка* („тарелка“; *тӧрелка* скр.), *од'ейало* („одеяло“; *ӧд'ейало* НВ), *лопатка*, *один* („один“), *оч'ки* (*ӧч'ки* скр.), *кос'ак* (*кӧс'ак* скр.).

В коми-пермяцких диалектах гораздо чаще мы встречаем в этом положении *о*, чем в зырянских: *гора* (*гӧра* скр.), *копыл* (*кӧпыл* зд.), *локан'* (*лӧкан'* скр.), *отава* (*ӧтава* скр.), *ошыпка* („ошибка“; *ӧшыбка* скр.), *полат'* (*пӧлат'* скр.), *посад* (*пӧсад*

скр.), *проч'ент* (*прӧтсент* скр.), *стокан* (*стӧкан* скр.), *опашн'а* кч. (*ӧпаснӧй* скр.), *покмел'л'а* (*пӧкмел'л'а* скр.).

б) Севернорусское безударное *о* непервого слога

Безударное севернорусское *о* непервого слога в языке коми передается почти всегда через *ӧ*:

д'авӧл скр., сев., зд., *д'авӧв*, *д'авыв* И. — „дьявол“;

д'ӧгӧд' скр., И., ок., ЛЛ, *д'егӧд'* НВ, *д'егет'* уд., *йӧгӧд'* СС — „деготь“ < **дёгодь*, **деготь*;

задӧрӧга скр. < *задорога* („боковые стороны пода печи“) онеж., холм. (Под в.);

йаблӧг скр., *йаблок* НВ < *яблоко*; *яблук* арх., шенк. уезд, с. Воскресенское („Труды Московской диалект. комиссии“, XI);

йагӧд ок., НВ, *йагӧда* ЛЛ, СС, ок. < *ягода*;

йакӧр скр., НВ, уд., Л., *йакор* ок. < *якорь*;

кӧнӧвал скр., НВ, ок., *кӧновал* уд., *конӧвал* Л. < *коновал*;

пасынӧк скр., иж., СС, ок., *пасӧнӧк* Л. (добавочный стог к большому) < *пасынок*;

пӧнӧмар скр. < *пономарь*, *ропотаr'* (Тот.);

пӧч'инӧк зд., ок. < *починок*;

самӧвар ком., *самовар* кб. < *самовар*;

скӧвӧрда скр., *скӧврӧд* уд. < *сковорода*, *skovorodá* (Тот.);

старӧста ком. < *староста*;

с'ерӧда скр., НВ, *с'ередa* ок., иж., Л., *с'ередъ* уд. — „среда“ (день недели); с.-р. *середа*;

с'ирӧта скр. < *сирота*, *s'irotá* (Тот.);

с'л'епӧкур скр. < *слепокур* (куриная слепота);

Трӧкӧз'ӧр < „Трех озер“ (урочище вблизи г. Сыктывкара);

укӧрайтны Л., ок., скр., НВ., *укӧритны* уд. < *укорять*.

Безударное севернорусское *о* непервого слога передается в языке коми через *о* только в нескольких словах и то по преимуществу в коми-пермяцком наречии: *пашпорт* скр., Л., ок. — „паспорт“, *йаблок* НВ — „яблоко“, *йакор* ок. — „якорь“.

В следующих словах *о* (кб. *ô*) получилось вместо ожидаемого *ӧ* под влиянием севернорусского ударяемого *о* или *у*: *л'ето-*

рос скр. — „годовалый прутик, леторос", *потолок* ок. — „потолок", *уповод* НВ, лет., зд., *упо̂о̂д* кб.; с.-р. *уповод*, *уго̂л* кб. — „угол", см. стр. 174.

в) Абсолютный конец слова

В этом положении севернорусское *о* обычно передается через зырянское *ӧ* (*е*) и пермяцкое *о*:

быт'т'ӧ скр., Л., ок., *быт'тӧ* НВ, *быт'т'е* ок. — „будто" < с.-р. **быть-то*;

д'ивӧ скр. < *диво*;

забеднӧ скр. — „обидно" < с.-р. **забедно*;

инӧ скр. < с.-р. *ино* (частица, обычно безударная);

ладнӧ скр. < *ладно*;

л'ибӧ скр., НВ, уд., иж., *л'ебо* кб., *л'ибо* ок. < *либо*;

л'убӧ скр., *л'убо* ок. < *любо*;

н'обо кб. < *нёбо*;

нарос'нӧ скр., *нарошнӧ* скр., сев., *нарӧшнӧ* кч., *нарошно* ок., кб. < *нарочно*, *naгošno* (Тот.);

олово кб. < *олово*;

пас'ибӧ скр., *пас'ибо* кб. < *спасибо*;

пл'осо кб. < *плёсо*;

полӧкалӧ скр., *полокалӧ* НВ, *полокала* кч. — „пугало" < с.-р. *полохало*;

помоз'ибӧ скр. — „спасибо" (фольклор) < *помози бог*;

свекло̂ скр. — „свекла" < с.-р. (?) **свекло*;

тӧкӧт'ӧ скр. — „чуть-чуть — только-что" < с.-р. **токо штӗ*.

Таким образом, в конце слова в зырянских диалектах обычно *ӧ*, а в пермяцких — *о*.[1]

В целом ряде заимствований в конце слова мы имеем *-а* (*зӧлӧта — золото, места — место* и т. д.). Калима[2] объясняет

---

[1] В кобринском диалекте зырянского наречия вообще в конце слова не может стоять *ӧ*: там и в исконных комийских словах стоит *о* вместо *ӧ* других комийских говоров: *муно* кб., *мунӧ* скр. — „идет".

[2] Kalima. Die russische Lehnwörter im Syrjänischen, стр. 18.

происхождение этого *а* тем, что здесь оригиналом заимствования служила форма род. п. ед. ч. или им. п. мн. ч. (*золота, места, кольца* и т. д.). Но это объяснение применимо не ко всем словам (например, *пуста — пусто, проста — просто*, „даром" и др.). Для объяснения происхождения конечного *а* подобных заимствований следует предположить существование такого севернорусского диалекта, в котором конечное безударное *о* произносилось очень открыто, а может быть, и как *а*. Такое аканье в конце слова отмечено, например, Богородицким в Казанской, Нижегородской и других губерниях („Общий курс русской грамматики", стр. 248). В ответах на диалектологическую программу по Нижегородской губернии встречаем также слова в им. п.: *воскресенья* (ответы 100, 109а), *моря, поля* (ответы 96, 102, 100, 109а, 111а, см. „Труды Московской диалект. комиссии", вып. XI, 1930).

Следующие слова с конечным *а* заимствованы в форме род. п. ед. ч. или им.-вин. п. мн. ч.: *броса* скр. (пшено, просо), *зо́ло́та* НВ скр., Л., *золото* ок. (золото), *шо́на* НВ, уд. (пшено, с.-р. род. п. *пшона*), *гумла, гунна́ — гуна́* ок. (гумно), *шыла* скр., НВ, ок. (шыло), *вина* ком. (вино), *зала* скр., *сало́* НВ, *сала* иж., крч., *сало* ок. (*зало* — условленное место при игре), *д'ела* НВ, *д'ело́* скр., С., ЛЛ, ок., зд. (дело); *ко́л'о́са* скр., *ко́л'еса* Л., СС, *кол'есо* ок. (колесо); *кол'ч'а* скр., Л., зд., *кол'ча* ок., *кол'ич'а* НВ (кольцо); *места* ком. (место); *угод'д'а* уд., *угод'д'о́* скр., *угод'д'о* ок. (угодье); *то́ч'ила* скр., Л., ок. (точило); *ведра* ком. (ведро); *йадра* скр. (ядро); *пасма* скр., НВ, Л., ок., *пасым* уд., вым. (пасмо); *прасла* скр. (прясло); *стада* скр. (стадо); *бел'ма* скр. (бельмо); *права* скр. (право, порядок, режим); *о́ко́н'ч'а* скр. (окно, оконце).

В следующих словах в конце севернорусского оригинала, повидимому, стояло *а*: *во́скрес'ен'н'а* скр., НВ (воскресенье, совр. с.-р. *воскресенье*); *про́ста* скр. (даром); *пуста* скр. (пусто, пустой, порожний); *з'ел'л'а* скр., НВ, ок. (зелье, совр. с.-р. *зелье*); *по́кмо́л'л'а* скр., иж., *по́кмел'л'а* НВ, *покмел'л'а* уд., ок. (похмелье), *повод'д'а* скр. (погода).

г) Безударное *о* в формативе прилагательного *-ой, -овой*

В этих формативах севернорусское *о* передается всегда через *ӧ*, а не через *о*,[1] например:

ашнӧй И., *алошнӧй-алшнӧй* зд., *алӧшнӧй* лет. < *алчный* (жадный);

боковӧй скр., *бӧковӧй* НВ — „посторонний, чужой“ < *боковой*;

алӧй скр., Л., ок. — „алый“ < с.-р. *алой*;

белӧй ком. < *белый* (белогвардеец);

вӧльнӧй скр. < *вольный*;

войеннӧй скр. < *военный*;

дошлӧй скр. — „проворный, дошлый“ < с.-р. *дошлой*;

дубӧвӧй скр. < *дубовый*;

жаднӧй скр. (ругат.) < *жадный, жаднюга*;

карӧй скр. (масть лошади) < с.-р. *карой*;

кӧсӧй скр. < *косой*;

ӧкайаннӧй скр. (ругат.) < *окаянный*;

поводнӧй ыз̌ыд скр. — „довольно, порядочно большой“ < с.-р. *повóдной* — „сговорчивый, уживчивый, покладистый“ (поморск., Подв.);

пӧжарнӧй скр. < *пожарный*;

прӧстӧй скр. < *простой* (несложный);

разнӧй скр. < *разный*;

ран'еннӧй скр. < *раненный*;

районнӧй ком. < *районный*;

рабоч'ӧй скр. < *рабочий*;

розӧвӧй скр. < *розовый*;

сӧветскӧй ком. < *советский*;

с'атӧй скр. < *святой*;

таковскӧй скр., *таковскей* НВ, *такос'кей* лет. (д. Заимка), *такоскӧй* И. < *таковский* (недостойный сожаленья);

---

[1] В языке коми различаются *ӧ*-диалекты и *е*-диалекты. В *ӧ*-диалектах не в первом слоге всегда стоит *ӧ* там, где в *е*-диалектах будет стоять *е*: *мунӧ* скр., С., Л., НВ, ок., *муне* ВВ, иж. В заимствованных словах в *е*-диалектах появляется тоже *е* вместо *ӧ* других диалектов.

уч'онӧй скр. < *ученый*;

ч'ӧлкӧвӧй (рубль) < *целкôвый* (Ряз., В а с.).

Эти *-ой* и *-овой* в языке коми воспринимаются как морфемы родного языка, и последний (*-ӧвӧй*) в пермяцком наречии (а также в кобринском и зюздинском диалектах зырянского наречия) употребляется не только в русских заимствованиях, но служит и для образования прилагательных от некоторых комийских слов (*пу* — „дерево", *пуӧвӧй* — „деревянный", *иӟ'ӟ'ас* — „солома", *иӟ'ӟ'асӧвӧй* — „соломенный"). Впрочем, в пермяцком наречии наряду с *-ӧвӧй* встречается также *-овӧй*.

В севернорусском оригинале мы имеем *-ой*, *-овой* (под ударением *-ôвой*): *белой*, *цêлой*, *послêднёй* (М а н с., Гряз.), sv'atói, bełoi, kosoi, n'omói (Тот.); *tolkôvoi* (Тот.), *пухôвай* (Лека); *дубôвый* (Ряз., В а с.).

Таким образом, севернорусское безударное *о* при заимствовании слов в комийском языке передается обычно через *ӧ*. Сравнительно немногочисленные отступления от этой обычной передачи находят соответствующее объяснение.

Б. Севернорусское ударяемое *о*

а) Ударяемое *о* непервого слога

Севернорусское ударяемое *о* в языке коми передается двояко: чаще через *о* и реже — через *ӧ*. В следующих словах севернорусское *о* передается через *о*:

агроном скр., И. < *агроном*;

богород'итса скр. < *богородица*, *багарôдица* (Лека);

воторн'ик скр., *вовторн'ик* НВ, Л., иж., СС, ок., *уторн'ик* уд. < *вторник*, *офторн'ик* (М а н с., Гряз.), *oftôr'n'ik* (Тот.);

* *ôӱторн'ик* (ср. ком. *вой* скр., *ой* ок. < **ôй* ночь);

весло ок. < *весло*;

гармон'н'а ок., *гармон'н'о* — *гармон'н'ӧ* лет. — „гармошка" < *garmónii̯a* (Тот.);

господ' скр. < господь, *ɣospôt'* (Тот.);

гӧтов скр. < *готов*, *готôвъ* (Пам., В а с.), *gotôf* (Тот.);

докод скр., СС, В., сев., ЛЛ, ок., *доход* кб., зд. < *доход*;

д'евйаносто кб. < *девяносто*;

забота скр. < *забота, zabôta* (Тот.);

забор скр. < *забôр* (Ряз., В а с.);

завод скр. < *завôд* (Тот.), *завôды* (М а н с., Гряз.);

завод'итны скр., НВ, иж., кч., *завöд'итны* уд. — „начать, начинать" < *заводит* (ср. „заводит разговор", т. е. начинает разговор);

завор скр., ок., НВ < с.-р. *завóры* — закладываемый жердями проезд между изгородью полей и пожен (арх., П о д в.);

заход скр., НВ — „уборная, клозет" < ср. *заход, zaxôt* (Тот.);

закон ком. — „закон" < *закôнъ* (Пам., В а с.), *закôна* (род. п.) (М а н с., Гряз.);

замôк кб. < *замок*;

зород ок. — „стог" < с.-р. *зород*;

йогор скр. — „Егор" < *Егôр* (Лека), с.-р. **Ёгôр*;

икота ок. < *икота* (см. стр. 172);

кампорка скр., *канфôрка* кб. < *камфорка*;

кардон скр. — „вид толстой бумаги" < *кардôн* (М а н с., Гряз.);

кол'есо ок. < *kol'ёsô* (Тот.);

кôнôрка кб. — „печурка" < рус. **конôрка* из *конурка*;

л'еторос скр., *л'етöрос* иж., *л'етырöс* кб. — „тонкий прут, выросший за лето" < *леторос*;

л'итовка скр. — „литовка (коса)" < **литôвка* [ср. слова с суффиксом *-ôв-*: *дубôвый* (Ряз., В а с.), *пухôвай* (Лека), *Петрôв* (Ряз., В а с.) и др.];

мил'л'он ком. < *миллион*;

морков ком. < *морковь* и *моркôвь* (по диалектам) (Тот.);

моток, мот ок., *мöтöк* СС < *моток*;

набой скр., *набôй* кб. < *набой* (в лодке);

налог скр. < *налôг* (Тот.);

народ ком. < *нарôд* (М а н с., Гряз.), *нарôдъ* (Пам., В а с.);

нарос'нö скр., *нарошнö* скр., сев., кб., *нарошно* ок., *нарöшнö* кч. — „нарочно" < *narôšno* ∾ *narôsno* (Тот.);

н'ебос' скр. — „небось“ < *не бôйся* (Пам., Вас.), *бôйся* (Ряз., Вас.);

охота ком. — „охота, хочется“ < *ôхôта* (Манс., Гряз.);

Онтон скр. — „Антон“ < с.-р. *Онтôн* (Манс., Гряз., Тот.);

Опон' скр. — „Афоня“ < *ofonáse'i̯* (Тот.);

ôсôка кб. < *осока*;

отвôд кб. < *отвод* (тяга у телеги);

пал'то < *пальто, pal'tô* (Тот.);

парикод скр., *паракод* ВВ — „пароход“ < *paroxôt* (Тот.);

патрон скр., *патрôн* кб. < *патрон* (гильза);

пирог НВ, *пирôг* кб. < *пирôг* (Тот.);

пистон скр., *пистôн* кб. < *пистон*;

ов скр., С., В. — „фамилия (происходит от русского суффикса *-ов*: Петров, Иванов и т. д.)“; *Петрôв, Соколôв, Попôв* (Ряз., Вас.), *P'otrôf* (Тот.);

овна скр., СВ — „отчество женщины (происходит от русского суффикса *-овна*: Петровна и т. д.)“; *P'otrôvna* (Тот.);

перевод скр. < *перевôд* (Тот.);

перевоз скр., НВ < *перевôз* (Тот.);

поводнöй скр. — „порядочный, порядочно“ < *повóдный* (см. стр. 167);

повод'д'а скр., лет. (с. Черемково), *пöгöд'д'а* уд., *погод'д'а* сев., ок., *погод'д'ö* лет. (д. Заимка) — „погода“ < с.-р. *погôдьё*, **повôдья*, ср. *пагýóда* (Трост.); *погодье* сев.-вост. (погода) (Даль);

повост ЛЛ — „село; часть села, где церковь — погост“ < с.-р. **пôвôст*;

погода скр. — „вихрь, ураган“ < погода (буря, мятель, ненастье, повсеместно в Арх. губ., Подв.), *пагýóда* (Трост.);

подков скр., НВ, ок., *пöдкöв* Л., — „подкова“ < *potkôva, potkôf* (Тот.);

подон'ч'а НВ, *пôдôн'ч'а* кб. < *подойница* (посуда для доения молока);

поднос скр. < *поднôс* (Манс., Гряз.);

поклон скр. — „поклон, привет“ < *поклôнъ* (Пам., Вас.), *паклôн* (Лека);

покой скр. — „покой“ < *покôй* (Пам., В а с.);

покон'н'ик скр. — „покойник“ < *pokôi̯nic'ok* (Тот.);

покост скр., *покос* скр., НВ, Л., ок., *пöкöс* уд. < *покôс* (Ряз., В а с.);

полковн'ик скр. < *полкôвник* (Ряз., В а с.);

пôлôз'н'ич'а кб., *пöлöз'н'ич'а* скр. — „василек“; *пöлуд'* (Шх.) ВВ, „дух на хлебном поле“ < *полудница* (привиденье, коим пугают детей, сиб.) (Д а л ь);

потолок СС, ок., *пôтулôк* кб. < *potyłôk* (Тот.);

полой скр., ВВ < *полой* (пролив);

поскот'ина И. < *поскóтина* (пастбище);

престол скр. < *престол* (Пам., В а с.);

приход скр. < *приход* (церкви); *pr'ixôt* (Тот.), *прихôда* (Пам., В а с.);

пробой скр. < *пробой*;

провора скр., *провор* Л. — „толковый, проворный“ < *провор-*

пророк скр. < *прорôкъ* (Пам., В а с.);

пудовн'а скр., уд., Л., СС, И. — „мера сыпучих тел около пуда — пудовня“; суффикс *-ôв*: *Петрôв, Соколôв, дубôвый* (Ряз., В а с.), *пухôвый* (Лека);

ремонт скр. < *ремôнт* (М а н с., Гряз.);

рабоч'ей < *рабочий*; *рабôтают* (М а н с., Гряз.), *robôta* ∾ *robóta* (по диалектам) (Тот.);

рöзбон'н'ик скр. < с.-р. *розбойник, разбôйник* (Лека);

рöсол скр., НВ., уд., *рôсôл* кб., *росол* лет. (д. Заимка) ок. < с.-р. *россол*;

рöштво скр., НВ, *рошво* Л., *рöжество* ок. — „рождество“ < *Рожествó* (Тот.);

садовн'ик скр. — *садôвник* (Ряз., В а с.);

саломчик скр. < *псаломщик*;

самöлов скр. < *самалôв* (Тот.);

собор скр. — „собор (церковь)“ < *собôр* (Пам., В а с.);

ступон скр., *ступен'* НВ, Л., *супон'* ок., *ступон'* зд. < *супонь* онеж. (П о д в.);

с'едло ок. < *седло*;

субота иж., *субо̂та* кб., *субӧта* скр., НВ, *субӧт* уд., *субӧта*= *субо́та* И. < *суббота*;

таковскӧй скр. — „не достойный сожаленья“ < с.-р. *таковской*; суффикс *-о̂вск*: *попо̂вского, бесо̂вский* (Пам., В а с.), *Смирно̂ськие* (Гряз., В а с.), *таковский* — „достойный такой участи“ (Д а л ь);

утор Л. (с. Ношуль), *утӧр* Л. — „выемка для дна в деревянной посуде“; *уторник* Л. (с. Ношуль), ЛЛ, *уторн'ик*= *зауторн'ик* ок. — „инструмент для выдалбливания выемки“ < с.-р. **утро̂р*; *уто́ры* — нарезка в клепках обручной посуды, для вставки дна (Д а л ь);

шором, шӧром П. (Р о г.), *шо̂ро̂м* кб. — „скирда“ < *шоро́мы* прм., сиб. — „составленные в козлы жерди, для просушки в поле гороха“ (Д а л ь, З е л е н и н), *шором* Лойма, Варжа (см. прим. на стр. 195); скр. *с'орӧм* (см. на стр. 192).

В следующих словах севернорусское ударяемое *о* неперво̀го слога передается в языке коми через *ӧ*:

веслӧ скр., Л., *весло* ок. < *весло*;

гудӧк скр., сев. — „гармошка“ < ср. *гудок*;

зорӧд скр., Л., *зород* ок. — „стог“ < *зоро́д* сев. (Д а л ь);

икӧта скр., лет. (ругат.), *икота* ок. < ср. *икота*;

кӧкӧра скр. — „коряга“ < *кокóра* (корень дерева с корневищем) пин., мез. (П о д в.);

кусӧк скр. < *кусок* (Ряз., В а с.);

Микӧла (Николай-чудотворец) < *Микола* (Лека);

ӧдӧл'итны скр. — „одолеть“ < с.-р. *одóлить* (П о д в.);

Ӧдӧт'т'а < с.-р. *Овдотья, Ovdóť'ia* (Тот.);

ӧкӧн'ч'а скр. < *оконце*;

Ӧпрӧс', Ӧпрӧс'с'а скр. < с.-р. *Офросья, opros'ín'ʲia* (Тот.);

Педӧс'с'а скр. < *Федосья*;

перӧ скр. < *перо*;

песӧк ок., ЛЛ., *песок* З. — „сахарный песок“ < *p'osok* (Тот.);

пирӧг скр., Л., ок., *пирог* НВ, *пиро̂г* кб. < *пиро̂г* (Тот.);

пис'мӧ З., *пис'мо* ок. < *письмо*;

пӧдӧн'ч'а скр., Л., *пӧдӧн'ик* уд., *подон'ч'а* НВ, *по̂до̂н'ч'а* кб. < *подойник, подойница* (посуда для молока у доярок);

Пӧкрӧв скр. — „Покров день“ < *Покровъ* ∾ *Покрôвъ* (Пам., В а с.);

пӧскӧт'ина скр., НВ, *поскӧт'ина* Л., *поскóт'ина* И. < *поскóтина* (пастбище);

пӧтӧлӧк скр., иж., НВ, Л., *потолок* СС, ок., *пôтулôк* кб. < *потолок*; „странной представляется форма *potyłôk*“ (Тот.);

садӧк скр., *садок* кб. — „клетка для птички“ < *садок*;

сапӧг скр., сев., кч., И. < *сапôг* (М а н с., Гряз.);

ст'еклӧ скр. < *стёклô* (М а н с., Гряз.);

с'едлӧ З. *с'едло* ок. < *седло*;

уродӻ скр. < *урод*; *оурôдъ* (Пам., В а с.);

ч'еснӧк скр. < *чеснок*.

Из приведенных примеров следует, что ударяемое *о* непервого слога чаще передается в языке коми через *о* и реже — через *ӧ*; при этом в коми-пермяцком наречии, где сохраняется обычно место русского ударения, оно передается почти всегда через *о*. Появление *ӧ* в тех словах зырянского наречия, где имеется свободное ударение, следует объяснить влиянием закона гласных непервого слога, заключающегося в том, что в *ӧ*-диалектах в непервом слоге стоит всегда *ӧ*, а в *е*-диалектах — *е* (а не *о*); поэтому русское *о* перешло или в *ӧ* или в *е*, например: рус. *сапог* > ком. скр. *сапӧг*; иж., ВВ *сапег*.[1]

Так объясняется переход русского *о* в зырянское *ӧ* в следующих словах: *зорӧд*, *икӧта*, *кӧкӧра*, *ӧдӧл'итны*, *Ӧпрӧс'*, *Педӧс'с'а*, *пирӧг*, *подӧн'ч'а*, *пӧскӧт'ина*, *с'орӧм*, *бӧлӧн'* уд., *завӧд'итны* уд., *нарӧшно* кч., *пӧдкӧв* Л., *пӧкӧс* уд., *пӧгӧд'д'а* уд., *сапӧг*, *урӧд*, *перӧ*, *пис'мӧ*, *с'едлӧ*, *весло*. Впрочем, не исключена возможность, что в том севернорусском диалекте, из которого проникли эти слова в зырянский язык, здесь стояло открытое *о*.

---

[1] Впрочем, в зырянских диалектах имеются единичные суффиксы с огласовкой *о* (а не *ӧ*), например: *гӧрдов* — „красноватый“. Может быть, этим и объясняется то, что русский форматив *-ов* в зырянских диалектах сохранился без изменения, т. е. без перехода *о* в *ӧ*: *Пэтров*, *Иванов*, *таковскӧй*, *пудовн'а* и др.

Такое открытое *о*, например, зафиксировано в следующих словах: *Микола* (Лека), *Ovdótĭa* (Тот.), *Покровъ* ~ *Покрôвъ* (Пам., В а с.).

В таких словах, где севернорусское *о* происходит от редуцированного, в зырянской передаче мы видим *ӧ*: *гудӧк*, *кусӧк*, *пӧлӧк*, *пӧтӧлӧк*, *песӧк*, *ӧкӧн'ч'а*. Однако и в этих словах в пермяцком наречии мы довольно часто встречаем *о* (*потолок*), что следует объяснить влиянием коми-пермяцкого уменьшительного суффикса *-ок* (*книгаок* — „книжка"), или же эти слова являются позднейшими заимствованиями.

В общем и целом в севернорусском оригинале тех заимствований, в которых мы на комийской почве имеем *о*, следует предположить существование закрытого *ô*, которое и зарегистрировано в разных русских говорах по отношению большинства заимствованных слов (см. стр. 168—173).

Характерно, что в верхнесысольском диалекте языка коми, где наряду с открытым *о* сохранилась фонема закрытое *ô*, севернорусское ударяемое *о* непервого слога передается через это закрытое *ô*: *канфôрка*, *пôдôн'ч'а*, *отвôд*, *набôй* и др.

Звук *о*, соответствующий севернорусскому закрытому *ô* непервого слога, в языке коми оказал влияние на гласный звук *ӧ* предыдущего слога: произошла ассимиляция в сторону *о*, вследствие чего в безударном слоге на комийской почве вместо ожидаемого *ӧ* получился звук *о*.

В нашем материале имеются многочисленные примеры такой ассимиляции: *богородица*, *воторн'ик*, *господ'*, *Йогор*, *л'еторос*, *морков*, *окота*, *Онтон*, *Опон'*, *поводнӧй*, *повод'д'а*, *повост* Л., *погода*, *подков*, *поднос*, *поклон*, *покой*, *покон'н'ик*, *покост*, *полковник*, *полой*, *пророк*, *робоч'эй*, *росол* лет., *собор*, *мороз*, *корол'*, *пором*, *колоп* и др.; кб.: *пôдôн'ч'а*, *рôсôл*, *кôнôрка*, *ôсôка*, *пôлôз'н'ич'а*, *бôлôн'*, *втôрôй*, *здôрôво*, *кôлôдка*, *пôрôг*, *кôлôда*, *шôрôм*, *мôрôз*, *сôрôка*.

Переход предударного *ӧ* в *о* (*ô*) происходило, повидимому, и под влиянием ударяемого *у*: *докул'* зд. из *дӧкул'*, *пôдушка* кб., *подушка* СС, Л., ок., *ôпушка* кб., *пôдушва* кб., *бокôвушка* кб., *хôлуй* кб., *ôбух* кб.

Весьма возможно, что влияние ударяемого закрытого гласного на открытое *о* предшествующего слога имело место еще в севернорусском оригинале [ср. *ôхôта* (Манс., Гряз.) < *охôта*].

Знаменательно, что в тех заимствованных словах, где в языке коми стоит *ӧ* на месте ударяемого севернорусского *о*, в предударном слоге обычно всегда стоит *ӧ* (а не *о*): *Ӧдӧт'т'а, ӧкӧн'ч'а, пӧдӧн'ч'а, пӧлӧк, ӧдӧл'итны, Ӧпрӧс, пӧкӧс* уд., *пӧдкӧв* Л. *пӧгӧд'д'а* уд., *бӧлӧн'* уд., *мӧтӧк* СС.

б) Ударяемое *о* первого слога

Севернорусское ударяемое *о* первого слога в заимствованиях языка коми передается тоже двояко: через *о* и *ӧ*. В следующих словах севернорусское *о* передается через комийское *о* (в верхнесысольском — также через закрытое *ô*):

боби скр., СС, *бобӧ* НВ, *бобй* ок. — „бобы“ < *bop* (Тот.), сл. *bôb*, чеш. *bob*;

бог дас скр. — „бог даст“ (отказ нищему в подаянии); *бох пӧмач* Лека, чеш. *bůh*, сл. *bôg*;

бок скр., см. *бӧк* (стр. 180);

бол' зд. — „болезнь, боль“ < *боль*, ср. сл. *bôl*;[1]

бобрик скр. (вид ткани) < *bôbr'ik* ∾ *bóbr'ik* (по диалектам) (Тот.);

болон' скр., НВ, иж., Л., ок., *бôлôн'* кб., *бӧлӧн'* уд. — „заболонь“ З., „жесткие пленки мяса“ скр., „диафрагма“ ок. < *болонь, заболонь* — „верхний слой дерева“; „брюшная часть говядины, брюшное, тонкое, худое мясо“ (Даль);

бочка уд., ок., см. *бӧчка* (стр. 180);

брон' зд. — „кисть овса“ < *бронь* прм., *брунь* (? < **брôнь*. — *В. Л.*) — „овсяный колос“ (Даль);

бров иж., см. *брӧв* (стр. 180);

броса скр. < *просо, проса* (род. п.), чеш. *proso*;

[1] В тех случаях, когда в нашем распоряжении не было данных о качестве гласных русского языка, мы привлекали языковый материал из словенского языка (иногда также из чешского). Данные по словенскому языку нами взяты из словаря Bradač, Slovenisch-deutsches Wörterbuch, 1930

вожжи ок., *вожи* ВС, см. *вӧжэи* (стр. 180);

воздух скр., ЛЛ, ок. < *воздух*;

вол'а СС, ок., *вӧл'а* скр., НВ < *вуоля* вятск., *вôле* (Манс., Гряз.), *vôl'a* (Тот.); *ӧ* появилось в *вӧл'а* скр., НВ не под влиянием ли ком. *вӧл'ис'т'и* с первоначальным значением этого слова (*вӧл'-*) „промежуток времени", или, может быть, это слово заимствовано из такого севернорусского диалекта, где было открытое *о*; сл. *vólja*;[1]

вот скр., НВ, ок. — „вот" < *вӯот* (Трост.), *вуот* Вятск.;

вос'ем кб. < *восемь*; сл. *ósem*;

вохра кб. — „охра" < с.-р. *вохра*;

гов И., см. *гӧл'* (стр. 181);

гона ок., *гоны* кч., *гону* зд. — „загон, полоса земли" < *гоны, сл. *gòn*;

горб ок., см. *гӧрб* (стр. 181);

горн'ич'а скр. < *гôрница* (Лека);

грôб кб. — „гроб": *гроб да могила* скр. < *гроб*.; чеш. *hrob*, сл. *gròb*;[1]

грош ок. — см. *грӧш* (стр. 181);

доктор скр., *докту́р* НВ (с. Гам) < *доктор* (врач); *дохтур* (Манс., Гряз., Тот.);

дом НВ — „дом" < *dom* (Тот.), сл. *dôm*;

доч'и зд. — „дочь" < с.-р. *дочи*;

дошлӧй скр. < *дошлый* (проворный); чеш. *došlý*;

збой скр., НВ, иж., ок. — „бойкий" < **збой*; „скопив с собою холопов збоев" (Летопись первая Новгородская; „Памятники истории Великого Новгорода", сборник документов, М.—Л., 1935, стр. 342); ср.: *разбôй* (Ряз., Вас.), сл. *bòj*;

зборн'ик НВ, крч. < *сборник* (род кокошника со сборами назади) (Даль);

зброд ок. < *сброд* (бродяги); сл. *brôd*;

ковта скр., *кофта* кб. < *кофта*;

кожа скр., *кôжа* кб. „чортова кожа" < *кôжа* (Манс., Гряз.); чеш. *kůže*, сл. *kóža*;

[1] В словаре Хостника („Словенско-русский словарь", Горица, 1901): *vôl'a*, *grôb*.

кôзоч'ка кб. — „маленький холщевый кошелек — козочка“ < ср. *кози́чка* ниж. (сумка, денежный кошель) (Даль);

кол'ч'а — „кольцо (не украшение)“ < *кол'ца* (мн. ч.); *кôльцям* (Манс., Гряз.);

кон'ч'итны скр. — „кончить“ < *кôнцылси* (Лека);

конда скр., *кôнда* кб. < *конда* — „иссохшая сосна или ель“ (Пин., Подв.);

копей скр. — „кофе“ < с.-р. *кофей*;

корка скр., *кôрка* кб. — „корка хлеба, обложка книги“ < *кôрка* (Манс., Гряз.);

коска кб. — „кость“; < **коска*; сл. *kôst*;

лопот' скр., Л., ок., *лопöт'* кб., *лöпöт'* уд., СС (ветхая одежда) < *ло́поть* (всякая вообще одеждная рухлядь и носимая одежда, повсеместно в Арханг. губ. — см. словарь Подв.), лопоть арх., вят., сиб. — „верхняя одежда, особ., простая рабочая“ (Даль); уд., СС и кб. формы указывают на открытое *о*;

может быт' скр., *можôт быт* кб., *могöт* уд. < *может быть*, **могёт*;

мол' скр., *мôл'* кб. — „бревна при молевом сплаве“ < *моль, молевой сплав*;

мол'ит'ч'ыны скр. — „ходить крестным ходом“ < *молить̂ся*; *мôлицут* (Лека);

мор скр., НВ, крч. (ругат.) < *мор*; сл. *mòr*;

море ком. < *мо́ре* (Ряз., Вас.), *море* (Пам., Вас.), сл. *morjê*;

ножич' скр., *ножеч'* СС, Л, *нôжеч'* кб., *ножн'ич'* ок. < *нôжницы* (Ряз., Вас.), чеш. *nůž* (нож);

нôрка кб. < *норка* (зверь);

нôша кб. < *ноша*;

окма! скр. < *охма!*

олово кб. < *олово*;

ôмут кб. < *омут*;

повн'итны скр. — „помнить“ < *пôвню, пôмнят* (Манс., Гряз.); *pôml'it'* (Тот.), *пôмнити* (Пам., Вас.);

повод скр., лет., зд., НВ, ок., И., *поôд* кб. — „поводья (в упряжи)“ < *по́вод* (Ряз., Вас.), *póvot* (Тот.);

подволока СС, *подолка* зд., *пöдвöлöка* И. „чердак“ < *подволока*;

под скр., уд., иж. < *пôт* (в печке) (Тоньш.);

пол'ич'а зд., *пол'ич'ка* зд. — „полка, полочка“; *йэн пôлка* кб. — „божница“, букв. „божья полка“ < *полка*;

пол'о кб. < *поле*; сл. *pól'je*;

помеч' скр., Л., НВ < *бох пóмач!* (Лека), *пóмощь* (Пам., Вас.);

поп ком. < *пу̑оп* Вятск., *рôр* (Тот.);

пореч' : *рос пореч'* — „связка в вениках, снопах“ < ?[1]

пороз скр. — „бык холощенный“ < *пороз* сев., вост. (Даль);

порон' кб. — „березняк в сыром месте“ < ?[1]

потка кч., *пôтка* кб., *пöтка* скр., сев., лет. (д. Заимка) — „дичь“ < *пу̑отка* Вят.; *ö* в ком. *пöтка* под влиянием ком. *пöт* (сытый)? др.-р. *пътъка-потъка* — „птица“ (Срезневский, Материалы);

порч'а НВ — „майский жук“ < ?[1]

пот'ч'ика кч. — „подсека“ < с.-р. *потсика*;

пострев И. — „личинка какого-то насекомого“ < ?[1]

почва НВ, СС — „подошва обуви“, см. *пöчва* (стр. 183);

поч' Л. — „почка на деревьях“, *поч'а* НВ, СС — „сережки ивы“ < почка;

поч'ки: *вöрк-поч'ки* скр., *поч'ка* кб. < *пóчка* (Гряз., Вас.);

поч'ч'уйтны ок. < *потчевать*;

проба скр. < *проба* (на металлическом изделье); чеш. *průba*;

пробка скр. — „пробка“ < *прóрка* (Тот.);

прок лет., ок. — „выносливость, сила“ < *прок*;

прос'итны скр. < *прôсит* (Манс., Гряз.), *пру̑осим* Вятск.;

прос'т'ен' ок., зд. < *простень* арх., влгд., твр., тул. (веретено с пряжей) (Даль);

протож НВ — „иголка с отломанным ушком“ < **протож*;[1]

проч' скр. — „совсем, совершенно“ < *пру̑очь* Вятск., *прôч* (Тот.);

---

[1] Слова звучат не по-комийски; севернорусского оригинала мне не удалось найти.

прошва = прошви скр., *прошва* ок. — „кружева“ < *прошва*;

рожа скр., *рôжа* кб. — „лицо“ < *рожа*; *rôža* (Тот.);

розöвöй скр. < *рôзовый* (Ряз., Вас.);

рôмушка кб., *ромок* лет. (д. Заимка) — „тряпка“ < **кромок*; ср. *крóмка*, *крóмица* (край, кайма, рубежная полоса, из суконных кромок плетут половики) (Даль);

рошша Л., кч. < *роща*;

сход < *сход*; *sxôt* (Тот.);

скон скр., *кон*, *сконйавны* НВ, ВВ, иж., *конйавны* скр. — „подставить ногу“ < *кон*, сл. *кóпес* — „конец“;

соритны Л., печ., зд., ок., ВС, *сôритны* кб. — „доносить, ябедничать“ < *рассорить*, *ссора*;

сорок кб. < *сорок*;

спор скр. — „*спор*“ < *спôрить* (Ряз., Вас.);

ствол скр., *свôл* кб. < *ствол* (у ружья);

стол скр. — „парта“, *стôл* кб. — „плочка, фигура при игре в лодыжки“ < *стôй* (Манс.), *стôл* (Тот.);

столб скр. — см. *стöвб* (стр. 184);

строк скр. — „срок“ < с.-р. *строк*, *срôк* (Ряз., Вас.), *срôки* (Пам., Вас.);

ток ВС — „гумно“ < *ток*;

тол'ич' скр., Л., кч. — „вид пырея“ < **толец*;

тол'кö скр., *тôл'ко* кб., *töл'кö* уд. — „только“ < **туолько* Вятск., *tol'kö* (Тот.);

тор кб. — „вытоптанное место около лесных избушек“ < **тор*, ср. *проторенный*, *на торý* Сольвычегодский уезд Вологодской губ. (на проезжей дороге) (Обнорский. Именное склонение, стр. 171);

Тот'ма (город Вологодской области) < *Tôt'ma* (Тот.);

точ'ка скр. < *тóчка* (Гряз., Вас.), ст. сл. *тъчька;*

Троитса скр. < *Трôица* (праздник) (Лека);

тройка ком. — „тройка лошадей“ < *trôi̯ka* (Тот.);

трос Л. — „снасть из проволоки“ < *трос* (морская веревка) (Даль);

школа ком. < *шкôла* (Ряз., Вас.);

шмон'итны скр. Л. < *шмо́нить* ол., влгд., прм., сиб. (шутить, зубоскалить) (Даль);

шмот'ӧ скр. < *шмоть* (оборванец, сволочь — повсеместно в Арх. губ.) (Подв.);

шойдан, шойдан'н'ик НВ, *шойдан'ик* ЛЛ, СС — „плохая, ветхая одежда"; „обувь" ЛЛ; „худой человек" СС; *шойдан'н'ик* вым. — „бродяга, оборванец" < *шо́йдан, шо́йданник* — „рабочий зипун" вост.-сиб., *шойдать, обшойданить* (чинить ветхую одежду) влгд., сев. (Даль); корень слова в свое время был заимствован из языка коми, где стояло закрытое *ô* (ком. *шой*, см. стр. 192);

шомпур скр. < *шомпол*;

шофра кб. — „еловый лес с болотистой почвой" < *шо́хра, шохра́* костр., зап. (лес по болоту) (Даль).

В следующих словах севернорусское *о* передается через *ӧ*:

бӧк НВ, уд., *бок* скр., П. (Рог.), ВК — „сторона, бок" < bok (Брок), чеш. *bok*, сл. *bòk*;

бӧкӧвӧй НВ, *бӧкӧвей* уд., *бӧкевей* иж., *бокӧвӧй* скр., *боковушка* П. — „боковушка; чужой, посторонний" < *боковой*; ср. *bok* (Брок);

бӧл'е скр. — „более, боле" < с.-р. *боле*; это слово в языке коми употребляется в роли послелога; поэтому *ӧ* могло выработаться из *о* на почве языка коми; сл. *bòlj* — „больше";

бӧч'ка скр., НВ, иж., *боч'ка* уд., ок. < *boc'ka* (Тот.), ст.-сл. *бъчика;*

брӧв НВ, уд., Л., кч., *бров* иж. — „наличник над окном, ставни" < ср. бровь; *brof* (Тот.);

брӧд ва скр. — „насквозь мокрый" (*ва* — „вода, мокрый") < ср. *брод*, чеш. *brod*, сл. *brôd*;

брӧд'н'и скр. < бродни (вид сапог); ср. *зброд* (стр. 176), см. предыд. слово;

брӧн'дӧ НВ — „клевер" < **броньдо*; ср. *бронь* (колос, свислый кистями в одну сторону) (Даль);

вӧжӡи скр., сев., *вожи* ВС, *вожжи* ок. < *вож'з'и* (Манс., Гряз.), *vož(d)žy* (Тот.);

вӧр скр., НВ, иж. < *вор* (Тоньш.);

вӧрван' скр. — „медвежье сало" < *ворвань*;

гӧбӧч' скр., *гӧбеч'* Л., ок., *гӧлбеч'* лет., зд., *гӧлбӧч'* НВ, СС, *гӧлбыч'* зд. — „подполье" < с.-р. *голбец'*, *гоўбец'*;

гӧлч'итны скр. — „болтать" < *голчить* (громко с оживлением говорить) поморск. (Под в.);

гӧл' скр., НВ, уд., Л., *гӧл* кч., *гов* И. — „бедный, голь" < *гол*, сл. *gòl*;

гӧл'ик СС, НВ < *голик* — „веник без листьев", см. предыд. слово;

гӧрб скр., НВ, уд., *горб* ок. < *горб*;

гӧрна Л., *горно* ок. < *горн*;

гӧс'т, *гӧс'* < *гость* (Лека), *gos'* (Тот.);

грӧш З., *грош* ок. < *грош* (Ряз., Вас.), чеш. *groš*, сл. *grȍš*;

двӧн'н'о скр., *двойн'и* НВ < *двóйни* (близнецы) (Даль);

дӧвг Л., *долг* кб. < *долг*;

дӧвед' НВ — „шашки" < *дóведь* (дамка в шашечной игре) (Даль);

дӧстал' ЛЛ — „привозные красные нити, употреблявшиеся раньше как украшение" < *дóсталь* вятск. (красная прядёная бумага) (Даль);

дрӧб скр., уд., иж., НВ, *дроб* кб. < *дробы*; *drop* (Тот.);

дрӧгн'итны скр., ок., зд. < *дрогнуть*; *droš* (Тот.);

дрӧж скр. — „озноб" < *droš* (Тот.);

звӧз скр. < звоз (бревенчатый подъезд в сарай, повсеместно в Арх. губ.) (Под в.); сл. *vóz* (воз);

звӧн скр. < *звон* (Трост.), сл. *zvón*;

зӧбн'а скр. < *зóбня* (плетеная из лучины корзинка) холм., пин., шенк. (Под в.), *зобьня* — „мера сыпучих тел" (Срезневский. Материалы);

зӧб скр. — „зоб", см. предыд. слово;

кӧбӧт Л. — „обод колеса"; ср. *хобот*;

кӧбрӧг, см. *пӧгрӧб*;

кӧзла скр., НВ, Л., *козва* И. — „козлы (в экипаже)" < *козлы*, сл. *kózel*;

кӧзыр скр. (в картах) < *козырь*;

кӧрен' скр., НВ, Л., *корен'н'ик* И. — „лошадь в паре или тройке" < *корень*, сл. *korên*;

кӧрым скр. — „средства, отпускаемые на содержание нетрудоспособных родителей" < ср. *корм;*

кӧт' ком., *хӧт* кб. < *хоть* (Тот.), *хуоть* (Трост.); в языке коми слово употребляется в роли послелога; поэтому (в силу закона суффиксальных слогов, см. стр. 173) *ӧ* из *о* могло выработаться на почве языка коми;

кӧчка ок., лет., *кочка* ок. — „островок, остров" лет. < *кочка*;

кӧш ком. < *ковш*; * *коўш*;

крӧшки скр., *крӧшка* П. (Рог.) < *крóшка* (Ряз., Вас.);

лӧж скр., НВ, иж. < *ложь*, *loš* (Тот.);

лӧшка НВ, *лошка* иж. < *ложка*; *лошка* (Лека);

лӧм скр., *лом* П. (Рог.), *лом* (орудие) < *лом* (Ряз., Вас.), сл. *lòm*;

лӧпӧт уд., СС, см. *лопот'* (стр. 177);

лӧс' СС, ЛЛ, *лос'* ок. — „лось", *лос'* зд., кч. — „Большая медведица (созвездие)" < *лось*, чеш. *los'*;

ӧбл'ик скр. — „очертание лица" < *облик*, сл. *oblič̌je*;

ӧбраз скр. — „икона" < образ, чеш. *obraz*; сл. *obràz*;

ӧвада скр. — „оводно, много оводу" < *овод*;

ӧзи'м ком. < *озимь* (всходы); чеш. *ozim*;

Ӧ'льга скр. < *Ольга*; *Ól'ja* (Тот.);

ӧс' ЛЛ, ок., *ос'* кб. < *ось*, чеш. *os*, сл. *ós*;

Ӧс'ип скр. < *Осип*;

ӧч'ередь скр. < *очередь*;

ӧшл'ад' скр., *ӧс'л'ед'* зд. — *óследь* (длинное бревно) вятск. (см. „Живая старина", т. III, IV, 1898), *ослядь* (толстая жердь, бревно) „Новгородская вторая летопись", 7077 (Срезневский); ср. *сложить*, *слягу*, *слега* (*о* — приставка?);

плӧт'н'ик скр. < *плотник* (Лека);

плӧшчад' скр. < *площадь* (Ряз., Вас.);

плӧч' скр. < *плочка* (фигура при игре в бабки или лодыжки);

пӧгрӧб-кӧбрӧг скр. < *пóгреба* (Ряз., Вас.), *pôgr'ȯp* (Тот.);

кóбрек Сольвычегодский уезд, Вологодской губ. („Труды Московской диалект. комиссии", вып. XI);

пӧлӧк Л.—„широкая полка в лесной избушке для спанья“ < *пóлок* (Обнорский, Именное склонение, стр. 158);

пӧл за скр. < *польза*;

пӧдат' ЛЛ < *подать* (налог);

пӧстат' — „полоса нивы“ < *постать*;

пӧшта лет. (ч. Черемково), *пошта* скр., НВ, ок. < *почта*; **пошта*;

пӧчва скр., *почва* НВ, СС — „подошва“ < **почва*;

прӧруб скр. < *проруби; пролуби* (Лека);

прӧс'ек скр. < *просека*;

прӧста скр., уд. — „даром“ < *просто* (Пам., Вас.; Ряз., Вас.); сл. *pròs't „frei“*;

прӧстын'а скр. < с.-р. *прóстыня*;

рӧв: рӧвӧ шыбитны скр. — „бросить в ров“ < *ров* (Тот.);

рӧвнӧй скр. < *ровный* (Ряз., Вас.);

рӧдвуж скр., уд., иж., НВ — „родня, род“ (*вуж* — „корень“) < *rot* (Тот.);

рӧд П. (Рог.) — см. предыд. слово;

рӧзвал' скр., НВ, уд., Л. < *розвальни*;

рӧк скр. — „судьба, рок“ < *рок*;

сквӧз' скр. < *сквозь;*

скӧн' НВ (с. Гам)—„совершенно, совсем“ < **сконь*; ср.: *конец, окончательно;*

скӧр кч. — „моль“ < *скорь* ниж. (шубная моль) (Даль);

скӧр скр., НВ, иж., уд. — „сердитый, вспыльчивый“ < ср. скорый, *скор*; сл. *ckôrni* — „скорый, злой“;

скӧт скр., НВ, иж., уд. < *скот*, чеш. *skot*;

скӧч'ки ВС — „кочка“ < *кочки;*

слӧй скр., НВ, Л. < *слой;*

слӧт НВ, *слӧта* СС — „крупные хлопья снега“ < *слота́, слоть* вост., южн. (мокрый снег и т. д.) (Даль);

снӧп Л. < *сноп*; сл. *snòp;*[1]

сӧк скр., кч., НВ — „конопляный сок“ < *сокъ* (Пам., Вас.), сл. *sók;*[1]

---

[1] В словаре Хостника: *snôp, sôk, stròj*.

сӧкӧл скр. — „сокол“ < *сокылы* (Лека), чеш. *sokol*, сл. *sókol*;

сӧник скр., Л., *сӧнык* НВ, *сӧнӧг* ок., *стӧног* кч. — „талый снег“ < **соног*, ср. *снег* < ? *сънѣгъ*;

Сӧпйа скр. < *Софья*;

сӧч'ен скр., НВ — „пресная лепешка“ < *сочень* (пресная, в виде засушенного блина, лепешка) ахр., холм., пин., шенк. (Подв.) (происходит от „сок“?), *сокъ* (Пам., Вас.);

стӧг уд., НВ — „стог, куча соломы“ < *стог*, чеш. *stoh*, сл. *stȍg*;

стӧвб Л., *стӧб* ок., *столб* скр. < *столб*; сл. *stólp*;

стӧч' скр. — „как раз, впору“ < ср. *точь-в-точь*, ст.-сл. *тъ чьно*;

стрӧг скр. — „строгий“ < *strok* (Тот.), *стро́гий* (Ряз., Вас.);

стрӧитны скр., *строитны* Л. < *строить*;

стрӧйка НВ — „жена дяди“(?): *стрӧйка да бабка* (фолькл.) < с.-р. **стройка*; др.-р. *стрый*, *стрый* (Соболевский. Лекции, стр. 231);

тӧкӧт'ӧ скр., уд., НВ, иж. — „чуть-чуть, едва“ < ср. *только-что*, с.-р. **токошто*;

тӧлк скр., НВ, ок. — „толк, порядок“; *тӧлка* скр., уд. — „с толком, толковый“ < *толк*;

тӧшчӧ скр. — „порожний“ < ср. *тощий*, ст.-сл. *тѣшть*.

Здесь нами приведено свыше 150 примеров на ударяемое *о* первого слога. Из них около 30 слов имеют в оригинале закрытое *о* и около 50 слов — открытое *о*. О качестве севернорусского гласного *о* остальных примеров в нашем распоряжении нет данных. В тех заимствованиях, в которых качество севернорусского *о* нам известно, наблюдаются следующие закономерности.

1. Севернорусское закрытое *ô* в кобринском диалекте передается через закрытое *ô* (*гро̂б*, *ко̂жа*, *но̂жэч*, *по̂тка*, *ро̂жа*, *сто̂л*, *то̂л'ко*), а севернорусское открытое *о* — обычно через открытое *о* (*грош*, *поч'ка*, *долг*, *дроб*) и лишь иногда — через *ӧ* (*хӧт'*).

2. В остальных комийских диалектах севернорусское закрытое *о̂* передается через *о* (за единичными исключениями): *бобрик, вол'а* СС, ок. (*вӧл'а* скр., НВ), *вот, горчитса, гроб, кожа, кол'ч'а, конч'итны, корка, мол'ит'ч'ыны, ножич', повн'итны, под, поп, потка* кч. (*пӧтка* скр., сев., лет.), *прос'итны, проч', рожа, розӧвой, скод, стол, строк, тол'кӧ* скр. (*тӧл'кӧ* уд.), *Тот'ма, Троица, тройка, школа.*

3. Севернорусское открытое *о* в зырянских диалектах (за исключением кобринского) обычно передается через *ӧ*: *бӧк* НВ, уд. (*бок* скр.); *брӧв* НВ, уд., Л. (*бров* иж.), *вӧжжи* скр., сев., *грӧш, бӧч'ка* (*боч'ка* уд.), *брӧд, вӧр, дӧвг, гӧст, дрӧб, дрӧж, звӧн, зӧб, кӧт', крӧшки, лӧж, лӧшка* (лошка иж.), *лӧм, прӧста, рӧв, сӧк, сӧкӧл, рӧд, стӧг, стрӧг, Ӧл'га, прӧруб, пӧгреб, пӧл'за* и др. Однако иногда мы видим замещение севернорусского открытого *о* и через зырянское *о*: *боби, доктор, море, повод, помэч', пороз, почка, пробка, точ'ка.*

4. В пермяцких диалектах на месте севернорусского открытого *о* мы видим наряду с *ӧ* часто также *о*: *грош, лом, гов* и т. д.

Колебание между *о* и *ӧ*, наблюдаемое в территориально близких диалектах, можно объяснить тем, что они восходят к разным севернорусским диалектальным вариантам (с открытым или закрытым *о*) например: *бӧк* НВ, *бок* скр.; *лопот'* СС, *лӧпӧт'* СС, уд., *вол'а* СС, *вӧл'а* скр., НВ, *тол'кӧ* скр., *тӧл'ко* уд.

Из приведенных примеров (см. стр. 158—184) видно, что севернорусское безударное *о*, как правило, передается в комийском (в особенности в зырянском, исключая кобринский диалект) языке через *ӧ*. Исключения из этого общего положения находят свое объяснение.

Севернорусское ударяемое *о* непервого слога чаще передается комийским *о* и реже — *ӧ*. Передачу этого *о* через *о* нужно считать более обычной: в коми-пермяцких диалектах, где сохраняется обычно место русского ударения, оно передается почти всегда через *о*. Появление *ӧ* в этих словах зырянского наречия, которое характерно свободным ударением

(вследствие чего место ударения в русских заимствованиях не сохраняется),[1] нужно объяснить влиянием закона гласных непервого слога, заключающегося в том, что в *ӧ*-диалектах в непервом слоге стоит всегда *ӧ* (а не *о*), а в *е*-диалектах — *е*;[2] поэтому русское *о* на комийской почве перешло или в *ӧ* или в *е*, например, рус. *сапог* > ком. *сапӧг* скр., *сапег* И., ВВ и т. д.

Ударяемое *о* первого слога в языке коми одинаково часто передается через *о* и через *ӧ*; при этом в соответствии с диалектным русским закрытым *ô*, в языке коми обычно встречаем *о*, а в кобринском диалекте — закрытое *ô*; в соответствии же русскому открытому *о* в языке коми (в особенности в зырянском наречии) обычно звучит *ӧ* (в кобринском диалекте — также *о*).

Правда, во многих случаях мы не можем определить, какое *о* было в оригинале (в Тот. и др. нет этих слов), но вышеприведенный материал как-будто дает основание предположить существование в севернорусском оригинале закрытого *ô* в большинстве тех заимствований, в которых язык коми (в особенности зырянские диалекты) имеют *о*. Во всяком случае это закрытое *о* и теперь встречается на широкой территории русского языка: „В говорах частей Тотемского, Кадниковского, Никольского и Грязовецкого уездов Вологодской губернии, повидимому, значительной части Вятской губернии и, быть может, в некоторых других местах ударяемое *о* старое (не из *ъ*) при известных условиях произносится очень закрыто, близко к *у* или как дифтонг *у͡о*; в остальных говорах восточной группы эта особенность или отсутствует или не отмечена собирателями. Условия перехода *о* в очень закрытое *о* или *у͡о* в общем одинаковы во всех этих говорах: этому изменению подверглось всякое *о* старое не в первом слоге, а в первом слоге и в односложных словах — только то *о*, на котором в древнейшую эпоху

[1] При свободном ударении все же наблюдается определенная тенденция ставить ударение на первый слог, вследствие этого в русских заимствованиях обычно оно стоит на начальном слоге.

[2] См. стр. 173 настоящей статьи.

было восходящее ударение: *сёлу͡о, коры͡ова, навы͡оз, пы͡оп, ку͡ожа, ну͡осишь,* но *сло́во, во́ду, по́ле*“ („Опыт . . .“, стр. 23).

Примеры следующего раздела определенно указывают на связь комийского *о* и *ӧ* (в заимствованных словах) с типами ударения русского языка древнейшей эпохи.

В. Севернорусские слова с полногласием *(-оро-, -оло-)*

Русские слова с полногласием можно разбить на две группы: а) слова с первоначальным восходящим ударением, давшим в восточнославянских языках *-оро́-, -оло́-*, и б) слова с первоначальным нисходящим ударением, давшим *-о́ро-, -о́ло-*.

а) Заимствования, имевшие восходящее ударение

Севернорусское *-оро́-, -оло́-* в языке коми обычно передается через *-оро-, -оло-*, а в кобринском диалекте — через *-ô͡рô-, -ô͡лô-*

волога СС, ВС (? *вô͡лô͡га* ВС) — см. стр. 188;

воронка скр. < *воронка*;

дорожка скр., *дорошка* ок., < *дорожка* (столярный инструмент);

здоров скр., лет., ок., *здорово!* скр., *здô͡рô͡во!* кб. < *здоров, здорово! здарӯ́ва!* (Т р о с т.);

коловорот скр., *колнӧворот* НВ, *коноворот* Л., ок. < *коловорот* (столярный инструмент);

колода скр. < *колода* (карт);

колода скр., Л., ок., *кô͡лô͡да* кб. < *колода* (гниłое, толстое лежащее дерево);

колодка скр., *кô͡лô͡дка* кб. — „колодка“ скр., „обрубок дерева“ кб. < *колодка*;

колод'еч ок., зд. < *колодец*;

колоп скр. — „валет (в картах)“ < рус., ср. *холоп*;

корол' скр. < *король*; *korô͡l'* (Т о т.);

коромина: керка коромина скр. — „корпус избы“ (кэрка — „изба“) < *хоромина;*

короста ок. < *короста*;

молошн'ич'а скр., НВ, *молос'н'ич'а* СС, *молос'н'ик* ок. — „посуда для молока к чаю“ < *молошница*, *молошник*; ср. *моло̂шной* (Манс., Гряз.);

мороз скр., *мо̂ро̂з* кб. < *мороз*, *моро̂s* (Тот.);

полоха кч. — „зарницы“ < *споло́ха* сев.-сиб. (северное сияние) (Даль); *спо́лохи*, *спо́лох* арх. (северное сияние) (Подв.);

полокалӧ НВ, *полокала* кч., *полӧкалӧ* скр. < *поло́хало* сев. (пугало, чучело на огороде) (Даль);

полошитны скр. < *поло́шить*, *пӧлӧши́ть* (пугать, нарушать покой и т. д.) (Даль);

порог скр., НВ, ок., *по̂ро̂г* кб., *пӧрӧг* уд. — „порог (в двери)“ < *порог*; *поро̂г* (Манс., Гряз.); уд. *пӧрӧг* восходит к севернорусскому оригиналу с открытым *о*;

пором скр. — „затор, запруда“; *поромитны* — „устроить запруду“ < с.-р. *пором*, *рогôт* (Тот.);

со̂ро̂ка кб., *сорока* лет. < *соро́ка* (головной убор);

сороч'ка скр., — „белый накрахмаленный воротничок“; „флюгер“ < ср. *соро́чка* волж., сиб. (флюгер) (Даль); сорочка;

толоч'ка вым. (Сид.) — „старинный женский головной убор“ < с.-р. **толочка*.

б) Заимствования, имевшие нисходящее ударение

вӧлӧга скр., НВ, *вологa* ВС (? *во̂ло̂га* ВС), СС — „харч“ < *воло́га* влгд. (скоромное, жидкое съестное, похлебка, варево, но не питье и т. д.), *воло́жный* ряз., тмб., арх., костр. (жирный, масленый, сдобный и т. д.) (Даль); ст.-сл. *влага*. Заимствования восходят к севернорусским оригиналам с разным местом ударения. Ср. также: *во́ложь* — сало, жир на животных; *во́ложный* — жирный, масленый, сдобный (Подв.);

Вӧлӧгда ком. < *Во́логда* (город), слово карело-вепского происхождения, могло быть воспринято как слово с полногласием, этимологизировано (ср. *волок-да*);

вӧлӧк скр., НВ — пространство между населенными пунктами (по дороге) < *волок*;

вӧлӧс't скр. — „волость, село“ < *волость*;

вӧлӧт' Л., ок., *вӧлӧтка* зд. — „стебель"; *вӧлӧт': йурс'и вӧлӧт'* Л. — „прядь волос" (*йурс'и* — „волосы") < *вóлоть, волóтка* (нить, жилка, волокно, растительное или животное; стебель, стебелек, былинка, соломинка) (Даль);

вӧрӧг — „враг" < *ворог;*

вӧрӧк скр., НВ, Л., СС, *ворок* ок. — „куча зерна на току" < *ворох;*

вӧрӧт — приспособление для тяги тяжелых предметов: *вӧрӧтӧн кыскыны* скр. — „тянуть воротом" < *ворот;*

гӧлӧв кч., зд., *голов* ок. — „головель" < **головль;*

гӧлӧс скр., НВ, Л., *голос* ок. < *голос;*

зӧлӧта скр., НВ, Л., *золото* ок. < *золото;*

кӧлӧкӧл скр., иж., ок. < *колокол;*

кӧлӧб скр., НВ, Л. < *колоб, колобок;*

кӧлӧс зд. < *колос;*

кӧрӧб скр., *короб* ок. < *короб;*

мӧлӧт скр., уд. < *молот;*

пӧрӧк уд., *порох* кб., *порок* ост. ком. < *порох; пӧрӧк* уд. нужно считать более поздним заимствованием (см. 194);

свӧлӧк скр., НВ, уд., Л., *сволок* ок. < *сволок* (вал для основы ниток, арх., „Труды Московской диалект. комиссии", вып. XI);

стӧрӧж скр. < *сторож;*

тӧлӧк Л. — „след саней, сворачивающий с дороги" < **тóлок*, ср. *толочь; толок* (чурбан с ручками для утолоченья земли); *толокá* арх. (полудровни для таски бревен из лесу) (Даль).

Таким образом, слова с полногласием типа *-олó-, -орó-*, с одной стороны, и *-óло-, -óро-*, — с другой, в языке коми (по крайней мере, в зырянском наречии) передаются различно: *-олó-, -орó-* передается через *-оло-, -оро-* (в верхнесысольском, в частности кобринском, диалекте, где имеется закрытое *ô*, через *-ôлô-, -ôрô-*), а русское *-óло-, -óро-* — через комийское *-ӧлӧ-, -ӧрӧ-*. В заимствованиях первого типа в с.-р. оригинале было закрытое *о*, а в словах второго типа — открытое *о*. Закрытое и открытое *о* в словах с полногласием отмечены многими авторами.

Различие в ударении в этих словах, сохранившееся в некоторых южнославянских языках (например, сербском: *прâг, мрâз, клâда; глâс, злâто, клâс, врâт, влâк*) и в русском языке в целом (здесь оно выражается местом ударения), в тех северно-русских говорах, откуда эти слова проникли в язык коми, выражено более полно — не только местом ударения, но и качеством гласных: слова с восходящим ударением[1] дали закрытое *ô* (с.-р. *мôрôз* > ком. *мороз, мôрôз* кб.), а слова с нисходящим ударением дали открытое *о* (с.-р. *стóрож* > ком. *стӧрӧж*).

Двоякая передача севернорусского *о* в словах с полногласием наблюдается и в тех заимствованиях, в которых ударение падает не на полногласное сочетание (*-оло-, -оро-*).

Слова с комийским *-оло-*:

волокуша зд. — „телега одноколка“ < *волокуша*, ср. *волóчь;*

воробей НВ, печ., ВС (Шх.), ок., зд., *воробей* П. (Рог.) < *воробей*, ср. *воробышек;*

вороно̀й скр., *воронко* скр. — „лошадь черной масти“ < *воронкó, вороно̀й*; ср. *воро̀нишь;*

ворон'еч лет., НВ, СС, крч., *варен'еч* кч. — „волчьи ягоды“ < *воронец* сев.-вост. (вороньи ягоды, сорочьи ягоды и т. д.) (Даль);

ворот'н'ик скр. < *воротник;*

городки скр., ок., Л. < *городки;*

дорожитны скр., *дорожытны* ок. — „строгать дорожкой“ < рус., ср. *дорóжка.*

Слова с комийским *-ӧлӧ-*:

кӧлӧкӧл'н'а скр. < *колокольня*, ср. *кóлокол;*

кӧрӧвай (коврига хлеба) СС, (оладья) зд. < *коровай;*

кӧрӧмы̀сла-коромы̀сла ок. < *коромысло;*

мӧлӧйч'а уд. < *молодица*, ср. *мóлод;*

нӧрӧвитны скр. — „подождать, погодить“ < с.-р. *поноровить*, ср. *нóров*;

---

[1] О влиянии ударяемого *о* на предударный см. стр. 174 настоящей статьи.

навӧлӧка НВ < *наволок* („прибрежный луг“, холм., пин., шенк., мез.) (Подв.);

Сӧлӧвки < *Соловки;*

тӧрӧкан скр. — „таракан“ < *torokan* (Тот.), др.-р. *тороканъ.*

Однако в некоторых заимствованиях мы видим необычную передачу:

молод'еч' скр. — „молодец (похвальное слово)“ < *молодец; мо̂ладец* (Лека);

полоз Л., ок. < *по́лоз*, сл. *pláz*;[1]

порох — см. *пӧрӧк*, стр. 189, сл. *práh* — „пыль“.[1]

Вероятно, в последних двух словах еще в севернорусском оригинале выработалось закрытое *о̂* под влиянием начального *п* (ср. также *пороз, повод, помочь*, где вместо ожидаемого *ӧ* появляется в комийском языке *о*).

Г. Комийские заимствования в русском языке

ворга арх., сиб. (протоптанная в лесу тропинка, длинное углубление в земле и т. д.) (Даль, Подв.) < ком. *ворга* (длинное углубление) < **во̂рга;* ср. *вор, о̂р* кб. (корыто);

орд влгд. — „привидение, тень, призрак покойника“ (Даль) < ком. *орт, о̂рт* кб.;

цӗмор-ц'о́мор (чорт, леший) с. Марьегорское Архангельской губ. и уезда, б. Пинежский уезд Каргопольской волости („Труды Московской диалект. комиссии“, вып. XI), *чёмор* прм., черд. — „дьявол, нечистый“; *че́мер* — „макушка головы, темя; чуб; головная боль; боль в животе; конская болезнь“ (Даль) < ком. *ч'омор* И. — „чорт (бранное слово)“, *ч'омӧр* Л. — „скупец“ (устаревш.), *ч'емер* кб., лет. — „головная боль, мигрень“; *ч'омӧр* скр., НВ, Л., крч., *ч'омор* лет. — „обрядовое кушанье после сбора урожая; празднование после молотьбы“; ср. *ч'ом* (др.-п. *ч'о̂м*) — „шалаш, палатка, охотничья банька“ (первоначальное значение *ч'омӧр* — „домовой“?);

[1] В словаре Хосгника *plâz, prâh;* не стояло ли в этих словах русского языка ударение на втором слоге?

чум — „летняя изба“ и т. д. вятск. (Даль) < ком. *ч'ом*, др.-п. *ч'ôм* — „шалаш, клеть“ и т. д.;

чункас прм. (Даль), *чумкас* (Шренк) < ком. *ч'омкост* сев. — „мера длины, расстояние между двумя охотничьими избушками, 5—8 км“ (*ч'ом* — охотничья избушка, *кост* — промежуток);

шóедь — „оборванцы“ влгд., *шóйдан* — „рабочий зипун“ сиб., *шойдать* — „чинить ветхую одежду“ влгд., сиб. (Даль) < ком. *шой*, *шуй*, *шôй* ВС — „падаль, труп“, в сочетаниях также — „рвань“: *гач' -шой* — „штаны-рвань“, *пал'то-шой* — „пальто-рвань“;

шорóм — „скирда“ Лойма, Варжа (см. прим. на стр. 195), *шорóмы* [жерди для просушки гороха, сиб. (Даль) и т. д.] < ком. *с'орõм*[1] скр., *с'ором* Л., кч. — „скирда“; ср. ком. *с'ор*, *с'ôр* кб. — „шест“; как показывает обратное заимствование из русского в комийский язык, рус. *шором* имело закрытое *о* (*шôрôм* кб.).

Во всех этих словах при заимствовании в комийском оригинале стояло, повидимому, еще закрытое *ô*, которое передано было севернорусским закрытым *ô*; впоследствии это *ô* заменилось открытым *о* как в комийском языке, так и в севернорусских диалектах (*ворга*, *орд*, *у'омор*, *шоедь*, *шором*). Слова *чум*, *чумкас* заимствованы такими русскими диалектами, где уже не было двух *о*; поэтому комийское закрытое *ô* передано через *у*.

---

1. В заимствованиях языком коми из русского языка следует различать три типа передачи севернорусского *о*: древний (кобринский), средний и современный.

Древний тип, судя по данным кобринского диалекта (в котором сохранилось до сих пор закрытое *ô*, являвшееся раньше достоянием всех диалектов языка коми), характерен тем, что

[1] Комийское происхождение севернорусских слов *ворга*, *орд*, *чум*, *чункас*, *шоедь*, *шором* установлено Калимой („Syrjänisches Lehngut im Russischen“, FUF, XVIII).

севернорусское закрытое *ô* передавалось в заимствованиях через комийское закрытое *ô* (ср. кобринское: *грôб, кôжа, кôрка, нôжеч', пôтка, рôжа, стôл, тôл'ко, здôрôво, пôрôг, кôлôда, мôрôз, пôдôн'ч'а, канфôрка, пирôг, рôсôл, отвôд, набôй, кôнôрка, ôсôка, субôта, бôлôн', шôрôм, патрôн, пистôн)*, а севернорусское открытое *о* чаще передавалось через комийское открытое *о* (ср. кобринские: *долг, дроб, поч'ки, вожи, порох, пол'о, носки, стокан, торелка, самовар, лохан', лопатка, оч'ки, кос'ак, смола* и др.) и реже — через *ӧ* (*хӧт, кӧпыл, глӧкн'итны, вӧскрэс'эн'н'о* и др.).

Средний тип характерен тем, что севернорусские два *о*, попадая в заимствованиях в такие диалекты языка коми, где уже не было закрытого *ô*, передаются иначе: севернорусское закрытое *ô* передается через комийское открытое *о* (произносившееся после утраты комийского закрытого *ô*, повидимому, несколько более закрыто, чем это было до исчезновения *ô*), а севернорусское открытое *о* — через комийское *ӧ*. Таким образом, для передачи различия двух *о* севернорусских диалектов в языке коми используются другие средства, противопоставление других звуков.

Современный тип передачи характерен тем, что после утраты севернорусского закрытого *ô* — единое севернорусское *о* (может быть, несколько более закрытое, чем оно было до исчезновения севернорусского закрытого *ô*) передается всегда через комийское *о*. К заимствованиям этого типа, например, относятся послереволюционные слова: *килограмм, молод'ож, обком, од'д'ел, прол'етарий, кино, сойуз, спорт, колхоз, комуна, бол'шевик, комун'ист* и т. д., а также слова, попавшие в язык коми до революции, но сравнительно недавно: *колошчи* (калоши), *бот'инки, под'тажки, пал'то, городки, кал'инкор, горч'итса, кон'ки, воздук* и др.

Таким образом, в русских заимствованиях языка коми севернорусские два *о* различаются только в тех словах, которые относятся к среднему типу. До утраты комийского закрытого *о* они различались и в заимствованиях древнего типа (в кобринском диалекте, где имеется до сих пор закрытое *ô*,

различаются и теперь); в связи с переходом комийского закрытого *ô* в открытое *о* в заимствованиях закрытое *ô* отождествилось с открытым *о* и таким образом совпало с тем *о*, которое восходило к севернорусскому открытому *о* (рус. *порох* > ком. *порок*, кб. *порох;* рус. *пôп* > ком. *поп*, кб. *пôп*).

2. Подавляющее большинство севернорусских заимствований языка коми принадлежит к среднему типу, т. е. бóльшая часть разбираемых русских слов проникла в комийский язык тогда, когда в последнем уже не было закрытого *ô* и севернорусское закрытое *ô* передавалось через комийское открытое *о*, а русское открытое *о* — через комийское *ӧ*.

В древнейших памятниках комийской (древнепермской) письменности, в которых представлен язык XIV—XV вв., еще последовательно употребляется буква, обозначающая закрытое *ô*, тогда как более поздние памятники (XVII в.) свидетельствуют о том, что этого закрытого *ô* уже не было, по крайней мере в центральных районах коми-зырянской территории. Основная масса заимствований проникла в коми-зырянский язык, вероятно, в XVII—XIX вв.

Появление *о* (а не *ӧ*) в тех словах, где в севернорусском оригинале было открытое *о*, можно объяснить двояко: или эти слова попали в язык коми тогда, когда там фигурировал древний тип передачи или же в них отражается современный тип (сюда не относятся случаи, оговоренные в п. 8).

3. По фонетическим признакам нельзя отделить друг от друга заимствования древнего и современного типов, так как в словах обоих этих типов всякое русское *о* передается через комийское *о* (лишь иногда севернорусское открытое *о* появляется в виде комийского *ӧ*). Но, однако, по другим признакам (широкая распространенность этих слов в комийских диалектах, бытование с давних пор на севере отдельных культурных понятий, для обозначения которых не было слов в языке коми, и т. д.) можно выделить более древний слой заимствований, попавших в язык коми еще тогда, когда там имелось закрытое *ô*, и вследствие этого русское открытое *о* передалось через комийское *о* (а не *ӧ*). К таким словам, повидимому,

можно отнести следующие: *порок* ком., *морэ* ком., *коса* ком. (с.-х. орудие).

Громадное же большинство слов, где появляется комийское *о* вместо севернорусского открытого *о*, следует отнести к современному типу заимствований: *бок* скр.; *боч'ка* уд., ок., *бров* иж., *лошка* иж., *помеч'* скр., Л., НВ, *пробка* скр., *точ'ка* скр., *дом* НВ, *ворок* ок., *голос* ок., *золото* ок., *короб* ок., *ошипка* ок., *подушка* ок., *йакор* ок., *моток* ок., *зород* ок. (стог), *с'едло* ок., *посад* ок. (ряд снопов), *поч'ки* скр., *косар* НВ, *покмэл'л'а* уд., ок., *бол'н'ич'а* ком., *ботинки* скр., *война* скр., *горч'итса* скр., *гора* ок., *кон'ки* скр., *мол'итва* скр., *мошн'а* скр., НВ, ок. (мошна), *носки* скр., *прошен'нӧ* скр., *йаблок* НВ, *л'ибо* ок., *л'убо*, *морйо* ок., *нарошно* ок., *доктор* скр., *сволок* ок., *шолк* ок., *вожжи* ок., *грош* ок., *полат'* ок., *котй* ок., *локан'* ок., СС и др.

4. Многочисленные русские заимствования языка коми, относящиеся к среднему типу, в которых севернорусское *о* передается двояко — то через комийское *о*, то через комийское *ӧ*, свидетельствуют о том, что народ коми в течение продолжительного времени соприкасался с такими севернорусскими диалектами, где имелось два *о* (открытое и закрытое). В настоящее время в пограничных с комийцами районах севернорусского наречия закрытое *ô* уже не существует,[1] но раньше, повидимому, это закрытое *ô* имело широкое распространение в севернорусских говорах.

5. Двоякая передача севернорусского *о* в заимствованиях языка коми происходила только тогда, когда в севернорусских диалектах существовало еще два *о* (открытое и закрытое), которые противостояли друг другу. После исчезновения закрытого *ô* севернорусское единое *о* стало, повидимому, произноситься

[1] Мною были произведены наблюдения в 1924—1925 гг. в следующих пограничных с комийцами русских местностях: 1) д. Рай Лоемского сельсовета Коми АССР, по р. Лузе (приток р. Юга); 2) д. Вадья Ленского района Архангельской области, по р. Вычегде; 3) д. Варжа Никольского уезда Севернодвинской губернии (теперь Архангельской области).

более закрыто, чем до исчезновения закрытого *о*. В связи с этим единое севернорусское *о* (тождественное или во всяком случае близкое к литературному *о*) стало в общем (исключения могли быть) передаваться в заимствованиях языка коми через *о* (а не через *ӧ*, как это было раньше, в обстановке противостояния севернорусского открытого *о* севернорусскому закрытому *ô*).

6. Различие между закрытым и открытым *о* существовало во всех севернорусских диалектах, соприкасавшихся с языком коми. Утрата этого различия, т. е. выработка единой фонемы *о*, происходила в разные сроки по диалектам: в одних диалектах раньше, в других — позже. Диалекты, с которыми соприкасались коми-пермяки, утратили такое различие между двумя *о* гораздо раньше, чем те диалекты, которые имели соприкосновение с коми-зырянами, — неслучайно отсутствуют данные о наличии закрытого *ô* в пределах Пермской (Молотовской) области[1] (см. стр. 186).

Этим же объясняется и то, что в пермяцких диалектах гораздо больше заимствований современного типа передачи севернорусского *о*, чем в зырянских: *гора* П., *гӧра* З., *полат'* П., *пӧлат'* З., *л'убо* П., *л'убӧ* З., *коти* П., *кӧти* З., *йакор* П., *йакӧр* З. и т. д.

7. Заимствования производились обособленно (независимо друг от друга), по крайней мере в двух районах языка коми: зырянском и пермяцком; при этом в коми-зырянском языке заимствований среднего типа (см. п. 1) гораздо больше, чем в коми-пермяцком, что свидетельствует о том, что после исчезновения комийского закрытого *ô* зыряне соприкасались с севернорусскими диалектами, имевшими закрытое *о*, более продолжительное время, чем пермяки; во всяком случае, в период между переходом комийского закрытого *ô* в открытое и исчезновением закрытого *ô* пограничных с комийцами севернорусских диалектов соприкосновения у зырян с севернорусским населением были более интенсивными, чем у пермяков.

8. Некоторые колебания между *о* и *ӧ* в заимствованиях могут найти и иное объяснение, а именно: разная степень действия

[1] Коми-пермяки в основном живут в пределах Молотовской области.

закона вокализма непервого слога языка коми (см. стр. 173): *икӧта — икота, пӧрӧг — пирог, пис'мӧ — пис'мо* и др.; разная степень влияния севернорусского ударяемого *о* непервого слога на *о* предшествующего слога (см. стр. 174); *рӧсол — росол, рӧштво — роштво* и др.; колебание между открытым и закрытым *о* в самом севернорусском оригинале: *вôлôга — волога* (ср. с.-р. *вóложный, волóжный*), *бôлôн' — болон'*.

9. Древнерусское *о* произносилось довольно открыто — близко к *а*; „вследствие этого в иностранных словах, перешедших в русский язык, на месте иностранного *а* иногда является неударяемое *о* ..., а на месте иностранного закрытого *о* (особенно долгого) встречается и неударяемое и ударяемое *у*“ (Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4, стр. 39). Древнерусское *о* в старых русских заимствованиях западно-финских языков передается только через *а*; кар. *aprakka* < оброк, фин. *tappara* < рус. *топор*, олон. *bajari* < рус. боярин, кар. *pappi* < рус. *поп* и т. д.[1]

Характерна также передача западнофинского дифтонга *ȣ͡o* через русское *у*, наблюдаемая в более древних западнофинских заимствованиях русского языка, когда еще в русском языке не было закрытого *ô*: летописное Сумь < фин. *suomi* и т. д. Между тем в более новых западнофинских заимствованиях, встречающихся только в севернорусских говорах, это *ȣ͡o* обычно передается через *о* (повидимому, закрытое): *нóдья* (арх., олон., сиб., прм.) < кар. *нуодиво* (костер); *кóкица* олон. (мотыга) < кар. *куокка*[2] и др.

Из единого, довольно открытого, древнерусского *о* развились два *о* (открытое и закрытое или, может-быть дифтонг *ȣ͡o*) уже позднее.[3] Народ коми пришел в соприкосновение с

---

[1] Mikkola. Die älteren Berührungen ostseefinnischen und russischen, MSFOu. LXXV, 1938.

[2] См. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, 1915, S. 56—57.

[3] „Для появления дифтонга на место *о* условия следующие: ударяемость исконного (следовательно, не восходящего к *ъ, ы, е*) *о*; при этом в неначальном слоге дифтонгизации подвергается всякое исконное *о* под

русскими уже тогда, когда там были два *о* вместо единого древнерусского очень открытого *о*, — этим и объясняется то, что в русских заимствованиях языка коми нет слов со звуком *а* вместо древнерусского *о*, что мы в изобилии встречаем в древнерусских заимствованиях западнофинских языков.[1]

10. Новгородцы на северо-востоке России появились не позже XI в. (ср. сообщения летописца о походах в Югру в XI—XII вв. и др., а дорога в Югру пролегала через территорию комийцев). Особенно интенсивными стали сношения комийцев с русскими в период заселения новгородцами Двинской земли (XII—XIV вв.). Это время нужно считать началом русских заимствований в языке коми. Во всяком случае комийско-русские языковые соприкосновения начались еще до отвердения шипящих *ш* и *ж* в севернорусском наречии и до перехода *а* между мягкими согласными в *е* (*зять* > с.-р. *зеть*).[2]

Наличие рефлексов двух *о* в сотнях заимствований языка коми (особенно зырянского наречия) и ограниченное количество таких дореволюционных заимствований, где две разновидности севернорусского *о* не отражаются, свидетельствуют о том, что в пограничных с комийцами севернорусских диалектах закрытое *о* существовало в весьма продолжительное время и, быть может, сохранялось еще в течение XIX в.

11. Закрытое *о* существовало как в русском языке, так и в языке коми, и знаменательно то, что исчезновение его в севернорусских и комийских диалектах произошло в один

ударением; в начальном же слоге оказывается колебание. Сопоставление с другими славянскими языками (прежде всего с сербохорватским и словенским) показывает, что *о* дифтонгизировалось только под восходящим (исконным восходящим) ударением, сохраняясь без изменения под нисходящим" (Шахматов. Предисловие к „Диалектологическим материалам", собранным Тростьянским и Гришкиным, в „Сборнике ОРЯС", АН, т. ХСУ, № 1, 1916).

[1] Комийское *байар* (боярин) следует считать карельским заимствованием, а слова *салдат*, *манастыр*, *караб* (корабль) и др., встречающиеся в языке коми, выступают со звуком *а* и в севернорусских диалектах: *савдат*, *монастырь*, *карап* (Манс., Гряз.).

[2] См. выше стр. 134 и 149.

и тот же период времени. Этот факт лишний раз подтверждает, что в разносистемных языках могут происходить общие звуковые процессы, что языки СССР нельзя изучать изолированно, вне общей связи, отражающей общность экономической жизни народов нашей страны.

Исследованный материал дает основания сделать следующие предположения:

а) в тех севернорусских диалектах, с которыми соприкасались комийцы, в XII—XIII вв. уже не было древнерусского единого, довольно открытого *о*;

б) с самого начала соприкосновения русского и комийского языков, в севернорусских диалектах были два *о* (закрытое и открытое), которые различались в отдельных, пограничных с зырянами, районах (Архангельской, Вологодской, Кировской областях) вплоть до XIX в.;

в) исчезновение севернорусского закрытого *о* в диалектах, с которыми соприкасались коми-пермяки (Молотовская область), произошло раньше;

г) отождествление закрытого *ô* с открытым *о* происходило в XVI—XIX вв. (в разные сроки по диалектам) на широкой территории Европейской части СССР;

д) этот единый процесс исчезновения закрытого *ô* и совпадения его с *о* открытым не пережили только более отдаленные и архаические русские и комийские диалекты.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В СТАТЬЕ

1. Сокращенные названия языков и диалектов

арх. — архангельский
В. — вычегодский
ВВ — верхневычегодский
венг. — венгерский
вепс. — вепский
ВК — восточнокамский
влгд. — вологодский
вог. — вогульский (манси)
ВС — верхнесысольский
вым. — вымский
вятск. — вятский
др.-ком. — древнекомийский
др.-п. — древнепермский
др.-р. — древнерусский
др.-чув. — древнечувашский
З. — зырянский (коми-зырянский)
зап.-фин. — западнофинские
зд. — зюздинский

И. — иньвенский
иж. — ижемский
кар. — карельский
кб. — кобринский
ком. — комийский, язык коми
костр. — костромской
крч. — керчёмский
кч. — кочевской
Л. — лузский
лат. — латинский
лет. — летский
ЛЛ — лузско-летский
мез. — мезенский
мар. — марийский
морд. — мордовский
морд. э. — эрзя-мордовский
НВ — нижневычегодский
НЛ — нижнелузский
ок. — пермяцкий Коми-пермяцкого округа
ол. — олонецкий
ост. — остяцкий (ханты)
ост. д. — остальные диалекты
П. — пермяцкий
печ. — печорский .
пин.— пинежский
прм. — пермский
рус. — русский
ряз. — рязанский
С. — сысольский
сев. — северные (уд., НВ, вым., иж.)
сиб. — сибирский
скр. — присыктывкарский
сл. — словенский
с.-р. — севернорусский
СС — среднесысольский
ст.-сл. — старославянский
совр. ком. — современный комийский
твр. — тверской
тмб. — тамбовский
тул. — тульский
уд. — удорский
удм. — удмуртский
фин. — финский
холм. — холмогорский
черд. — чердынский
чеш. — чешский
чув. — чувашский
шенк. — шенкурский
эст. — эстонский

2. Сокращения фамилий авторов используемых источников

Вас. — Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв.

Вят. — Образец говора Орловского и Котельнического уездов Вятской губернии. Автор не известен. Приводится Шахматовым („Сборник ОРЯС", АН, т. XCVI).

Гришк. — Образцы говора с. Лека Егорьевского уезда Рязанской губернии, записанные Гришкиным по просьбе Шахматова.

Куликовский Г. П. — Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

Лека — см. Гришк.

Зеленин Д. К. — Великорусские говоры с неорганическим смягчением. СПб., 1913.

Манс., Гряз. — Мансикка. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии (РФВ, 1912, № 4, стр. 274).

Подв. — Подвысоцкий, Словарь областного наречия Архангельской губернии.

Рог. — Рогов, Пермяцко-русский словарь.

Сид. — Из материалов, собранных А. С. Сидоровым.

Тоньш. — Ф. М. Тоньшин, с. Новоселки, Новосельская волость Рязанской губернии.

Трост. — Народные песни, собранные в северо-западном углу Землянского и отчасти Задонского уездов Воронежской губернии. Записано В. И. Тростянским („Сборник ОРЯС", АН, т. ХСУ).

Ряз., Вас., Гряз., Вас., Пам., Вас. — примеры взяты из работы Васильева: Пам. — из разбираемых им древнерусских памятников; Гряз. — Грязовецкого уезда Вологодской губернии (Манс., Гряз.), Ряз. — у Гришкина и т. д.

Шх. — Н. А. Шахов. Коми-русский словарь, 1924, Сыктывкар.

Шренк А. — Путешествие к северо-востоку Европейской России. Пер. с нем., 1855.

А. Б. ШАПИРО

ТИПЫ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Безличное предложение широко распространено в говорах. Материалы, собранные мною во время моих поездок в Вологодскую (1938), Архангельскую (1940) и Рязанскую (1939) области, а также извлеченные из диалектологических записей, деланных разными лицами в течение последних десятилетий, говорят о значительном разнообразии типов безличных предложений с точки зрения способа выражения главного члена (сказуемого) предложения.

Настоящая статья посвящается описанию важнейших встречающихся в говорах типов безличных предложений. Каждый тип иллюстрируется примерами с указанием говора, в каком встретилось то или иное предложение.[1]

Среди способов выражения главного члена безличного предложения явно намечаются две основные группы:

1) глагольная и

2) неглагольная.

В первой группе основным утверждающим (предицирующим) словом является глагол в форме спрягаемой или неспрягаемой. Во второй группе основным утверждающим словом является неглагольное слово, к которому, однако, может примыкать глагол в той или иной форме.

---

[1] Указания эти даются условными обозначениями. Расшифровку обозначений см. в конце статьи.

Группа первая — глагольная

1. Главный член выражен глаголом в 3-м лице ед. ч. или в форме прош. вр. ср. р. ед. ч. При этом возможны глаголы, вовсе не употребляемые в качестве личных, и глаголы, могущие быть личными, но в данном употреблении являющиеся безличными.

Примеры:

а) Глаголы в личной форме: *Муха ува́лиц'а у квас, мен'а́ ташн'и́т* (Гр., V); *Дожи́т? — Дожи́т* (Арх.); *Завинтит на́ брюхе* (т. е. завертит в животе; Вол.); *С работы у меня руки коло́* (Арх.); *Снегу-ту накури́т ф трубу, зимой заткну тряпкам-те* (Ав. — Влад.).

б) Глаголы в форме прош. вр.: *Мы пашли ръссвяло́ хърашо!* (Б. — Т.); *Подожде́ло, да вре́мец'ко опе́ть стало хорошо сено ко́сить* (Арх.); *Он прямо с крутая́ бро́сился и сразу яво́ зъвертело* (Ряз.); *У ей все здра́вое, только лиц'о съдрало* (Ряз.); *В сон пътяну́ло* (Ряз.); *Поно́сом прошло, да меня вырвало* (Вол.); *Так навали́ло, так это прямо страсти* (Вол.); *До сме́ртоц'ки убило* (Вол.); *Меня и пота́шы́ло в ре́ку́* (Арх.); *Погляди, говорят, можот зацепило где ни* (Арх.); *От ростройства в горла́х завалило* (М. — Ш.); *Головушку-ту фс'у рош'ш'ём'и́ло* (Гр., I); *Из терпления выбило ево* (М. — Ш.); *Низ-от бери сва́тушко, забей гво́здём, штобы не хля́бало* (Арх.); *Сусидку пришибло ле́сом-то* (Вол.); *Морозом хвати́ло* (Арх.); *У нас нон'еч'е фс'у рош уб'и́ло гра́дом* (Гр., I); *Деревом голову ушибло* (М. — Ш.); *Эк тя размотрёнило на солнышке-то* (*размотрёнило* — разнежило) (Кулик. — Олон.).

В четырех примерах раздела *б* при глаголе стоит дополнение — существительное в твор. п., обозначающее предмет, который можно считать фактическим субъектом действия. Однако грамматического подлежащего в этих предложениях нет, и действия, выражаемые глаголами, мыслятся здесь как не приписываемые какому-либо действующему предмету.

2. Главный член выражен глаголом на *-ся* в форме 3-го лица ед. ч. или в форме прош. вр. ср. р. ед. ч., употребляемым

в качестве безличного. Большей частью это глаголы полусвязочного типа; при них для полноты выражения мысли стоит второй глагол в форме инфинитива.

Примеры:

Не дабре́ смяркáлось (Ряз.); *Мнóго страсти пришлось повидáти* (Ряз.); *А уж не жить, дак придёти продать кому* (т. е. если не жить в доме, то придется продать его кому-нибудь) (Арх.); *Еще осталось идти семери́на вёрст* (Мат. 1910 — Вол.); *Приведетсе вода пить* (М. — Ш.); *Захотелосе пашня запахать* (М. — Ш.); *Не слуц'алось высмотреть-то их* (самолеты) (Вол.); *У нас лошадé приключи́лося* (Вол.); *Мне ковды не похóцец'а ...* (если мне не захочется) (Вол.); *Воздви́жонё живет, когда обробиц'а* (т. е. когда кончаются полевые работы) (Вол.); *А как, задалóсь здесь в нашем ми́сти?* (Арх.).

3. Главный член выражен инфинитивом. Преобладающее значение этой конструкции — необходимость, часто неизбежность совершения действия. Но возможны также оттенки: желательности действия (если при инфинитиве стоит частица „бы"); сознания невозможности совершения действия (если при инфинитиве стоит отрицание); желания узнать, возможно ли или при каких обстоятельствах возможно совершение действия (если предложение имеет вопросительную форму).

Примеры:

А уж зима приде́ть, таγдá уж сеном их кормúть (Ряз.); *В акурáте мене за три вярсты́ ехать* (Ряз.); *В сентябре, каγдá картошки рыть, таγдá уж она пъспява́ет краснéет* (клюква) (Ряз.); *У перьвого-то не было назначения, где быть глазам, где быть нóсу* (у новорожденного младенца лицо было совершенно плоское) (Арх.); *Увидели место красивое, дак на крёжику тут манастырю́ быть* (Арх.; из рассказов о прошлом).

Не им бы умирать, а мне (Ряз.); *Хоть бы γадóв десяток без тебе, сляпу́ши, пражúть* (Ряз.); *Тут-то не наша ли тётка идё? Ей бы сюды созва́ть (ей* — ее, *созвать* — позвать) (Арх.); *Поглядеть бы паренькá* (Арх.).

Ни пъвярну́ци, ровно мене кольями били, ни встать, ни ляць (Ряз.); *Думала — зимы́-то сёгоду не прожить* (Арх.); *Мне уж толькя гадо́в не жить, колькя пръжила́* (Ряз.); *Ну, дед гри́ша, нам с табо́й ее уж не купля́ть* (Ряз.); *Не была бы здесь школа, ёму бы не у́чиваться* (Вол.); *А не бывать тебе мешков носить к Ивану* (Арх.); *Все с батожком хожу, так-то не ходить мне, иду-иду да и паду́* (Арх.).

Чао́ бо́ли јисть-та? (чего еще поесть?) (Ряз.); *Дали адну́ усадьбу: ли карто́шец'ки пъсадить, ли прасьця́?* (Ряз.); *Эх, ради́ма́й, да ћде у́зя́ть-та яу́о!..* (Б. — Т. О.); *Как вам поинтересова́ть?* (т. е. как бы вам поинтересней рассказать) (Вол.); *Где-ка мне-ка взять-то?* (Вол.); *По штё итти-то?* (Вол.).[1]

Инфинитив „звать" в роли главного члена употребляется часто в специальном обороте, состоящем из данного глагола и присоединяемого к нему личного имени собственного — большей частью в им. п., реже в твор. п.

Примеры:

Мене звать Алдо́тья (Б. — Т. О.); *Миня́ Кули́на звать* (Б. — К диал.); *Звать ћряпи́на* (Б.—Т. О.); *ћахъя звать*

---

[1] Конструкции с инфинитивом в роли главного члена предложения очень часты в памятниках старого русского языка, начиная с древнейших (преимущественно с оттенком приказания).

Примеры: *А Игорева храбрааго пълку не крѣсити* (С. о. п. И.); *Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сілядати...* (С. о. п. И.); *А ужь оубьеть моужь моужа, то мьстити братоу брата* (Правда русская); *Цим володѣл Григорей, тим володѣти Ивану* (Дв. гр.); *Да как пристав того ослушника изымав, к Москве приведети и тому ослушнику за его ослушание учинити наказание...* (Улож.); *Которые денежные мастера учнут делати медные, или оловянные, или укладные денги, или в денежное дело, в серебро учнут прибавляти медь, или олово, или свинец, и тем государеве казне учнут чинити убыль: и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертию, залити горло* (Улож.); *Хто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофѣевичю, и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников вывадить и мирских кравапивцов вывадить* Грамота Степана Разина).

(Б.—Т. О.); *Мужа Хе́о́дар звать* (Б. — Т. О.); *Летошный год здесь был прьдсядáтель, глушковым звать* (Ряз.); *Микиткой яво́ звать, у няво́ мать Верка* (Ряз.).

Наконец, встречается инфинитив (повидимому, от весьма ограниченного числа глаголов) в значении „можно совершить данное действие“ (при отрицании — „нельзя совершить“).

Примеры:

Буря, бывала пайде́ть, зги божей не вида́ть (Ряз.); *Дым далече видать* (М. — Ш.); *В темноте, а голос ю́ть* (*ю́ть* — слышать, слыхать) (Ряз.). Ср.: *Зги не видно, голос слышно.*

4. Главный член предложения выражен глаголом изъявительного или сослагательного наклонения. К глаголу примыкает существительное в род. п., обозначающее предмет, являющийся фактическим производителем действия, выраженного глаголом. Форма род. п. существительного обозначает здесь, что речь идет об известном количестве предметов, причем посредством интонации можно показать, что имеется в виду большое количество. Эта конструкция распространена только в северновеликорусских говорах.

Примеры:

Утром я встал: „Неужели куни́ц' мне попало в колодези?“ (т. е. неужели поймалось сколько-нибудь куниц?) (Вол.); *После солдатов-то нашло́, так все наповал стали курить* (Арх.); *А коли, думашь, из него добра́ выйдет?* (Вол.); *Редко к нам таких людей евлеетсе* (М. — Ш.); *Саўда́т пришло искать ево* (М.—Ш.); *Людей расплодилосе* (М.—Ш.); *Весной так у нас песен найдется* (Мат. 1923 — Нижегор.); *Там мужиков нашло-дак!* (Арх.); *Заприте и́збу-ту: мух-то налетит!* (Арх.); *Девушек-то собира́е̯'и!* (Арх.).

Особенно часто употребляется в данной конструкции глагол „быть“ в виде форм *есть, бывает, было, будет.*

Примеры:

Есь у нас рек, озёр, лесу (Мат. 1910 — Арх.); *Есь всякого народа, всяких людей* (Мат. 1910 — Арх.); *Уж не знаю, где-ка таких стариков есь-ока* (Вол.); *Есь всякой народ: есь*

и хороших, есь и плохих (Вол.); *Кустов-то у вас много? — Есь кустов* (Вол.); *У них ведь делов есь-ока* (Вол.); *Робят-то есь у ёго?* (Арх.); *Тех волков есь, пробегают* (М. — Ш.); *Бывает пожаров* (М. — Ш.); *В Москве арбузов бывает?* (Вол.).

Следы описываемой конструкции заметны и в таком предложении: *„Не знаю, где их живут, ёйци-то“* (т. е. где они находятся, лежат) (Арх.).

5. Главный член предложения выражен глаголами „хватит“, „хватает“, „достанет“ и другими, близкими по значению. К этим глаголам примыкает существительное в род. п., обозначающее тот предмет, о достаточности или недостаточности которого идет речь.

Примеры:

А моих роскáзов фатит до митриевых дней (Арх.); *На мой век фатит жóрнова, кáменя* (Арх.); *Фатит долины́-ширины́* (Арх.); *Ей нужно в Верéтье, в пятый класс, а в пятый класс γадóф не хватáеть* (Ряз.); *Народу сё бóлиёт* (т. е. становится все больше народу) (Б.— Т. О.); *У нас хлеба hот óт hаду мéнеˊть* (Б. — Т. О.).

6. Главный член предложения выражен отрицанием: для настоящего времени — словом „нет“ (иногда — „не бывает“), для прошедшего времени — „не было“ (иногда — „не бывало“), для будущего времени — „не будет“. При этом отрицании обычно стоит существительное в род. п., обозначающее тот предмет, наличие которого отрицается.

Примеры:

Я тах-то, у меня нет карáхтера какóво-то (Ряз.); *Года три нéтути грыбá: когда он радитца?* (Ч.—Б. М.); *Она сама здоровая, а вот нет розвития в голове* (Вол.); *Нет никого úхна* (Вол.); *Никого нет в избы́* (Вол.); *Ой, ска, девки, девки, ума-то нет* (Арх.); *Дыханıя у няво́ уж никакóво не было* (Ряз.); *Таково пьркаслóвия не было* (Ряз.); *Так и пъливáють, штоб пыли не было* (Ряз.); *Дак не бывало есцё письма* (Вол.); *Калú ня будить даждя́, пропадут хляба́* (Мат. 1923 — Пск.); *Кроме твоей могилы, никуда ухóжья*

не будё (т. е. никуда, кроме как на твою могилу, уходить из дому не буду) (Арх.).

Как в южновеликорусских, так и в северновеликорусских говорах встречаются предложения рассматриваемого типа, в которых при отрицании стоит существительное не в род. п., а в им. п.[1]

Примеры:

У мене ка́шель не было (Ряз.); *У кого кони нет. Баба ниту. Перстень нет. Карбас нету и рыбы нету* (Сел. — Д. о.).

7. Главный член выражен кратким страдательным причастием в форме ср. р. ед. ч. Эта конструкция свойственна почти исключительно северновеликорусским говорам. Краткие причастия здесь одинаково употребляются как от переходных, так и от непереходных глаголов. При этом возможны два случая: а) в предложении есть существительное, обозначающее прямой объект действия, выраженного кратким причастием; существительное это обычно ставится в им. п.; б) в предложении нет такого существительного.

Примеры:

а) *Сахарница куды-то девано* (Мат. 1910 — Перм.); *Пе́ршатки на руках над'ето* (Гр., III); *Рукаф оторвано* (Гр., III); *Там в Архангельском тожо бумаги дано — хлеб давать* (Арх.); *Потолок кра́шено, всё кра́шено* (Арх.); *Дано паёк с пуд* (Арх.); *У нас лошадь куплено* (Волог. сб., I); *Ему билет белый да́то* (Мат. 1910 — Перм.).[2]

---

[1] По Шахматову (см. „Синтаксис русского языка", вып. 1, Л., 1925, стр. 125), этот тип предложений, как и некоторые дальнейшие, относится к двусоставным несогласованным. С таким взглядом, однако, полностью согласиться нельзя.

[2] В памятниках древнерусского языка (более поздних — XVI—XVII вв.) эта конструкция встречается часто.

Примеры:

А хмель и мед и масло и соль вешено (Дом.); *Да за образы дано Харе иконнику рубль* (Пр.-расх.); *Иоасафу крылошанину молодому дано за два месяца гривна* (Пр.-расх.); *З Глупой горы на Василье на Омельянове взято полтина заемных денег по заемным книгам* (Пр.-расх.); *А в нем писано про великую государыню благоверную царевну и великую княжну Софию Алексеевну многие непристойные слова...* (Ф. Шакл.).

б) *Гуливано было в молодости* (Мат. 1910 — Вол.); *К ним хаживано* (Мат. 1910 — Вол.); *Еще не ляжено* (Ер. — Ул.); *Было побе́гано* (М. — Ш.); *Всяко бывано* (М. — Ш.); *Нигде не бывано с моима робитишками* (М. — П.); *Там вить не быто* (М. — П.); *Как не едано, так и не знаю, хорошо ли, нет* (М. — П.); *Из лодки вода выливать сделано* (о ковше) (Арх.); *Не уехано еще в Питер, здесь живет* (Арх.); *Куды-то уехано далеко-то, а писем нам не пишут* (Арх.); *На старом ми́сти как о́бжито, дак хорошо* (Арх.).

Возможны также краткие причастия от глаголов на *-ся*.

Примеры:

Шэсь годоф не виданось (М. — П.); *Нынь женено́сь* (М. — П.); *С мужом розойдёнось было* (Арх.); *Ну, дак так розойдёнось — не вмистя́х живут* (Арх.); *Повожёнось было с девками* (Арх.).

8. Главный член выражен кратким страдательным причастием в форме ср. р. ед. ч., к которому примыкает конструкция „предлог *у* с существительным в род. п.“, обозначающим фактического производителя действия, выраженного кратким причастием. Этот тип безличного предложения широко распространен во многих северновеликорусских говорах (в южновеликорусских он не встречается).

Примеры:

У ёго выбежано на́ берег, да напилси воды, да в лес и ушёл (из рассказа о лосе) (Арх.); *Дак у ёго было в суд задано, у старика* (т. е. старик подал в суд) (Арх.); *У нас е́здено на мельницю* (т. е. мы ездили на мельницу) (Арх.); *У мужиков тут уже выпито* (М. — Ш.); *У волков ји́дено корову* (М. — Ш.); *У батюшка уехано в Петрозаводьско* (М. — П.); *У крысы проточ'ено* (Гр., III); *У кур наклевано* (Гр., III); *Покололцёна была у́ мужа* (М. — П.); *У него было жо́нёнось* (т. е. он женился) (Арх.); *У нас с Васи́льем положёнось* (Ер. — Ул.); *У его прости́жёнось* (Ер. — Ул.). Близка к описанной конструкция с деепричастием на месте причастия.

Пример:

У него уехатчи в лес (Мат. 1910 — Новг.).

Группа вторая — неглагольная

9. Главный член предложения выражен словом „надо“ („надоть“), но изредка — „нужно“. При этом возможны два случая: а) то, о необходимости чего идет речь, выражается именем существительным; б) то, о необходимости чего идет речь, выражается инфинитивом.

Если при „надо“ стоит существительное, оно ставится в южновеликорусских говорах обычно в вин. или род. п., а в северновеликорусских — большей частью в им. п. Следует, впрочем, оговориться, что в южновеликорусских говорах конструкции с „надо“ и существительным при нем весьма редки; чаще встречается личный оборот „существительное в им. п. со сказуемым — кратким прилагательным „нужен“. Случаев с „надо“ и им. п. существительного изученный материал южновеликорусских говоров, кажется, не дает.

Примеры:

Ничаwо мне на сьвéци ня нада (Мат. 1910 — Моск.); *ћавари, чаћо табе нужна* (Мат. 1910 — Вор.); *Тужурка надэ — в классе сидить* (М. — П.); *Всё надо бумага* (М. — П.); *Боле и некакая рыба не надо* (М. — Ш.); *Какая надэ потклатка* (М. — Н.); *Надэ скуотница* (М. — Н.); *Да ведь на крюцки́-то надо мука ржаная* (Арх.); *Надо конь хорошой* (Гр., 1); *Вед' им н'е надо рубаха* (Гр., 1); *... jему б'еднаjа н'е надо* (Гр., II); *С'в'аш'ш'ёл'н'ик там надо ал' н'е?* (Гр., IV); *Мне надоть тот старик* (М. — Ш.); *Нужно вам карзина* (М. — П.).

При отрицании и в северновеликорусских говорах встречается род. п.

Пример:

Нонь-то, видишь, утиральников девке не нать коли (нать с долгим *а* — из *надоть*) (Арх.).

В былинах, однако, встречается им. п. и при отрицании.

Примеры:

Мне не надобно твои-ти, князь, подарочки (И. и К.); *Мне не надобно на сем свети слава сосветная* (И. и К.).

Слово „надо“ дополняется инфинитивом в тех случаях, когда нужно указать на необходимость совершения действия.

Примеры:

Ани́ вон зътяну́ты, их бы надо паци́стить (о прудах) (Ряз.); *Мину́ци не мину́ци надо замуж выхади́ть* (Ряз.); *Мне б дамно́ надо икале́ть, а все ето живу* (Ряз.); *Запою писню, и надо мне плакать-ка* (Вол.); *Умирать-то надо, да всё смерти нету-дак* (Арх.); *Надо в воскресе̄нё сходить по ягоду земляни́цю* (Арх.); *Терпли́вому-то удить надо* (Арх.); *Нать ехать-то в Петрозаводьсько* (Арх.); *Сабака — она, взять, — дак кормить нать* (Арх.); *Нать вёсло-то в руки́ слабо держать* (Арх.); *Ей скоро на̄ домой-то быть* (*на̄* — надо) (Арх.); *Уж он на то и поеж'дж'а́л, что вина напи́ци на̄ было* (Арх.).

В тех случаях, когда к инфинитиву присоединяется прямое дополнение, выраженное существительным женск. р., оно в северновеликорусских говорах обычно ставится в форме им. п.

Примеры:

Надо картошка обделать (Арх.); *Надэ выкопать яма* (М. — Н.); *Скоро надоть каша тебе хлебать* (М. — Ш.); *Мерка тут надо снимать* (Арх.).

К инфинитиву, примыкающему к „надо“, может примыкать в свою очередь другой инфинитив, после которого существительное — прямое дополнение ставится (в северновеликорусских говорах) в им. п.

Примеры:

Надэ идти постеля приготовить (М.— Н.); *Надоть ехать пахать пашня* (М.— Ш.).

10. Главный член выражен словами „можно“ (изредка „льзя“), „не можно“ („невозможно,“ реже — „нельзя“). Обычно при этих словах, тесно примыкая к ним по смыслу, стоит инфинитив.

Примеры:

Уражай-то ницяво́, на наших а'гаро́дах можно аправда́ци-то (Ряз.); *Можно эта девушка замуж взеть* (М.— Ш.); *Это знать, дак десять ц'асов можно было отправить* (Арх.);

На вторительну можно-нет, тятя, остáци? (т. е. можно ли остаться на сверхсрочной военной службе) (Вол.); ... *Штобы к нямý падъёхать льзя было* (Ряз.); *Зайтить ня можно?* (Ряз.); *Гора большýшая, не можно слизти* (Вол.); *Дак заболел бок-от, што не можно терпúть* (Арх.); *Ньвазмóжно вздумать, как тьжалó* (Ряз.); *Тут неводáми ловить нельзя* (Арх.); *На коня систь нельзя: у нёго пóлна спúна крофь натёкла* (Арх.).

11. Главный член выражен словами, обозначающими внутреннее состояние: „нужда", „охота", „жаль," „жалко" и т. п., большей частью с присоединением к ним инфинитива.

Примеры:

Мне пака не нужда — прудавáть не буду (Ряз.); *Овéцек-то, так охота бы завести-то* (Вол.); *Не охота ему было идти* (М. — Ш.).

Сюда же можно отнести и такое предложение: *Недосуг ходить-то* (Арх.).

12. Главный член выражен местоименным существительным или наречием, образованным из соединения „кто", „что", „где", „когда", „куда", „как" и т. п. с отрицанием *не*; к этим местоимениям всегда тесно примыкает инфинитив. Характерной особенностью данной конструкции является то, что местоимение одновременно выполняет в ней двоякую функцию: утверждающего элемента главного члена и второстепенного члена предложения, зависящего от инфинитива.

Примеры: *Дом-от у меня новой, да некому пановáть* (Арх.); *Не ф чеуа адетца* (Б. — Р.); *Пóтолоку одна половина, не с кем напилить* (Арх.); *Некогда пектú-то* (Арх.); *Дак ведь репа наросла́ — некуда ножкой стýпить: все репа, и репа, и репа* (Арх.); *Придёшь косить, а косой-то ткнуть некуды* (Арх.); *Нет, у нас язя много, да ловить нéкак* (*нéкак* — невозможно) (Арх.); *На дороге-то на сáмой — кресцёным пройти-то нéкак* (мешки брошены были посреди комнаты) (Арх.).

13. Главный член выражается наречием на *о*, образованным от основы прилагательного, а также сравнительной степенью

таких наречий. Обычно это наречия, обозначающие состояние,[1] как физическое, так и моральное.

Примеры:

Мне дивно (т. е. удивительно) (Ряз.); *Нынце редкое жнивье, рукам ляхко́ будеть* (Ряз.); *Не добре́ хъладно́* (*добре́* — очень) (Ряз.); *Тяжело поднимать-то, лю̄но больно* (*людно* — много, очень) (Вол.); *Как пи́сни-то запоют, дак слышно уж, где вецер происходит* (Арх.); *Т'от', т'еб'а изо л'н'у не в'итко* (Гр., I); *Под двума́-то одевалами тепло́* (Арх.); *А до бе́регу-то далёко* (Арх.); *Она жарко в избы́-дак* (*она* — частица) (Арх.); *Жы́лы эти-от больна* (Б. — Т. О.); *Напрасно вам тратить гумага* (М.—Ш.); *Трудно стало копэйка добыть* (М.—Н.); *Как не одной, дак дородно пить* (*дородно* — хорошо, приятно) (Вол.); *Дитёнки как свои, дак всех жа̄ко* (Вол.); *У нас купа̄ц'и хорошо на той стороне реке* (Арх.); *От века и доныне тебе весело с и́ми* (Арх.); *Всё будеть ахо́тней нам, все вьселе́й* (*охотней* — *приятней*) (Ряз.); *Лӯце пъмирать сваёй сме́ртей, не уха́живаньем* (*ухаживаться* — умирать насильственной смертью, *ухаживанье* — насильственная смерть) (Ряз.); *На Ке́нозере повеселя́, что здесь* (Арх.); *Здесь похарци́стей буде* (Арх.).

Как показывают примеры, наречие без связки обозначает, что состояние, о котором идет речь, относится к настоящему времени; для обозначения прошедшего и будущего времен наречие употребляется в сочетании с глаголом-связкой; ср. *легко будет, трудно стало, будет охотней, похарцистей буде.*[2]

14. Главный член предложения выражен словами „много", „мало" (и сравнительной степенью „больше", „меньше") со

---

[1] В. В. Виноградов, вслед за К. В. Щербой, относит такие слова к особому грамматическому классу — „категории состояния" (см. его „Русский язык", М., 1947, гл. VI).

[2] Рассматриваемая конструкция безличного предложения принадлежит к старейшим и встречается в памятниках, начиная с древнейших.

Примеры:

Любо испити шеломомь Дону (С. о п. И.); *как: били, так не болно было с молитвою тою* (Ж. А.).

связкой „было", „стало", „будет", „станет". Отсутствие связки указывает, что то, что утверждается, относится к настоящему времени. Слова „много", „мало" вместе с тем связаны с род. п. существительного, обозначающего тот предмет, о значительном или незначительном количестве которого идет речь.

Примеры:

Их мно́ha — песян (Б.— Т. О.); *Мало мужиков: все розjихались туды-сюды* (Вол.); *Мало соломы-ти* (М.— Н.); *Там уж много народу* (Арх.); *Рьбятишек мно́го было, до семи дъхади́ло* (Ряз.); *Прежде жи́ла-то здесь мало было, все дуброва* (Вол.); *Сёгодной год было много снегу, а лоне́ц'кой год мало* (Вол.); *Два раза сена больше, как раньше, было* (Вол.); *До҃жа́ было немного, а гроза сильная* (Арх.); *Рыбы морьськой побольше было* (Арх.).

В роли „много", „мало" иногда выступают слова, близкие к ним по значению.

Примеры: *Лю́о҃но поросёноц'ков сёго году* (Вол.); *Корова-то хоро́ша, да трав плохо* (Вол.); *Скольки было волка!* (М.— Н.).

Близки к описанным по своей структуре предложения, в которых количественное понятие выражается описательно, иногда целым предложением.

Примеры:

Пришла в сходку — стариков полна изба сидит (Арх.); *Было сватов-то валом* (Арх.); *Лесу было пулей не прострелить* (Вол.).

Как видно из приведенных примеров, подавляющее число типов безличных предложений встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах и лишь отдельные (см. пп. 4, 7, отчасти 9) — только в северновеликорусских.

Условные сокращения (при примерах)

Ав.— Влад.— Р. И. Аванесов. О говоре Переяславль-Залесского уезда Владимирской губернии. „Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка", вып. 9.

Арх. — Записи, сделанные мною в Приозерном районе Архангельской области в 1940 г.

Б. — К диал.— Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанских говоров. „Р. Ф. В.", 1892, № 2, 3.

Б.— Р. — Е. Ф. Будде. Записи рязанских говоров (Скопинский уезд) „Этнограф. обозрение", 1894, кн. XXI, № 2.

Б.— Т. — Е. Ф. Будде. О народных говорах в Тульской губернии СПб., 1898 (Отд. оттиск из „Изв. ОРЯС", 1898, т. III, кн. 4).

Б.—Т. О. — Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь. СПб., 1904 (Отд. оттиск из „Сборник ОРЯС", АН, т. XXVI).

Вол. — Записки, сделанные мною в Никольском районе Вологодской области в 1938 г.

Вол. сб., I — Диалектологический сборник под ред. А. С. Ягодинского. Вып. I, Вологда, 1941.

Гр., I — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, I. К вопросу о сицкарях. „Изв. ОРЯС", 1925, т. XXX.

Гр., II — То же, II. О говорах северо-восточной части Моложского уезда Ярославской губернии. Там же.

Гр., III — То же, III. К диалектологии Ленинградской губернии. Там же.

Гр., IV — То же, IV. Говор тудовлян Ржевского уезда. „Изв. ОРЯС", 1926, т. XXXI.

Гр., V — То же, VII. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии. „Изв. по русск. яз. и слов.", АН СССР, 1929, т. II, кн. 1.

Дв. гр. — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. I и II. „Изв. ОРЯС", ИАН, СПб., 1903.

Дом. — Домострой. По Коншинскому списку и подобным. Москва, 1908.

Ер.— Ул. — С. А. Еремин. Описание „Уломского" говора Череповецкого уезда Новгородской губернии. „Сборник ОРЯС", т. XCIX, кн. 5, Пг., 1922.

Ж. А. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Импер. археограф. комиссии, Пг., 1916 (Житие В.).

И. и К. — Илья и Калин царь. Памятники мировой литературы. Русская устная словесность. Т. I. Былины. Под ред. с вводн. статьями и примечаниями М. Сперанского. М., 1916.

Кулик. Олон. — Герман Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Мат. (год, губ.) — Материалы для изучения великорусских говоров (11 выпусков), помещенные в „Сборниках ОРЯС", кончая 1928 г.

М.— Н. — В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда Вологодской губернии. „Изв. ОРЯС", 1914, т. XIX, кн. 4.

М.— П. — Он же. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. Там же.

М.— Ш. — Он же. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. „Изв. ОРЯС", 1912, т. XVII, кн. 2.

Пр.-расх. — Монастырские приходо-расходные книги, вып. 1. Книги Павлова, Обнорского и Болдина Дорогобужского монастыря. Л., 1924.

Ряз. — Записи, сделанные мною в Спасском районе Рязанской области в 1939 г.

Сел. Д. о. — А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Изд. Гос. Иркутск. ун-та, Иркутск, 1921.

С. о п. И. — Слово о полку Игореве. Статья акад. А. С. Орлова. „Слово о полку Игореве". Изд. АН СССР, научно-популярная серия, М.— Л., 1938.

Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Изд. Истор.-филол. фак. Имп. Моск. ун-та, 1907.

Ф. Шакл. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I, Изд. Имп. Археограф. комиссии, СПб., 1884.

Ч. Б. М. — В. И. Чернышев. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому Московскому тракту. „Изв. ОРЯС", 1908, т. XIII, кн. 3.

В. А. МАЛАХОВСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОВОРАХ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры Среднего Поволжья, в частности Куйбышевской области, изучены еще недостаточно. Лишь за последние годы в связи с оживлением диалектологических исследований накопился материал, который дает возможность осветить вопросы колонизации и историю распространения русского языка на территории Среднего Поволжья более полно, в большем соответствии с имевшими место процессами. Кафедра языкознания Куйбышевского педагогического института ведет работу по изучению говоров Куйбышевской области с 1939 г. За годы с 1939 по 1945 проведено 5 диалектологических экспедиций; с помощью студентов-заочников, учителей и студентов Педагогического института собран значительный материал о говорах области — данные о говорах 280 пунктов области. Эти данные дают возможность внести существенные коррективы в те знания, которые у нас были до сих пор о говорах Куйбышевской области.

В последнем по времени обобщающем труде по русской диалектологии — в „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе[1] с приложением очерка русской диалектологии", составленном Московской диалектологической комиссией под редакцией члена-корреспондента Академии Наук СССР проф. Д. Н. Ушакова,[2] — сообщаются следующие данные о говорах русского языка в пределах Среднего Поволжья (изгиб Самарской Луки).

---

[1] В дальнейшем называется „Опыт..."
[2] В дальнейшем называется МДК.

К востоку от изгиба р. Волги около г. Куйбышева (так называемая „Самарская Лука") по левобережью р. Волги начинается зона южнорусских говоров. Южная граница этой зоны, по данным карты МДК, проходит по течению р. Чагры, до изгиба ее к востоку. Затем эта граница идет параллельно р. Большой Иргиз, приближаясь к р. Самарке, охватывает почти весь бассейн этой реки, за исключением небольшой юго-восточной части р. Самарки уже за пределами Куйбышевской области. Река Кинель оказывается целиком в пределах этой южнорусской зоны, так что города Бугуруслан, Бузулук находятся на территории южнорусских говоров. Восточная граница этого „южнорусского острова" находится к югу от р. Дёмы. Западная граница идет прямой линией к северу, почти параллельно старой границе бывш. Симбирской губернии; северная граница „острова" проходит несколько ниже к югу, мимо Бугульмы и Белебея (см. карту 1 на 219 стр.).[1]

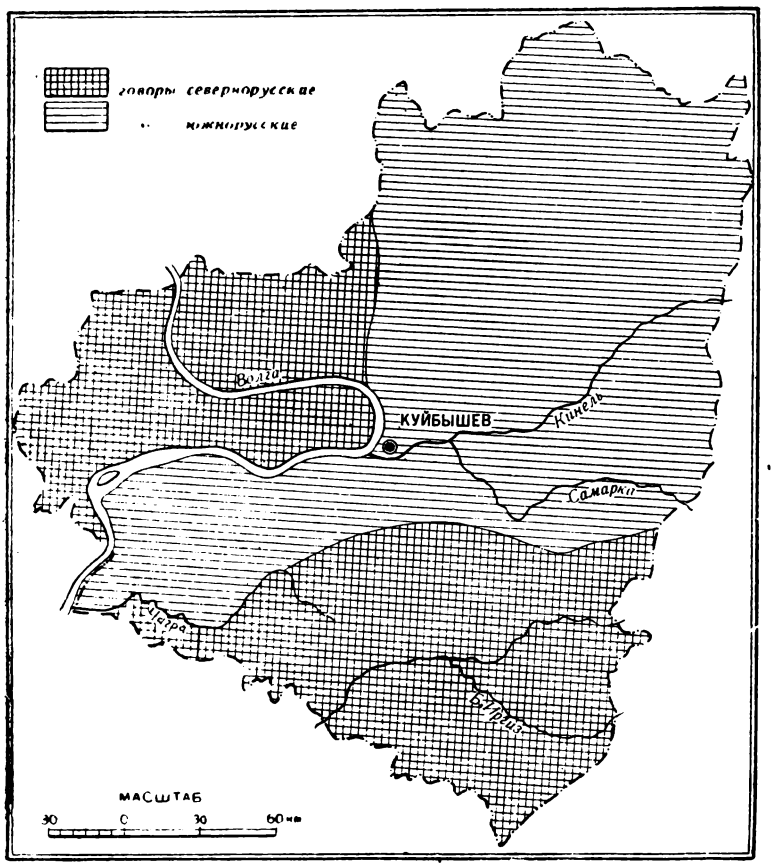
Этот „остров" со всех сторон окружен севернорусскими говорами. Таким образом, в пределах Куйбышевской области, по данным карты МДК 1914 г., бытуют только говоры южновеликорусские и северновеликорусские, причем первые распространены на севере, а вторые — на юге.

Диалектологическая карта МДК 1914 г. составлялась по принципу „суммарных карт". Составители карты исходили при картографировании говоров русского языка из комплекса черт, которые они приняли в качестве основных признаков северновеликорусского и южновеликорусского наречий.

К средневеликорусским они отнесли говоры, совмещающие черты северные с южными: вокализм в них южновеликорусский (аканье), а консонантизм — северновеликорусский (*г* взрывное).

Если применить к картографированию принцип лингвистической географии и картографировать каждое отдельное диалектное явление, например, распространение оканья, взрывного *г* и *т* твердого в 3-м лице глаголов наст. вр., то мы получаем

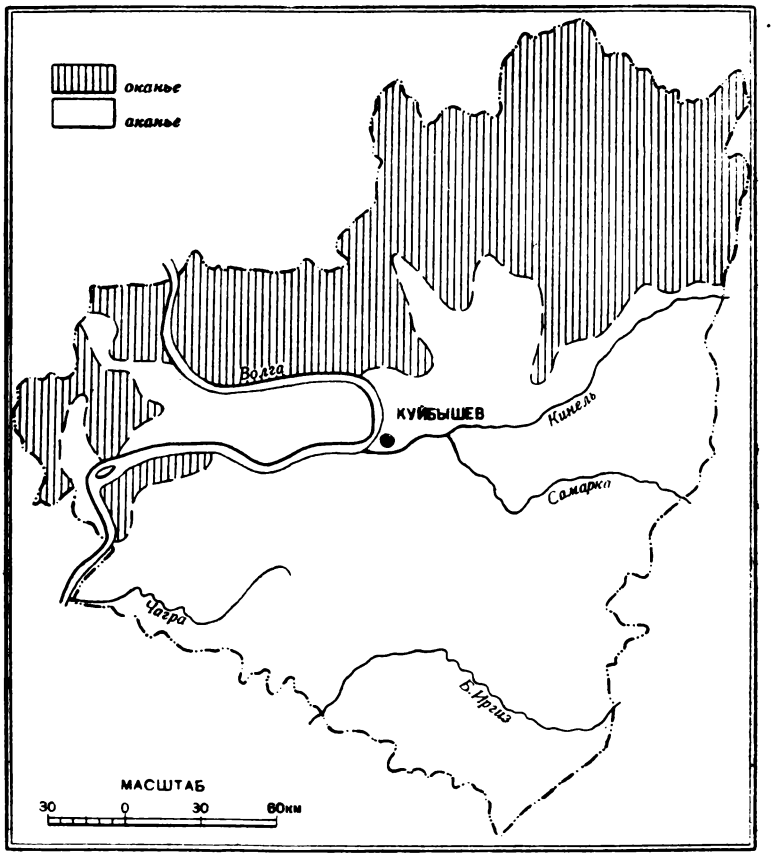
[1] Карты составлены автором.

Карта 1.
Говоры Куйбышевской области по данным карты Московской диалектологической комиссии (1914 г.)

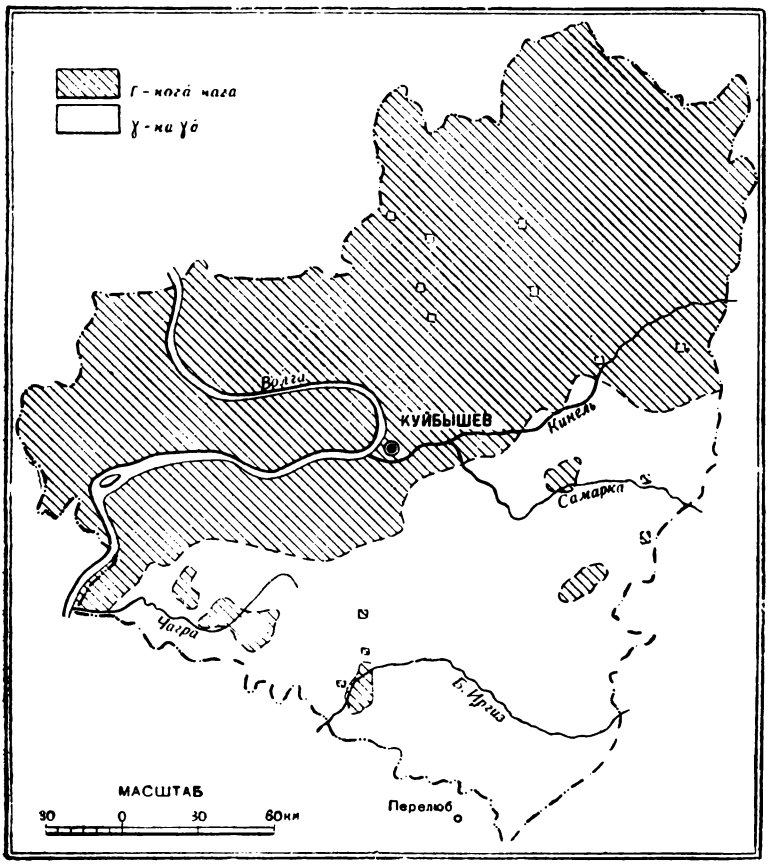
следующую картину распространения этих особенностей на территории Куйбышевской области (по данным 1945 г.).

1. Граница между оканьем и аканьем проходит по линии Ставрополь, Курумоч, Красный Яр, Тростянка, отсюда крутой дугой поднимается к Серноводску и мимо Похвистнева уходит за пределы Куйбышевской области (дальше граница идет по Чкаловской области) (см. карту 2 на стр. 220).

Карта 2.
Распространение оканья и аканья на территории Куйбышевской области

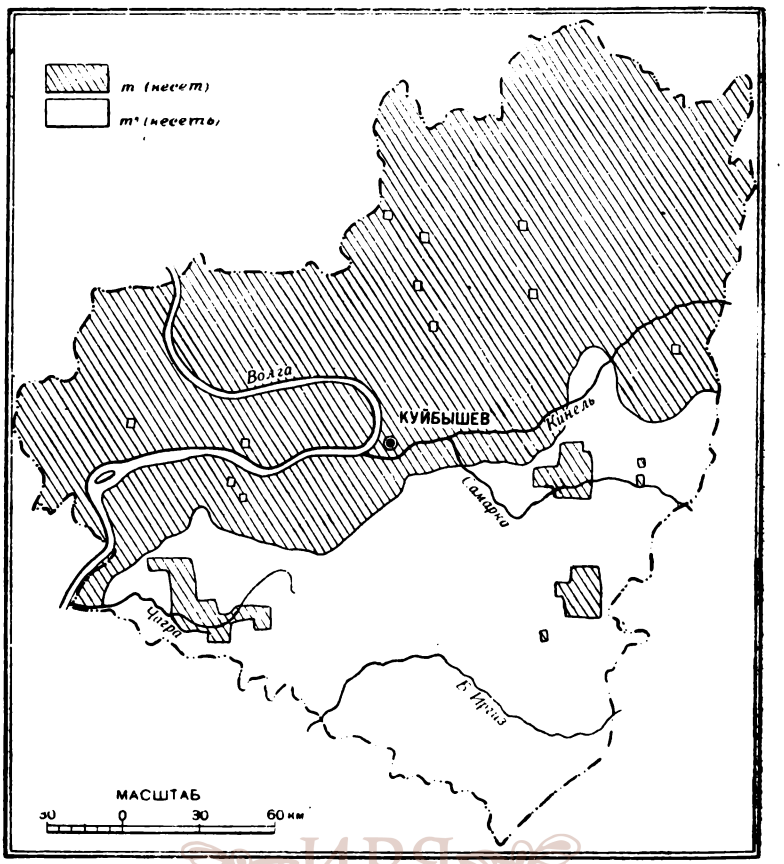
2. Граница между *г* (взрывным) и *γ* (щелинным) идет сначала параллельно границе Приволжского района Куйбышевской области, затем по южной границе Безенчукского и Чапаевского районов, отсюда дугой поднимается к северу, проходит мимо с. Каменный Брод к Дубовому Умету, пересекает р. Самарку и поднимается далее к Тростянке, откуда идет по р. Кутулук мимо с. Петровки и уходит далее на востоке за пределы Куйбышевской области (см. карту 3 на стр. 221).

Карта 3.
Граница распространения г (взрывного) и γ (щелинного)

3. Граница *т* и *т'* в глагольных формах наст. вр. проходит приблизительно по границе взрывного г и щелинного γ (см. карту 4 на стр. 222).

Для удобства сравнения с суммарной картой МДК 1914 г. даем еще карту изоглосс оканья и аканья, г и γ, *т* и *т'* в 3-м лице глаголов на территории Куйбышевской области (см. карту 5). Эта карта показывает, что между севернорусскими и южнорусскими говорами расположен довольно широкий пояс изоглосс

Карта 4.

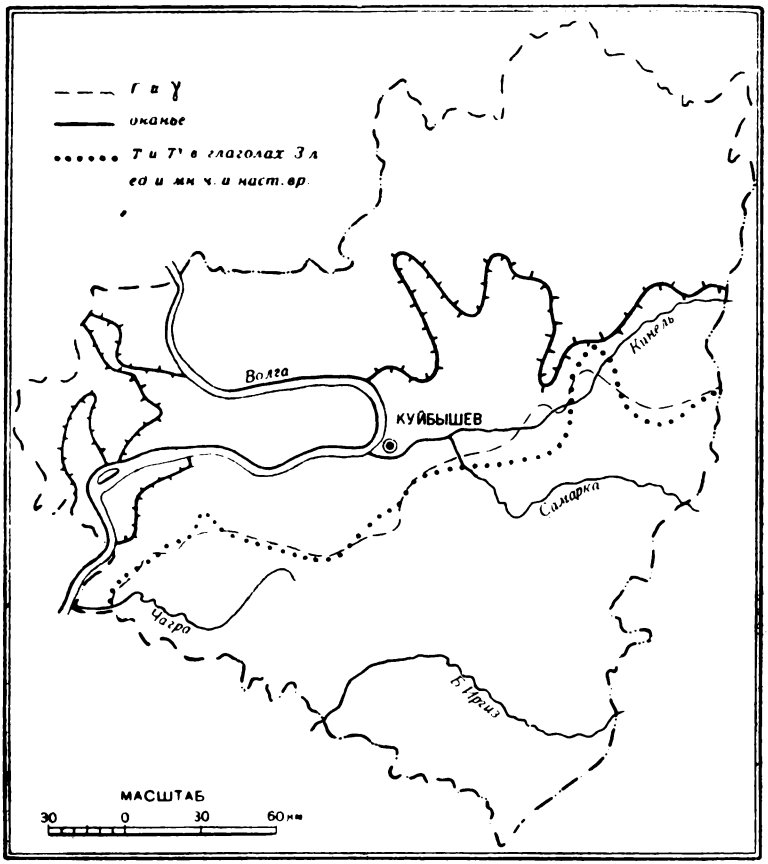
Площадь распространения *m* и *m'* в 3-м лице глаголов настоящего времени единственного и множественного числа

(территория средневеликорусских говоров), совершенно не отмеченная на карте МДК (карта 5 на стр. 223).

Что же касается „южновеликорусского острова", показанного на карте МДК, то он расположен значительно южнее и его очертания, повидимому, должны быть совершенно иными.[1]

[1] По сообщению доцента Саратовского университета Л. И. Баранниковой, в районах Саратовской области, примыкающих к Куйбышевской, бытуют преимущественно южнорусские говоры.

www.ruslang.ru

Карта 5.

Изоглоссы г и γ, оканья и аканья, *т* и *т'* в глаголах настоящего времени единственного и множественного числа

Таким образом, все южные районы Куйбышевской области: Колдыбанский, Дубово-Уметский, Алексеевский, Пестравский, Большечерниговский, заселены по преимуществу южноруссами. Южнорусские говоры переходят далее к югу в пределы Саратовской области, например, говор с. Перелюб — южнорусский.

Прослеживание дальнейшей границы южнорусских говоров не входит в нашу задачу, поскольку очерк посвящен только говорам Куйбышевской области.

Дадим краткую характеристику говоров Куйбышевской области на основании новых данных, собранных за последние годы.

I. Северновеликорусские говоры Куйбышевской области в основной своей массе относятся к типу „владимиро-поволжских". „Очерк" [1] указывает следующие, самые основные, приметы этих говоров: 1) старое *ѣ* равно *е*, в первом предударном слоге может быть и *'о*: *рёка, пётух, в лёсу*; 2) в части говоров *'а* между мягкими согласными заменяется звуком *е*: *гресь, в шлепи*; 3) *е* произносится как *о* перед твердыми согласными: *бёру, нёсла, берёгá*; 4) *ё* в конце слова: *возьмитё*; 5) *щ* произносится как *ш* долгое твердое: *шшука*; 6) конечные мягкие губные сохранились: *семь, крофь*; 7) *к* и *г* после мягких смягчились (в части говоров): *Ванькя, чайкю*; 8) мягкость *л* перед *н* и *ш* сохраняется: *больно, большой*; 9) в части говоров отмечено смешение *ц* и *ч* или их совпадение в одном звуке; 10) род. п. ед. ч. прилагательных *-ова, -ева, -ово*; 11) твор. п. мн. ч. на *-ми*: *руками*; 12) род.-вин. п. местоимений жен. р. *её, одноё*; 13) дат. п. *к горе, к сёстре*; 14) имен. п. мн. ч. местоимений *они, одни, оне, одне*; 15) для Симбирской губернии указана черта — окончание имен прилагательных на *-эи*: *мои роднэи, топить сырэми дровами* и т. п.; 16) твердое *т*: *идет, говорят*; 17) постпозитивная частица.

Кроме того, „Очерк" отмечает, что поволжские северновеликорусские говоры „совершенно утратили неударяемое *о* не в первом предударном слоге, причем это *о* за слог до ударения заменилось звуком *у* (являющимся в этом положении и во многих других севернорусских говорах): *угород, утворить, уддавать*, а в остальных положениях, как до ударения, так и после ударения, — теми редуцированными звуками, какие

[1] „Опыт...", стр. 47 и след.

в том же положении являются и в литературном московском произношении".[1]

Материалы, собранные кафедрой, в целом не расходятся с этой характеристикой, но лишь дополняют ее некоторыми новыми данными. Например, звук *ш* долгое произносится в части севернорусских говоров Куйбышевской области твердо: *шшы, ишшы*, в другой части — мягко: *ш'ш'и, иш'ш'и*. Непереходного смягчения заднеязычных согласных не наблюдается, как не наблюдается и смешения звуков *ч* и *ц* и их совпадения (только в отдельных словах встречаются следы такого смешения: *цыстъй, цыстокóл*) в говорах Новобуянского района.[2]

Главнейшие особенности северновеликорусского говора нашей области таковы:

1) Неполное оканье, т. е. при сохранении этимологического *о* в первом предударном слоге во втором предударном слоге звучат гласные неполного образования, обозначаемые в фонетической транскрипции буквами *ъ* и *ь*. Так, в этих говорах произносят: *скот'úна, оглóбл'а, ногá, бол'н'íца, згор'éла, колóтка, офсóм, горóх, оп'áт, об'éт, домóй, потóм, однó, онá, офцá, собáка*; в трехсложных словах с ударением на последнем слоге *тъпорóм, пълотнá, клъдовá, зъбол'éл*; в послеударных слогах: *кóчът, бóръны, корыт'ъчкъм*. Сравнительно реже в северновеликорусских говорах Куйбышевской области встречается полное оканье, т. е. сохранение этимологического *о* во всех предударных слогах: *полотнá, помоı́т'и, собачáта*. Нередко старое этимологическое *а* произносится как *о*: *клодóфка*.

Начальное *о*, если оно находится во втором от ударения слоге слова, чаще всего заменяется звуком *у*: *утн'ослá, уднол'úчн'ик'и, удол'éл, убмолóч'ьна, уторвáл'и, уб'азáт'ьл'на, уддохн'óм, упрок'úн'ош, угорóт, угурцы* и пр. Произносят в таких случаях и другие гласные: *итн'еслá, итопр'ú, игурцы*, или *ытн'еслá, ыгурцы*, или же *ътн'еслá, ътапр'ú* и пр.

[1] „Опыт...", стр. 27.

[2] Впрочем, на многие из этих особенностей указано и в „Опыте..."

2) Ёканье, т. е. замена звука *е* в первом предударном слоге перед твердым согласным звуком *о* с предшествующей мягкостью, причем можно различить такие случаи: а) на месте этимологического *ѣ*: *зъп'ова́л, в'оно́к, б'огу́т, гн'озда́, дв'ана́тцът', др'ому́чий*,[1] *зъл'оза́т, м'ошо́к, пър'ошы́л*; б) на месте звука *е* (исторически возникшего на месте разных звуков): *з'ъл'оно́чк'и, йово́, с'остру́, с'остра́, ун'осло́, л'ожы́т, со л'одо́м, т'опло́, с'м'ота́на, п'рив'ола́, с'т'окла́, л'огла́, в'осна́, н'омно́гъ*. Такой звук может иногда произноситься также в положении перед ударением и перед мягким согласным: *пр'ил'от'а́т, л'оп'о́шка, б'ор'о́за, б'ор'о́зы, жър'об'о́нка, пъс'т'ол'и́т', с'ор'о́шк'и* и пр.

3) В большинстве говоров нашей области *ч* твердое: *учы́лъс, учы́т'ьл', ча́с, чы́стъй*.

4) Долгие шипящие *ш, ж* произносятся обычно твердо (*шшы, ишшы́, дожжы́*).

5) В возвратных формах глагола *с* твердое: *умы́лса, стара́лса, зъдохну́лса*. Лишь изредка встречаются формы с мягким *с*: *зъдохну́лс'а* или *зъдохну́лс'и, укла́дъвълс'а* или *укла́дъвълс'и* и пр.

Остальные фонетические особенности вообще обычны для большинства северновеликорусских говоров: *г* взрывное — *нога́, горо́х, го́рът, угоро́т, гора́, ого́н'* и пр. Из морфологических примет отметим *т* твердое в 3-м лице глаголов наст. вр.: он *н'ес'о́т, в'ед'о́т, б'ер'о́т, оне н'осу́т, б'ору́т, в'оду́т*; мены *ч* и *ц* не наблюдается, как не наблюдается шепелявого *с* и *з* — черта, которую отмечал еще В. И. Даль в самарских говорах.[2]

Сравнительно редко в севернорусских говорах Куйбышевской области встречается звук *и* на месте этимологического *ѣ* — преимущественно в положении перед следующим мягким согласным звуком: *в'и́т'ер, ф сн'и́г'е, п'и́с'н'и, хл'и́б'и, с'и́н'и, м'и́с'иц, в'и́н'ик, хм'и́л'* и пр. (таков, например, говор с. Хря-

[1] Древнерусский *дрѣмучий* (см. словарь Преображенского).

[2] Даль отмечает, что женщины в Самарской губернии, жеманясь, картавят: „Рожан мой, рожан, виноград желеный" („О наречиях русского языка", стр. 58). Отмечали эту черту и другие наблюдатели. Нам она пока не встретилась.

щевка Ставропольского района). Тот же звук *и* в местном падеже: *ф квашн'и́, на двор'и́.*

6) В связь с редукцией гласных следует поставить падение категории ср. р. в именах существительных. В большинстве случаев в наших говорах вместо ср. р. имена существительные с безударным окончанием оформляются в речи как имена жен. р.: *чу́да кака́йа, у нас одна́ нар'е́ч'йа, мы пр'ида́ну пр'ин'ос'о́м, чай бу́ду п'и́т' с йа́блъкъй, йа спл'у́ пъд одно́й уд'ейа́лъй, пойе́хъл'и ф по́л'у.*

7) В северновеликорусских говорах Куйбышевской области повсеместно распространено стяжение гласных в именах прилагательных и глаголах: *т'о́мна ноч, хоро́ша пого́да, кра́сна ко́фтъчка; зна́т, быва́т, пъмога́т, игра́ш, зна́ш, пън'има́ш, зна́м, пън'има́м* и пр.

8) Дат., мест. и род. падежи имен существительных жен. р., в том числе и мужского р. с флексией *а*, с твердой и мягкой основой совпали в одном окончании *е*: *у с'в'ин'йе́, у с'остр'е́, у кум'е́, у снох'е́, у сох'е́, о́кол' ног'е́, окълъ гълов'е́, у мушшы́н'е, у маме́, у н'ев'е́ст'е, у д'ер'е́вн'е,* но в безударном окончании может быть и *и*: *у ма́ми, у т'о́т'и, у ба́б'и.* Мест. п.: *ф с'т'еп'е́, ф шал'е́, ф кров'е́, нъ пъм'ате́, в гр'аз'е́, в груд'е́, нъ цеп'е́*; в безударном варианте: *на р'е́чк'и, ф колхо́з'и, ф кор'е́т'и, в у́л'цы* и пр.

9) Широко распространилось окончание *-оф* во мн. ч. имен существительных. Оно охватило имена существительные всех родов и типов склонения: *покупа́т'ьл'ьф, ко́н'ьф, врач'о́ф, дожжо́ф, роб'о́нкъф, брат'йо́ф, д'е́н'ьшкъф, д'е́душкъф, же́ншшынъф, ка́пл'ьф, бол'е́з'н'ьф, подру́шкъф, машы́нъф, л'оп'о́шкъф, костр'у́л'ьф, л'ока́рствъф, о́кнъф, оз'о́руф, м'а́сьф.*

10) Род. п. имен прилагательных имеет окончание *-о́ва* (*-ъва*), *е́въ* (*-ьва*): *кан'а́ лу́чшъвъ, к'и́слъва т'е́ста, ка́жнъва чел'е́ка, с'и́н'ьва сат'и́ну, кото́ръвъ сы́на* и пр.

11) Широко распространены формы местоимений *т'ейа́, с'ейа́, т'ейе́, с'ейе́.*

12) Вин. п. местоимений: *тойо́, ойо́: воз'ьм'и́ тойо́ кры́нку, прочл'и́ ф'с'ойо́ газ'е́ту.*

13) Имен. п. мн. ч.: *как'ёйи, друг'ёйи, так'ёйи.* Такое же явление и в других падежах: *как'ём, друг'ём, так'ём'и, друг'ём'и, свайём'и* и пр. Необходимо при этом отметить мягкость согласных перед этим окончанием: *сыр'ёйи драва́, топить сыр'ём'и драва́м'и,* но не *сырэм'и, сырэ́йи.*

Северновеликорусские говоры характерны и некоторыми лексическими особенностями. В них употребительны слова: *изба́, зы́пка, квашн'а́, ухва́т, скъворо́дн'ик, п'отӯх* и т. д., тогда как в южновеликорусских: *ха́та, л'ӯл'ка, д'ажа́, раɣа́ч', ч'а́п'ьл'н'ик, ко́ч'ьт* и пр.

II. Южновеликорусские говоры Куйбышевской области очень разнообразны. В большинстве случаев по своему происхождению это говоры бывш. Тамбовской, Тульской, Рязанской и Орловской губерний, из которых в XIX в. крестьяне были переселены помещиками в Самарскую. Следовательно, это говоры поздней колонизации и расположены они на территории южной степной полосы Куйбышевской области, где колонизация русскими происходила позднее, чем в северных районах области.

Общие для всех южнорусских говоров Куйбышевской области особенности таковы:

1) аканье, т. е. совпадение в первом предударном слоге этимологических *о* и *а* в одном звуке *а* и в звуке неполного образования *ъ* в других безударных слогах: *акно́, вада́, валы́, пашо́л, масты́, лаша́тка, прав'о́л* и пр.; *пъсматры́, ɣъвар'и́т', съпаɣ'и́, карыт*ъ и пр.;

2) яканье разнообразных типов (о нем см. ниже);

3) наличие *'о* под ударением в обычных условиях: *т'о́мнъй, дал'о́къ;*

4) щелинное длительное звонкое *ɣ* (в соответствие звуку *г* взрывному севернорусских и среднерусских говоров):[1] *аɣаро́т, ɣо́рът, ɣо́лът, ɣаро́х, аɣо́н', дуɣа́* и пр.;

5) в 3-м лице глаголов наст. вр. ед. и мн. ч. *т* мягкое: *он б'ар'о́т', н'ас'о́т', в'аз'о́т', н'ис'о́т', в'из'о́т',* а в некоторых

[1] Впрочем, возможны и среднерусские говоры с ɣ фрикативным.

говорах и отпадение звука *т*: *он б'ер'é, н'ес'é, знáйе, в'ид'е, п'и́ше* и пр.;

6) отсутствие ср. р., который в одних говорах заменяется жен. р. (чаще), в других — муж. р. (реже): *бал'шáйа с'ало́* и *бал'шóй с'ало́, с'ин'ий мóр'ъ, шырóкъй, пóл'ъ* и пр.;

7) формы род. и вин. падежей местоимений: *у т'иб'é, у м'ин'é, с'иб'é*, или *ажыдáл таб'é, в'идел саб'е, в'ид'иш м'ан'é, таб'é, саб'é*;

8) возвратные формы глагола на *-'си*: *старалс'и, ругáлс'и, байáлс'и* или *ругáлс'а, старáлс'а, спр'áтълс'а* (с *с'* мягким).

В южновеликорусских говорах Куйбышевской области чрезвычайно распространена одна фонетическая особенность, которая чаще встречается в севернорусских говорах: это замена между мягкими согласными звука *'а* звуком *е*: *ап'ét', д'éд'а, пр'éн'ик, йéйица, з'ét', вз'ét'*, и пр.[1]

По типам яканья говоры Куйбышевской области исключительно разнообразны. До последнего времени типы яканья в поволжских говорах не были известны. В „Очерке" отмечено, что „за недостатком точных данных определить тип южнорусских говоров Поволжья трудно".[2] Новые данные о говорах, собранные Куйбышевским педагогическим институтом, дают возможность наметить следующие группы поволжских южновеликорусских говоров:

1) говоры с сильным яканьем (например, в с. Большая Черниговка, с. Николаевка вторая и др.);

2) говоры с умеренным яканьем (например, в селах Августовка, Большая Малышевка, Высокое, Михайло-Овсянка, Привет, Черновка и пр.);

3) говоры с ассимилятивно-диссимилятивным типом яканья, когда в первом предударном слоге на месте этимологических *е, ѣ, 'а* появляется *'а*, если под ударением находятся гласные верхнего и нижнего подъема, а также *е* из *ѣ*: *в'асна́, в'асны́, в'асну́, в'асн'é, з'арно́, з'арну́, з'арне́*; перед слогом же

[1] Такие говоры описаны проф. Е. Ф. Будде для Рязанской губернии.
[2] „Очерк", стр. 45.

с ударяемым *е*, *'о* (из *е* и *ь*) в предударном слоге звучит *и*: *пл'ит'ён'*, *б'ир'óза*, *в'ис'óлъй*, *з'ил'óньй*; ассимилятивно-диссимилятивное яканье отмечено в селах Садовка, Сухая Вязовка, Тяглое Озеро, Яблоновый Враг и др.;

4) говоры с иканьем (в селах Пестравка, Владимировка, Свинуха и др.).

Отдельные говоры в Куйбышевской области очень своеобразны. Таков говор с. Николаевка вторая Куйбышевского (сельского) района. Жители этого села, по их рассказам, переселены из Тамбовской губернии. В говоре этого села звук *ц* заменяется звуком *с*, т. е. произносят *ат'ёс*, *куп'ёс*, *кан'ёс*, *кýр'иса*, *сыпл'áты* и пр.; звук *в* перед твердыми согласными произносится как *ў* (*w*): *ўдавá*, *ўнýк*, *дварóў*, *зубóў*; *л* (твердое) заменяется *ў* (*w*): *стóў*, *стáў*, *знáў*, *п'úў*, *в'úд'иў*, *ўóтка*, *ўóшът'*; звук *а* между мягкими согласными под ударением произносится как *е*: *ап'ét'*, *д'éд'а*, *ч'éйн'ик*, *с'н'éл'и*, *йéйса*; заднеязычные *к*, *х*, *γ* после палатальных согласных смягчаются: *Ван'к'а*, *Кóл'к'а*, *тóл'к'а*, *Ол'γ'а*, *с'в'ér'х'у*.[1]

III. Средневеликорусские говоры Куйбышевской области можно разделить на два основных вида: 1) говоры с иканьем и 2) говоры с различными видами яканья.

Икающие средневеликорусские говоры встретились, например, в селах Кротовка, Тимашево.

Якающие средневеликорусские говоры можно разбить на три группы: 1) с умеренным яканьем: села Бобровка, Дубовый Умет, Екатериновка, Ломовка, Муханово и пр.; 2) с ассимилятивным яканьем, когда *'а* в первом предударном слоге произносится только перед слогом с *а*, в других же случаях произносится *е* или *и*: *в'асна́*, *в'ала́*, *з'амл'а́*, *м'ан'ат*; но *в'исну́*, *в'ис'н'é*, *в'ил'и́*, *в'ил'ý*, *з'имл'и́*, *б'ир'и́* и пр. (с. Черненька Пестравского района); 3) говоры с ассимилятивно-диссимилятивным типом яканья (села Владимировка, Кануевка, Большая Царéвщина и др.).

---

[1] Подобный говор был описан проф. Е. Ф. Будде в его диссертации — „К истории великорусских говоров", Казань, 1896, стр. 96—98.

Средневеликорусские говоры Куйбышевской области обнаруживают разную природу своего образования. Одни говоры образовались путем трансформации северновеликорусских в средневеликорусский тип, другие путем видоизменения южновеликорусского характера фонетики — в средневеликорусский. Например, в Кануевке и Владимировке Безенчугского района произносят *т'* в 3-м лице глаголов наст. вр. *в'аз'óт'*, *н'ас'óт'*; в конце же слова при взрывном вообще характере звука *г* произносят *х*: *са ф'с'éх нóх*, *памóх*, *стóх*, *с'н'éх*. В этом можно усматривать следы южнорусского фрикативного *γ*, сохранившегося в оглушенном виде в конце слова.

В систему северновеликорусских говоров нередко проникают отдельные особенности из средневеликорусских и даже южновеликорусских говоров. В некоторых словах начинают произносить звук *а* вместо предударного *о* при сохранении в целом оканья: *акнá*, *вадá*, *съпагá* и пр. Но предударное *о* переходит в *а* в этих говорах не только в слоге перед *а*, но и перед любым ударяемым гласным: *в акн'é*, *сталы́*, *чьстакóл*, *агарóт* и пр. Не только говор городского населения влияет на северновеликорусские говоры, но и говор южновеликорусских соседей. Так, в Тимашеве наблюдалось произношение: *н'аслá*, *б'ар'óза*, *з'ал'óнъй*, в Хворостянке при сохранении оканья отмечалось иканье т. д.

В говоре с. Анютино Пестравского района обнаружено смешанное употребление *г* и *γ*; говорят: *нагá* и *наγá*, *агарóт* и *аγарóт*; в ряде сел употребляются формы с *т* и *т'* в 3-м лице глаголов наст. вр.: *н'ис'óт* и *н'ис'óт'*, *б'ир'óт* и *б'ир'óт'*. Многие говоры Куйбышевской области носят смешанный характер.

Представленные выше данные свидетельствуют о том, что карта МДК 1914 г. по интересующему нас краю не основана на достаточном количестве доброкачественного материала и нуждается в существенных коррективах.

Вопрос об истории появления русских говоров и их территориального расположения в пределах Среднего Поволжья окончательно не может быть еще разрешен. Академик А. Соболевский на основании тех языковых данных, которыми он располагал

в свое время, высказал предположение, что Поволжье заселялось с юга и что его жители „не тянули к Новгороду, а составляли одну область с Москвой, Муромом и Рязанью".[1] И действительно, полоса среднерусских говоров в пределах Куйбышевской области, вклинившаяся между северновеликоруссами и южновеликоруссами, как будто отчетливо указывает на колонизацию Самарской Луки и левобережья р. Волги носителями средневеликорусских говоров, пришедшими сюда из Московской, Муромской и Рязанской областей. Известный русский историк Н. Н. Фирсов не без основания рассматривает русское государство, получившее впоследствии наименование Московского, как по преимуществу Волжское государство. „Родилось оно не на Днепре, не на Волхове, а в бассейне Верхней Волги, и окрепло оно, распространившись на бассейн всей Волги до её устья".[2] При таких условиях неизбежно должно было сказаться влияние средневеликорусских говоров, сложившихся около г. Москвы, на образование и сложение русских говоров Поволжья. Но можно ли считать путь из средневеликорусских областей единственным колонизационным путем русского народа в Среднее Поволжье? Изучение истории колонизации Среднего Поволжья убеждает нас в том, что не менее мощным потоком распространения русского населения в Поволжье был путь с северовостока. История Поволжья тесно связана с историей Покамья с громадной областью Пермь, где жил народ того же имени.[3] Не менее вероятно, что население севернорусских областей Поволжья спустилось из Прикамья вниз по Волге. Об этом свидетельствует в первую очередь общность говоров Куйбышевской области с говорами Горьковской области.[4] Говоры

---

[1] А. Соболевский. Опыт русской диалектологии, Киев, 1911, стр. 11.

[2] Н. Н. Фирсов. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья, Казань, 1921, стр. 34, см. также стр. 10.

[3] Там же.

[4] См. исследование П. Я. Черных о языке протопопа Аввакума. „Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия", Иркутск, 1927.

с неполным оканьем широко представлены в Горьковской области.

Но кроме этих двух путей колонизации, существовал и третий путь, сыгравший особенно большую роль во вторую половину XVII в. Это путь с низовьев Волги вверх по её течению на север.[1] Едва ли случайно территориальное расположение южновеликорусских говоров на территории Куйбышевской области. Во второй половине XVII в. происходили крупные передвижения народных масс во время крестьянской войны Степана Разина. Война эта охватила огромную территорию от г. Астрахани и низовьев Волги до с. Покровского и верховьев Волги и Ветлуги. В это время массы донских казаков двинулись по р. Волге вверх. Восставшие захватили крупные города: Самару, Симбирск, Макарьев и др. Несомненно, что часть этого южнорусского населения должна была осесть на Волге. На Самарской Луке есть селение под названием Донецкое.[2]

На этот путь колонизации Поволжья по Дону и его северным притокам на Волгу указывает и академик А. А. Шахматов.[3] Основными путями колонизации Поволжья, по мнению академика А. А. Шахматова, были в сущности два пути: один шел с северовостока по Волге вниз (северновеликорусское течение), а другой — вверх по Волге (южновеликорусское течение). Что же касается средневеликорусских говоров Поволжья, то отношение к ним академика А. А. Шахматова очень своеобразно. Он полагает, что средневеликорусские говоры в Поволжье образовались из южнорусских, потеряв под влиянием северновеликорусских соседей придыхательное *г* (щелинное фрикативное *γ*), *т'* в 3-м лице глаголов и многие другие южновеликорусские особенности.[4] Повидимому академик А. А. Шахматов или отрицал

---

[1] П. Н. Милюков в „Очерках русской культуры", стр. 47, указывает на два пути колонизации Поволжья: 1) вниз по Волге и 2) по Оке (об области кривичей и вятичей).

[2] Движение с Дона на Волгу происходило и позднее, в XVIII в.

[3] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских племен и наречий. ЖМНП, 1899, апрель, стр. 334.

[4] Там же, стр. 382.

или не придавал существенного значения в образовании поволжских говоров колонизационному течению из Московской и Рязанской областей, которое должно было принести средневеликорусские говоры на Волгу в уже сложившемся виде.

Передвижения и перетасовки населения в пределах Среднего Поволжья происходили чрезвычайно интенсивно. В конце XVIII в. (1772—1775) движение Емельяна Пугачева, ещё болѣе мощное, чем движение Степана Разина, охватило огромный район от побережья Каспийского моря, г. Гурьева до р. Чусовой на севере. По Волге вверх повстанцы дошли почти до Нижнего Новгорода (теперь г. Горький).

При изучении говоров Куйбышевской области необходимо учесть разные периоды колонизации Куйбышевской области (б. Самарской губернии) русскими. Так, например, южновеликорусское население из Тамбовской, Тульской и Рязанской губерний переселилось в Поволжье во второй половине XIX в.

Совершенно естественно, что куйбышевские говоры пестры по своему составу и редко располагаются компактной массой. Здесь говоры чаще всего перемешаны. Замечательно, что на севере Куйбышевской области (здесь колонизация прошла раньше) говоры расположены более компактной массой, чем в южных районах области — районах поздней колонизации.

Исследователь местного края В. Г. Варенцов еще в 50-х годах XIX в. отмечал исключительную пестроту этнографического состава населения Поволжья: „Вы встретите здесь пришельцев, может быть, из 20 губерний: тут есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то в Мензелинском уезде и отчасти в Бугульминском; есть и малороссы по солевозным трактам Илецкому и Эльтонскому и по р. Иргизу и Кинелю; есть поселенцы из всех окружных губерний, особенно из Тамбовской, также куряне, туляки и много других... Переселенцы из Тульской и Рязанской губерний в Самарском и Бузулукском уездах, живя среди чувашей и мордвы, до сих пор сохраняют

свои костюмы и наречия; еще упорнее в этом отношении малороссияне, например, по р. Иргизу и в Новоузенском уезде".[1]

В. Г. Варенцов справедливо отмечает, что общий характер такого населения „определить трудно". Часть этих переселенцев — люди, которые спасались от религиозных и политических преследований, другие были привлечены в заволжский край слухами о его богатстве и приволье. „И теперь сохраняется в этой стороне память о „сиротской дороге", по которой ходили добывать себе счастья эти бездомные скитальцы. Тут, среди этого раздолья степей, пелись, тут, может быть, и сложились вольные, как полевой ветер, песни про буйную удаль, про темную темницу и тоску по воле".[2]

При таком близком соседстве одного города к другому неизбежно должно сказываться их взаимное влияние. Еще В. Г. Варенцов отметил этот процесс унификации диалектов на базе общеразговорного городского языка. Он отметил, что переселенцы, заполнившие Самарский край, мало помалу теряют свои диалектные особенности. „Чем дальше уходит в глубину минувшего начало их поселения в Самарском крае, тем меньше встречается у них особенностей, которые напоминают об их метрополии; чем новее поселение, тем оно больше сохраняет своих обычаев, песен, обрядов, занесенных из другого края. Точно так же с языком".[3]

Несмотря на этот мощный процесс унификации диалектов, пережитый и переживаемый говорами Куйбышевской области, в говорах и до сих пор сохраняются многие особенности, ценные для историка русского языка. Так, в Новобуянском и Ставропольском районах были обнаружены беспредложные конструкции: *жыв'о́т д'е̯'е́в'н'е, жыв'о́т го́р̯ъду, жыв'о́т Ста́вр̯ъпъл'и.*[4]

---

[1] В. Г. Варенцов. Песни и предания Самарского края. Сборник песен. Изд. Серно-Соловьевича, 1862, стр. VI.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Впрочем, вполне возможно, что беспредложные конструкции в наших говорах возникли и под влиянием мордовского языка (мнение С. С. Высотского, сообщившего его нам в личной беседе).

Что же говорят нам историки о времени и самом процессе колонизации Куйбышевской области и Среднего Поволжья в целом? Несомненно, что процесс колонизации происходил очень сложным путем. Необходимо различать разные периоды этой колонизации: более ранний или более поздний. Русские очень рано начинают свое знакомство с Волгой. Многочисленные дружины русских князей идут на Волгу из разных мест и в особенности из Новгорода Великого. Эти походы особенно усиливаются во второй половине XII в. Набеги русских на волжское Болгарское государство отмечены в летописях (в 1120, 1164, 1172 гг. и т. д.).[1]

Эти ранние походы русских князей на Волгу не преследовали еще целей колонизации края. Проф. Н. Н. Фирсов характеризует эти набеги словом „наездничество", но уже в 1174 г. в устье Камы при впадении ее в Волгу был основан первый русский город Хлынов. Город этот был основан новгородцами.[2]

Историк местного края П. А. Преображенский относит начало колонизации Среднего Поволжья русскими „к концу Киевского периода русской истории, когда население Киевской Руси, теснимое кочевниками, стало искать себе новых земель".[3]

Колонизация в Среднее Поволжье из Ростово-Суздальской земли началась не ранее XIII в.[4] В 1221 г. был основан город Нижний Новгород (теперь г. Горький). Этот город стал опорным пунктом дальнейшего движения русских людей вниз по р. Волге, особенно к Самарской Луке.

Косвенное доказательство тому, что уже в XIII в. Поволжье было заселено русскими на всем протяжении р. Волги,

---

[1] См. подробности в книге проф. Н. Н. Фирсова „Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья", ГИЗ, Казань, 1923, стр. 34—35.

[2] В летописи сообщается, „что новогородцы построили мал град во обитание себе" (см. Н. Н. Фирсов, Чтения..., стр. 37).

[3] П. А. Преображенский. Очерк истории Самарского края, Самара, 1919, стр. 10; ср. также А. Шефер, Город Куйбышев, Облгиз, 1940, стр. 9.

[4] Проф. Н. Н. Фирсов называет основание Нижнего Новгорода „первым серьезным выражением русской колонизации" (см. „Чтения .", стр. 37).

П. А. Преображенский видит в том, что в это время была учреждена русская православная епархия в Сарае — столице Золотой Орды (вблизи с. Селитренное на Ахтубе). Население Сарая было в сущности разноплеменным: кроме татар и болгар, здесь жили армяне, генуэзцы, византийцы и русские.[1]

За Волгу, за обладание этим торговым путем, шла кровавая борьба. Н. Н. Фирсов считает, что в первый ранний период колонизации Поволжья русские стремились захватить Волгу с севера.[2] Так, в 1399 г. в ответ на разграбление Нижнего Новгорода московский князь Василий двинул на Волгу значительный отряд.

В самом начале колонизационного движения Самарский край был очень слабо заселен. Северная часть края была покрыта лесами и болотами, южная часть носила степной характер. Трудности освоения края русскими осложнялись еще и тем, что южная степная часть находилась во владении кочевников, с которыми русским пришлось вести беспрерывную борьбу.

Освоение края пошло быстрее в XVI в. В 1552 г. было покорено Казанское ханство, а через 4 года — Астраханское. После взятия Казани колонизация Среднего Поволжья усиливается. Русские стремились овладеть всем течением Волги. „Московское правительство энергично содействует этой колонизации, торопясь закрепить русскими людьми не только города, но всю покоренную страну, прежде всего Казанский край".[3]

Особенная роль выпала на долю „гулящих" и „вольных" людей, стремившихся на Волгу со всех концов русской земли. Здесь были новгородские повольники, донские казаки, азовцы, крымцы и т. д. П. И. Преображенский так характеризует это движение русских на Волгу: „Состояние народной жизни, претерпевавшей на исходе XVI в. тяжелый экономический кризис, побуждало русских людей искать себе новых мест, свободных и привольных. Теснимые общественными неустройствами,

[1] Н. Н. Фирсов. Чтения, стр. 63—64; П. А. Преображенский, Ук. соч., стр. 10.

[2] Н. Н. Фирсов, Чтения, стр. 99.

[3] Там же.

насилием властей, тяжкими поборами, истощением почвы, люди „брели розно", часто наудачу, куда глаза глядят и куда случилось. На вопросы властей о причинах переселения новоселы заявляют, что ушли со старых мест „от скудости", „с голоду", „от хлебного недороду".[1] В XVII в. присоединяется еще одна причина: люди бегут на Волгу „от церковного расколу". Разумеется, при таких условиях не могло сложиться монолитного „самарского говора", так как языковая пестрота была очень велика.

С XVII в. колонизация Поволжья пошла особенно бурными темпами. Крестьяне и дворовые люди бежали на Волгу, надеясь найти здесь свободу и приволье. В Самарском крае, еще не обжитом, была очень велика нужда в рабочих руках. „Служилые люди расселяли принятых беглых либо в своих деревнях, либо в городе в качестве дворовых. Воеводы и те не отказывались от беглых. Их охотно приписывали к посаду или слободе, в особенности, если беглый знал какое-нибудь ремесло".[2]

Московское правительство прилагало все усилия, чтобы удержать Волгу под своим контролем. С этой целью на берегах Волги и по ее многочисленным притокам возводятся города, строятся укрепленные линии, для обслуживания которых в Поволжье направляют „служилых людей", стрельцов и других колонистов. В 1581 г. возникают Самара и Царицын, в 1592 г. — Саратов, в 1648 г. — Симбирск (теперь Ульяновск), в 1683 г. — Сызрань. Эти города были опорными пунктами сельской колонизации. Сельская колонизация делала Поволжье русским.[3]

Борьба с кочевниками продолжалась очень долго, вплоть до второй половины XVIII в. В этой борьбе реки играли роль барьеров, отделявших оседлое население от кочевников. Особенно большое значение в качестве таких заградительных препятствий имели реки Куйбышевской области: Самарка, Большой

---

[1] П. А. Преображенский. Ук. соч., стр. 11.
[2] Там же.
[3] Ср. Н. Н. Фирсов. Чтения, стр. 104—105

Иргиз, Чагра, Большой Черемшан, Кинель и др.[1] Еще в начале XVIII в. местность по р. Иргизу была опасной для новоселов.

Во второй половине XVII в. началась постройка „Закамской черты" цепи оборонительных сооружений, простиравшейся от с. Белый Яр на Волге до г. Мензелинска и р. Ик. Вскоре эта линия была дополнена „Симбирской чертой" от Инсар до Симбирска. На этих линиях были посажены стрельцы. Укрепление этих оборонительных линий продолжалось и в первой половине XVIII в., когда на „Закамской линии" был организован ряд новых поселений, жителями которых стали беглые крестьяне из Курской, Рязанской, Пензенской, Казанской, Уфимской и Симбирской губерний.[2] Таким образом, в языковом и этнографическом отношении состав населения по линиям этих оборонительных сооружений был очень пестрым.

Укрепления были построены и вдоль р. Самарки („Самарская линия"). По этой линии были расположены селения-крепости: Алексеевск, Красносамарск, Борское, Бузулук, Тоцкое, Сорочинское и Верхняя при истоке р. Самарки.[3]

О составе населения по этим укрепленным линиям можно судить по следующим словам известного историка колонизации Поволжья Г. Перетятковича: „Стрельцы и казаки, водворенные в городах и острожках по закамской и симбирской чертам, брались группами из разных мест, а в этих местах они вербовались большей частью из гулящих и охочих людей, отовсюду приходивших, что и отражается нередко в их прозвищах, свидетельствующих наглядно о сбродном характере высшего служилого сословия в здешних местах".[4]

В начале XVIII в. правительство приступило к заселению долины р. Иргиз. Сюда были переселены старообрядцы, основавшие по р. Большой Иргиз ряд скитов и монастырей. В 30-х

---

[1] А. Архангельский. Географический очерк Средневолжского края. Самара, 1931, стр. 24.

[2] Алабин. 225-летие г. Самары, 1887, стр. 10—14.

[3] А. Шефер. Ук. соч., стр. 40.

[4] Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и в начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882, стр. 199.

годах XIX в. эти монастыри и скиты были ликвидированы, а старообрядцы были расселены по Николаевскому и Самарскому уездам.

К исходу XVIII в. этнографический состав населения был очень пестрым: в северной части области жили башкиры, мордва, чуваши, черемисы, тептяри, вотяки; кое-где имелись случайные жительства калмыков; по рекам расположились узкими полосками великорусские слободы и деревни; на юге Куйбышевской области, южнее р. Самарки, жили те же великороссы (главным образом старообрядцы) и украинцы.

В середине XIX в. (1851) была организована Самарская губерния. С этого времени начинается усиленное насаждение помещичьих хозяйств. Бóльшая часть русских селений Самарской губернии была основана во второй половине XIX в. Основная масса населения шла из пределов Тамбовской губернии (не менее одной трети этой губернии). Много народу приходило из Курской, Пензенской, Воронежской, Рязанской, Орловской губерний.[1] Таким образом, основное ядро переселенцев в Самарскую губернию было южновеликорусским. Значительное число новых поселенцев было взято из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний (украинцы).

К началу XX в. Самарский край оказался сплошь заселенным русским крестьянством.

Плотность населения постепенно уменьшается от севера области к югу. В этом П. А. Преображенский видит подтверждение той мысли, что „потоки колонизации шли с севера к югу и с северо-востока и берегов р. Волги внутрь страны".[2]

Этот краткий очерк колонизации Поволжья в пределах Куйбышевской области подтверждает, что колонизация Поволжья происходила очень сложным путем. Но все же в этой колонизации можно наметить три основных потока: 1) с севера, с верховьев Волги и Камы, принесший в Среднее Поволжье средневеликорусские говоры (отсюда наличие в некоторых

[1] А. Архангельский. Географический очерк..., стр. 43.
[2] П. А. Преображенский. Колонизация..., стр. 70.

говорах Поволжья полного оканья и такой черты, как замена старого *ѣ* звуком *и* перед мягкими согласными под ударением: *н'ед'ил'а, в'ит'ер, ф сн'иг'е* и пр.); 2) с низовьев Волги, с Дона и его притоков, принесший в Поволжье южновеликорусский и украинский элемент, причем украинцы и южновеликоруссы по преимуществу осели в южной степной полосе Среднего Поволжья (южные районы современной Куйбышевской области); 3) третий поток шел из центра России, из областей Московской, Тверской и Рязанской; он внес в говоры Поволжья средневеликорусский и отчасти южновеликорусский элементы. Средневе-ликоруссы утвердились первоначально на Самарской Луке, а затем распространились по левобережью Волги в глубь Куйбышевской области.

Следует также иметь в виду, что южновеликорусские говоры распространились особенно мощным массивом в годы позднейшей колонизации (вторая половина XIX в.).

Р. И. АВАНЕСОВ

ЗАМЕТКИ О ГОВОРЕ с. СЕМЕНОВСКОГО НА р. ВОДЛЕ

Летом 1937 г. я с группой студентов и товарищей по работе совершил большую диалектологическую поездку в Пудожский район Карело-Финской ССР. На обратном пути, желая послушать одного из наших замечательных сказителей, впоследствии орденоносца, члена Союза советских писателей, Федора Андреевича Конашкова, мы сделали кратковременную остановку в с. Семеновском на р. Водле, недалеко от Онежского озера.

Величественная природа нашего Севера, суровая красота Онежского озера, карьеры знаменитого карельского гранита, многоводная Водла, чудесные луга, окаймляющие ее, бледно-золотистый серп луны и сказочно большая Полярная звезда над ним на фоне светлого неба северной ночи, — все это как нельзя более гармонировало с обликом старика Конашкова, который самой личностью своею вводил нас в мир русской народной поэзии. Федор Андреевич был весь проникнут героями своих ста́рин: интимно близок с одними, трунил над слабостями других, ненавидел третьих. Что еще удивительнее: с ними было знакомо все село. Федор Андреевич и другие местные жители говорят об Илье Муромце и Алеше Поповиче, Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче или о „злодие Калине-царе" и „царище-Кудриянище," как о реальных лицах, и обсуждают их жизнь и их поступки, как поступки и жизнь своих односельчан. Владея огромным репертуаром старых былин, Ф. А. Конашков вместе с тем был создателем замечательных новых сказов — о Ленине и Сталине.

Сам Федор Андреевич всем своим бытом и обликом представлялся нам былинным и сказочным персонажем. Двухэтаж-

ный („двужильный“) дом его, сложенный из громадной толщины бревен, с резными наличниками и крыльцом, увенчанным каким-то петушком или коньком, хочется назвать не избой, а теремом или хоромами. Вот он в голубоватом сумраке северной ночи выходит на лужок и, тихо посвистывая, зовет: „Сúвушко-Сивогрúвушко!“ И вдруг откуда-то возникает со ржаньем его жеребенок; в несколько скачков он оказывается рядом, останавливается как вкопанный перед стариком, обдает его своим горячим и шумным дыханием и сует свои теплые и бархатные губы в шершавые мозолистые руки старика.

Оказалось, что в с. Семеновском Федор Андреевич не одинок: отдельные стáрины сказывают и другие. Что же касается иных форм народной поэзии, то они, можно сказать, процветают там — разные жанры песни, сказка и даже народная драма (нам хотели показать „Царя Максимилиана“, но за неимением времени мы вынуждены были отказаться от этого интересного предложения).

Кроме самого Конашкова особенно сильное впечатление на нас произвели песни и старины Степаниды Васильевны Якушевой (лет 45). Ее исполнение отличалось большой выразительностью, богатством и разнообразием мелодии (как известно, некоторые сказители бóльшую часть своих старин поют на одну мелодию; таков, между прочим, и Конашков).

Я записал от Ф. А. Конашкова сказку о Ершишке-плутишке, которая помещена ниже, а также заполнил несколько страничек своей записной книжки наблюдениями над его обычной речью. Это и дало мне возможность составить заметку о говоре с. Семеновского, которая, конечно, очень далека от полноты. Кроме того, она построена на наблюдениях над говором одного лица и потому, возможно, отражает в себе какие-нибудь и индивидуальные черты, не характерные для говора села в целом.

В Семеновском я записал также несколько песен от С. В. Якушевой, в том числе одну большую историческую песню „Про литóського короля“, очень интересную как по тексту, так и по мелодии. Ниже помещена одна небольшая песня „Про пастушка“ вместе с мелодией. Наблюдений над разговорной

речью С. В. Якушевой, к сожалению, сделать не удалось. Поэтому в данной заметке эти материалы не использованы. Замечания о языке С. В. Якушевой, а также об исполнении ею помещенной ниже песни см. после текста песни.

Перед нами типичный северновеликорусский говор Олонецкой группы. Оканье — полное: во всех безударных слогах старые *о* и *а* различаются. Лишь в единичных случаях, в непосредственно заударном неконечном слоге, отмечен редуцированный гласный: *трáвън'ка, скáзъц'ка.* Гласные безударных слогов мало отличаются по своей полновесности и длительности от ударенных гласных. Это сообщает речи особый характерный „ровный" ритм.

Примеры на безударные *о* и *а*: *да домóй пойежжáл, помрáв'илос', похвал'бá, не прохóж'ого не пройéж'ж'ого, напропускáл, прокаравýл', наробóтал'ис', розбóйн'иц'к'и, роз'йêхал'ис', росказáл'и, роспос'ел'йлса* и др.

В первом предударном слоге после мягких согласных на месте *е* перед твердым согласным произносится слабо лабиализованное передне-среднего образования *о(ӧ)*: *пр'ин'осý, д'оржи́(т'е), обд'оржáл'и, хор'овáтой, йолóва, свойогó, на йоршá (-ý, -óм), йоршы́шко, на йорбóвой, тр'оскý, пов'орнýлса, ц'оты́р'е (ц'еты́р'е).* То же после шипящего: *жонá (-ы, -óй, -áтой).* То же перед шипящим: *л'ожáт', тр'ошчúна* (наряду с *т'решчúна*), но *л'ешчú.* Отрицание *не* произносится в предударных слогах перед твердым согласным с *е* открытым: *н'е бýд'от, н'е мóже, н'е знáш, а н'е тó, н'е покáзывать* и др. Перед мягкими согласными в предударных слогах произносится звук *е* также открытого образования: *в'ес'ел'ит'ц'а, с'ер'éдн'ей, фп'ер'ед'й, роспос'ел'йлс'а, н'ел'з'á л'и, д'ен'óк, н'ев'éжа, н'е п'ивáл'и н'е йедáл'и.* Однако в местоименных формах „меня", „тебя" отмечен звук *и*: *м'ин'á, т'иб'á.*

В инфинитивах *б'ер'екц'й, с'т'ер'екц'й* перед твердым *к* произносится *е*, а не *о*, видимо в связи с тем, что эти формы заменили собой более старые формы *б'ер'ец'й, с'т'ер'ец'й*, в которых предударное *е* находилось перед мягким *ц'*.

Звук *е* (не *о*!) отмечен также в форме *пот'епл'а́йе*. Возможно, что в сочетаниях *пл'* с *л'* не эпентетическим так же, как в этих последних, *п* смягчилось, в связи с чем *е* не изменялось в *о*. Ср. *е* под ударением в такой форме, как *потэ́пле*.

В заударных слогах перед твердым согласным на месте *е* произносится обычно *'о*: *у вну́ц'ок, д'ен'о́к, о́з'оро (-а, -у), дово́л'он, по́м'ор, богомо́л'ц'оф, по хоро́шому, пройэ́ж'ж'ого, з' д'э́р'ова*; при *н'е бу́д'от* отмечено и *бу́д'ет*. Перед мягкими согласными и *й* произносится *е*: *в о́з'ер'е, тр'ап'и́ц'ей*. Сюда же можно отнести случаи: *с'ер'э́дн'ей* (ср. *сам тр'ет'э́й*), *Гр'игор'ей, Вас'и́л'ей*.

В заударном конечном открытом слоге на месте *е* отмечено *о* в следующих случаях: *по́л'о, мо́р'о, го́р'о, зайавл'э́н'йо, прошэ́н'йо*. В глагольных формах и в сравнительной степени произносится *е*: *има́йт'е, пос'ид'и́т'е, д'ержи́т'е*; *н'е мо́же, со́хн'е, бу́д'е т'иб'а́ послу́хат'*; *пот'епл'а́йе, победн'а́йе, бл'и́же*, тоже в числительном *ц'оты́р'е*.

На месте *ѣ* в предударном слоге перед твердым согласным произносится *е* открытого образования, перед мягким согласным — *и*: *р'еку́, м'еста́м, н'е йеда́л'и, на п'еску́, р'етк'и́ш*, но *р'ик'и́, отв'иц'а́т'*; *б'ил'э́н'к'и, з' д'ит'и́шкамы*. В заударном конечном открытом слоге на месте *ѣ* произносится *е*: *на с'в'и́т'е, на м'и́с'т'е, на тро́н'е, в ц'и́стом по́л'е*; сюда же можно отнести случай *на пра́вой доло́н'е* (ср. *на п'ец'э́*).

На месте *а* в первом предударном слоге произносится *а* как перед твердым согласным, так и перед мягким: *пот'ану́т'*; *зат'ага́т'*, *загл'ану́, пом'ану́л, зайавл'э́н'йо, гл'ад'и́т, гл'ад'и́, погл'ад'э́т', тр'ап'и́ц'ей, пот'ан'и́*.

По отношению к ударенным гласным можно сделать следующие замечания.

Ударенный гласный *а* между мягкими согласными сохраняется: *оп'а́т', пр'а́с'* (=прясть), *д'ив'а́т'ц'а, справл'а́йут'ц'а, подн'а́т'ц'а* (произносится звук *а* передне-среднего образования при повышенном подъеме языка: *ӓ*).

На месте *ѣ* под ударением произносится *е* (*е* закрытое) перед твердым согласным и *и* перед мягким: *роз'йэ́халс'а*,

пойêхал, с'êл, хл'êба, с'в'êтлой, вм'êсто, м'êлк'их, ф сл'êт, ко мн'ê, с'в'êт; на с'в'ит'е, в тако́м-то м'ис'т'е, пои́д'еш (=поедешь), *имийа* (=имеет). Однако это чередование *е*//*и* не проведено последовательно: перед твердым согласным иногда произносится *е* („*е* открытое"), перед мягким *ê* („*е* закрытое") — *м'е́сто, пос'ид'е́л, пр'ийе́хал, с'в'е́т, с т'ех; д'в'êс'т'и, йêд'а* (=едет), *погл'ад'е́т'*. Отмечу особо случаи *н'ев'êж'а* (возможно также *н'ев'êжа*) и *пройêж'ж'ого*.

В конечном открытом слоге на месте *ѣ* наряду с *ê* встречается также *е*: *на стол'ê, ко мн'ê*, но: *ф суд'е́, на пец'е́, мн'е́*.

В слове „пир" на месте *и* произносится *е*: *на п'е́р*.

Система согласных звуков характеризуется прежде всего неразличением аффрикат *ц* и *ч* („цоканьем"), вместо которых произносится мягкое *ц'*: *богомо́л'ц'оф* (=*ц'ама*), *от'е́ц'*; *дв'е ба́б'ац'и, до ц'ếр'квы, купц'о́ф, ц'а́р', про ц'ар'а́, сукó́н'ц'о, пш'ан'и́ц'у, тр'ап'и́ц'ей, жил'ц'о́ф, пла́т'йиц'а* (им. п. мн. ч.), *лофц'а́*; *ц'* на месте *ч'* — *ц'ару* (вин. п.) *мазу́р'н'ац'ала, два му́жац'ка́, круц'и́н'ит'ц'а, исп'екц'и́, хар'ц'и́, ц'еты́р'е, в э'том руц'е́йку́, руц'ếй, руц'и́й, доц'ер'ей, похо́доц'ка, пов'ин'ц'а́л, кл'у́ц'ик, кл'уц', скат'ер'о́тоц'ка — хл'ебосо́лоц'ка, по но́ц'к'и, ц'и́стой, уц'у́, у вну́ц'ок;* отмечу особо случай: *м'икйл'ац'на*. Мягкое *ц'* с долгим затвором произносится в глагольных формах на стыке *т* личного окончания и возвратной частицы *-ся: мра́в'ит'ц'а, н'е же́н'ит'ц'а, круц'и́н'ит'ц'а, д'ив'а́т'ц'а, от'ц'а́, в'ес'ел'и́т'ц'а, подн'а́т'ц'а, жа́луйут'ц'а, зб'ора́т'ц'а*.

Исключений в произношении аффрикат очень немного: твердое *ц* (наряду с мягким, см. выше) в корне *цар-*: *ца́р'с'ка, ца́р'с'твават'* и звук *ч* в слове *ру́пачи*.

Звуки *ш* и *ж* во всех положениях Ф. А. Конашков произносит то твердо, то мягко. У С. В. Якушевой эти звуки отмечены только в твердом виде. Поэтому возможно, что мягкие *ш* и *ж* представляют индивидуальную особенность речи Ф. А. Конашкова: *пш'ан'и́ц'у, пш'ен'и́ц'а, пастуш'о́к, обна́ш'ивать'*, но *ста́р'шого, рошшы́р'ил, пастушо́к, муж'ац'о́к, ближ'е, н'ев'êж'а, лож'и́с', д'орж'и́, слу́ж'бу, ж'ен'и́л, то́ж'е,*

к х'иж'ины, но *жона́ (-ы, -ой, -атой)*, *обд'ержа́л'и*, *прохо́жого*, *рожжы́лса*, *жен'и́л*, *жа́луйут'ц'а*.

Долгие шипящие звучат полумягко или мягко. Долгий шипящий глухой имеет явственный взрывный элемент (*ш'ч'*), соответствующий звонкий может иметь слабый взрывный элемент (*ж'д'ж'*), но чаще представляет фрикативный звук (*ж'ж'*): *уча́ш'ч'ивать'*, *о́вош'ч'и*, *л'еш'ч'и́*, *прош'ч'а́т'*, *н'е прош'ч'а́л'ис'а*, *пуш'ч'а́й*, *и́ш'ч'е* (=ищет), *тр'ош'ч'и́на*; *дож'д'ж'и́*, *дож'д'ж'а́т*, *вож'д'ж'и*, *пройе́ж'ж'ого*, *пойеж'ж'а́л*, *н'е в'иж'ж'и*.

Губные на конце слова могут быть мягкими: *с'ем'*, *вос'ем'*, *кроф'*, *голуп'*.

Конечные сочетания *-с'т'* и *-ст* произносятся без взрывного согласного: *кос'*, *пус'* (=пусть), *пр'ас'* (=прясть), *влас'*; *на́ мос*, *в'о́рс*, *кр'о́с* (=крест), *фо́с* (=хвост), *л'и́с* (=лист), *по́с* (=пост).

Вместо сочетания *нр* в слове „нравиться“ произносится, *мр*: *мра́в'ит'ц'а*, *помра́в'илос'*.

Перед *с* губной фрикативный звук (*ф*) может не произноситься: *с'а́кой*, *с'е* (=все), *спаха́л*, *л'ито́с'кого*, *моско́с'к'и*, *в росто́с'ко*.

После мягкой *л'* звук *н* смягчается: *на во́л'н'ом с'в'и́т'е*, *дово́л'н'о*, *пра́в'ил'н'о*, *остал'н'и́и*.

Звук *с* в суффиксах *-ск-* и *-ств-* звучит мягко (во втором суффиксе звук *т* может отсутствовать); перед этим суффиксальным *с* зубные согласные звучат мягко: *ца́р'с'кой*, *цар'с'ка*, *корбоз'е́р'с'кого*, *в' йерма́н'с'ку войну́*, *ца́р'с'твовать'*, *бо*γ*а́с'во*; ср. также *госпо́ц'ка* (=господская), *сов'е́ц'ка вла́с'*. Другие примеры мягкости суффиксального *с* см. выше. В словах „старшего“ и „суконце“ звуки *р* и *н* произносятся мягко *ста́р'шого*, *суко́н'ц'о*.

В двух случаях отмечено фрикативное *г*: *бо*γ*а́тыр'* и *бо*γ*а́с'во*; в слове „господь“ звук *г* совсем отсутствует: *оспо́т'*. Вместо мягкого *г* в корнях заимствованных слов перед *е* произносится *й*: *йорбо́вой лис* (=гербовый), *в' йерма́н'с'ку войну́*.

В случаях, восходящих к старым сочетаниям *tьrt*, *звук р* перед губными и задненебными произносится мягко: *до ц'е́р'квы*, *на в'ер'ху́*, *до п'е́р'вово*, *с'е́р'п*. Отмечено несколько

случаев второго полногласия: *в'ер'о́х, скат'ер'о́тоц'ка, столо́п* (=столб).

Между гласными заимствованных слов появляется *в: прокарави́л', ра́д'иво.*

В слове „возвратись" звук *в* не произносится: *возрат'и́с.*

Морфологические черты говора с. Семеновского также характерны для северновеликорусского наречия, в частности для Олонецкой группы его говоров.

Существительные жен. р. на *-а* в дат. и местн. падежах ед. ч. имеют, как и в род. п. ед. ч., окончание *-и* после мягких согласных и задненебных и *-ы* после твердых согласных: *к земл'и́, на земл'и́, по рук'и́, на рук'и́; к х'и́ж'ины, в Москвы́, к Москвы́, на могилы, нака́зывал жоны́, к свойо́й жоны́, к тр'ешчи́ны, тр'ошчи́ны сты́дно, к па́лтус ма́тушк'и-ры́бы.*

В словах муж. и ср. р. в местн. п. ед. ч. отмечено окончание *-е* (под ударением возможно также *ê*, без ударения только *е*): *в тако́м-то м'и́с'т'е, на во́л'н'ом с'в'и́т'е, в ц'и́стом по́л'е.* То же окончание употребляется в словах жен. р. на согласный: *на пец'е́, на лошад'е́, на долон'е, на пра́вой долон'е.* В род. п. ед. ч. слов жен. р. на согласный также отмечена форма на *-е: ко́ло но́ц'е.*

Записано два случая местн. п. ед. ч. на *-у* в словах муж. р.: *в руц'ейку́, на песку́.*

Слова на *-ушко* склоняются по муж. р.: *ба́т'ушко, у ба́т'ушка, з ба́т'ушком, как ба́т'ушку служы́л, с таким плут'и́шком, за с'и́вушком-с'ивогр'и́вушком, Вас'и́л'йушко, с Вас'и́л'йушком.*

Слово „церковь" относится к склонению жен. р. на *-а: ц'ếр'ква, до ц'ếр'квы.*

Во множ. ч. наиболее заметная черта в склонении существительных — форма твор. п. на *-амы: за грыба́мы, кам'е́н'йамы, за свои́ма за сро́дникамы, со свои́ма студ'е́нтамы, з' д'ит'и́шкамы.*

Отмечено от „лещ" в род. п. мн. ч. форма на *-ов*, правда, в сказке и в сочетании *л'еш'ч'о́в — ж'ил'ц'о́ф.*

Любопытна форма им. п. мн. ч. от „сын": *сынова́ мои л'уб'и́мыи;* ср. в род. п. мн. ч. *сынов'е́й.*

Отметим еще формы: *с тех вр'ем'а́н* и *дровн'и́шка* (им. и вин. падежи мн. ч.).

Прилагательные и местоимения характеризуются формой твор. п. мн. ч. на *-ма* (*со свои́ма, йа в'ет' дово́л'он вама, за н'и́ма, с хоро́шима д'ит'и́шкамы*), формой род. п. ед. ч. муж. и ср. родов на *-ого* со звуком *г* взрывным (*кого́, того́, до сойего́, пройе́ж'ж'ого, коробоэ'е́р'с'кого, тако́го, расто́с'кого* и др.). Впрочем, эту форму Ф. А. Конашков произносит и со звуком *в* (*у́мново, тако́во* и др.), что, видимо, является вторичным, вызванным влиянием литературного языка (ср. *г* взрывное в песне С. В. Якушевой, то же в обследованных мною говорах на Водлозере).

Местоимение „он" имеет в начале *й* : *йон,* вин. п. жен. р. *йу* (например, *в'ид'ел йу; и дава́й йу има́т'*).

Местоимения „моя", „твоя", „своя" в род., дат., твор. и местн. падежах имеют формы *мойо́й, твойо́й, свойо́й.*

Отмечена форма *т'а* в род. п. ед. ч. (*так у т'а п'и́сано?*), а также притяжательное местоимение *йи́хна* (*што́ йи́хна похвал'ба́*).

Широко употребительны стяженные формы прилагательных в им. и вин. падежах ср. и жен. родов, а также в им. п. мн. ч.: *в расто́с'ко о́з'оро, в расто́с'ку р'еку́, ф суд'о́бно м'е́сто, ко́жа как йоло́ва кора́, худа́ голов'и́шка, на йорбо́вы дровн'и́шка, на ста́ры м'еста́.* Впрочем, в им. п. мн. ч. наряду со стяженной формой отмечена и полная, причем возможно, что употребление той и другой ограничено синтаксически или стилистически. В примерах — *п'е́с'н'и фс'о стар'и́нныи; закры́л д'в'е́р'и дубо́выи; д'е́тоц'к'и мои́ л'уб'и́мыи* — обращает на себя внимание постпозиция прилагательного и его положение в конце фразы (перед паузой); то и другое, как известно, вообще усиливает смысловый вес прилагательного. Ср. при препозиции: *стар'и́нны п'е́с'н'и и ран'ш'е фс'е рос'п'ева́ли.* В примерах: *л'ешчи́ жил'ц'и́ расто́с'к'ии по́ тр'и го́да хл'е́ба-со́л'и н'е йеда́л'и..., друг'и́и з го́лоду пом'ора́л'и; остал'н'и́и ста́л'и*

в м'ѐсто з'б'ора́т'ц'а... — нестяженная форма в первом случае постпозитивна, в двух других случаях (*друг'и́и, остал'н'и́и*) она связана, возможно, с субстантивацией и синтаксической ролью подлежащего. Возможно, что для употребления стяженных или нестяженных форм имеет известное значение и момент чисто ритмический. Ср. в сказке Конашкова при тожественных синтаксических оборотах нестяженные формы у прилагательных с ударением на окончании при стяженных формах у прилагательных с безударными окончаниями: *у м'ин'ка́* (в другой раз: *у нал'и́ма*) *гу́бы толсты́и, зу́бы р'етк'и́и*, но: *у га́рйуса* (в другой раз *у т'иб'а́) гу́пк'и тон'ён'к'и, пла́т'йиц'а б'ил'ён'к'и, похо́доц'ка госпо́ц'ка, розгово́рушк'и моско́с'к'и.*

Нельзя не отметить, что в песенном языке Ф. А. Конашкова формы на безударное *-ыи* (*-ии*), а также на *-ыих* (*-иих*), *-ыим* (*-иим*) широко употребительны, но лишь в определенных стилистических условиях: в конце стиха или — что то же — музыкальной фразы. Они обусловлены ритмом песенной мелодии с ее характерными дактилическими окончаниями и потому употребляются у прилагательных с ударением на слоге, непосредственно предшествующем окончанию. Ср. длинный ряд примеров (на конце стиха): *л'у́д'и до́брыи, да кал'о́ныи, п'ер'ехо́жыи, го́ры л'у́тыи, да шолко́выи; на шыро́к'иих, була́тных; з дру́гом м'и́лыим, по у́л'иц'ам шыро́к'иим.* Прилагательные с ударением на втором слоге от окончания к началу слова, у которых дактилическое окончание обеспечено без *-ыи* (*-ии*) — при наличии только *-ы* (*-и*), таких форм не имеют: *ц'ер'н'и́гос'к'и, дога́дл'ивы, шолко́в'ен'к'их, кал'и́новым.*

Естественно, что при наличии двусложного безударного окончания (*-ыма, -има*) формы с *-ыи-*(*-ии-*) употребляются только тогда, когда ударение падает на первый слог окончания: *дорог'и́има* (записан только один пример). Если же ударение падает на слог перед окончанием, то дактилический конец стиха обеспечен, и формы с *-ыи-*(*-ии-*) не употребительны: *со в'ел'и́к'има, во́стрыма, со шыро́к'има, со шелко́выма, кн'ажен'ѐц'к'има, да пога́ныма, за жел'ѐзныма.*

Совершенно так же, как только-что указанные формы с *-ыи-* (*-ии-*) и с *-ы-* (*-и-*), разграничены нестяженные и стяженные формы прилагательных в им. и вин. падежах ср. и жен. родов. В конце стиха нестяженные формы употребляются обычно при ударении на слоге, непосредственно предшествующем окончанию, в то время как при ударении на втором от окончания слоге к началу слова всегда отмечается стяженная форма. Ср. *ц'а́до м'и́лойо, од'ино́койо, да л'уб'и́мойо с'и́ла в'ел'и́кайа, на широ́куйу, са́бл'у во́струйу, да була́тнуйу* и рядом: *са́бл'а во́стр'ен'ка, да дога́дл'ива, б'елока́м'онну, ц'ер'н'и́гос'ку, шолко́в'ен'ку.*

Отмечена один раз (в былине) форма дат. п. жен. р. ед. ч. на *-ойой: ко с'и́лушке в'ел'и́койой.* В записи сказки имеется форма: *ф корбоз'е́р'с'койом о́з'ер'е* (ср. там же: *в расто́с'ком о́з'ер'е*). Можно думать, что эта форма проникла в сказку из былины. Думается, что нестяженная форма *ф кобозе́р'с'койо о́з'оро* (ср. в *расто́с'ко о́з'оро*) также обязана своим происхождением традиционному языку фольклора, а не характеризует диалект как таковой.

Отсутствие форм с *-ыи-* (*-ии-*) в общем языке, их обусловленность положением в стихе, ритмом и мелодией ста́рин, появление в тех же условиях форм, не оправданных грамматической системой старшей поры (*ко... в'ел'и́койой*), — все это позволяет квалифицировать формы прилагательных с *-ыи-* (*-ии-*) в языке Ф. А. Конашкова как новообразования, сходные с древними нестяженными формами, а не как сохранение последних.

Характерно, что в тех случаях, когда в грамматической системе говора имелись параллельные формы прилагательных с односложным и двусложным окончаниями (*-а* и *-айа*, *-о* и *-ойо*, *-у* и *-уйу*), то в конце стиха употребляется та или другая форма в зависимости от места ударения, с тем чтобы было обеспечено дактилическое окончание (ср. *белока́м'онну* и *са́бл'у во́струйу*). Иными словами, эти формы в песенном языке находятся в таких же отношениях друг к другу, как формы с *-ы-* (*-и-*) и *-ыи-* (*-ии-*).

В одном случае в сказке встречается старая именная форма (*с ростóс'ка óз'ора*), которая едва ли характерна для современного говора.

Отмечены сравнительные формы: *потепл'áйе фс'ех*; *да поб'ед-н'áйе фс'ех.*

Личные формы глаголов 1-го спряжения с ударением на окончании сохраняют тематическое *е* без замены его на *о: пад'ét, пас'ét, плов'ét, зов'ét, упад'éш* (правда, рядом с ними отмечено: *пойд'óш, пойд'óм, пошл'óм*).

При ударении на основе у глаголов 1-го спряжения может отсутствовать звук *т* на конце: *бýд'е врáт', залов'ít' н'е мóже н'екáк, сóхн'е в рóт'е-то, йúде* (=едет), *приглашáэ, д'élаэ, да уш т'иб'á бýд'е послýхат'*. Как видно из примеров, и в заударном слоге звучит тематическое *е* (не *о*). То же отмечено и перед согласной: *куды пойд'éш, н'е мóжеш* (впрочем, встречается также форма *бýд'от*).

В двух случаях отмечены формы 2-го спряжения вместо 1-го: *н'е пойм'áт* (=не поймут), *вот ы пойáт* (=поют).

Отмечены стяженные формы: *н'е знáш, уговáр'ивать, спрáшивать*. Отмечены также формы с утратой *й* между гласными, но без полной ассимиляции гласных и их стяжения: *знáэш, пр'иглашáэ, д'élаэ*.

От *плы́т'* (ср. *пр'úплыла*) употребляется старая основа настоящего времени глагола „плути“: *плову, пловет;* повелительное наклонение: *плов'и́*.

Ф. А. Конашков постоянно употребляет формы: *ум'орáт', уб'орáт', выт'орáт'*. Надо полагать, что это морфологические новообразования (под влиянием, например, *уб'орý, ýм'ор* и т. д.). Впрочем, нельзя не отметить (см. выше) возможность изменения *и в е* в положении перед *р* под ударением (ср. *п'ер* вместо „пир“). Вместо же *е* в первом предударном слоге звук *о* вполне закономерен.

В возвратных формах после *л* произносится *-са: сн'áлса, собрáлса, росплод'úлса, роспос'ел'úлса, пов'орнýлса, рожжы́лса, пр'икат'úлса.*

После *й* произносится *-с'а: не бо́йс'а*. После *т* или *т'* (в 3-м лице и в инфинитиве) звук *с* возвратной частицы вместе с предшествующим взрывным согласным образует мягкую аффрикату с долгим затвором: *з'б'ора́т'ц'а* и др. (примеры см. выше). После гласных произносится *-с'* (или *-с'а*): *возрат'и́с'*, *зб'ора́л'ис'а*. Отмечу префиксальные образования: *напропуска́л*, *спо́лн'ила* (вместо *исполнила*).

Обращает на себя внимание частое ударение на приставке (предлоге): *пр'и́звала*, *но́гнал*, *пр'и́гнал ста́до*, *о́ддал*, *со́брал'и*, *и́зобрал'и пр'и́плыла*, *по́плыла*, *по́звал*, *по́звал'и*; *По́дпорожйо* (название населенного пункта), *на́ мос*.

Другие особенности ударения: *зва́ла*, *с'н'а́ласа*, *собра́лса*; *толсты́и*, *р'етк'и́и*, *б'ил'ён'к'и*, *тон'ён'к'и*.

Часто употребляется оборот инфинитива с им. п.: *вода́ п'ер'ел'ива́т'*, *пос'и́йат' пшен'и́ц'а*, *исп'еку́'и про́сфора*.

Отмечен, правда, в сказке, один пример с им. п. при связке: *йа бу́ду твойа́ жона́, а ты бу́т' мой му́ш*.

Записана еще такая фраза: *лу́т'ц'е бы ты́ бы́ло не рожоно* (из сказки).

Из особенностей лексики можно отметить: *вода (ф)сколубала́с'*, *зглону́ла* (=сглотнула), *на пра́вой доло́не*, *таки́м-то по́бытом* (=образом), *ф т'емн'а́х да на мог'и́лу ит'т'и́*.

СКАЗКА О ЕРШЫШКЕ-ПЛУТИШКЕ

(Записано от Ф. А. Конашкова)

йо̄рше́ышко-плут'и́шко | худа голов'и́шка | сл'инова́той но́с | хор'ова́той фо́с | на лбу́ ко́жа ⁝ как йоло́ва кора́ || собра́лса йоршы́шко | со свойо́й жоно́й з' д'ит'и́шкамы | на йербо́вы дровн'и́шка | с'е̂л ы пое̂хал | со свойо̄го́ корбоз'ёр'с'кого о́з'ора | в росто́с'ку р'еку́ | с росто́с'кой р'ик'и́ | в росто́с'ко о́з'оро || в росто́с'ком о́з'ер'е | рожжы́лса роспос'ел'и́лса | сынов'ёй жэн'и́л | доц'ер'ёй за́муж о́ддал | л'ешчо́ф жил'ц'о́ф росто́с'к'их ⁝ розогна́л по мха́м по боло́там по ту́хлым м'еста́м ||

л'ешчи́ жил'ц'и́ росто́с'к'ии | по́ тр'и го́да ⁝ хл'е̂ба-со́л'и н'е

йедáл'и | с'в'ётлой воды́ н'е п'ивáл'и | друг'и́и з гóлоду пом'орáл'и || остал'н'и́и стáл'и вм'ёсто з'б'орáт'ц'а | дýмат'-гадáт' | на йоршá нáдо роб'áта прошэ́н'йо подáт' || дýмал'и-гадáл'и | на йорбóвой л'и́с нап'исáл'и | ф суд'óбно м'ёсто отослáл'и к пáлтус мáтушк'и ры́б'ины ||

пáлтус мáтушка ры́ба | россуд'и́ нас с йоршóм || пр'им'и́ нáшо зайáвл'ён'йо || пáлтус ры́ба ⁝ сóбрала рып ⁝ крýпных и м'ёлк'их || и стáл'и дýмат' гадáт' | кого́ за йоршóм послáт' || и́зобрал'и тр'оскý || тр'ошчи́на ⁝ плов'и́ | йоршá ф сýт в'ед'и́ || тр'ошчи́на пр'и́плыла к йóршу́ и говор'и́т йóршу́ || йóршы́шко-плут'и́шко | вáс пáлтус ры́ба звáла ф сýт || йóрш рошшы́р'ил свои рýпачи | пов'орнýлса к тр'ешчи́ны | и тр'ешчи́ны говор'и́т | што рыбу тр'оскý | пóр'ут полóшчут на п'ескý || ты́ со мнóй н'е знáэш говор'и́т' а н'е тó што ф суд'ё || трошчи́ны сты́дно | и пóплыла к пáлтус рыбы | и пр'и́плыла ||

пáлтус ры́ба и спрáшыват || штó йóрш сказал || от'в'иц'а́т тр'ешчи́на пáлтус ры́бы | што йа пóзвала | йоршы́шко-плут'и́шко | пáлтус ры́ба зов'ёт вас ф сýт || йóрш рошшы́р'ил свои рýпачи пов'орнýлса ко мн'ё | и говор'и́т мн'е | што ры́бу тр'оскý | пóр'ут полóшчут на п'ескý | ты́ со мнóй н'е знáш говор'и́т' | а н'е тó што ф суд'ё || так мн'ё сты́дно стáло | йа и пр'и́плыла взáт ||

пáлтус ры́ба говор'и́т кого́ жо пошл'óм || и́зобрал'и нал'и́ма || нал'и́м ⁝ плов'и́ | йоршá ф сýт в'ед'и́ || нал'и́м пр'и́плыл к йоршý | и говор'и́т йоршý || йоршы́шко-плут'и́шко | пáлтус ры́ба звáла вас ф сýт || йóрш рошшы́р'ил рýпачи свои́ | и пов'орнýлса к нал'и́му | и говор'и́т || у м'ин'кá | так нал'и́ма зовýт | гýбы толсты́и | зýбы р'етк'и́и | н'е знáш со мнóй говор'и́т' | а н'е то ф суд'é || нал'и́му сты́дно стáло | и взáт пр'и́плыл к пáлтус ры́бы || пáлтус ры́ба спрáшиваэт | штó йóрш сказáл | и от'в'иц'а́т нал'и́м || йа пóзвал | йоршы́шко-плут'и́шко | пáлтус ры́ба ⁝ пр'иглашáэ вас ф сýт || а йóрш рошшы́р'ил свои рýпачи | и пов'орнýлсъ ко мн'ё | и говор'и́т мн'ё | што у нал'и́ма гýбы толсты́и | зýбы р'етк'и́и | не мóжеш со мнóй говор'и́т' | а н'е тó ф суд'ё || мн'ё сты́дно стáло | йá и пр'и́плы́л взáт ||

пáлтус ры́ба и говор'и́т | ну кого́ жо пошл'óм || и́зобрал'и гáр'йуса || у гáр'йуса гýпк'и тон'ён'к'и | плáт'йиц'а на йом

б'ил'ён'к'и | похóдоц'ка госпóц'ка | розговóрушк'и москóс'к'и || гáр'йус | плови ⁝ йорша́ ф сýт в'ед'и́ || гáр'йус пр'и́плыл к йоршý | и говор'и́т йоршý || йоршы́шко-плут'и́шко н'ел'з'á л'и под'нáт'ц'а | пáлтус ры́ба приглашáэ вас ф сýт || йоршы́шко пов'орнýлса г гáр'йусу и говор'и́т || óх гар'йушóк | йа л'убл'ý т'иб'á || у т'иб'á гýпк'и тон'ён'к'и | плáт'йиц'а б'ил'ён'к'и | похóдоц'ка госпóц'ка | розговóрушк'и москóс'к'и || пойд'óм ||

гáр'йус плов'ét фп'ер'ед'и́ | а йóрш фсл'ét || к пáлтус ры́бы и пр'и́плыл'и || пáлтус ры́ба и уговáр'иват || йоршы́шко-плут'и́шко | послýшай ты м'ин'á | л'ешчи́ ж'ил'ц'и́ ростóс'к'ии | жáлуйут'ц'а на т'иб'á || возрат'и́с' с ростóс'ка óз'ора | и ослобод'и́ л'ешчáм ж'ил'цáм ⁝ ростóс'ко óз'оро || йóрш дýмал-дýмал || нý пáлтус ры́ба || да уш т'иб'á бýд'е послýхат' || а йих бы н'е послýхал ||

и пóплыл йоршы́шко | к свойóй жоны́ г дит'и́шкам | да сн'áлса | собрáлса йоршы́шко | со свойóй жонóй з'д'ит'и́шкамы | на йорбóвы дровн'и́шка | и пойéхал с ростóс'кого óз'ора | в ростóс'ку р'екý | а с ростóс'кой р'ик'и́ ф корбоз'ér'с'койо óз'оро | ф корбоз'ér'с'койом óз'ер'е | рожжы́лса росплод'и́лса | и нáц'ал'и лофц'и́ лов'и́т' и да с йоршóф ухý вар'и́т' || да какóва роб'áта н'е ры́ба | а ухá хорошá и скáска фс'á ||

ПЕСНЯ ПРО ПАСТУШКА

(Записано от С. В. Якушевой)

Ударение при пении в значительной мере определяется мелодией и может не совпадать с ударением в обычной речи. Многосложные слова могут иметь более одного ударения. В приведенной ниже записи показано ударение при пении.

Самый текст песни не представляет особого интереса, более интересна, кажется, мелодия:

Мелодия естественно членится на две части: первая состоит из трех тактов по $^4/_4$, вторая — из двух тактов по $^6/_4$. Она повторяется 15 раз в соответствии с 15 строфами текста.

Как правило, каждому звуку мелодии соответствует слог текста. Исключения немногочисленны. В пятом (последнем) такте на один слог приходится два звука мелодии (две шестнадцатых): *бы-и-ла, шол-ко-в'ён'-ка-а-йа, ла-зу-р'о-вы-и-и* и т. д. Впрочем, ритмический рисунок этого такта иногда отличался от предыдущего — четвертого (об этом см. ниже), и тогда на один слог текста приходится один звук мелодии. В четвертом такте 4-й строфы на первый слог слова „стадушко" приходится 3 звука мелодии (три восьмых): *ста-а-а-ду-шко*. Во втором такте 13-й строфы вместо начальных двух восьмых в соответствии с лишним слогом (в слове „около") находим три звука на $^1/_4$, образующих триоль.

Приведенная мелодия любопытна в том отношении, что она почти целиком основана на пентатонике — пятиступенном звукоряде с интервалами в 1 и $1^1/_2$ тона, не знающем полутонов.

Отклонение от этого звукоряда можно усмотреть лишь в четвертом такте, где после пятой ступени (сексты—ре) появляется звук, не входящий в этот звукоряд— септима(ми) и, таким образом, появляется интервал в $^1/_2$ тона. Однако нельзя не заметить, что пятый такт, выдержанный в пятиступенном звукоряде, как в своем словесном оформлении, так и мелодически, является простой вариацией четвертого такта. Кроме того, самый четвертый такт не всегда поется так, как указано в вышеприведенной записи. Он имеет такой вариант:

Все это позволяет предполагать, что более старое мелодическое оформление песни не знало септимы и интервала в $^1/_2$ тона и полностью было выдержано на пентатонике.

В связи с вопросом о звукоряде, нужно отметить еще варианты третьего такта. Кроме приведенного варианта:

нередко для того, чтобы в меньшей степени оказался выделенным безударный слог, приходящийся на сильную часть текста, употребляется вариант:

Последний (может быть вследствие нечеткости интонирования) один раз был воспринят мною таким образом:

Появление кварты (си-бемоль), да еще при наличии септимы (ми), переводит мелодию на обычный лад фа-мажор — ре-минор, хотя и сильнейшими отзвуками пентатоники (см. 1-й, 2-й и 5-й такты).

Полагаю, что указанные варианты отражают разные этапы эволюции мелодии на пути к нашему обычному европейскому звукоряду и что пятиступенная ее основа едва ли может быть оспорена.

Как известно, пентатоника распространена местами на Украине, в Белоруссии; у русских она широко известна на Дону, в Поволжье, Башкирии, но считается малохарактерной для нашего севера и в особенности северо-запада. Так как пентатоника господствует у татар, калмыков, марийцев, чувашей, башкир, то есть мнение, что в русской музыке на юго-востоке она появилась в результате взаимодействия с музыкой указанных народов. Одного этого нельзя сказать о Карело-Финской ССР — одном из районов, являющихся главной сокровищницей русской художественной старины, где записана наша мелодия

Необходимы массовые записи мелодий на нашем севере, в особенности в Карело-Финской ССР и Архангельской области. Во всяком случае наличие пентатоники в русской народной песне этих областей или позволит исследователям отодвинуть далеко в глубь веков его появление или, что вероятнее, позволит предположить, что пентатоника была исконно свойственна русской музыке древнейшей поры.

1. и́з л'есу́ л'есу́ л'есо́ц'ку
и́з тур'е́ц'ка б'е́р'ожо́ц'ка
да́л'ина́ была́
а́х | широка́ долга́ (*два раза*)

2. ка́к на э́той на́ дал'и́ны
ка́к на э́той на́ шыро́кой
тра́вон'ка́ сросла́
а́х | шо́лков'ен'кайа́ (*два раза*)

3. ка́к на э́той на́ трабо́н'к'и
ка́к на э́той на́ шолко́вой
ц'в'е́т'ик'и́ ц'в'ету́т
а́х | ла́зур'о́вый (*два раза*)

4. ка́к на э́тых на́ ц'в'ето́ц'ках
ка́к на э́тых ла́зур'о́вых
па́стушо́к пас'е́т
а́х | ста́душко́
а́х | ста́до ст'е́р'ег'е́т

5. у́ш ты па́стух па́стушо́ц'ик
па́стух д'е́вушк'и́н дружо́ц'ик
н'е́споки́н' м'ин'а́
а́х | йа́ в л'есу́ одна́ (*два раза*)

6. н'е спок'и́ну с'ирот'и́ну
по́гон'у́ домо́й скот'и́ну
г жо́нк'и мо́лодо́й
а́х | г жо́нки мо́лодо́й

7. у́ш ты жо́на мо́йа жо́на
жо́на ба́рын'и двор'а́нка
н'е́ жди но́ц'ова́т'
а́х | йа́ пойду́ гул'а́т' (*два раза*)

8. йа́ пойду́ на ту́ дал'и́ну
гд'е́' с'т'ер'о́к свойу́ скот'и́ну
та́м д'еву́шка йе́с'
а́х | красов'и́ц'а жд'е́т (*два раза*)

9. йо́на жда́ла со́жыда́ла
за́ рак'и́тоф ку́с'т'ик па́ла
пу́с' м'ило́й пройд'е́т
а́х | м'и́н'а н'е найд'е́т (*два раза*)

10. мо́йо с'е́р'ц'о н'е́ с'т'ер'п'е́'ло
р'е́т'иво́йо н'е́ смолц'а́ло
м'и́лой во́ротис'
а́х | йа́ деву́шка з'д'е́с' (*два раза*)

11. мо́й то м'и́лой сра́дова́лсы
за́ б'елу́йу гру́т' има́лсы
на́ц'ал ц'о́лова́т'
а́х | у́гова́р'ива́т' (*два раза*)

12. ц'е́м ты Ша́ша н'е́ измо́жош
ц'е́м м'ила́йа н'е́ здоро́ва
и́звол' го́вор'ит
а́х | йа́ буду́ дар'и́т' (*два раза*)

13. на́ голо́вушку́ плато́ц'ик
о́коло с'е́р'ц'а р'е́м'ешо́ц'ик
а́ршын ку́мац'у́
а́х | л'у́бл'у ка́к хоц'у́

14. йа́ из э́того́ аршы́на
йа́ из э́того́ бол'шо́го
пла́т'йиц'о́ скройу́
а́х | мо́дноййо́ сошйу́ (*два раза*)

15. по́ бока́м пр'ишйу́ корма́ны
по́ подо́лу по́зуме́нты
пу́с' йоно́ лос'н'е́т
пу́с' | пу́с' мило́й тос'н'е́т
а́х | пус' м'ило́й тос'н'е́т.

Особенности языка приведенного текста в общем согласуются с данной выше характеристикой говора с. Семеновского на основании записей от Конашкова. Отличие можно усмотреть в формах *ст'ер'ег'е́т* (но рядом: *измо́жош*), *срадова́лсы*, *има́лсы*.

При пении безударное *о* после мягких согласных артикулируется более определенно: сильнее лабиализация и место образования более заднее, в то время как в обычной речи звучит переднее слегка лабиализованное *ӧ*: *б'ер'ӧжо́ц'ка*, в пении *б'ер'ожо́ц'ка*, *ноц'ӧва́т'* — *ноц'ова́т*; *ц'ӧлова́т'* — *ц'олова́т'*, *пла́т'йиц'ӧ* — *пла́тйиц'о* и т. д. Безударное *е* перед мягкими согласными в пении артикулируется еще более открыто, чем в обычной речи: *с'т'ер'о́к*, *р'ет'ивӧйо*, *р'ем'ешо́ц'ик* и др. Впрочем, многие из них, приходясь на сильную часть такта, как бы становятся ударенными.

В соответствии с песенным *тра́вон'ка* в обычной речи звучит *тра́вън'ка* с редуцированным гласным в заударном неконечном слоге.

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

ГОВОР ГОРОДА ОСТАШКОВА[1]

Первые сведения, определяющие некоторые характерные особенности в говоре г. Осташкова, относятся к 1822 г. Наблюдатель этого времени отмечал следующее: „В городе Осташкове, с самого начала его существования, большая часть жителей говорила во многих случаях против грамматических правил. Со введением во оном учебных заведений, ошибки в разговоре начали нарочито уменьшаться и остались только приметны в сословии таких людей, которые не имели случая на счет сей неисправности принять наставления. Надобно думать, что со временем оные еще менее слышны будут, когда родители не станут считать за излишнюю для детей своих надобность обучиться в училище грамматическим правилам, и тогда отвыкнут говорить и писать: *купил рыбе*, вместо *купил рыбы; отдать письмо в Москвы*, вместо *отдать письмо в Москве; плыть по воды*, вместо *плыть по воде; взять рукам*, вместо *взять руками;* а в глаголах действительных и средних настоящего и будущего времени обоих чисел не договорить *т;* например: *он меня люби*, вместо *он меня любит; не возме с собой в Петербург*, вместо *не возмет*, и пр.“[2]

В начале 60-х годов В. А. Слепцов в „Письмах об Осташкове“, указывая на подобные же явления местного говора,

[1] Настоящее описание составлено на основе материалов, собранных автором в 1936 г., во время экспедиции Института языка и мышления им. Марра.

[2] Труды Общества любителей российской словесности, ч. XX, М., 1820 (ошибка; следует: 1822), стр. 216–217.

словами одного из своих собеседников объясняет и причину того, что жители города Осташкова говорят „против грамматических правил": „Помилуйте, что тут может сделать грамотность, когда у меня в брюхе пусто, дети кричат, жена в чахотке от климата и вечного тачания голенищ? Что толку в том, что я грамотный, когда мне и думать о грамоте некогда? Бедность одолела, до книг ли тут? Ведь это (т. е. здесь. — *В. Ч.*) Ливерпуль! Та же монополия капитала, такой же денежный деспотизм; только мы еще вдобавок глупы, — сговариваться против хозяев не можем, — боимся... Вот вы говорите, там грамотность, библиотека, школы... Ну хорошо-с. Ведь уж учат, кажется, на что лучше: и грамматике, и географии, и истории, и чему-чему не учат; и там в школе они все это отлично знают, и гимны там разные поют, а не угодно ли послушать, как он говорит, когда выйдет из школы? Отчего же это от *горазно* да от *гораже*, да от разных там *питьчи* да *едьчи* он никак отвыкнуть не может? Поглядите вы на него в школе, где он вам об Тургеневе расскажет, и потом послушайте его через год по выходе из училища, когда уж он в работу пошел и начнет *в воды* шкуры мочить, или *из воде* рыбу таскать. Вот вы и увидите, какую пользу ему грамотность принесла".[1]

Итак, главной причиной слабого усвоения местным наречием литературной речи в массах обывателей г. Осташкова, как верно указывал Слепцов, было тяжелое положение горожан, угнетенных капиталом — сильным и непреодолимым на крупных предприятиях и мелким, жестоким и хищническим — на предприятиях незначительных. Второстепенными условиями сохранения местных и архаичных особенностей в данном говоре являлись: 1) отлив получающих среднее и высшее образование граждан из города в более крупные центры культурной и промышленной жизни; 2) значительный приток ближайшего сельского населения на местные фабрики, заводы и мастерские;

[1] Полное собрание сочинений В. А. Слепцова, 3-е, дополн. изд., СПб., 1903, стр. 528.

3) замкнутая, малокультурная жизнь русского ремесленника до революции.

При всех этих условиях говор старшей, менее культурной части населения г. Осташкова сохранил еще немало старых местных особенностей.

Фонетика. Осташковский говор принадлежит к числу сильно акающих. Для характеристики его аканья следует обратить внимание на следующие факты.

Звук *о* перед ударением совпадает с *а*: *вала́*, *гара́*, *сабо́й*, *абы́чай*, *ади́н*, *авёс* и т. п. В такие формы, как *прамыка́ют*, *ы* проникает в силу чередования: *со́хнуть — засыха́ть*, *мо́кнуть — промыка́ть*. В слоге за ударением *а* первоначальное и полученное из *о* является нередко редуцированным: *по́няла̀*, *на́да̀ за хле́ба̀м схадить* и т. п.

Звук *е* (как и старый с ним слившийся *ѣ*) перед ударением переходит в *а* (с предыдущим мягким согласным). Примеры: перед твердым согласным: *навярху́*, *дяржи́*, *прякра́сна*, *ничяво́*, *бягу́*, *ляза́ть*, *ляса́*, *цвяла́*, *рякой́*, *бядо́й*, *стяно́й*, *жано́й*, *кружавно́й*, *жала́ю*, *цаны́* и т. п.; перед мягким согласным: *мяня́*, *тябя́*, *бярю́*, *бярёт*, *вялик*, *тялёнок*, *фпярёт*, *вясёлый*, *дяйстви́тельна*, *дясятник*, *дявятава*, *привяли́*, *принясли́*, *тяпе́рь*, *бялье́*, *размяня́й*, *замяча́л*, *смяни́ли*, *смяя́лись*, *зацапи́ла*, *ершае́ды*, *крашани́на*, *пашаве́ливайся*, *пшани́шный* и т. п.

Само собой разумеется, что такое произношение наблюдается не у всех жителей г. Осташкова. Оно характерно для старшего, менее культурного поколения населения, но здесь оно широко распространено и стойко. С одной стороны, я наблюдал его у довольно образованных пожилых людей, с другой — оно слышится и у молодежи, между прочим, у учащихся подростков, впрочем, в виде исключения. Младшим поколениям и более культурной части населения более свойственны произношения с сохранением звука *е*: *держа́ть*, *ребёнка*, *шевели́ть*, *желе́ть* и т. п.

Переход звука *е* в *и* редок: *грими́т*; он, вероятно, идет из говоров московского типа. В слоях, лежащих между

старым и новым говорами, можно услышать переходное произношение с *е*, приближающимся к *а: пралеᵃтарская улица*. Эта борьба традиционного говора с литературным произношением вносит колебания и в более чуткие массы говорящих традиционно. Говоря с людьми образованными, они произносят слова чище, литературнее, чем в своем кругу. Например, моя хозяйка, обращаясь ко мне, говорила: *ничево́*, но, говоря в кухне с детьми, произносила: *ничяво́*.

Ударяемое *и* на месте старого *ѣ* не показано и не отмечено.[1] Но еще недавно говор г. Осташкова сохранял некоторые следы подобных произношений. Ср. у Слепцова „Письма об Осташкове": „Я тебя, братец мой, дожидался, дожидался, ажно *исть* захотел" (стр. 548).

Для характеристики произношения гласного *е*, стоящего за ударением, мы имеем немногие примеры перехода его в *а* и многочисленные примеры перехода в *и*: *падру́жанька, на бе́ряшку, капе́як, свяво́днишнява, разро́йтя; быва́ит, игра́ит, зна́иш, качя́иш, о́чинь; закро́йти, разменя́йти, аде́нити, ва фсем до́ми, ф про́шлам го́ди, папро́щи, за́фтри* (из *зафтре*) и т. п. Гласный *и* здесь несколько редуцирован; если не ошибаюсь, — более в слоге закрытом. При этом книжное произношение: *зна́ет, узна́ет* и т. п. слышится нередко, особенно у учащихся. Иногда я отмечал звук *е* редуцированный: *на о́зе̑ра*.

После звука *ж* в конце слова я обычно наблюдал звук *а: тожа так, нада жа*.

В слогах предпредударных я наблюдал звук ʾа (аканье): *чятырёх, фпяреди́, дисятеры́х, вячера́*, но это редкое, очевидно, вымирающее явление; оно отмечено еще в записях частушек в форме, более усиленной: *сямяры́х, пяряло́митцы*. Обычная форма таких произношений — с *и* на первом месте и *я* на втором: *дирявёнские, ришато́, цылава́л, на бирягу́*,

[1] Выражение „показано" мы употребляем в отношении данных, полученных путем расспросов; выражение „отмечено" означает собственные наблюдения автора этой статьи.

тижало́, ф синтябре́, нидаляко́, пириняслы́. И здесь с подобным старым произношением борется литературное произношение: *шевели́ть, деревя́нный, для чиво́.*

Чередование звуков *е, и, ю* обнаруживается в троякой форме местного названия: *Клечно́, Клично́* и *Ключно́.* Впрочем, здесь на огласовку слова могли иметь влияние семантические представления.

Ударяемое *о* на месте *а* имеем в формах: *плотют, бронют, пасодют, бисером усо́жены, по́льты.*

Обратное явление: *пересо́лют* (пересолят).

Ударяемое *а* на месте *е* после мягкого согласного наблюдаем в образовании глаголов несовершенного вида: *павя́ртываю, падвя́шивался, женщин не падря́ргивайте* (не осмеивайте).

Начальное ударяемое *о* произносится открыто, приближаясь к звуку *а: о́ зеро, о́ строф, о́ чень* и т. п.

Формы *те́ткой, па́лкой, ло́жкой* и т. п. обычно произносятся с аканьем по нормам литературного произношения, но в старших возрастах и у менее культурных обывателей слышатся слабые оттенки произношений на *-уй: кале́нкуй.*

В начале слова и после губного звук *о* может обращаться в *у: укура́тный, бухтарма́* — изнанка кожи, мездряная сторона (пишется: „бахтарма́“, у Даля рядом: „бухтарма́“, форма с *у* показывает первоначальную гласную *о*).

В слове *сумоше́тчий* отмечен звук, близкий к *о* между губным и задненебным.

Показана форма *склы́чились* (схватились в ссоре, брани).

Звук *а* после мягкой согласной под ударением сохраняется: *зять, пять, грязь* и т. п.

Перед ударением обычное произношение сохраняет старый гласный: *пятно́, язы́к, вяза́ть, мясно́й* и т. д.; точно так же обычно произносят данный звук и в слоге за ударением: *ма́яться, ла́яла, нечя́янно, де́вять* и т. п.

Однако, в говоре младших поколений и вообще лиц, усваивающих литературное произношение, можно услышать за ударением *и*: *де́сить капе́ик* и др.; перед ударением *е:*

абезáтелı на, снетóк, щи со снеткáми, особенно после шипящих: *счеслúва, шенпáнское* и т. п.

Отмечено: *э́'сли хочешь*. Обычно же я слышал: *э́тот, э́ва, э́кий, эй вы!* — с *э*, и *éсли* — с *е*.

Отмечено: *белéт*.

Книжное окончание *-ый* довольно ясно слышится в говоре молодых: *чё̂рный, хúтрый, цéлый*. В массовом говоре последний гласный редуцированный (*пъя́на̂й*), так что трудно проследить его характер и историю. Вопрос требует дополнительных наблюдений (см. ниже Морфологию).

Отмечено: *нáткана* (натыкана, напихана).

Формы со вторым полногласием редки. Показаны: *верё̂х, сталóп*.

Стяжение гласных в местоимениях обычно: *мавó, твавó, свавó, мамý* и т. д. Из других форм со стяжением мной отмечены: *надинé* (наедине), *нáзеро поехал, пабещáнью* (по обещанью), *нехота* (не охота, не хочется; из формы *няхота*), *передéлса* (переоделся; может быть, слово иного образования).

В числе не так часто встречающихся форм со стяжением в глаголах показаны: *бывáт, дýмат; думала, пагадáт он мне*. Мной отмечено: *двор закрывáтца* (закрывается), *кáтца* (кажется) и *кáатца* (у одного лица). Формы последнего вида, с выпавшим *ж*, чаще с утратой йотации и ассимиляцией гласных, характерны для говора жителей Осташкова. Мной отмечено в глаголах: *балтáатца* (балтается); *дéлуут, рабóтуут, растолкýут;* в прилагательных: *пшóннаа каша, харóшаа малако, бéлуу бумагу*. Укажу также произношение *рабóтаут*, без ассимиляции; со стяжением: *слéдущий*. Все эти произношения наблюдались у лиц старшего возраста или менее образованных.

Отпадение и выпадение гласных отмечено в словах: *хто ш* (кто же), *вы п* (вы бы) *яúц дали, скарей; вертянó* (выпадение *е*, широко распространенное также и в окающих говорах, может объясняться влиянием глагола „вертеть"); звук *е* устанавливается, однако, не только историей слова, но и формой множ. ч.: *веретёна, сарфаны́* (сарафаны).

Приставка гласного *и* в слове *ишла* (*ана ишла́ там*).

Звук *о* (в произношении *а*) на месте древнего ъ отмечен в произношении: *иза льна́*.

Влияние предыдущего гласного на последующий отмечено в произношении: *пузури́* (пузыри).

От взаимной мены звуков *в* и *у* в говоре г. Осташкова остались очень слабые остатки: *вдарить* (ударить), *в нас* (у нас). В конце слов может иногда сохраняться звонкий согласный *в: напротив нас*.

Приставочное *в* отмечено мной только в слове *во́тпуск*.

Звук *г* в Осташкове, как и в литературном произношении, взрывной, в конце слов он переходит в *к*. Круг слов с *г* придыхательным несколько шире литературного. Я отметил не только: *никаɣда́, таɣда́, баɣаты́рь*, как говорим и мы, но также: *няɣра́матный*.

Есть одно показание, что в Осташкове в конце слов слышится *х* вместо *к: друх, долх, сапох*. Оно маловероятно, но отрицать его совсем я не решаюсь. Скорее всего, оно идет из семьи каких-либо переселенцев с юга.

Отмечено произношение: *кы́ска* (ласковое название кошки).

Говорят: *де́ньга, О́льга, хазяйка, Зоинька, сверьху* и т. д.

В частушках отмечено: *вспатинула*.

В старшем поколении можно услышать: *кесть* (тесть), *кистени́к* (горшок для мешания пшеничного теста „тестяни́к“); нередко говорят: *пачки* (-почти, наречие).

Показано произношение: *Евде́ний*.

Нередко *гли* вместо *„для“ (гли дятей)*.

Шепелявости в произношении свистящих и шипящих не показано и не отмечено.

Оттенков мягкости в произношении звуков *ж, ш, ц* не показано и не отмечено.

Отмечено: *цыга́рка* (папироса; сигарка),[1] *цулейка* (бутылка, сулейка); *тветки́* (в говоре детей). Цоканья и чоканья нет

[1] Это произношение, впрочем, широко распространено в разных русских говорах (между прочим, и в северных).

в Осташкове. Отмечено: *лу́тчи*. Местоимение „что“ звучит: *што*.

Говорят: *мало́шный, пшани́шный, серде́шный* (ласковое название). Показана тенденция к книжному произношению: *ску́чный, ручничёк* и т. п.

Обычным, нормированным произношением следует считать долгое мягкое *ш*: *шьшю́ка, шьшяве́ль, ешьшё'* (в старшем поколении: *яшьшё*). При них показаны: *шьчю́ка, ешьчё'*. У старших и менее культурных наблюдается долгое или простое твердое *ш: дошш, ишшо́; дош (дош пашо́л, дош идет), ешо́, ишо́, тяну́льшик, пятисто́льшик* и т. п.

Говорят: *дажьжя́, дажьжи́, дажьжём* (обычное произношение). При них показано произношение: *дошьчь*. У старших и менее культурных: *дажжа́, дажжи́*. Наблюдалось и книжное произношение *дошть*.

Наблюдалось также несколько случаев долгих мягких *з* и *с* на месте долгих *ж* и *ш*: *даэьзя́ (дожжа), до́зьзик, исьсё* (еще), *исься́ ка́паит, тасьси́т* (тащит). Судя по распространению подобного произношения в псковских говорах, приведенные случаи нужно считать пережиточными архаизмами.

Показаны произношения: *бе́нный, ла́нна, анна́, амма́н* (у старых и менее культурных). Не сомневаюсь, что эти произношения прежде были широко распространены в говоре г. Осташкова, так как переходные произношения с *дн* на месте *нн* незаконно проникли в некоторые слова. Я отметил, например: *яво́дный брат, пастаядна*, рядом с *пастаянна* (говорящий колебался между двумя формами, не зная, какой из них отдать предпочтение).

Показаны как обычные произношения: *занима́ешьси, стара́ешьси, се́рдишьси;* как более редкие: *занима́есьси, стара́есьси, се́рдисьси.*

Обычны литературные произношения: *судья́, бадья́, питьё, пла́тье, свинья́, бельё* и т. д. Показаны произношения: *судя́, житё, свиня́* (очевидно, у хранителей архаичного говора). Отмечено: *свиня́м корму не было.*

Выпадение звуков *б* и *в* перед *у* показано в словах: *ба́ушка, вдо́ушка, де́ушка, гало́ушка.*

Показаны произношения: *тални́* (толкни), *талну́л* мяня. Отмечены *то́рнется* (торкнется), *пачярну́* (почерпну), *захляну́л* (захлебнулся).

Показаны как обычные произношения: *го́луп, кроф, сем.* Отмечены: *о́буф, аста́ф, свекро́ф, стаф, руп* (рубль). Рядом с ними слышались литературные произношения: *во́симь, крофь* и т. п.

Говорят: *зе́рькила, пе́рьвый све́рьху,* но литературные произношения: *пе́рвый, верх, серп* и т. п., повидимому, преобладают.

По отношению к твердости согласных отмечены еще произношения: *варабъю́, убъёсься, пъя́най.*

Отмечены произношения с сочетанием согласных: *хто, х каму́, лёккае, мя́ккава, мякче́ние, хрёсная* (крестная мать), *сумоше́тчий, прие́хатчи* (приехавши).

В начале слов отпадает *в* перед *с*: *сё равно́, скипяти́ть, малако́, стре́титца спате́л.* Возможно, что здесь, частично, имеются слова особого образования.

Вставка согласного: *пандра́вилась.*

Особенности в произношении слов заимствованных: *афтанаби́ль, бугахтер гри́бом бале́л, карасин, синпати́чный.*

Ударение. Показаны: *спина́, пе́тля и петля́, ру́чей и ручей́, слу́чай* (чаще) и *случа́й, ле́дник* и *ледни́к, ща́вель* и *щаве́ль.* Отмечены: *о́льха, сто́ляр, тво́рак, тварагу́, ракита́, апарни́к* (горшок для опары).

Показано: *убил медведя́.* Отмечено: *супцу́ пахлебать, с лучко́м паджарить, на стуле́, к вялико́му по́сту. Детя́м, люде́м, свалача́м; в лапатка́х* (лаптях). *Вары́, кубы́* (металлические чаны́), *рюхи́, угли́; в дере́внях.*

Показаны как обычные: *го́лову, зи́му, зе́млю, но́гу,* и как более редкие: *галаву́, зиму́, нагу́.* Отмечено: *ваду́, зямлю́.*

Отмечено: *на́ басу но́гу, на́ снек лажи́ться, ко́рмют ва вре́мя.* Отмечено: *мухи про́клятые; по́лчаса оди́ннатцатава.*

Показаны как обычные: *атня́л, паня́л, прада́л,* и как ред-

кие: *о́тнял, по́нял, про́дал.* Отмечено: *нача́л, папи́л, завая́ла* (заплакала в голос). Показаны как обычные: *на́пился* и *напи́лся.*

Показаны: *вдо́вый, глу́пый, густо́й, бо́сый* и *боcо́й, моло́дый* и *молодо́й, ря́бый* и *ряб6о́й, то́лстый* и *толсто́й, хи́трай* и *хитро́й, хитра́я баба.* Отмечено: *ро́дный тятенька, ро́дная, ря́бая кура, волося́ные лески.*

Показаны как обычные: *маево́, тваево́, сваево́.* Огмечено: *ни адно́ва нет, адно́му.*

Отмечено: *ло́щит, ле́'тают, по́ити; вы скоро сбеси́тесь* (сказано шуточно детям), *су́ха станави́тца, тащи́т, скамка́ть. Развёдено; абарва́ная, никем не заня́тая.*

Показаны: *годи́лось, случи́лось, бра́ла* и *брала́, гна́ла* и *гнала́, бы́ло* и *было́.* Отмечены: *залило́, умерло́; замярли́ го́ладам, налили́, атгрызли́, пабягли́, папили́ чаю.*

Показано: *напился́* (редко). Любопытно ударение на корне в наречиях: *это очень гре́шно; ле́'кко береш — уронищ; надо ево* (рака) *у́мно брать* (при ловле).

Отличаются по ударению некоторые заимствованные слова: *ква́ртал, два ква́ртала, сколька кило́метров, кризи́с вышел, по́ртфель.*

В отношении ударений и интонаций отмечу вопрос, в котором тон повышается до сильного ударения и понижается после него:

Васи́лий Ильѝч, чево́ ва̀м купи́ть?

Морфология. Показаны как обычные формы: *у ба́тюшки, у де́душки,* и как редкая: *с ба́тюшком.*

Показаны как обычные формы: *нет мукé, нет крупé, с той старанé.* Подобные формы нередко слышались и мной: *там ряке́ нет, нет ни ры́бе, ни мяса, да каланче́; бес кро́ве* и т. п.

В словах жен. р. на *-а* дат. и предл. падежи имеют окончание *-ы.* Отмечено: *ат этава галавы́ лехче, скати́ны го́ладна, падви́гайтесь к кармы́, привыкла к тишины́, па стены́, приду к Ли́зы, приехали к ма́мы.* Для предл. п. показаны: *на высокой горы́; в нашей избы́, на пятой версты́.*

Отмечены: *ф тёплай вады́, ф такой жары́, ф сваей ко́мнаты, на души́, на плиты́, на правай руки́, ана на рабо́ты, едет на маши́ны* и т. п.

Отмечены формы: *вазьму ры́би, ва время рабо́ти, у ма́ми, у па́пи* (последние два случая[1] особенно часто в говоре детей).

Отмечено: *супцу́ паели, для до́му, с ве́черу, с про́шлава го́ду.*

Сообщено, что изредка употребляется словосочетание: *запря́гайте ко́ни.*

Показаны как обычные формы: *к зари́, на каланчи́.*

Показаны формы мн. ч.: *матеря́, дачеря́.*

Отмечены формы: *на фсём даму́, в нашам даму́* и *в на́шам до́ми, ф четвёртам го́ди, ф про́шлам го́ди* и т. п.

Показаны как обычные формы мн. ч.: *учи́тели, по́гребы, лу́ги, по́ясы.* Отмечены: *гла́зы, пало́ги* („покрывала такие"), *сто́ги.*

В противовес старым формам на *-и* распространены новые на *-а: валаса́, живата́* (*„живата палагают"* — на войне), *акуня́, астрафка́, сада́, сока́* (на заводе я слышал именно эту форму).

Отмечено: *баравей* (род. п. мн. ч. от боров); *снето́к у нас харо́шай* (ед. ч. в собирательном значении).

Показаны как обычные формы на *-ов* (в произношении: *-оф* и *-аф*): *дело́в, место́в*; в говоре учащихся, по наблюдению местной преподавательницы, часто: *падежо́в, се́лав, фа́брикав, пти́цав, па́лкав.* Мной отмечены формы: *ради́теляф, печя́тяф, о́кнаф, де́тяф.*

Широко распространены формы дат. п. мн. ч. вместо твор. п.: *пашли за грибам, режу кускам, топает нагам, пашут трахтарам, пайдемти с нам, с вам вмести живет* и т. д. Местные наблюдатели указывают, что среди жителей г. Осташкова это „нормированные" формы речи, которые иногда слышатся и от людей образованных.

[1] Можно сказать, что они обычны в большинстве великорусских говоров и свойственны обычному русскому „просторечию". — Примечание Б. М. Ляпунова.

Показаны формы дат. п.: *хо́лодна рука́ми, идите к на́ми* и т. п., слышимые нередко. Отмечено: *басиком хадить — нага́ми больна.* Отмечались также переходные формы: *с таки́м вала-са́ми.*

Отмечено: *на сколька вре́мя.*

Показана как редкая форма: *две сестре́.* Отмечено: *две ухе́ будет из этой рыбы.*

Показано: *Вань, иди сюда!* Отмечено: *Как, Яш, дела? Та́ньк, а Та́ньк, пайдем на о́зе́ра.*

По отношению к формам склонения отмечено: *ще́бенем; пять килагра́мм.* Заимствованное слово „кино" может склоняться: *у нас тут два кина, а там* (в Ленинграде), *наверна сколька кин!*

По отношению к особенностям в роде слов отмечено: *ево била ка́шель* (жен. р.); *карову падаю́ в у́жину* (жен. р.); *коромы́сел* (муж. р. коромысло); *ураки́л рюх, мно́га рюхав* (муж. р.); *бати́нак* (муж. р.: *патерял бати́нак*) и *батинка* (жен. р.).

Показаны формы: *до́лга рубаха, но́ву избу.* Отмечены: *така́ ува́ля* (неуклюжая), *вада хало́дна, как принесешь; гражда́нску вайну́, на басу́ но́гу, таку́ харо́шу квартиру, це́лу ночь; како́ де́ла; таки́ ляни́вый.*

После задненебных обычное окончание *-ай* (с *а* редуцированным); *стро́га̂й, кре́пка̂й, ти́ха̂й.* Однако, изредка можно услышать и окончание *-ий*: *ма́ленький, кре́пкий* чай (у молодых людей). Не знаю, отражение это живого диалекта или черта грамотного произношения, у молодых скорее — последнее.

Род. п. ед. ч. муж. р. и ср. р. прилагательных и местоимений всегда оканчивается на *-о́ва, -ава, -аво́, -ево́*: *зло́ва, радно́ва, бе́лава, ста́рава, каво́, тавó, маево́* и т. п.

Отмечено: *мало́денькаю девачку, люби́маю падру́шку, кра́снаю я̈гатку* и т. п. Это — обычные окончания. Редкая форма: *ме́днуя каробачку* (в записи частушек).

Отмечено: *на Васи́льевским о́строви.*

Отмечено: *капчёные сиги́, ра́мы чу́дныи, са́маи харо́шаи ребята.*

Членная форма склонения без стяжения гласных отмечена только в местной частушке: *до́брыих людей*. В разговорном языке членное склонение встречается в оборотах, подобных: *к Трубицынаму дому* (дому Трубицына).

Показаны формы: *резчёе, ярчёе*. Отмечены: *шипчёй, здарофши, ширши*.

В местоимениях отмечено: *тебе́ уже знают, кула́ тибе́* (около тебя). Показаны формы: *ён, яна́* (вин. п.), *яю́, яно́, ево́ный, ёйный*. Отмечены формы: *ее́* (род. п.), *на нее́* (не *ё* в обоих случаях), *яё* (вин. п.), *ей* (род. п.): *старше ей, ей не найдете, аны* и *яны, и́хнай; пахудела што те старая баба* (*те* — неударяемое, плеонастическое); *фси, фсих*. Показано: *в ём, на ём, с им*. Отмечено: *у ево́* (у него), *в ево́ налью* (в него), *по ём ходют, с ей, за и́ми; зачи́м (зачи́м пришо́л, зачи́м ты ево дразниш?); совси́м; э́тых женщин; э́тым малаком паить; в э́тим дваре*.

В числительных с окончанием „десять" отмечено мягкое окончание: *се́мьдесять чилавек*.

Отмечены формы: *рось* (расти), *привёсь* (привезти), *снесь, унесь* (снести, унести).

Обычный тип 1-го спряжения с гласным *ё: идёш, идёт, идём, идёте* и т. п.

Показаны как не редкие для менее культурных обывателей и стариков формы: *идё, несё, хо́ди, люби*, мн. ч.: *нясу́, яны бяру́ бес просу*. Отмечены: *ани гаваря́, што малако зафтра будет; как гаваря́* (во вводном предложении); *их не пу́стя*.

Глаголы 2-го спряжения в 3-м лице мн. ч. обычно оканчиваются на *-ют*: *во́зют, е́здют, ко́рмют, пало́жут, пло́тют* и т. п.

Как обычные показаны формы: *берегёш, текёш, пекёш, мо́гем, мо́гите*. Подобные произношения наблюдались изредка и мной в живом говоре.

Отмечено: *пало́жь, ня трок*.

Показаны формы: *е́сте, е́сти, е́стя* и *е* (вместо „есть").

Отмечено: *квартира сда́дена*; *деткало́ния сазда́дена*.

Обычны окончания *-ся, -сь*: *пагна́лся, захате́лася, падава́лася, не кача́йся, баю́сь, стара́юсь, падвига́йтесь* и т. п. Твердое окончание чаще наблюдается у людей бывалых: *вараты́лса, смея́лса, аста́лса, надуши́ласа*; также у детей: *вы́рвалса, аде́лса*. У местных людей, нигде не бывавших, нередко окончание *-сы*: *вараты́лсы, взя́лсы, раскрича́лсы, стара́лсы* и т. п. Такие же колебания в окончании *-ться*, произносимом *-тца* и *-ц̀ы: стара́тца, по́льзаватца* и *стара́ц̀ы, по́льзоватцы* и т. п. В деепричастиях окончание может опускаться: *лежит развали́фши* (развалившись).

Окончание *-шься* частью сохраняется, частью переходит в *-сься: убъёсься, байсьс́я, оста́несься, абапьёсься;* частью звучит как *-сьси: праснёсьси.* Эти три типа располагаются в соответствии со степенью культурности говорящих.

Прошедшее время может иметь значение настоящего: *я ушо́л!* (ухожу). Изъявительное наклонение при интонации, означающей приглашение, имеет значение повелительного; *бежи́м!* (побежим); *пашли́ купатца!* (пойдем). У детей обычно эти формы употребляются в сопровождении жестов.

Немало глаголов, уклоняющихся от обычных форм спряжения: *по́льзаватцы* (пользуется), *хва́стуеш* (от хвастать), *щипа́ют* (щиплют), *балю́* (болею), *завая́ла* (завыла, заплакала громко), *ла́зиит* (лазит), *памо́жут* (помогут), *хо́чем* (хотим), *што хо́чют, то и делают, убёк, убегёт, убягло́* (убежал, убежала, убежало, — от формы *убечь*).

Синтаксис. В говоре Осташкова мною отмечены следующие наиболее интересные синтаксические конструкции.

Формы подлежащего: *ане́, мячи́-та, с пакры́шкай.*

Деепричастие в значении сказуемого, в котором чувствуется определение состояния подлежащего: *ани привы́кши балтаться* (быть без дела); *ани денек наварава́вши; мы были записа́вши в очередь* (на получение железнодорожных билетов); *ис Киева прие́хатчи* (для сдачи заказа заводу); *ана была ушо́фши; ана пришо́фши с ягодам.*

Сказуемое во мн. ч. при подлежащем собирательном: *кустарей палавина гуля́ют; нихто ничяво ни гаваря́т.*

Деепричастие в значении причастия: *барабанщик, придя́ из гальевова цеха тавар, закладает тавар в барабан* (пришедший товар).

Типы бессоюзных сочетаний: *тут столп был, на нем* (было) *написана, сколько кило́метров да станции* (ответ на вопрос, далеко ли отсюда до станции?); *надаест такая жисть — шатаешься* (переезжаешь с места на место); *запах бывает не скажу што тяжо́лый, но неприятный* (=хотя).

Сочетания с особым употреблением союзов: *вада хало́дна; как* (когда) *принесёш; дамоф тритцать, как* (если) *не больше; што старши класс, то труднее учитца* (чем — тем).

Типы безличных предложений: *две гряды луку вытаскана; рюхи́ взя́та.* Вероятно, сюда же относится следующий оборот: *им комната была снят* (может быть, вместо: снято); *вам сяводни булочка ня нада? В Ленингради шу́мна, га́мна.*

Особенности управления слов: *бати́нак* (род. п. мн. ч. от формы *батинка*) *есь в магазинах; маю ко́мнату завладал; спорил нам* (возражал); *тябе хо́ладна рукам* (безличный оборот с двумя дательными); *па де́сять рублей.*

Лексика. Особенности в образовании существительных: *ба́йня* (баня), *ку́ра* (курица), *озёрок* (муж. р. — небольшое озеро), *кирпичи́на* (отдельный предмет при собирательном „кирпич"), *слези́на* (слеза), *стяко́лушка, ссобо́йка* (кушанье, взятое с собой на работу).

В образовании прилагательных замечательно: *дира́вый* (дырявый).

Особые формы превосходной степени прилагательных и наречий: *здорове́нный, малю́сенный* (очень маленький), *целиха́тное вядоо* (очень полное водой); *хитру́щая* (очень хитрая); *худя́щая* (очень худая телом); *давно́-раздавно́.*

Образование глаголов: *изде́лать* (сделать); *лаза́ть: не лаза́й сюды; накладаю́т варенья; закладае́т* (закладывает); *сыма́ть* (снимать). Замечательно: *плехнёш* вады (плеснешь).

Наречия: *вчяра́сь* (вчера), *кул* (около: *кул стула, кул дивана*), *коль* (около: *коль вагона*), *нагды́сь* (тогда), *не́* (нет; отрицательный ответ), *никада́* (никогда), *атсе́ль* (отсюда), *прям*

(прямо: идите прям туда), *сюды* (не лазай сюды), *ту́та* (тут).

Для отглагольных междометий отмечено: *бух вады в кател* (бухнула, быстро на́лила).

Член: *ане, мячи́-та с пакрышкой; у вас нага-та апухла* (та, о которой говорили, больная).

Предлоги: *за ялики в час плотют* (по часам); *с чарни́ки кисель лутчи* (из черники).

В описываемом говоре немало картинных образных выражений и оригинальных сравнений: *у него слезина не вывалится* (о нечувствительном); *он варабъю па щикалкам купается* где очень неглубоко); *на нево как прикрикнешь, у нево и язык в зубах завяз* (замолчит, не посмеет возражать, оправдываться); *сама ана, што из грязи вытащена* (неопрятна); *седой, как малако; живешь в дяревни, как стяна, ничяво не знаешь; без меня муж пропал бы, как червяк.*

Для недавней истории слов бытового оборота любопытно показание: „*В старину у нас гаварили: тя́тенька и ма́менька, патом стали гаварить: папа́ша, мама́ша, а теперь говорят: па́па, ма́ма*". Старшие названия: *ба́тюшка, ма́тушка*, очевидно, употреблялись уже не на памяти нынешних поколений. Сохранилось в памяти только старое местное *ма́тика* (название матери).

В. Н. СИДОРОВ

ОБ ОДНОМ ТУЛЬСКОМ ГОВОРЕ С ГЛАСНОЙ *Е*, НЕ ИЗМЕНИВШЕЙСЯ В *О*

Авторы „Опыта диалектологической карты русского языка“,[1] говоря о „главнейших чертах великорусского наречия, общих всем его говорам и отличающих его от белорусского и малорусского в их непереходных говорах“ (стр. 13), среди других таких черт указывают на изменение *е* перед твердыми согласными в *о*:

„Звуки древнейшей эпохи *е* и *ь* (если *ь* не выпадало) перед твердыми согласными вообще перешли в *о*: *вёсну, зелёный, нёс, тёмный, овёс, лёжа, дёшево, отцóв, жéны* (—жоны), *шéл* (—шол); без ударения такое *о* сохранилось в окающих севернове-ликорусских говорах: *вёснá, нёсý, сёлó, тёмнó, игрáёт, óзёро* и изменилось в других говорах.

То же в белорусском, но в малорусском старые звуки *е* и *ь* имели другую судьбу“ (стр. 14).

В рецензии на „Опыт диалектологической карты“, помещенной в „Этнографическом обозрении“,[2] было указано на неточность этого утверждения. По мнению рецензента, правильнее было бы говорить, что *е* перешло в *о* „в громадном большинстве говоров, так как есть говоры, не знающие такого перехода, например, в Рязанском уезде (ср. „Труды Московской

---

[1] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. („Труды Московской Диалектологической Комиссии“, вып. 5, М., 1915).

[2] „Этнографическое обозрение“, 1916, № 1—2, стр. 102—107.

диалект. комиссии", вып. III, стр. 20, 25), в д. Тамбовке Новоузенского уезда (ненапечатанные материалы комиссии), в Боровичском уезде Новгородской губернии (ср. Шахматов, Литогр. курс, II_2, стр. 168)" (стр. 103).

Несмотря на это замечание, один из авторов „Опыта диалектологической карты", Н. Н. Дурново, и в своей более поздней работе[1] признает переход *е* в *о* общей чертой русского языка „общей и северновеликорусскому и южновеликорусскому наречиям", однако признает это с оговоркой: „впрочем, есть говоры и северновеликорусские и южновеликорусские, в которых *е* и *ь* не изменились в *о*, а дали *е*" (стр. 107). Хотя Н. Н. Дурново указывает, что говоры с *е*, а не *о* перед твердыми согласными известны и севернорусскому и южнорусскому наречиям, но, повидимому, более характерными он признает их для наречия южнорусского. По крайней мере, перечисляя „главнейшие диалектические различия в южновеликорусских говорах", он указывает и на „различную судьбу старого *е*" перед твердыми согласными: „при обычном почти везде *о* после мягких согласных, шипящих и *ц*, немногие говоры, как Восточной (в Рязанской, Воронежской и Тамбовской губерниях), так и Западной (в южных уездах Тульской губернии) группы имеют в этом случае *е*: *зелéная*, *четырéх*, *сéла* nom. pl., *сел* gen. pl., *мел* praet. „*мёл*" и пр." (стр. 134). В то же время Н. Н. Дурново ничего не говорит об этой черте при описании севернорусского наречия.

Со времени опубликования работы Н. Н. Дурново наши сведения о южнорусских говорах, не знающих перехода *е* в *о*, пополнились. Теперь, следовательно, стало еще меньше оснований безоговорочно причислять переход *е* в *о* перед твердыми согласными к чертам, свойственным всем русским говорам. Во всяком случае ряду южнорусских говоров эта черта не известна.

Новые данные о говорах, в которых *е* не изменилось в *о*, расширили наши знания о территории распространения таких

[1] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, ч. I, Источники. Brno, 1927.

говоров в Рязанской области. Говоры с *е*, не изменившимся в *о*, были известны к северу и северо-западу от Рязани. Таков говор с. Новоселок (сообщение Ф. М. Тоньшина[1]) и говор с. Бусаева (Варакша, Вольша) с деревнями Молоково, Жуково, Корякино, Неустроево, Озерье, Токмаково, Прокудино и Горячкино (сообщение учителя 1-го Бусаевского училища).[2] Диалектологическими экспедициями Московского института истории, философии и литературы и Московского городского педагогического института (1939—1945 гг., руководители Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова) было установлено, что говоры без перехода *е* в *о* занимают довольно значительное пространство к северу и северо-западу от Рязани. Такие говоры были обнаружены, кроме с. Новоселок и с. Бусаева, в 1939 г. в с. Кидусове (Спасского района), позднее в д. Шехмино (Рыбновского района), д. д. Картоносово, Дубровичи, Долгинино (Солотчинского района), в д. д. Ольгино и Ювино (Клепиковского района) и некоторых других. Материал по с. Кидусову опубликован в первом томе настоящего издания в работе Р. И. Аванесова „Очерки диалектологии рязанской мещеры. Описание одного говора по течению реки Пры". С другой стороны, А. Н. Гвоздев обнаружил говоры без перехода *е* в *о* в Пензенской области. Здесь такие говоры наблюдались им в западной части Вадского района: с. Гоголев Бор (Удев), и Кириллово, с. Выша (Пристань), д. Русская Поляна, д. Сядемка и д. Красная Дуброва.[3]

Последние диалектологические наблюдения хотя и увеличили наши знания о говорах без перехода *е* в *о*, но все же сведений

[1] „Труды Московской Диалектологической Комиссии", вып. 3, Варшава, 1914, стр. 64; см. также Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков („Сборник по русскому языку и словесности АН СССР", т. I, вып. 2, Л., 1929, стр. 162—163. Приложение 6: „Образец говора с. Новоселки Рязанского уезда и губ." запись Ф. М. Тоньшина).

[2] „Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка АН СССР", вып. 10, Л., 1928, стр. 115—116.

[3] А. Н. Гвоздев. Говор западной части Вадского района Пензенской области. („Ученые записки Куйбышевского педагогического института", вып. 5. Кафедра языкознания, Куйбышев, 1942, стр. 31—111).

о таких говорах еще очень и очень мало. Это обстоятельство дает мне смелость поделиться своими, весьма небольшими, наблюдениями над одним говором Тульской области, которому также свойственно отсутствие изменения *е* в *о*.

Летом 1927 г. я принял участие в этнографической экспедиции в Тульскую область, организованной Государственным музеем Центрально-промышленной области. Целью экспедиции, руководимой известным этнографом Н. И. Лебедевой, было обследование материальной культуры населения, обитающего по течению реки Непрядвы, правого притока Дона. Во время этой экспедиции мне удалось собрать некоторый материал по языку.

Из ряда селений, над говорами которых мною сделаны были наблюдения,[1] резко выделяется по своему языку с. Непрядево, расположенное на правом берегу р. Непрядвы, в верхнем ее течении. Это большое село, бывшее до революции волостным. Население его — выселенцы из с. Малёвки, почему Непрядево иногда называют Новой Малёвкой. Некогда непрядевцы были казенными крестьянами, но при Екатерине II они были „пожалованы" графу Бобринскому.

Говор с. Непрядева в 1897 г. наблюдал известный диалектолог Е. Ф. Будде. Он говорит о нем в работе, посвященной тульским говорам. Не давая отдельного описания этого говора, он перечислил общие диалектные признаки, которыми характеризуется та группа говоров, в которую он включил говор с. Непрядева.[2] Признаки эти следующие: 1) „южновеликорусское аканье, но не рязанское", т. е. аканье не с сильным яканьем; 2) фрикативное *γ*; 3) 3-е лицо ед. и мн. ч. глаголов „оканчивается на *ть* или вовсе не имеет окончания"; 4) вместо звука *ф* „постоянно или *х*, или *хф*, реже — *хв*"; 5) неслоговое *у*, „которое почти всегда слышится вместо звука *в* (*ф*)"; 6) „звуки *жж* и *шш* разной мягкости вместо *жд* и *щ* литературного произно-

[1] Эти селения следующие: с. Никитское, с. Непрядево, д. Пруды, с. Богоявленка, с. Ростово, с. Михайловское, с. Кудашево, с. Никольское-Буйцы, с. Красно-Буйцы, с. Березовка, с. Монастырщина (Рождественское).

[2] Е. Ф. Будде. О народных говорах в Тульской губернии. („Известия ОРЯС Имп. АН", т. III, 1898, кн. 4).

шения" (стр. 1276—1278). Кроме того, Е. Ф. Будде отметил еще две черты с указанием на наличие их именно в языке с. Непрядева: „звук *γ* в окончании *-го* имен прилагательных и местоимений" и „звук *е*, а не *ё* в окончаниях глагольных форм вроде *пойдёт* (произн. *пайдéть*)" (стр. 1278).

Следует отметить, что среди указанных Е. Ф. Будде особенностей говора с. Непрядева нет такой, как отсутствие перехода *е* в *о* после мягких согласных перед твердыми, хотя даже через 30 лет после наблюдений Е. Ф. Будде эта черта проявлялась еще очень ярко. На нее мне указывали местные учителя, из-за нее окрестное население, которому чуждо такое произношение, поддразнивая, зовет непрядевцев *„М'ишéк, Ван'éк"*, а одна женщина из соседнего с. Никитского осуждала их говор за то, что они *выварáч'иваўт'*: *·„м'ашк'й, кашéлка" — тó л'и д'éла „м'ишк'й, кашóлка"*.

В собранном мною материале, очень небольшом по объему, все же оказалось достаточно примеров, иллюстрирующих отсутствие перехода *е* в *о* перед твердыми согласными: *пан'éва, пан'éву* (2 раза), *у пан'éвах, св'éклу* (2 раза), *св'éкъл'ъ̯і, нъ с'ир'éтк'и, идý нъп'ир'éт, пав'éрнут', п'éстрыи, мар'éныи, пр'ил'éх, кат'éнък, раб'éнък, пърас'éнък, кашéлка*. Однако, наряду с такими примерами, есть и противоречащие им, в которых представлено о: *в'óрст, с т'óткъ̯і, збл'óск'им'и, шл'óнка, шл'óнскъ̯і*, у *Мал'óук'и, суч'óнъ̯і, т'ажóв'ины, ч'óрныи*; ср. также: *дашóч'к'и, нъ дашóч'к'ьх*. Непоследовательность в проведении рассматриваемой фонетической черты указывает на то, что она для говора является исчезающей, вытесняемой произношением с *о* под влиянием литературного языка и говоров окрестных селений.

Другая диалектная черта, которая выделяет говор с. Непрядева, — это тип яканья.

Говор с. Непрядева акающий, причем аканье в нем недиссимилятивное, т. е. в непосредственно предударном слоге после твердых согласных фонемы *о* и *а* реализуются в варианте *а* вне зависимости от качества гласной под ударением: ср. перед слогом с ударяемой гласной *а*: *палнá, ламáит', сарвáт'*,

аташлá; ткалá, самá, давái̯ и др.; перед слогом с другими ударяемыми гласными: *γадóў, калóд'ьс', харóшъi̯, пан'éва, аднаjé* (вин. п. ед. ч. жен. р.), *сарв'éш, бал'ít', хат'íш, вынас'ú, баjўс'а*; *платóч'ьк, завóи, какói̯, наi̯д'éш, натк'éш, танк'ú, стар'úнскъi̯* и др. Такая же гласная представлена и в начале слова не после согласной, как в непосредственно предударном слоге, так и в других предударных слогах: *абр'áда, абрáтна, абрóк, астрых, ад'úн, абв'ажý, аднаjé, ат в'анцá* и др.

На почве аканья в результате обобщения типичного чередования предударного *а* с ударяемым *о* в некоторых словах гласная *о* произносится под ударением вместо этимологического *а*: *фс'о вóр'иӯа, н'а сóд'им, брóн'иси, забрóн'ис'и.*

По реализации гласных *а, е* в непосредственно предударном слоге после мягких согласных Е. Ф. Будде определяет говор группы селений, к которой им отнесено с. Непрядево, как говор с „южновеликорусским аканьем, но не рязанским", с аканьем, которое „нельзя назвать полным или сильным". Это аканье он иллюстрирует примерами: *„диревня, Пе'трóўки, дьjичькя́, виньчя́нья, де'лúли, ре'бёнка, зе'мьлú, ме'стá, къ jе'мý, уме'рлá, свяшше́льникъ, зáфсе'γдá, жыни́хъ;* но: *двянáтцáть, Натáлья Стяпáнна, чятырú, зъплятáть, вярсты́, плятýтца, вяршóчьки, събярýтца, мяшáють, поядýть, тянýть, смяю́тца, лякáрства, ляжý* и проч.", — примерами, которые им „взяты из говоров Епифанского, Крапивенского, Одоевского, Белевского, Ефремовского, Богородицкого уездов" (стр. 1277). Судя по этим примерам, как будто можно было бы говорить, что здесь говор с умеренным яканьем: в предударном слоге перед твердыми согласными *а*, перед мягкими *е'* или *и*, но этому противоречат примеры с *е* перед твердыми согласными: *Пе'трóўки, ме'стá, къ jе'мý уме'рлá* и с *а* перед мягкими: *смяю́тца.* Такое противоречие вполне естественно, поскольку Е. Ф. Будде строит свое описание типа аканья (или, точнее, яканья) на единичных примерах, выхваченных из разных говоров разных мест, где имеются различные типы яканья. Поэтому его описание аканья, как и его утверждение, что установленный им тип аканья распространен „на всем пространстве Тульской губернии", не имеет цены.

Определить тип яканья в говоре с. Непрядева, но не на основе описания Е. Ф. Будде, а на материалах, которые он включил в небольшой диалектный словарь Тульской и Калужской губерний, помещенный им в статье о говорах этих губерний,[1] попытался Н. Н. Дурново:[2]

„После мягких перед старыми твердыми примеры только на *а*: *сястра*, *пирвялась*, *лякарства*, *ат чясотки*, *ничяво*; в этих примерах под ударением — гласные *а*, *о*; нет примеров на положение перед слогом с *у*, *ы*.

Перед отвердевшим *р* в одном примере — *е*: *ф че'рноту*.

Перед мягкими только два примера: в одном из них перед слогом с *и* напечатано *е*: *ӑчерьнить*, в другом, напечатанном в двух местах (в словаре), но взятом, повидимому, в обоих местах из одной и той же записи от одного лица (приведена одна и та же фраза: *„как лякарства пирвядётца, мнѣ бальнѣить“* в одном месте и *„как лякарства пирвидётца, мнѣ бальнѣить“* в другом месте) напечатано один раз „*я*“: *пирвядётца* и другой раз „*и*“: *пирвидётца*. Если опечатка в первом случае, то говор можно рассматривать, как умеренно-якающий, если же во втором, то как смешанный“ (стр. 130).

Попытка Н. Н. Дурново окончилась неудачей. Ничего иного и не могло получиться при том материале, которым он располагал. Действительно, разве можно установить тип яканья по 8 примерам, из которых один, по существу определяющий, оказался дефектным?

На основании имеющегося у меня материала яканье в говоре с. Непрядева можно определить как ассимилятивно-диссимилятивное: в непосредственно предударном слоге после мягких согласных гласные *а*, *о*, *е* реализуются в варианте *а* перед слогом с ударяемыми гласными *а*, *и* (*ы*), *у*, *о* и в варианте *и* — перед слогом с ударяемой гласной *е*. Необходимо при этом заметить, что эта гласная *е* представлена в говоре не только на месте

[1] Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. („Известия ОРЯС Имп. АН“, т. III, 1898, кн. 3, стр. 829—904).

[2] Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I, Южновеликорусское наречие, М., 1917.

старых *е* и *ь*, но и в соответствии со старым *ѣ*; ср. *д'éука, д'éд бърадáстъi, д'éшка, д'éла, над'éну, н'éту, сус'éтка, т'ил'éга, ч'в'éт*; *вил'éл'и, н'и ум'éит', jéз'д'ила, пр'ijéд'ит'; у прут'é, у нáшъi силé, таб'é, саб'é, ан'é, дв'é, гд'é* и др.

Итак, в предударном слоге *'а*:

1) перед слогом с ударяемым *а*: *гр'азнá, п'атнáu̯ът', ръз'д'авáлс'а, с'астрá* (2 раза), *ат в'анцá, пъм'арлá, л'ахкá, дв'анáu̯ът', н'а знáiу, нъд'авáл'и;—с'ар'áк, гл'ад'áт', н'и jад'áт', с пл'ам'áн'ицъi, в'ан'ч'áл'ис'*; — *с лъшад'áм'и, жас'т'áнк'им'и;* — *пр'ijажáiут'*;

2) перед слогом с ударяемым *и* (*ы*): *прът'аныи, в'анк'и́*; — *с'ьр'акú, н'ал'з'и́, н'и кр'ас'т'и́u̯а, л'ат'и́т'*; — *л'ажыт', гр'ашыш*;

3) перед слогом с ударяемым *у*: *у с'ьр'акý, п'атýх, jамý, пр'ив'азý* (2 раза), *ч'ьр'адý, б'аз рýч'ьк;—ч'аiк'ý, д'iач'к'ý, д'ар'ýжнъi;* — *пъгл'ажý, абв'ажý*;

4) перед слогом с ударяемым *о*: *д'алóу, дъл'акó, у jагóра, ч'в'атóк, ч'в'атóч'ьк, ч'авó, jавó, Х'адóс'iа, н'амнóга, н'а пóмн'у, н'а пóлнъia, н'а сóд'им*; — *б'ал'jó*; — *т'ажóв'ины*.

В предударном слоге *'и* перед слогом с ударяемым *е*:

1) из *ѣ*: *у маjói с'истр'é* (род. п. ед. ч.); — *т'ил'éга, в'ил'éл'и, у р'ик'é* (род. п. ед. ч.), *у нáшъi с'ил'é*;

2) из *е* и *ь*: *нъп'ир'ét, нъ с'ир'étк'и, дóш ч'ис'т'éн'к'а, м'ин'é* (2 раза), *т'иб'é* (3 раза), *н'ис'ét', пъв'из'ét', дл'ь с'иб'é, н'ич'ér'н'ит'*; — *дъ ихр'émъва*.

Встретившиеся отклонения от нормы ассимилятивно-диссимилятивного яканья единичны. Это два слова, заимствованные из литературного языка: *с'икр'итáр', пр'ицс'идáт'ьл'*, и один случай употребления отрицательной частицы в произношении *н'и* вместо ожидаемого *н'а*: *н'ивы́ду*. Отмечу еще случаи с двояким произношением: в некоторых словах перед ударяемым *е* встретилось наряду с предударным *и*, также предударное *'а*: *у с'ал'é, у р'ак'é, пъв'аз'ét'*. Такое произношение объясняется обобщением других форм того же слова, где *'а* фонетически оправдано (т. е. форм типа *р'акá, р'акói, с'алó, с'алá, пъв'азýт'* и др.).

Указанными двумя диалектными признаками: отсутствием перехода *е* в *о* перед твердыми согласными и ассимилятивно-

диссимилятивным яканьем говор с. Непрядева резко отличается от говора других селений, расположенных по р. Непрядве. Другие языковые черты в этом отношении менее показательны. Перечислю наиболее существенные из них, чтобы можно было получить общее представление о типе говора.

1. Звонкая задненебная по своему образованию является фрикативной: *γадóу, γд'é, у γурад'ӣшы, γл'ад'áт', γутáр'ит', γаз'éта, т'ил'éγа, луγá, рыγу, у јаγóра, иγрáл, пóγр'ип* и др. На конце слова при оглушении в соответствии с *γ* произносится *х*: *лýх, пр'ил'éх, астрых*. Для положения перед глухими согласными ср. *ла'ххá*, но *л'éкшы* [ср. Е. Ф. Будде. Словарь: *лéкшэ* (2 раза)].

2. Согласные *ф* и *ф'* (губно-зубные фрикативные глухие) в говоре отсутствуют. В заимствованных словах в соответствии с твердым *ф* произносится перед согласными *х*: *кóхта, кóхтъч'к'у, хрóнт, дъ ихр'émъва* и перед гласными *хw* (глухая задненебная фрикативная согласная, сопровождаемая губно-губной звонкой). *сърахwáн, хwáртук, хwасóн, јьп'ихwáн'*. Мягкому *ф'* обычно соответствует мягкое *х'*: *Х'éн'а, Х'адóс'ја, Х'ил'ипъвна*.

3. Губно-зубная фрикативная звонкая *в* в положении перед согласными не в начале слова изменяется в неслоговое *у̯*: *дéу̯ка, к зáу̯тр'ьму, у Мал'óу̯к'и, пауτáу̯ка, кузóу̯скъ̯і, мал'óу̯скъ̯і, лáстъу̯к'и* и др., но *Х'ил'ипъвна*. Так же произносится *у̯* вместо *в* на конце слова: *рукáу̯, γадóу̯, д'алóу̯, кр'уч'к'óу̯, ис прудóу̯*.

Перед согласными в начале слова согласная *в* реализуется после паузы в слоговой гласной *у*: *ус'ó тут, унýч'к'а ат сы́на, у дóск'и ткýт', ид'é у р'ик'é тъ, у дóш сымáиш, у нáшъ̯і с'ил'é кр'уч'к'óу̯ н'ет*. Слоговое *у* может быть и не после паузы, если начальному *в* предшествует согласный звук: *јéс'т'у-Тýл'и, в'ан'ч'áлъс'улапт'áх*. После гласной при отсутствии паузы согласная *в* реализуется в неслоговом *у̯*: *наус'áкъ̯і. сауну́ч'к'ъ̯і, ýм'ир ч'ълав'ék иус'ó*. Таким образом, после гласной может наблюдаться двоякое произношение в зависимости от того, есть или нет паузы перед начальным *в*. Например, возможно: *былáу̯Мал'óу̯к'и и былá уМал'óу̯к'и, тадыу̯стар'инý и тады устар'инý*.

4. В соответствии с древнерусскими сочетаниями *šʹčʹ*, *žʹdžʹ* произносятся долгие твердые шипящие: *ш̄*, *ж̄*: *иш̄о́*, *пуш̄а́і̯*, *нʹи пуш̄а́ла*, *спуш̄у́*, *таш̄ы́ла*, *падыш̄у́*, *ш̄ыпа́ц̄а*, *нʹи ш̄ыпа́і̯сʹи*, *у γърадиш̄ы*, *пътхадʹа́ш̄а*, *даш̄о́чʹкʹи*;— *до́ж̄ык*, *прʹиі̯ажа́і̯утʼ* (ср. с сочетанием *шʹчʹ* на стыке корня и суффикса: *абрʹа́шʹчʹикʹи*). В положении после согласных и на конце слова эти шипящие недолгие, ср. *ба́ршына*, *же́ншына*, *до́ш*.

5. Задненебная глухая взрывная согласная *к* смягчается в положении после неслогового *і̯* и мягких согласных: *чʹаі̯кʹу*, *Ва́сʹкʹа*, *чʹисʹтʹе́нʹкʹа*, *ста́рʹинʹкʹӱӱ*, *ко́лʹкʹа*, *наско́лʹкʹа*, *то́лʹкʹа*, в том числе после чʹ (которое в говоре всегда мягкое): *до́чʹкʹа*, *унӯ́чʹкʹа*, *тъбачʹкʹӯ́*, *с ру́чʹкʹъі̯*, *на па́лъчʹкʹу*, *карʹма́чʹкʹу*, *крʹучʹкʹа́мʹи*, *нʹи чʹӯ́тъчʹкʹу*, *на ко́хтъчʹкʹу*, *крʹучʹко́у*. В положении после шипящего *ш* задненебное *к* твердое: *Ма́шка*, *с кра́і̯ушку*, *дʹе́шка*.

Для других задненебных в положении после мягких согласных записан всего один пример, в котором задненебная твердая: *свʹе́рʹху*.

6. У существительных женского рода на *-а* род. п. ед. ч. при употреблении его с предлогами имеет окончание *-е*: *у ма̯ӯ́і̯ сʹистрʹе́*, *идʹе́ у рʹикʹе́ тъ*.

7. В твор. п. ед. ч. у таких существительных окончание *-оі̯* (*-ъі̯*): *свʹе́кълʹнъі̯ вадо́і̯ напʹі̯е́с̄и*, *паі̯дʹе́ш с тʹо́ткъі̯*, *зъ скатʹи́нъі̯ убʹираи́с̄и*, но *зʹимо́і̯у*.

8. Твор. п. мн. ч. существительных образуется посредством окончания *-амʹи* (*-ъмʹи*): *лъшадʹа́мʹи успа́шутʼ*, *крʹучʹкʹа́мʹи забра́ты*, *с рабʹа́тъмʹи иγра́л*. Но у слов с основой на задненебную *к* при ударении на основе безударное окончание твор. п. мн. ч. является в виде *-ими*: *жасʹтʹа́нкʹимʹи*, *с пʹа́ткʹимʹи*, *з до́скʹимʹи*, *падво́рʹикʹимʹи*, *з блʹо́скʹимʹи*.

9. Род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений имеет в окончании согласную *в*: *но́въва*, *ста́ръва*, *из бе́лъва*, *чʹаво́*, *і̯аво́*. Е. Ф. Будде в конце 90-х годов отметил для с. Непрядева звук *γ* в этом окончании.[1] Однако, в записях Е. Ф. Будде

[1] Е. Ф. Будде. О народных говорах в Тульской губернии. („Известия ОРЯС Имп. АН", т. III, 1898, кн. 4, стр. 1278).

по говору с. Непрядева, помещенных им в его материалах для тульского словаря,[1] все примеры на род. п. ед. ч. прилагательных имеют в окончании согласную *в*: *ни γарячьва взять ў рот* (стр. 856), *ис Царúцънава γóрáду* (стр. 861), *ничаво* (стр. 874). Можно полагать, что уже в то время началось вытеснение окончания *-оγа (-ъγа)* под влиянием московского говора окончанием *-ова (-ъва)* — процесс, ко времени моих наблюдений уже завершившийся.

10. Род.-вин. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений представлен в форме: *м'ин'é, т'иб'é, с'иб'é*; ср.: *стáр'шы м'ин'é, у м'ин'é н'éту, штó етъ т'иб'é жы́с'т' ламáит', куда т'иб'é л'ихамáнка н'ис'éт', т'иб'é хтó астры́х тъ, дл'ь с'иб'é.*

11. Форма дат. п. ед. ч. этих же местоимений звучит: *мн'é, таб'é, саб'é*; *ср.*: *пр'иjажájут' ка мн'é, ну бýд'ит' таб'é, бл'улá нá см'ърт' саб'é, самá саб'é.*

12. Отмечу форму вин. п. ед. ч. жен. р. у слова „один": *ры́γу аднаjé сажл'и́.* Соответствующие формы у местоимений мною не отмечены.

13. Возвратные глаголы образуются посредством частицы с мягкой согласной *с'*: *в'ан'ч'áлъс', ръз'д'авáлс'а, раш̄ыбýс'а, баjýс'а* (2 раза), *н'и ш̄ыпái̯с'и.* В форме 2-го лица ед. ч. на стыке личного окончания и возвратной частицы *-с'и* произносится долгое мягкое *с̄'*: *уб'ираúс̄'и, нап'jéс̄'и, зъмар'úс̄'и, брóн'ис̄'и, забрóн'ис̄'и*, а на стыке возвратной частицы с окончанием инфинитива и 3-го лица ед. и мн. ч. долгая твердая аффриката *ц̄*: *кач'áц̄а, купáц̄а, ш̄ыпáц̄а, тк'éц̄а, вóр'иц̄а, хóц̄а, н'и пръмувáиц̄а, пр'ишывáиц̄а, н'и кр'ас'т'úц̄а, дъмаγнýц̄а.*

14. В личных окончаниях глаголов 1-го спряжения под ударением произносится гласная *е*: 2-е лицо ед. ч. *н'и наi̯д'éш* (2 раза), *наi̯д'éш, натк'éш', н'и сарв'éш, паi̯д'éш, нап'jéс̄'и*; 3-е лицо ед. ч. *н'ис'éт', праi̯д'éт', пъв'из'éт', тк'éц̄а.* Для 2-го лица мн. ч. примеров нет, а для 1-го лица мн. ч. записано всего два, причем окончания в них — с гласной *о*: *шjóм, тк'óм.* Эта же

[1] Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. („Известия ОРЯС Имп. АН", т. III, 1898, кн. 3).

гласная иногда встречается и в других личных формах; ср. 2-е лицо ед. ч.: *н'и наi̯д'óш*; 3-е лицо ед. ч.: *ид'óт'*.

15. Форма 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов оканчивается на мягкое *-т'*; 3-е лицо ед. ч.: *пъв'из'ém'*, *н'ис'ém'*, *праi̯д'ém'*, *ид'óт'*, *л'ат'úт'*, *бал'úт'*, *л'ажы́т'*; 3-е лицо мн. ч.: *паi̯дýт'*, *ткýт'*, *н'и jад'áт'*, *γл'ад'áт'*.

16. При ударении на основе глаголы 1-го и 2-го спряжений по окончаниям не различаются. Безударные окончания 2-го и 3-го лица ед. ч., а также 1-го лица мн. ч. (для 2-го лица мн. ч. нет примеров) произносятся с гласной *и*, напр. 2-е лицо ед. ч.: *настý-п'иш, сымáиш*; 3-е лицо ед. ч.: *бýд'ит'*, *ламáит'*, *бывáит'*, *н'иум'éит'*, *иγráит'*, *пр'ijéд'ит'*, *н'ич'ér'н'ит'*; 1-е лицо мн. ч.: *пóл'им, jéз'д'им, н'а сóд'им*, а безударное окончание 3-го лица мн. ч. с гласной *у*: *хвараýт'*, *успáшут'*, *пр'ijажái̯ут'*, *пóл'ут'*, *вóд'ут'*.

По перечисленным языковым чертам говор с. Непрядева должен быть отнесен к южнорусскому наречию. Аканье с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, фрикативное *γ*, *хw* и *х* на месте *ф* в заимствованных словах, долгие твердые *ш̄* и *ж̄* в соответствии с древнерусскими сочетаниями *š'č'* и *ž'd͡ž'*, мягкое *к'* после мягких согласных, род. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений *м'ин'é, т'иб'é, с'иб'é*, 3-е лицо ед. и мн. ч. глаголов на мягкое *т'*, гласная *é* в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения, окончания род. п. ед. ч. прилагательных *-óγа (-ъγа)* по более ранним наблюдениям Е. Ф. Будде — все это типичные признаки южнорусского наречия. Труднее определить, к какой группе говоров южнорусского наречия следует отнести непрядевский говор. Авторы „Опыта диалектологической карты русского языка" подразделяют южнорусское наречие на группы по двум признакам: по типу яканья и по реализации согласной *в* перед согласными и на конце слова. По второму признаку говор с. Непрядева как будто бы объединяется с говорами Тульской группы, по типу яканья — с говорами Рязанской группы. Особую близость говор с. Непрядева обнаруживает с группой говоров, расположенных к северу и северо-западу от г. Рязани (с. Новоселки, с. Бусаево и др.). Помимо черт, общих южнорусским

говорам, непрядевский говор сближается с указанными рязанскими говорами двумя существенными признаками: во-первых, отсутствием перехода *е* в *о* перед твердыми согласными и, во-вторых, ассимилятивно-диссимилятивным яканьем. В то же время именно по этим признакам непрядевский говор, как уже говорилось, выделяется из среды соседних говоров. Отмечу, кстати, что неслоговое *у* из *в* перед согласными и на конце слова известно также и говорам к северу от Рязани.

Сходство говора с. Непрядева по указанным языковым чертам с соответствующими рязанскими говорами, так же как отличие его по этим же признакам от соседних тульских, вряд ли случайно. Все это, как мне кажется, говорит о том, что непрядевцы не являются старыми обитателями этой местности, что они — переселенцы с территории рязанских говоров и именно тех, в которых *е* не изменилось в *о*. О том, что непрядевцы являются переселенцами, знают местные жители, но они выводят непрядевцев из тульского же села Малёвки. Однако Д. К. Зеленин указывает, что само население Малёвки является выселенцами из Рязанской губернии.[1]

[1] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных, СПб., 1913, стр. 291.

А. Н. ГВОЗДЕВ

ГОВОР с. КАНУЕВКИ БЕЗЕНЧУКСКОГО РАЙОНА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Село Кануевка расположено на восточном берегу Волги в 5 км на запад от пристани Екатериновка и в 20 км на северо-запад от районного центра Безенчук, являющегося и ближайшей железнодорожной станцией. Местное пароходное сообщение связывает Кануевку с Куйбышевым (60 км).

Кануевка — сравнительно крупный населенный пункт (около двух тысяч жителей); в нем два колхоза, имеется школа-семилетка.

Село Кануевка принадлежит, повидимому, к старым русским поселениям области. В сельском совете хранится „Ревизская книга деревни Кануевки" от 1794 г. Уже тогда это было большое село, насчитывавшее 1066 душ (515 мужчин, 551 женщину). Оно принадлежало графу Федору Григорьевичу Орлову. Ему же принадлежали соседние села: Владимировка, Екатерининское, Федоровка, Григорьевка, Алексеевка. Как показывает ревизская книга, из этих сел нередко брали в Кануевку жен. И сейчас особенно тесная связь имеется с ближайшим селом Владимировкой. Нередко приходилось сталкиваться с тем, что женщины в Кануевке — родом из Владимировки, и наоборот.

С говором с. Кануевки я ознакомился в августе 1945 г., во время диалектологической поездки, которую я совершил совместно с аспирантами М. В. Кривовой, Е. В. Ухмылиной, Н. Н. Чуриловой и студенткой С. Н. Трофимовой.

Помимо записей от различных лиц, встретившихся в сельском совете, правлении колхоза и других местах, основной

материал собран от группы лиц, относительно которых устанавливалось, что они являются уроженцами и постоянными жителями Кануевки. По большей части, это старые и пожилые люди. К ним относятся: Петрунин Михаил Яковлевич, 70 лет; Труханова Екатерина Маркеловна, 75 лет; Дунаев Филипп Сидорович, 74 лет; Зыкова Анна Терентьевна, 62 лет; Сидорова Васена Игнатьевна, 59 лет; Захарочкина Арина Максимовна, 65 лет; Иванова Мария Михайловна, 68 лет; Голицына Наталья Игнатьевна, 54 лет. Представителем молодого поколения является Курицын Анатолий Иванович, 17 лет.

Изученный говор в общем обладает устойчивостью. Многие его черты наблюдались одинаково у всех подвергавшихся наблюдению лиц. Только в незначительном количестве черт имеет место известная непоследовательность, причем наблюдалась она у одних и тех же лиц. Все подобные случаи будут указаны при описании этих явлений. Собрать исчерпывающих сведений о говоре за четыре дня наблюдений не удалось. Поэтому описание отдельных явлений говора дается в зависимости от собранных данных.

ФОНЕТИКА

Характеристика гласных звуков говора предполагает установление: 1) имеющихся в нем ударных звуков и 2) безударных звуков и условий, в которых они встречаются.

Под ударением, как обычно, различается шесть звуков: *а* (*брат, брат', м'ин'а́, гл'ад'а́т', зъ с'ан'а́м'и*), *о* (*сало́ма, броф', ам'о́т б'ир'о́т'*), *у* (*п'ату́х, б'ару́т', зган'у́*), *ы* (*зы́пка, капны́, рыт', чаты́р'и*), *е* (*с'ерп, йач'м'е́н', в'е́нч'ик*), *и* (*в'ад'и́, в'иск'и́, пал'и́ца, гл'ади́т'*).

Некоторых замечаний требуют следующие звуки:

1) *а* между мягкими согласными не переходит в *е*: *зъ с'ан'а́м'и, грабл'а́м'и, ап'а́т', п'ат', гл'ад'а́т'*;

2) на месте звука *о* не появляется ни дифтонг *уо*, ни закрытое *о*: *йаво́, карова, в'адро́, вадо́й, дъл'ако́, в'ис'ало́*;

3) на месте старых *е*, *ь* перед твёрдыми, как обычно, произносится *'о*: *ам'о́т, ап'о́нк'и, в'ир'о́въшны, бачо́нк'и, б'ир'о́зъвъй,*

найд'о́на, в'ис'о́лай, э'ил'о́най, н'ос, д'ишо́вай (но *д'ишёвл'и*), *с'м'о́ртнай, сам шо́ст, в в'о́шн'у по́ру*. В глагольных флексиях *о* произносится перед мягким *т'*: *н'ис'о́т', в'из'о́т', б'ир'о́т*; особо следует отметить случаи: *л'ошш* (*-лещ*), *м'ёжы, гаршёчк'и*;

4) на месте старого *ѣ* имеется *е*: *п'ёфчайа, нас'ётка, б'ёлка, л'ёсу, пр'ийёжжы*; но в формах глагола „*ем* — есть“ наблюдается *и*: *йис'т', йиш, сйиш, с'йист, нъдайи́ст*, а также: *д'и́в'ир, д'и́в'ьр'ьм*.

Безударный вокализм определяется тем, что говор относится к числу акающих говоров и характеризуется тем, что без ударения совпадают в одном звуке различающиеся под ударением звуки: 1) *о* и *а* после твердых; 2) гласные неверхнего подъема после мягких.

Звуки *о* и *а* после твердых, в первом предударном слоге совпали в одном звуке *а* во всех случаях независимо от качества ударного гласного. Так: *брасáйут, касá, гаршóк, мълакó, нос касы́, в дамý, сълав'ёй, нъгълав'ё, тап'и́л'и, мълат'и́т'; глазá, сарáй, нахóжус', затылак, травы́, лагýн, нас'ётка*.

Во втором предударном слоге они совпали в редуцированном *ъ*: *хлъпатáл'и, пъталóк, лъшыд'ёй, пъдб'ир'от, къчатк'и́, мълакó, пъс'ал'и́л'ис', нъпл'ач'á, зъкружы́л'и, зъм'ачáйу*.

На месте начального *о* произносится *а* и во втором предударном слоге: *абгарóжъньй, ад'д'ил'óньй, агарóдн'ик, атар'в'óтцъ, абн'имáит*, как и в первом предударном слоге: *ап'óнк'и, ам'от, агрáда, аглóбл'и, ат'ёц*.[1]

В заударных неконечных слогах они совпали в редуцированном: *д'ас'áтъва, зáгъръда, пафс'ákъму, в'ир'óвъшнъ; б'ёгъл'и, цыпл'áтъм'и*.

В заударном конечном слоге нет единства. Спорадически встречаются *ъ* и *а*; так, в закрытом слоге: 1) *сóснъф, гадóчкъф, ты́квъф, ф катóръм, дв'анáтцът', абгарóжъньй, дóлгъй* (им. п.), *из б'ир'óзъвъй-тъ кары́, пъ канáвъм-т'и* и

[1] По поводу этой особенности М. А. Маркелов говорит: „*у нас атвар'и́т'и, у н'их* (во Владимировке) *итвар'и́т'и ф кът'ир'и́ньфк'и аткрóйт'и*“.

2) *заты́лак, во́лас* (им. п.), *кра́снай, а́лай, то́пал', т'ил'о́нак, нъ шала́ш-ат, вайе́ннай, со́рак;* в открытом слоге: 1) *кады́шкъ, садо́ф-тъ бы́лъ мно́гъ, бы́стръ пр'е́ит, быва́лъ, на́дъ, карм'и́т'* и 2) *чаты́р'и го́да, хл'е́ба, ско́л'ка, т'о́мна ф с'ан'а́х, зы́пка, загъръда.*

Гласные звуки неверхнего подъема после мягких в первом предударном слоге совпадают или в звуке *а* или в звуке *и* в зависимости от следующего за ними согласного и от качества ударного гласного. По характеру распределения этих двух звуков в данном положении говор относится к типу ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

1. Звук *а* на месте указанных звуков произносится перед твердыми согласными всегда при всех ударных гласных: а) на месте *е* (из *ѣ*): *р'ака́, хл'аба́, д'в'ана́тцът', в'адро́, с'т'ано́й, сл'апо́й, уб'агу́, ф пл'ану́, хл'абну́л; л'асны́и, хл'авы́;* б) на месте *'о, 'е* (из *е*): *с'астра́, с'ър'ада́; с'астро́й, йаво́, зъ с'ало́м, зъ с'т'акло́м, н'асу́, б'ару́, ул'аты́чылас';* с *в'асны́, тр'и в'арсты́;* в) на месте *'а*: *вз'ала́, зъв'аза́ла, п'атно́, пр'амо́ва, р'або́й, п'атно́м, пр'аду́, път'ану́, р'ады́, р'абы́х, р'абы́м'и.*

2. Перед мягкими согласными произносится *а*: а) при наличии под ударением широкого *а*: *у пл'атн'а́, пл'ам'а́н'ицын, з'м'айа́, н'ал'з'а́, пръв'ар'а́л'и, уч'т'ал'а́, нъ пл'атн'а́х, р'ап'йа́, з'амл'а́;* но отмечено *и*: *д'ив'ир'йа́;* б) при наличии под ударением узких *и, у*: *в'ад'и́, нъс'ал'ил'ис', п'ир'м'ан'ил'ис', р'ап'йи́, н'ас'л'и́, пр'ив'аз'л'и́, гл'ад'и́ш, б'ар'и́, д'ьс'ат'и́на, ръб'ат'и́шк'и, уб'ар'и́т'и, м'ас'и́т'-та, в'ал'и́къй пост, гл'ан'и́т'и, п'атк'и́, апр'ъд'ал'у́;* в) при наличии под ударением *е* из старого *ѣ*: *к с'астр'е́ ф т'апл'е́, пр'ил'ат'е́л'и, ф с'ал'е́, в в'адр'е́, пъ с'т'ан'е́, г б'ад'е́, с'т'ар'п'е́л, гл'ад'е́ла, ул'ат'е́л, гл'ад'е́т', в'аз'д'е́, пыл'ад'е́л'и, нъ т'ал'е́шк'и, п'ир'айе́зду;* но отмечено *и*: *н'ид'е́л'а, ч'ър'ъз н'ид'е́лку, н'ив'е́ста,* а также: *т'иб'е́ дады́т', с'иб'е́ -тъ пъстара́лс'а, нъ с'иб'е́ в'азу́т.*[1]

[1] Любопытно, что в говоре с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем в Вадском районе Пензенской области слова „неделя" и „невеста" также

3. Перед мягкими произносится *и* при наличии под ударением *е, о* из старых *е, ь*: *р'ип'ёй, пл'ит'ён', д'ир'ёвн'а, в'ис'ёл'йа, д'ит'ёй, ч'ит'в'ёрх, у м'ин'ё, р'им'ён', ум'ир'ёт', р'иб'óнък, т'ил'óнак, с'ир'ёт' с'алá, йичм'ён', йичм'óнка, б'ир'óза, в'ир'óфка, в'ив'óлай, з'ил'óнъй, п'ир'óт, ад'д'ил'óнъй, жър'иб'óнък, т'ин'óта, йийó, н'ис'óш, в'из'óш, н'ис'óт, в'из'óт, б'ир'óт, н'ис'óм, в'из'óм, пр'ин'ис'óт, пр'ид'óш* (прясть), *нъпр'ид'óм, зъпр'иг'óм.*

Отступлением от такого типа произношения являются случаи, когда перед ударным *о* после мягких согласных в первом предударном слоге появляется *а*. Они имеют место тогда, когда появление *о* может быть объяснено действием аналогии образований со старым *о*, что встречается в случаях склонения и словообразования существительных, когда рядом с мягкими основами имеются твердые. Сюда относятся прежде всего бесспорные случаи появления *о* под воздействием твердых основ, например, *з'амл'óй*, где *е* перед *и* фонетически не должно было переходить в *о*, но *о* обязано своим появлением воздействию слов типа *стенóй, р'ап'йóф*, где окончание *-ов* заимствовано от слов типа *сынóв*, а затем *столóв* (но также *д'ив'ир'йóф*).

Случай *з'в'ар'йó* имеет рядом *тепло́, окно́*; случаи *д'ан'óж, п'ан'óк* имеют рядом *зубóк, дубóк.*[1]

отмечены в числе исключений. Так, произношение *н'ид'ёл'а* зарегистрировано в Удеве, Русской Поляне, Сядемке, Красной Дубраве, *н'ив'ёста* — в Сядемке. В этих словах ни разу не отмечено *а*, что свидетельствует о стойкости в них *и*. Не следует ли признать эти слова заимствованиями из другого говора, не имевшими в этом говоре дифтонгического *ие̂* под ударением? Также в Сядемке отмечено *с'иб'ё*, что тоже может рассматриваться как заимствование из другого говора, так как обычно там был дат. п.: *тайё, сайё*. См. мою статью „Говор западной части Вадского района Пензенской области" („Ученые записки Куйбышевского педагогического института", вып. 5, Куйбышев, 1942).

[1] Морфологическое происхождение такого *о* особенно четко демонстрируется его наличием в подобных положениях в говорах, вообще не знающих перехода *е* в *о*. См. мою статью „Говор западной части Вадского района Пензенской области".

Ср. с этим появление *и* в тех образованиях существительных, где такого воздействия твердых основ не было: *р'иб'óнък, жър'иб'óнък, т'ил'óнак, д'ифч'óнк'и, д'ит'ёй*, а также во всех глагольных формах, где нет соответствующих образований с твердыми основами.[1]

Особо следует выделить произношение гласного в первом предударном слоге в соседстве с когда-то мягкими, а теперь твердыми *ш, ж, ц*, а также обычно твердыми в говоре долгими *шш, жж* и иногда твердым *ч*. Такие случаи, как *д'ишёвл'и, д'ишóвъй*, где в первом предударном слоге произносится *и* (что имеет место в говоре только перед мягкими согласными), показывают, что эти отвердевшие звуки определяют предударный гласный не как твердые, а как мягкие, что нередко наблюдается в говорах разных типов. В соответствии с этим и будет представлен материал.

1. После твердых шипящих и *ц* перед твердыми всегда *а*: *жарá, шагáт', жанá, ч'ижалá, шагóф, жары́, аржаны́и, жалýдък, в жарý*; *цанá, цанóй, б'ис цаны́, цалýйу, нъчават', два часá, п'ат' часóр, ф п'áтъм часý*.

2. Перед мягким: а) при ударном *а*: *к лъшад'áм*; б) при ударном *и*: *пшан'и́ца, жан'и́тца, жан'и́лс'а, шал'и́т', лъшад'м'и́, чад'и́т', цан'и́т'*, но *цыд'и́ш, цыд'и́ла*; в) при ударном *у*: *шал'ý*; г) при ударном *е* из *ѣ*: *пъжар'ё, жал'ёт', жал'ёзнъй, пъжал'ёла, жал'ёза*, г *жан'ё*, но и *жыл'ёза*.

3. При ударном *е* не из *ѣ* появляется *ы*: *лъшыд'ёй, ч'ис'т'ёй, чыр'óмъха*; правда, при опросе было указано также и *а* в тех же словах: *лъшад'ёй, час'т'ёй*.

Такие же отношения имеют место, когда предударному гласному (в соответствии с ударными *'е, 'о, 'а*) предшествует мягкий согласный, а за ним следует шипящий или *ц*.

Так: а) при ударном *а*: *м'ажá, пъл'ажáт', уб'ажáл, л'ашшá, пр'ийажжáл, уйажжáйут, зъм'ачáйу, нъ пл'ачáх, п'ачáл'*;

[1] В вадском говоре различие предударных *и* и *а* в подобных случаях опирается на различие ударных *е* и *о*: так, с одной стороны, — *р'иб'ёнъч'ка, д'ифч'ёнка*, с другой, — *з'амл'óй, т'ажóф, з'в'ар'йó, д'ан'óк, п'ан'óк* и т. д. См. указанную выше работу, стр. 95.

б) при ударном ы: *йажы́, л'ажы́т', р'ашы́л'и, гр'ашы́л'и, зъв'ажы́т', л'ашшы́*; в) при ударном у: *л'ажу́, с'п'ашу́, нъм'ажу́, к пл'ачу́, гл'ажу́, пъ л'ашшу́*; г) при ударном е из ѣ: *нъм'аже́, в м'ашк'е́, нъ пл'аче́*; д) при ударном е, не из ѣ, а также о появляется и: *д'ишевл'и, д'ишо́въй, ръзр'ише́н'йа, в'ичо́рк'и, ишшо́*; правда, отмечено и а: *л'ашше́й, йаже́й*;[1] е) влиянием основ твердого различия можно объяснить а в таких случаях: *м'ажо́й* (*стеной*), *йажо́м, пл'ит'ашко́м, м'ашко́м*[2] (*столом*), *йажо́ф* (*столов*), *пл'ачо́* (*окно*), *м'ашо́к, шажо́к* (*дубок*).

После мягких согласных во втором предударном слоге на месте ударных е, о, а произносится редуцированный ь: в *д'ьр'авн'а́х, д'ьс'ат'и́на, апр'ьд'ал'у́, б'ис цаны́, б'ир'ага́, пл'ит'ашко́м.*

Тот же звук появляется и в заударных неконечных слогах; он вообще очень близок к ослабленному и, поэтому в записях он нередко обозначался буквой и; это так и будет сохранено в данной работе. Так: *д'ёр'ьва, по́ р'ьду, по́н'ьла* (-„поняло", т. е. залило водой), *вы́т'ину, ма́н'ин'к'их.*

В конечном закрытом слоге обычно бывает ь (и), но встречается и а: *о́ч'ьн', пайе́д'ьш, ч'ёр'ин, л'ём'их, д'ён'их, за́ац, м'ёс'ац, абн'има́ит, зъ сара́йам.*

В конечном открытом имеются ь и а: *мучён'ьй, в'ис'ёл'йа, го́р'а, д'ир'ёвн'а.* На месте ѣ в предл. п. существительных имеется отчетливое и: *ф калхо́з'и, в ако́шк'и, ф по́л'и, на по́йм'и.*

Гласные у и ы, как правило, в безударном положении сохраняются без редукции. Так, во втором предударном слоге: *рукава́, гусак'и́, мужык'и́, суйат'ис'с'и, дурак'и́*; в заударном положении: *о́кун', го́луп', про́луп', за́муш.* Но в отдельных словах встречается утрата лабиализации и редукция; так, отмечены: *ч'игуны́, сындук'и́, пъзыр'о́к, мъжык'и́*; в заударном положении: как *о́мат, чыр'о́мъха.*

Звук ы отмечен: *рыбак'и́, сынав'йа́, вы́мыл, вы́рыл.*

[1] Ввиду наличия рядом с *йаже́й* и формы *йажо́ф* можно допустить, что а в первой форме вызвано влиянием второй. См. ниже, стр. 298.

[2] Сюда же, наверно, можно отнести и *п'ашко́м.*

В области гласных следует коснуться стяжения. Оно отсутствует в глагольных формах: *нас'и́жвъит, абн'има́ит, пр'е́ит, ум'е́ит', кро́ит', мо́ит', тариу́ит', збарну́ит', нъзыва́итца.*

Но в прилагательных одинаково встречаются нестяженные и стяженные формы. Так: *п'е́фчайа пт'и́ца, бал'ша́йа ча́с'т', бал'ша́йа кады́шка, нъ бал'шы́йу дарогу, ал'н'аны́йу, руба́шку, мълады́йу жану́, л'асны́и д'и́к'ии ы́тк'и.*

Стяженные формы отмечены: *ф ста́ра вр'е́м'а, пр'ийе́жжы то́л'къ, нызна́нка чо́рна как з'амл'а́, атва́л'на даска́, в'ир'о́въшны был'и падмо́г'и, йарма́нску войну́, в'о́шн'у по́ру, калхо́зну скат'и́ну, рад'и́му ма́тушку, сталы́ вро́д'и как'и́-та.*

В заключение обзора гласных звуков остановлюсь еще на вопросе о типе яканья.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье, только в положении перед ударными *'е, 'о* (не из *ѣ*) отличающееся от сильного яканья и связанное с тонким противопоставлением старых средних по широте гласных (*е, ь*) старым широким (*а*) и узким (*и, ы, у*, а также *ѣ*, очевидно, как дифтонгу, начинающемуся звуком *и*), нередко бралось под сомнение. Высказывалось предположение, что за него принималось смешение сильного яканья с каким-либо другим типом яканья. Особо возбуждало сомнение наличие такого типа в областях с недавней колонизацией, к которым принадлежит и Куйбышевская область. Поэтому мной были проведены некоторые специальные наблюдения для выяснения „функционирования" в говоре этого типа распределения гласных первого предударного слога. Сюда относятся беседы с Михаилом Алексеевичем Петруниным и Анатолием Ивановичем Курицыным.

М. А. Петрунин, 70 лет, прожил всю жизнь в с. Кануевке, учился в начальной школе, 12 лет окончил 4-классную школу; затем полюбил чтение. В течение трех лет (1910—1913) доставлял статистические сведения. В настоящее время он служит сторожем при колхозной кузнице. Он быстро усвоил, что от него требуется, и охотно отвечал на вопросы. Как в области лексики, так и в области фонетики он дает ответы с полной определенностью. Отдает отчет в различиях письма и произношения.

Легко находит отдельные формы, досказывая фразы по типу: „я вчера нес, а сечас?“ — *йа н'асу́*, — „А ты?“ — *н'ис'о́ш*, — „А мы?“ — *н'ис'о́м*, — „А они?“ — *н'асу́т*. Показывая на растущий во дворе „репей“, спрашиваю: что это? — *р'ап'йи́*. — „А один?“ — *р'ип'е́й*. — „А нет?“ — „*р'ап'йа́*“. — „А много?“ — *р'ап'йо́ф*. При этом он с полной определенностью заявляет, что в *р'ип'е́й* произносится *и*, *а* в *р'ап'йи́ я* (*йа*) и произносить иначе нельзя. То же самое он утверждал и относительно *н'ис'о́м—н'асу́т'*, *д'ит'е́й — д'ат'а́м*. На вопрос, чем же объясняется это произношение то с *и*, то с *я* он не дал ответа и только подтвердил, что так уж произносится. В произношении отдельных звуков у него была твердая уверенность. Поэтому, когда ему предлагались разные варианты произношения, он сразу, не колеблясь, выбирал свойственное ему произношение. Когда я спрашивал, говорят ли *в в'идр'е́* или *к с'истр'е́*, он решительно заявлял, что так не говорят, а говорят *в в'адр'е́*, *к с'астр'е́*. Таким образом, у него была четкая уверенность в деталях своего говора.

От него были записаны еще такие примеры: *в'азу́ — в'из'о́ш — в'из'о́т — в'из'о́м — в'азу́т' — в'аз'л'и́; б'ару́ — б'ир'о́т' — б'ару́т'*; *д'ир'е́вн'а—иап'а́т' в д'ир'е́вн'их; в'ис'е́л'йа — в'ис'о́лай; з'ил'о́най, б'ир'о́за, л'ас'н'и́ч'ий, в'ир'о́фка; д'ише́вл'и — д'ишо́вай; пл'ачо́ — пл'е́ч'и; м'е́жы — м'ажа́, шол м'ажо́ў; йажы́ — йажо́м — йажа́м'и — йажо́ф — йаже́й; л'ошш — л'ашшы́ — л'ашша́ — л'ашше́й; п'ашко́м — п'ашка́м'и; нъ м'аже́, нъ пл'аче́-нъ пл'ача́х; м'ашко́м — в м'ашк'е́*. Таким образом, эти примеры подтверждают ассимилятивно-диссимилятивное яканье. Исключениями являются только *йаже́й* и *л'ашше́й*, где следовало бы ожидать *и*. Ввиду того, что говору свойственно широкое употребление род. п. мн. ч. с окончанием *-ов*, может быть, эта форма как привычная оказала влияние на произношение необычной формы с окончанием *-ей*. Следует указать, что первой была названа форма *йажо́ф*, а затем *йаже́й*.

А. И. Курицын — представитель молодого поколения; ему 17 лет. Он кончил 5 классов школы. Он также уверенно и охотно произносит формы по описанному выше способу.

От него записаны такие примеры: *н'асу́ — н'ис'о́ш — н'ис'о́м — н'асу́т — н'ас'и́ — н'асл'и́; пл'ит'е́н' — пл'атн'и́ — пл'атн'а́ — пл'итн'е́й; зъпр'аг'и́ — зъпр'иг'о́м; нъпр'ад'и́ — нъпр'ид'о́м;* при этом на вопрос, не произносится ли *нъпр'ад'о́м*, он пытается так произнести, но это ему сразу не удается, и он заявляет: *н'ика́к у м'ин'а́ н'и выхо́д'ит нъпр'ад'о́м.*

Эти свидетельства представителей разных поколений указывают на полную живучесть в говоре ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

Как указывалось, исключения из него единичны, причем ряд исключений, как *н'ив'е́ста, н'ид'е́л'а*, повидимому, стойко связаны с этим типом яканья.

Что касается „хронологии" этой разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья, то на ее сравнительную давность указывает воздействие *ѣ*, отличное от воздействия *е*, и воздействие твердых шипящих, как мягких звуков. В то же время разница рефлексов в *р'иб'о́нък и п'ан'о́к* указывает на то, что морфологическое *о* в *п'ан'о́к* возникло раньше сформирования этого типа яканья; этому соответствует наличие *а* в предложном падеже с окончанием *е* слов типа *„дверь": в гр'аз'е́, ф с'т'ап'е́, нъ пъм'ат'е́.*

КОНСОНАНТИЗМ

В области согласных говор характеризуется рядом черт, типичных для огромного большинства русских говоров. Поэтому будут затронуты лишь некоторые особенности строя согласных, представляющих интерес для определения характера говора и его места среди других говоров.

Говор имеет взрывное *г: агаро́т, нага́, гот, прага́л, го́рът, гн'о́тца, гаршо́к* и даже: *багат'и.*

В то же время в конце слова на месте *г* появляется не взрывный *к*, а фрикативный *х*, что наблюдается постоянно: *сто́х, кру́х, плу́х, с'н'е́х, паро́х, астро́х, нало́х, лух, сапо́х, хр'аптух, ут'у́х, д'е́н'их, паб'о́х, н'а тро́х, л'е́м'их, ч'ит'в'е́рх, пр'ислух н'а на́да, авра́х, зало́х* (земля), *но́х.* Это свидетельствует о более раннем существовании в говоре *γ* фрикативного. Замена *γ*

посредством *г* могла не затронуть конечного *х*, так как этот звук в конце слова существовал в других случаях, например, *мо́х*, *му́х* и т. п.

Звуки *ж* и *ш* тверды не только тогда, когда они кратки, но и когда они долги; так, *жат'*, *жа́рк'их*, *бал'ша́йа*, *р'ашы́л'и*; *до́жжык*, *зъв'ажжы́т*, *пр'ийе́жжы*; *ташшо́й*, *пушшу́*, *шше́й*, *ишшо́*, *ръсташшы́л'и* *вал'а́н'шшък*, *пылашшу́*, *зав'е́душшъй*; *разно́шшык*, *изво́шшык*, *шшот*, *шшо́ты*, *шшыта́т'*; изредка отмечены мягкие разновидности: *иш'ш'у́*, *иш'ш'о́*.

Звуки *ц* и *ч* разграничены; при этом *ц* произносится твердо: *цеп*, *у́л'ьцы*, *цыпл'а́тъм'и*; в произношении *ч* нет единообразия: обычно *ч* произносится твердо, с умеренной твердостью, но нередко полутвердо, однако, с явным отличием от литературного произношения *ч*; кроме того встречается и мягкое *ч*; так с *ч* твердым: *ча́й*, *чугу́н*, *чаво́*, *чаты́р'и*, *пл'ачо́*, *мълачка́*, *нъчава́т'*, *мачл'и́ва*; полутвердое *ч*: *ру́чка*, *хачу́*, *карчага*, *гадо́чка*; мягкое *ч'*: *в'е́н'ч'ик*, *о́ч'ьн'*, *уч'и́лс'и*, *д'ифч'о́нк'и*. Повидимому, никакого разграничения этих разновидностей нет — они встречаются у одних и тех же лиц.

Звуки *в* и *ф* употребляются, как обычно (замены *в* посредством неслогового *у* нет); так: *в Масквы́*, *в бал'н'и́цу*; *давно́*, *пра́вда*, *ф субо́ту*, *ф по́л'и*, *афца́*, *ко́фшък*, *д'е́фка*, *гато́ф*, *дро́ф*, *каро́ф*, *махро́ф*, *гадо́ф*.

Группа *хв* произносится без изменения *хво́ст*, *хвал'и́т'*, *хва́стът'*.

В заимствованных словах *ф* перед гласным сохраняется: *фунт*, *фана́р'*, *сърафа́н*, *фа́бр'ика*.

Перед начальным *у*, а также и *о* протетическое *в* обычно не развивается: *у́ха*, *у́л'ьца*, *у́тка*, *о́з'ьра*, *о́с'ьн'*, но *во́спа*.

В начале слова *в* и *у* разграничены: *ут'у́х*, *учы́т'*, *у м'ин'е́*, *в д'ир'е́вн'у*, *вм'е́с'т'и*, *в ад'и́н рас*, *в ав'о́с*.

Шепелявости в говоре нет, и звуки *с*, *з* и *ш*, *ж* четко разграничены: *сара́й*, *дасо́к*, *с'ан'а́м'и*, *фс'о*, *зу́п*, *за́гърда*, *з'амл'а́*, *з'ил'о́нъй* — с одной стороны, *шо́л*, *бал'ша́йа*, *жат'*, *жан'и́тца* — с другой.

Согласные перед передними гласными *е, и* мягки: *с'ém', б'éлка, л'ém'их, р'им'éн, сус'éк'и, д'éт'и, д'éн'і'и, дл'и́нна, пал'и́ца, т'и́ха, в'ис'и́т.*

Губные в конце слова сохраняют мягкость: *с'ем', руп', гóлуп', кроф', броф', астáф'.*

Также имеется ассимилятивная мягкость губных перед мягким *к: шшéп'к'и, лáп'к'и, тráф'к'и, на лáф'к'и, д'éф'к'и.*

Звуки твердое и мягкое *р* разграничены: *прашу́, кру́пна, радно́й, рош свар'у́, р'ат, в'ир'óвъшны, б'ир'от'.*

Мягкое *р* имеется в словах: *камáр', къмар'и́, зáфтр'и, нутр'о́.*

Перед твердыми губными и задненебными *р* стало твердым: *с'ерп, п'éрва, н'а п'éрвъй рас, с'арпáм'и, в'ерх, з'éркъла, д'óргът', цéрква, чыт'в'éрх, къч'аргá.*

Отвердело *р* в ряде случаев в сочетании „*ри*“: *грып, крыч'ál, скрып'ы́т, крынка.*

Звуки твердое и мягкое *л* разграничены (среднего *l* нет): *п'исáла, вóлас, нъ гълав'é.* Перед твердым *н* мягкость *л* сохраняется: *бóл'на, кълакóл'на.*

Мягкие *к',г'* не переходят в *т', д': ру́к'и, из мук'и́, нóг'и, съпаг'и́.*

Смягчения задненебных после мягких согласных не наблюдается: *скóл'ка, тóл'ка, угал'кá, хаз'áйка, чайку́, Мáн'ка, Ван'ка, Бóр'ка; Ól'га, д'ин'гам'и къч'ар'гá.*

Группы *бм, дн, тн* сохраняются без ассимиляции: *абмáн, абмáзал, абм'ér'ил, лáднъ, дасáднъ, халóднъй, м'éднъй, пóтнъй.*

Сохраняется без сокращения группа *ст* в конце слова: *мóст, л'и́ст, гóс'т', гвóс'т', кóс'т', шéр'с'т'.*

Группа *чн* обычно перешла в *шн: нарóшна, кан'éшна, малóшнъй, пшан'и́шна, йайшн'ица, мушнóй, двухру́шна пила,* но *п'ачнóй, начнóй, р'ачнáйа вадá.*

Группе *кт* (*гт*) последовательно соответствует *хт: хтó, н'ихтó, нóхт'и, д'ахт'árна, дóхтър, тráхтъръм, д'ил'éхтър, карáхт'ир, нъл'ахк'é, л'ахкó.*

МОРФОЛОГИЯ

Средний род в говоре разрушается. Его обособленность обнаруживается как в согласовании, так и в формах склонения. Так отмечено: *како́ со́нцъ, адно с'ало́; парно́йь мълако́, худо́йа в'адро́, с'ало́ у нас бал'шо́йь.* С другой стороны, встречается согласование в жен. р., иногда у тех же слов: *была́ с'ало́ багата, худа́йа в'адро́, кака́ нар'е́ч'ийа, акно́ худа́йа.*

В вин. п. обычно имеется окончание ср. р.: *пъмн'и́ с'е́на дъташ'ш'и́т', по́л'а п'ьр'айт'и́, на пла́т'йа, пълуча́л спасо́б'ийа.*

Но отмечено и окончание жен. р.: *фс'у л'е́ту, пайд'о́м в учы́л'ишшу, нар'е́чыйу-тъ.*

Получив окончание *-а*, вошли в жен. р.: *пом'идо́ра* и *сту́ла;* наоборот, к муж. р. примкнуло слово мышь: *бол'шо́й мыш,* и склоняется как „нож“: *н'ет мыша́, игра́ит' с мышо́м, аб мыше́.*

Слово путь колеблется между муж. и жен. р.: *плаха́йа пут', како́й пут'.*

Склонение существительных включает 4 основных типа, различающихся в ед. ч.

1-е склонение, к которому принадлежат существительные жен. р. с окончанием *-а* в им. п., характеризуется следующими особенностями:

1. У этих слов имеется звательная форма, представляющая собой одну основу: *мам, Мару́с', Ван'.*

2. В род. п. рядом с окончанием *-ы: н'ет с'астры́, дв'е каро́вы, дъ бъразды́, с рабо́ты, жаны́ н'е́ту* имеется окончание *е* под ударением и его безударный вариант *и* с предшествующим смягченным согласным: *у с'астр'е́, у снах'е́, у жан'е́, у снах'е́-т'и, дл'а каро́в'и, у каро́в'и, ат машын'и-ти, Ва́р'и н'е́ту до́ма.*

В твор. п. имеется ударное окончание *-о́й* и его безударный вариант *-ъй, -ай* (безударное *-уй* отсутствует): *р'ако́й, с'астро́й, з'имо́й, с'ам'йо́й, пъд б'ир'о́зъй, ба́ушкъй, с па́лкъй, карто́шкъй, зъ д'ир'е́вн'ай.*

К этому типу относятся и названия лиц муж. р. на *-а*: им. п. *д'éдушка;* род. п.: *д'éдушк'и;* дат. п.: *г д'éдушк'и ушóл* вин. п.: *д'éдушку;* твор. п.: *з д'éдушкъй; он игрáит з брат'йшкъй.*

2-е склонение включает существительные муж. р. на твердое и мягкое согласные без окончания в им. п.

В нем следует отметить распространение окончания *у* в род. п.: *агарóду клачóк, пъмаг'и́ с'éна да дóму дъташ'ш'ит'*, а также в предл. п. для обозначения места с предлогами *в, на: в л'асу́, нъ лугу́, нъ баку́, в чаду́, в даму́, в р'аду́, нъстраву́, в л'аску́, нъ б'ър'ашку́, в майéм даму́, йéду нъ пъйаздý.*

Уже отмечалось, что к этому склонению примкнуло слово „мышь", а частично и слово „путь": им. п.: *пут'*; род. п.: *н'ет пут'á* и *б'ьс пут'и́;* дат. п.: *пут'ý;* твор. п.: *пут'óм* и *пу́т'йу;* предл. п.: *ап пут'é* и *ф пут'и́.*

Род. п. ед. ч. от слова „день" отмечен в двух видах: *с п'итравá дн'и́, дн'и́ зá два* и *тр'ét'йивъ дн'á*, а во мн. ч.: *д'óн.*

К 3-му склонению относятся слова ср. р. с окончанием *-о* (*'о*). Оно сходно со склонением муж. р., но сохраняет свое окончание в им. и вин. падежах: им. п.: *в'адрó, д'éла;* род. п.: *с'ьр'éт с'алá, н'ет с'éна;* дат. п.: *к с'алу́, па с'éну;* вин. п.: *с'алó, с'ена дъташ'ш'ит'*; твор. п.: *в'адрóм, с'énъм;* предл. п.: *в гн'аз'д'é, ф стáд'и.*

В вин. п. бывает окончание *-у*: *фс'у л'éту, в учы́л'ишшу, нар'éчыйу тъ.* Как указывалось, согласование также в отдельных случаях указывает на жен. р.; но влияние 1-го склонения сказывается только в вин. п.

К мягкому различию этого склонения примкнули слова на *-м'я:* им. п.: *стр'éм'а;* род. п.: *ис с'éм'а;* дат. п.: *па нóн'ьшн'ьму вр'éм'у*; вин. п.: *ф стáра вр'éм'а;* твор. п.: *са вр'éм'ьм;* предл. п.: *ф с'éм'и.*

К 4-му склонению относятся слова жен. р. на мягкий согласный; они сохранили отличным окончание твор. п., в дат. и предл. падежах испытывают воздействие всех рассмотренных склонений, а в вин. п. — 1-го склонения.

Вин. п. в обычной форме без окончания: *куп'ил сол', прав'ол ноч', п'еч' абрабо́тът';* с окончанием *-у: спо́р'т'ит шын'е́л'у, про́жыл жыз'н'у* (но и им. п. *жыз'н'а*).

В твор. п. имеется окончание на *-йу: но́чйу, ос'ин'йу, гр'аз'йу, кро́в'йу, л'е́н'йу, м'ашо́к смарко́в'йу,* но однажды отмечено: *о́с'ьн'ий.*

В дат. и предл. падежах распространено окончание *-е: пъ гр'аз'е́, к п'аче́, ф с'т' ап'е́, в гр'аз'е́, на на́шъй пъм'ат'е́, нъ майе́й пъм'ат'е́.*

Без ударения имеется окончание *-и: к но́ч'и, ф ко́с'т'и.*

К этому склонению принадлежит слово „свекровь“: им.-вин. п. — *с'в'акро́ф'*, род., дат. предл. падежи — *с'в'акро́в'и.*

Слова „мать“ и „дочь“ сохраняют свое различие в основах: им.-вин. п.: *мат', доч'*; род., дат., предл. падежи: *ма́т'ьр'и, до́ч'ьр'и*; твор. п.: *ма́т'ьр'йу, до́ч'р'йу.*

В им. и вин. падежах мн. ч. ударное *-а* отмечено: 1) в словах, обозначающих парные предметы: *б'ир'ага́, бака́, рукава́, глаза́, върата́;* 2) в ряде других слов муж. р.: *дама́, л'аса́, луга́, с'н'ага́, гърада́, въласа́* (и *во́лъсы*); 3) в слове ср. р.: *нъ пл'ач'а́;* 4) в словах жен. р.: *мът'ар'а́* (и *ма́т'ьр'и*), *прълуб'а́, плъшшад'а́;* 5) в словах муж. и ср. родов с основой мн. ч. на *j: брат'йа́, з'ат'йа́, сынав'йа́, д'ив'ир'йа́.*

Окончание *-ы, -и* встречается: 1) у слов муж. р.: *сады́, дворы́, масты́, снапы́, кусты́, кълкалы́, з'в'ёр'и, гвоз'д'и,* а также: *кат'а́ты, раб'а́ты, пърас'а́ты;* 2) в словах жен. р.: *ку́ры, ко́зы, с'т'е́ны, д'ир'е́вн'и, йа́блън'и,* а также: *ло́шъд'и, п'е́ч'и;* 3) в словах ср. р. без ударения: *с'о́лы, о́кны, п'а́тны.*

В род. п. мн. ч. широко распространено окончание *-оф* (*-ъф*); так, оно отмечено в таких словах муж. р.: *глазо́ф* (и *глас*), *аршы́нъф, салда́тъф, гърбыл'о́ф.* Оно проникло в жен. р.: *в'е́рбъф, ко́жъф, сва́д'бъф, ку́чкъф, д'е́вушкъф, в'арту́шкъф — бап, со́снъф, же́ниш'ш'инъф, йа́гъдъф, м'ада́л'иф;* в ср. р.: *м'асто́ф, д'ало́ф, бало́тъф* и *бало́т, йа́блъкъф.*

Но во всех этих разновидностях встречается также и форма без окончания: *п'ат' ра́с', вало́с, два́тцът' чълав'е́к у хаз'а́ф, прислу́х н'а на́да, д'е́н'их, соф, дул', аз'о́р, сто йаи́ц.*

Окончание *-ей* отмечается в 4-м склонении: *част'ёй, м'ис-нас'т'ёй*, и во 2-м склонении при смягчении согласного: *гус'ёй, гваз'д'ёй, час'т'ёй, къмар'ёй*.

Дат. и твор. падежи разграничены: *пъ з'има́м, пъ кана́въм-т'и, зъ дама́м'и, пъд рука́м'и*.

В твор. п. с ударением не на окончании конечный задненебный основы смягчен: *у́тк'им'и, була́фк'им'и, гла́ск'им'и, стару́х'им'и, лъбагр'ёйк'им'и*.

В твор. п. встречается окончание *-м'и: з д'ат'м'и́, ушм'и́, с'л'азм'и́, лъшад'м'и́*.

Предл. п. имеет окончание *-ах: н'и ф с'и́лах, нъ пл'атн'а́х*.

Названия городов с суффиксом *-ск-, -ев-* сохраняют формы прилагательных: *в Ул'йа́нъфск'им, ф Ку́йбышъвъм, в О́мск'им, в Ражд'ёст'винъм*.

У прилагательных следует отметить:

1) в род. п. муж. р. окончание *-ова: аржано́ва, хл'е́ба, кат'о́ньчка с'л'апо́ва;*

2) совпадение предл. п. муж. р. с твор. п.: *ф худы́м платк'е́, в два́цът' вас'мы́м гаду́, ф как'и́м году́; в адн'и́м ста́рьм даму́, ф свайм л'асу́, пр'и е́тък'им го́р'и;*

3) в им. п. мн. ч. окончание *-ыи, -ии: ташшы́и каро́вы, сырыи, драва́, в'е́дры-т'и как'и́и;*

4) обычно имеются окончания *-ой, -ых, -ым'и* (а не *-ей, -ех, -ем'и́*): *к мъладо́й, плахо́й карто́шкъй, ат худы́х, с худы́м'и*, но у местоимений и числительных отмечено: *адн'е́х л'ет, с трайе́м'и, так'ёй йа́блък'и, хто так'ёй, свайе́м'и ушм'и́, в майе́м даму́;*

5) у кратких прилагательных твердого различия в им. п. мн. ч. отмечено окончание *-и: мы сы́т'и, ра́д'и, в'инава́т'и, бага́т'и, нъпайо́н'и, давол'н'и;*

6) отмечены такие формы сравнительной степени: а) *пъхуже́й, пара́н'ьй, грамч'е́йа, хуже́йа;* б) *бо́л'и, м'е́н'и, скар'е́, пр'е́жъ, сла́жъ, по́з'н'а;* в) *шыр'шъ, кр'е́пшъ, л'е́хшъ*.

У местоимений надо отметить следующее:

1) в род. и вин. падежах имеется окончание *-е: у м'ин'е́ ста'ри́к, у т'иб'е́ муш, дл'а с'иб'е́, м'ин'е пако́ил, м'ин'е́ з'ат'*

зав'о́т, зъ т'иб'е́, хат'е́л зъ с'иб'е́ вз'ат', а также *т'е: ан'и́ т'е стр'е́нут, ну т'е;*

2) дат. и предл. падежи имеют формы: *ка мн'е́, т'иб'е́ што на́да, с'иб'е́; аба мн'е́, нъ с'иб'е́;*

3) в имен. п. мн. ч.: *ан'и́, х'и́тры;*

4) после предлогов в косвенных падежах местоимения „он" появляется *н*: *у н'ийо́, ат н'ийо́, у н'аво́, с н'ом,* но также отмечено: *пасл'е йаво́, жана у йаво́ хо́ч'ит ид'о́т, хо́ч'ит н'е́т;*

5) вин. п. местоимений „тот", „один", „сам" имеет формы: *ид'и́ ф ты́ и́збу, адну́ д'е́фку, съмайо́ хаз'а́йку;*

6) предл. п. местоимения „тот" совпадает с твор. п.: *ф т'ем м'ес'ицъ, ф т'е́м даму́, на т'ем двар'е́, ф т'ем по́л'и, на т'е́м пар'а́тк'и;*

7) во мн. ч. местоимения „тот" имеются формы: *т'е и́збы, т'ех дамо́ф;*

8) говор сохранил местоимение „кой": *Вам ко́ива калхо́за пр'ис'ада́т'ил'а? йа уш ко́йу но́ч н'а́ спал, ф ко́им гаду́, да ко́х хва́т'ит.*

В твор. п. числительных 2, 3, 4 отмечены формы: *з двум'и́ в'о́дръм'и, тр'ум'и́, ч'итыр'м'и́.*

У глаголов имеют место следующие особенности:

1. В 3-м лице наблюдается двоякое произношение конечного *т*; оно даже у одних и тех же лиц бывает то мягким, то твердым.

Так, отмечено с одной стороны: *ид'о́т', дайо́т', найд'о́т', стаи́т', гл'ад'и́т', гъвар'и́т', йе́д'ит', хва́т'ит', бу́д'ит', жну́т', заву́т', дадут', б'ад'а́т'* (делают беду), *йад'а́т', с'а́дут', хо́д'ут', у́чут', мало́т'ут'*, а с другой: *ид'о́т, ваз'м'о́т, гъвар'и́т, бал'и́т, л'ажы́т, вы́р'в'ит, до́ржыт; дайу́т; гл'ад'а́т, гъвар'а́т, зак'и́снут, уйажжа́йут, ру́б'ут, згон'ут, пу́с'т'ут.*

Естественно, что у молодежи твердое *т* становится господствующим.

2. У глаголов 2-го спряжения в 3-м лице мн. ч. безударное окончание произносится *ут', ут*, совпадая с 1-м спряжением: *хо́д'ут, у́чут', ру́б'ут, мало́т'ут, пу́с'т'ут.*

3. Глаголы с основой на задненебный потеряли старое чередование *к — ч, г — ж* и только смягчают звуки *к, г: с'п'ик'о́ш,*

п'ик'óт; с'т'ьр'аıý, с'т'ьр'иı'óш, с'т'ьр'иı'óт, с'т'ьр'аıýт, б'аıý, б'иı'óт; к этой группе примкнул и глагол „мочь": *маıý, маı'óш, маı'óт, маıýт', пъмаı'óт.*

4. Чередование *ш — с, ж — з, ж — д* сохранилось, но нередко ударение в 1-м лице ед. ч. переходит на основу по образцу прочих лиц: *прóшу — прóс'ут', вóжу — вóз'ут, хóжу — хóд'ут; пасóжу, нахóжус'; гл'ажý — гл'ад'áт.*

5. Подобным образом ударение переходит с окончания на основу в 1-м лице в ряде других случаев: *скáжу, наскáжу, зıóн'у, зıóн'ут.* Однако в ряде случаев ударение сохраняется на окончании в тех глаголах, у которых в прочих лицах оно на основе: *в'ажý, прашý, машý.*

6. У глаголов на губной в 1-м лице сохраняется губной + л, а также ударение на окончании: *купл'ý, др'амл'ý, тр'апл'ý, шшыпл'ý.*

7. У глагола ем — „есть" отмечены формы: *йиш, йис'т', с'йиист,* а также *нъдайст;* инфинитив — *йис'т'.*

8. В повелительном наклонении в связи с переносом ударения отмечены такие особенности форм: *палóш, стай.*

9. В инфинитиве отмечены формы с суффиксом *т'* вместо *т'и: рос'т', пр'ив'éс'т'.*

10. В возвратных глаголах после согласных обычно произносится *си: уч'йлс'и, зан'áлс'и, п'ьр'б'ас'йлс'и.*

Перед этим *с* конечное *ш* ассимилируется: *нъгатóв'ис'с'и, суйат'йс'с'и.*

Конечное *т* вместе с *с* дало *ц* с долгим затвором, и в этих случаях гласный на конце звучит как *а* или редуцированный: *аткрóитца, ув'éдр'итъ, д'арýтца, слýшайутца;* в инфинитиве: *уб'ирáтца, къп'ат'йтца.*

В причастиях распространен суффикс *т: рáн'итъй, атарвáтъй, зъбратóй, угнáтъй, загнáты,* но и *н: варóвънай, аглушóнай.*

В деепричастиях имеются образования на *-мшы: раз'д'éмшы, н'а йéмшы.*

От основы 1-го лица образованы такие деепричастия на *а: н'и тапл'á жив'й, фс'ó шóл н'и спрашá.*

ЛЕКСИКА

Говор с. Кануевки характеризуется исключительной бедностью диалектной лексики. В подавляющем большинстве случаев, когда в диалектах имеются разные обозначения понятий, говор употребляет те из них, которые свойственны и литературному языку. Наличие в говоре слов, отсутствующих в литературном языке, ограничивается буквально единицами.

Так, во-первых, почти целиком отсутствуют слова, перечисленные в „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (1945) в разделе: „Употребляется ли у вас слово и каково его значение?" (вопросы 243—294). Из них отмечены только следующие: 248— *т'ин'о́ты* (паутина), 253— *заку́тът'* (трубу), 270 — *кул'и́га* (небольшой участок несжатого хлеба), 274— *шаб'о́р, шабры* (сосед), 276— *паха́т'* (резать хлеб толстыми ломтями; *куды нъпахала?*), 278— *угу́нут'* (о боли: *то́лька с'аво́дн'и ло́кът' ма́лъ-ма́лъ угу́нул*), 288—*в'о́дра* (ясная погода), 294— *л'е́тъс', фчара́с'*.

Во-вторых, по разделу „Программы": „Как у вас называется..." обычно говор имеет названия, употребляемые и в литературном языке с их обычной семантикой. Вот данные по этому разделу: 141— *уса́д'ба;* 142— *изба́, дом*; 143— *по́тпъл;* 144— *по́длъфка;* 145— *клеф, кан'у́шна* (для лошадей); 146: а) *д'ан'н'и́к*, б) *калда́;* 147 (нет); 148— *ток;* 149— *сара́й* (со стропилами), *пав'е́т'* (покрыта слегами); 150— *анб'а́р;* 151— *пл'ит'е́н', за́гъръда из дасо́к; турлу́к, агра́да турлуко́м* (состоящая в том, что к столбам прикрепляются продольно три слеги — верхняя, средняя и нижняя, а к ним вертикально вплетаются палки, закрепляющиеся потому, что средняя слега находится с одной стороны палки, а верхняя и нижняя — с другой; палки поочередно закрепляются с разных сторон, как уток в ткани на три нитки основы); 152— *зы́пка*; 153— *квашн'а́*; 154— *ко́фшык;* 155— *къраму́с;* 156— *бала́к'ир', бала́кыр'* (горшок для молока), *гаршо́к карча́га* (для кипячения молока); 157— *ухва́т*; 158— *скъваро́дн'ик;* 159— *ку́зъф;* 160— *вал'о́к;*

161— *храпту́х* и *то́рба;* 162— *м'ашо́к;* 163— *саха́;* ее части: *съшн'ик'и́, пал'и́ца, аглобл'и, рассо́ха, падушк'и, ру́чк'и;* 164— *плух;* его части: *л'е́м'их, атва́л'на даска́, гра́дул'и, ру́чки;* 165— *цеп;* *йазык* и *цап'е́л'н'ик* (на ремне); 166— *каса́, ако́с'ивъ, ру́чка;* 167— *па́шут';* 168— *бъранýйут';* 169— *л'он б'ару́т';* 170— *о́з'им'* (у озимой ржи), *фсхо́ды* (яровые); 171— *жн'и́ва;* 172— *бу́ква;* 173— *марко́ф';* 174— *с'в'о́кла;* 175— *лук;* 176— *карто́шка;* 177— *бато́в'йь;* 178— *бато́в'йь;* 179— *по́скън';* 180— *наз'о́м, навос;* 181 (нет); 182— *кр'асты* (13 снопов), *с'ки́рт;* 183— *адо́н'иа, кла́т'* (длинная), *ам'о́т;* 184— *гнот;* 185— *грып;* 186— *жър'иб'о́нък, лан'ша́к, тр'ат'йа́к;* 187— *по́ръс, бык;* 188— *кр'а́х, бо́ръф;* 189— *п'ату́х* и *ко́ч'ът;* 190— *нас'е́тка* и *клу́шка* (*нас'е́тка, нас'и́жвъит, а с цыпл'а́тъм'и клу́шка*); 191— *цыпл'а́ты;* 192— *у́тка;* 193— *б'ир'о́жъйа;* 194— *суйа́ин'ьна;* 195— *ржот;* 196— *мычит';* 197— *м'ау́ч'ит';* 198— *ла́ит', т'а́фкаит';* 199— *кр'ич'и́т';* 200— *куда́чът', квохчът'* (с цыплятами); 201— *гаго́чът';* 202— *ква́къит';* 203— *воит';* 204: а) *фру* (*р* губное), б) по имени, в) по имени, г) *цып-цып*, д) *т'е́га-те́га*, е) *чух-чух*, ж) *ут'-ут'*, з) свистят; 205— *пыр'а́ит';* 206— *м'ад'в'е́т';* 207— *волк, бир'у́к;* 208— *б'е́лка;* 209— *куку́шка;* 210— *муравл'и́;* 211— *з'м'айа́;* 212— *авра́х, бара́к, лашшы́на;* 213— *бало́тъ;* 214— *трапа́, трап'и́нка;* 215— *л'д'и́на, чка;* 216— *в'йуга́, бура́н, пурга́;* 217— *ра́дуга;* 218— *ту́ча;* 219— *кузн'е́ц;* 220— *по́мъч;* 221— *упъвът;* 222— *в'ичо́рк'и;* 223— *п'ет', играт';* 224— *пл'аса́т';* 225— *вап'и́т';* 226— *хво́рый, бал'но́й;* 227— *брезгъвът';* 228— *пр'а́тът';* 229— *ръзгава́р'ивът';* 230— *н'ада́вна;* 231— *хърашо́, го́жа;* 232— *хъладно́;* 233— *бо́л'на;* 234— *запла́тка;* 235— *пълушу́бък, пад'д'о́фка, карат'е́йка, чапа́н;* 236— *по́ис;* 237— *сърафа́н;* 238— *запо́н, фа́ртук;* 239— *плато́к, въласн'и́к;* 240— *гал'и́цы, б'арча́тк'и, ва́р'ышк'и;* 241— *ръзд'ава́тца;* 242— *зът'иру́ха.*

В-третьих, за время пребывания в Кануевке (правда, короткого) нам удалось зарегистрировать незначительное количество лексических особенностей, не охваченных „Программой", причем они обычно не являются характерными для какого-либо типа диалектов. Сюда относятся: *ад'ин'е́ц* — единственный сын (*он был*

ад'ин'ец; *ад'инцóф н'а брáл'и*) (на военную службу); *атахóт'илъс'* — расхотела (*анá уш атахóт'илъс' у н'авó жыт'*); *бал'шáк* — старший сын; *барóд'ут* — тянут бредень; *в'ил'ýшк'и* — извилины (*дарóгъ — тъ с в'ил'ýшк'им'и*); *д'ивýиме'и* — удивляемся; *жълаб'áтца* — жалуются; *залóх* — земля, оставшаяся без обработки (*залóх етъ замл'á н'ипáхъна*) *зáм'ишшы* — займище, заливные луга; *зр'ой* — зря (*он п'йшът: зр'ой н'а пайéхъл са мной*); *игначкá двá* — два ягнёнка; *кълатóф'* — хлопоты (*вóт какáйа былá кълатóф'*); *къс'айá* — женщина-косец; *курýш* — курица с цыплятами; *мазáрк'и* — кладбище; *мачл'ýва* — дождливое (*вр'éм'а мачл'ýва*); *м'акáл'и* — думали, смекали (*мы м'акáл'и — он уб'ýтай*); *наз'óмны дравá* — кизяки (*в ыных с'óлъх сказывъйут к'из'ак'ú, а мы — дравá наз'óмны*); *пóн'ьла, пън'имáла* — охватила, замела, промочила [*вода пън'имáла* (огороды), *фс'ý* (землю) *дъ бъраздú пóн'ьла* (дождем)]; *прастáйа* — пустая (*квар'т'йрка прастáйа*); *пръбалáкъит'и* — пробеседуете; *прачкн'óтца* — прорвется (о ране); *раскрытка* — открытое письмо; *р'ашúл'и* — уничтожили (*фс'о р'ашúл'и*); *ръзмайдáн'ил'и* — роздали без разбору; *сакóр'н'ик* — заросли осокорей; *слáжвъйут* — складывают (*т'ип'ёр' бóл'шъ в ам'óты слáжвъйут*); *тайм'á* — тайно; *талóвъй* — плохой, тяжелый (*ф Съмадýръфк'и йазык талóвъй*); *тур'ítца* — спешит; *ув'ёдр'итца* — разведрится; *шманáйус'* — хожу без дела; *штýрма* — буря (*акнó разб'ýла штýрмай*).

Таким образом, в лексике говора взяли верх влияния, идущие разными путями со стороны литературного языка. Процесс унификации лексики с опорой на литературный словарь почти закончен. Поэтому лексика говора не дает ничего для определения типа говора, а также для установления его прошлого. Как и в других случаях, большую сопротивляемость влияниям извне обнаруживают фонетические и морфологические явления, еще четко сохраняющие черты своеобразия говора.

Говор с. Кануевки служит примером того, как осуществляется в нем процесс утраты южнорусских особенностей, и приближения говора к среднерусским диалектам.

Южнорусская основа говора в фонетике и морфологии обнаруживается с полной отчетливостью. Помимо аканья и яканья с его ассимилятивно-диссимилятивным характером, о южнорусской основе свидетельствуют формы личных местоимений (*м'ин'е́*) и 3-го лица глагола (*ид'о́т', идýт'*). Единственное явление, не соответствующее южнорусскому строю говора, — взрывное *г*, которое, как было показано, является звуком, заменившим более раннее фрикативное *γ* (следы последнего сохранились в виде конечного *х*, чередующегося с *г — нага́ — нох*).

В то же время налицо замена южнорусских явлений среднерусскими. Кроме только-что указанной последовательной и общей замены фрикативного *γ* взрывным *г*, при этом с сохранением без изменения конечного *х*, явившегося в результате оглушения *γ*, изменение говора осуществляется в виде непоследовательного и неустойчивого употребления рядом старых и новых особенностей, например, твердых и мягких *ч, шш, жж* или форм *ид'о́т' — ид'о́т, м'ин'е́ — м'ин'а́*. Завершение этих изменений и приведет к переходу данного говора в число среднерусских говоров.[1] Таким образом, рядом с широко распространенным переходом севернорусских говоров в среднерусские, здесь имеет место реже отмечаемый в литературе переход южнорусского говора в среднерусский. Повидимому, в южной части Куйбышевской области этот случай не является исключительным. Наоборот, отдельные предварительные наблюдения над рядом говоров показывают, что такой переход характерен для многих говоров.

---

[1] Так, во Владимировке, находящейся в 4 км к юго-востоку от Кануевки, имеется почти целиком одинаковый с ней говор с таким же ассимилятивно-диссимилятивным яканьем и взрывным *г* при *х* в конце слова на его месте. Но процесс утраты южнорусских черт в нем продвинулся дальше: там имеется уже *м'ин'а́, т'иб'а́* и обычно твердое *т* в 3-м лице глагола (мягкое *т* встречается редко). Поэтому говор Владимировки почти не обнаруживает своей южнорусской основы.

А. М. БЕСКРОВНЫЙ

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРЕХОДНОГО УКРАИНСКО-РУССКОГО ДИАЛЕКТА В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Смешанные и переходные украинско-русские говоры Воронежской области еще мало изучены, можно сказать, даже не описаны, если не считать беглых наблюдений Филатова в его „Очерке народных говоров Воронежской губернии“ („Русский филологический вестник“, № 37—40), и тех кратких ответов с мест на „Программу“, какие сведены Н. Кононовым в „Трудах Московской диалект. комиссии“, вып. 1. Не упоминаю здесь о наблюдениях Дикарева, а также о данных, приведенных у академика Соболевского: они учтены Филатовым в названном выше труде.[1]

Собранные мною в 1928 г. материалы по говорам одного из островов украинского населения — ряда сел б. Землянского уезда Воронежской области: Ендовище, Шумейки, Латного, Точильного и Двориков, находящихся среди сплошного русского населения и удаленных не менее, как на сотню километров от украинско-русской этнографической границы,—подтверждают предположение авторов „Опыта диалектологической карты русского языка“[2] о наличии по всей вероятности и в Воронежской

---

[1] „Труды Московской диалект. комиссии“, вып. 5, стр. 74.

[2] Из работ более позднего времени можно указать статью Н. П. Гринковой: „К вопросу о влиянии великорусских говоров на пограничные украинские. Говор слободы Урыв б. Коротоякского уезда Воронежской губернии. „Известия по русскому языку и словесности“, 1930, т. III, вып. 1, стр. 205—224.

области переходных, в строго научном смысле данного термина, говоров от украинского языка к русскому.

Действительно, говоры названных выше населенных пунктов оказались в своей основе северноукраинскими (с примесью особенностей других украинских наречий) с южнорусскими наслоениями.

В настоящей статье, имеющей цель выяснить вопрос о происхождении переходного украинско-русского диалекта, я укажу на некоторые характерные особенности смешанных и переходных типов говоров различной давности их сложения и прежде всего на основные черты двух фонетических систем в речи выходцев из разных областей Украины, своеобразно усвоивших южнорусский говор на новых местах своего жительства.

Об исторической судьбе населения сел Ендовище, Шумейки, Латного, Точильного и Двориков известны следующие данные.

В первой половине XVI в. территория этих сел находилась на рубеже восточной окраины Чернигово-Северской земли и „дикого поля". В населенной части область принадлежала удельному князю Шемяке. С присоединением ее к Московскому государству порубежная часть с половины XVI в. постепенно начинает заселяться преимущественно выходцами из Литвы, „станичными людьми", несшими сторожевую службу московским государям. „Процесс колонизационного движения начинался станичными сторожевыми разъездами, а заканчивался построением новых городов и селений, как военных центров", — говорит академик Багалей в своем труде „История колонизации степной окраины Московского государства" (стр. 38).

С основанием г. Воронежа (1586) на службе городских казаков имеются уже и черкесы из разных „польских" местностей. Точные же письменные сведения о населении с. Ендовища начинаются с 1615 г. По „Воронежским актам" (тт. I и II), первоначальное население с. Ендовища состояло из 26 казаков, 15 помещиков и нескольких крестьян, несших обязанности по постройке г. Воронежа. В 1630 г. там числилось уже 60 казаков („Памятная книжка" на 1861 г.).

В 1640 г. для охраны г. Воронежа царь Алексей Михайлович переселил в с. Ендовище из-за Днепра, а также из Полтавщины 50 „малорусских черкасс“ с семьями на вечное житье, в 1653 г. — еще 100 казаков, для защиты г. Воронежа, из разных „малороссийских“ городов (акты). В 1702 г. была переселена часть ендовищевских казаков в южную часть Острогожского уезда, а на их место были переселены черкассы из Острогожска. Такое переселение было повторено и в 1732 г.

К 1765 г. наряду с казацким сословием сложилась новая группа крестьян под именем „ведуговских малороссиян“, переселившихся из разных мест, успевших уже потерять свои местные отличия и слиться по языку, нравам и обычаям с „малороссийскими казаками“ (В т о р о в. О заселении Воронежской губернии, „Воронежская беседа“ за 1861 г.).

Остальные населенные пункты, где я наблюдал говоры (Латное, Шумейка, Точильное и Дворики), образовались как хутора с населением, выселившимся из Ендовища в конце XVIII и в начале XIX в.

Итак, полуоседлая жизнь украинских переселенцев вошла в твердое русло уже два века назад. Потомки их, оказавшись небольшим островком среди иной этнографической массы, сумели сохранить язык и культурно-бытовые традиции своей народности и успели создать определенный тип речи, в котором можно сейчас различить три слоя, образовавшие в общей сложности смешанный и переходный к южнорусскому украинский диалект.[1]

Термин „смешанный говор“ здесь употребляется в двояком значении: а) смешения разнодиалектных украинских особенностей и б) скрещения разноязычных — украинских и южнорусских языковых явлений, не успевших во всех соответствующих случаях еще сложиться в закономерное постоянство и чередующихся со всеми возможными для данного говора тождественными диалектизмами.

---

[1] См. мою статью „К вопросу о природе дифтонгического рефлекса ō“, „Сборник ОРЯС“, № 101.

ПРИМЕРЫ РАЗНОДИАЛЕКТНОСТИ

Одина̄цитиі̯ hот в сінцах стаjіт' и здесь же: *с'і̯енци;* в данном случае *і* из *ѣ* варьируется с дифтонгом.

Такі́і̯ и *такеі̯, ходи́в* и *ходе́в* — случаи смешения, возможно, „разноречных" из украинского же языка, гласных переднего ряда.

Св'е̄ше́ну кн'игу — твердый долгий шипящий *ш̄* в произношении других, независимо от возраста, встречается в мягкой разновидности: *ше̄'а́сниі̯*, или ему соответствует сочетание *шч': шч'е, шч'от.*

Примеры переходного смешения-скрещения разноязычных явлений в морфологии: для описываемого говора характерно смешение суффиксов прошедшего времени *-в* и *-л: хади́в* и *хади́л; бу́в у і̯е́х; с весни́ дожа́ не́ било.* Окончание *-аіа* южнорусского происхождения не проведено по всем аналогичным случаям: *ана́ ду́же скро́тнаіа, дре́вн'а стару́ха.* Колебание в ударении: *ровесников у мене́ н'е́т; дл'а ме́не вен хади́л.*

КОНСОНАНТИЗМ

Из общих черт украинского консонантизма для данного диалекта характерны следующие:

1. Мягкое или полумягкое произношение шипящего *ч: т'ч'ут', шпіч'к'і, тро́шеч'кі, кі̯ч'ка, ч'еплі̯і̯ка, во́бч'ем* (с. Шумейка); *ру́ч'ками, ніпрі̯ч'о́м, ч'аси́, мавч'і́,* (с. Латное); *шч'е н'е́т, кабач'ке́в, че́пці, Хрол Іванові̯ч'* (с. Ендовище). Реже, чем смягченное *ч* встречается, независимо от возраста говорящего лица, твердое *ч: привíчка, п'і̯еч* (с. Шумейка); *січас, у́ліча, свіечка, ничоho* (с. Латное); *корча́жка, чо́вник, учи́тел'* (с. Ендовище).

Мягкое и полумягкое *ч'* необходимо отнести к украинским особенностям: эта черта широко распространена во многих говорах, например, Слобожанщины; вообще она характерна для восточных диалектов южноукраинского наречия. Считать ее результатом воздействия южнорусского наречия можно лишь

условно: здесь встретились близкие или тождественные фонетические явления.

2. Сочетание *шч* мягкое или твердое наличествует рядом с *ш̄'* мягким долгим в одном и том же говоре, но у разных лиц: *андовíшч'інс'кі óвъшч'і; дошч, hрубíшча вадá*, но тут же: *иш̄'é јендовíш̄'е, неш̄'áсниј* (с. Шумейка и с. Латное).

3. Преобладает твердое произношение согласного *ц*, хотя встречается и мягкий *ц'*, даже перед гласным *е*, обычно не смягчающим предшествующего согласного: *ц'éрков'іу, на Трójцу надíвáјеца* (с. Шумейка); в *сíнцах, палíца* и *пáлиц'а* (с. Латное); *назívájіца, схвáтіца* (с. Ендовище). Черту эту считаю переходной, явившейся в результате южнорусского влияния. Не исключена, правда, возможность, что замене *ц'* мягкого через *ц* твердое способствовало частичное отвердение данного звука уже в самом украинском диалекте, впоследствии усиленное влиянием южнорусским. Ср. факты, например, у Зелинского, Голоскевича и Коробки, собранные по украинским говорам.

4. Спорадическая мена свистящих *с* и *з* на шипящие *ш* и *ж*: *мошт, шкатíну пашýт', швајá, шкóлкі, пішóк* (с. Шумейка, женщина 50 лет); *шух'іје, шпі, шип на т'ієл'і* (с. Латное, женщина 60 лет); *напишáл, прóшит'* (с. Ендовище, мужчина 40 лет); *пакáжувла жнáју* (с. Шумейка, женщина 25 лет); *вéжмім, жастéжка* (с. Латное, женщина 60 лет).

5. Известно также произношение *ц'* мягкого на месте *ч'*, как и замена *ч'* через *ц'*; данная особенность, правда, встречается реже; отмечено однако в двух селах: *ýліц'а* (с. Латное, женщина 50 лет); *шó чі такé* (с. Шумейка, женщина 35 лет); *hадóцка, р'éц'ка, ні хóц'ет', по піс'ц'аньму* (с. Шумейка, женщина 45 лет); *тýці, ц'áсто* (с. Латное, старуха 100 лет).

6. Губные на конце слова обычно твердые, перед *ј* — мягкие: *кров, hóлуп*; *зhолóв'іа, п'јеч', в'јéхав, пріб'јех* (с. Шумейка и с. Ендовище).

7. Наряду с переднеязычными мягкими долгими согласными (из согласного плюс *ј*) встречаются сочетания и с *ј*: *розлýжја, шч'ác'т'іа* (с. Ендовище). Аналогичное явление из говора г. Сарны б. Ровенского уезда Волынского Полесья и из других

мест, указанных у Соболевского в „Очерке русской диалектологии", как известно, берется под сомнение составителями „Опыта диалектологической карты" („Труды Московской диалект. комиссии", вып. 5, стр. 116, примечание 235).

ВОКАЛИЗМ

Основной слой — преобладание определенных фонетических признаков, принадлежащих северноукраинскому наречию, выступает в вокализме.

1. На месте старого *о* под ударением в новых закрытых слогах произносится сочетание *уе* (или *ве*) или же при определенных условиях — гласная *е*: *Дуен* или *Двен*, *стуеh* (стог), *квен'* (конь), *свел'* (соль), *снвеп* (сноп), *знвес* (снос); *пел* (пол), *вен* (он), *ослéн*, *чолов'ікéв*; не в закрытом слоге — *о*: *кон'á*.

2. На месте старого *е* под ударением в закрытом слоге произносится сочетание *ie*, *je* или гласная *е*, смягчающая предшествующий мягкий согласный: *п'ieч'* и *п'jeч'*, *шiес'т'*, *с'ем*, но: *жуенка*, *жвéнка* (ср. женóк).

3. На месте *ѣ* ударного является *ie*, *je* или *е*: *д'iет* (дед); *с'iел*, *хл'iеп*, *с'éно*. Во всех случаях, когда произносится сочетание *ie*, ударение падает на второй компонент сочетания.

4. Старые *ы* и *и* не различаются как фонемы; заместитель этих гласных — верхнее *і*, с мягким или полумягким предшествующим согласным, смешивается с южноукраинскими $и^{е}$, гласным средневерхнего подъема: *пчи^{е}лá*, *ходи^{е}ла*, *ви^{е}скочив*, *тiхо*, *мiмахóдъм*.

Чаще слышится выдержанное произношение с полумягким согласным перед *і*, средним между *ы* и *и*.

5. Встречается под ударением *е* широкого оттенка в роли заместителя украинского $и^{е}$: *такéj*, *купéв*, *хадéв*. Эту черту отношу к северноукраинскому наречию, хотя она отмечена Гнедичем („Материалы по народной словесности Полтавской губернии, Роменского уезда") и мною („К диалектологии слобожанских говоров", сборник „Язык и литература", т. II, изд. Ленинградского ун-та) в южноукраинских говорах Слобожан-

щины; в связи с приводимыми здесь другими фактами она характерна именно для западнополесских диалектов. Ср. у Коробки („Живая старина", V) и у академика Соболевского („Очерки русской диалектологии", стр. 21).

Южноукраинские особенности представлены: 1) монофтонгом на месте *ѣ* и 2) заместителем старых *ы* и *и* — гласным переднесреднего ряда *и*, не смягчающим предыдущий согласный: *падн'а́лис'* и *падн'али́с'*, *забу́ли*, *випу́живал* (с. Шумейка).

Третий слой — южнорусский. Можно предполагать, что он является результатом сожительства пришлого населения с южнорусским уже на территории Воронежской области; правда, не исключается, что наиболее отличительная черта — аканье — могла быть принесена с речью предков и со старых мест их прежней родины, где она — белорусского происхождения (ср. „Отчет о поездке по Волынскому Полесью" Каминского, „Известия ОРЯС АН", 1914), но я держусь первого предположения, имея в виду особый характер аканья, проникающего в украинский говор путем замены в предударном, чаще начальном, слоге *о* через *а*, а в заударном слоге — путем обезличения *о*, который произносится как гласный, очень близкий к редуцированному русскому ъ. Но еще более характерно то, что неударяемые старые *е* и *ѣ* произносятся во многих случаях как *і* с мягкими согласными перед этим последним. В данном явлении встретились два процесса различного происхождения из разнородных языковых систем, но близких по результатам, облегчившие образование уже, несомненно, переходной черты в вокализме.

Именно коренная особенность старого северноукраинского диалекта — звучание на месте *ѣ* без ударения *і* с мягким или полумягким перед ним согласным — совпала фонологически с южнорусским *и* из *е*, *ѣ*, а также *'а* (*я*) в положении перед ударным слогом, как это имеет место в говорах с диссимилятивным и некоторыми другими типами яканья.

Надо отметить, что такими говорами являются говоры соседних южнорусских сел, например, Бехтеевки, Безуглова, Лосева, где мною констатировано диссимилятивное яканье.

Характер акающего произношения в этих последних говорах определяется такими особенностями:

1. Умеренное аканье белее или менее выдержано; ослабленный гласный ъ на месте *о* встречается обычно в заударном закрытом слоге и реже во втором предударном: *бъhат'éjут'*, *рáдъс'т'*, *рáна* (ъ).

2. Диссимилятивное яканье: на месте прежних *е*, *ѣ*, *'а* в первом предударном слоге является гласный *и* перед ударяемым слогом с гласным *а*, *е* или *о*, перед слогом с гласным верхнего подъема — *у*, *ы*, *и* произносится *а* (хотя в данном случае преобладает произношение *и*): *л'иhлá*, *г'ин'ирáл'с'каіа дóч'ка*, *пр'ил'éснаіа*, *пад'ишыв'éл'и*, *с в'асны*.

В смысле влияния на речь украинцев городской икающий говор Воронежа, пожалуй, имеет большее значение, чем говоры ближайших селений. Село Ендовище, например, находится в 15 км от Воронежа; экономически и культурно население этого села, как и прочих, теснейшим образом связано, прежде всего, с городом.

Итак, наметившаяся переходная черта в вокализме, так сказать, изнутри облегчила процесс сближения двух разноязычных фонетических систем в смешанном говоре.

Помимо указанной выше переходной черты, влиянием южнорусского говора следует объяснить: а) частичную утерю звонкости конечных согласных; б) отвердение *ц*; в) утерю форм звательного падежа, даже в собственных именах; г) тенденцию к замене суффикса прош. вр. *-в* через *-л*.

Характеризуемый здесь говор легче доступен для наблюдения в семейной обстановке, так как все население двуязычно: большинство хорошо владеет русским языком.

СОДЕРЖАНИЕ

С. С. Высотский. О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.) 3

П. С. Кузнецов. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора 72

В. И. Лыткин. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский 128

А. Б. Шапиро. Типы безличных предложений в русских говорах . 202

В. А. Малаховский. Новые данные о говорах Куйбышевской области 217

Р. И. Аванесов. Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле . 242

В. И. Чернышев. Говор города Осташкова 261

В. Н. Сидоров. Об одном тульском говоре с гласной *е*, не изменившейся в *о* 277

А. Н. Гвоздев. Говор с. Кануевки Безенчукского района Куйбышевской области 290

А. М. Бескровный. Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области 312

ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА БИБЛИОТЕКА МО. ЯЗ. И МЫШЛЕНИЯ АН. СССР

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор Издательства *В. М. Васильева*. Технический редактор *Е. В. Зеленкова*.
Корректор *Н. Н. Шкуратова*. Обложка художника *М. М. Малкина*.

РИСО АН СССР № 3050. А-09109. Издат. № 1530. Тип. зак. № 1257. Подписано к печати 23/VII 1949 г. Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 16,75. Тираж 3000. Цена 15 руб.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

15 руб.